

САГА О БЛАГОРОДНОМ ВАРВАРЕ

КОНАН

БЕГСТВО
ОТ СМЕРТИ

Роланд Грин
Леонард
Карпентер

С мечом
против
Ветра

**Я люблю посещать новые
города, знакомиться
с новыми людьми...**

ЧИНГИСХАН

САГА О БЛАГОРОДНОМ ВАРВАРЕ

КОНАН

БЕГСТВО ОТ СМЕРТИ

Роланд Грин
Леонард Карпентер

Санкт-Петербург
Издательство "АЗБУКА"
Книжный клуб "ТЕРРА"

1997

ББК 84.7 США
К 26

Roland Green. And the Gods of the mountain
Leonard Carpenter. The great
© 1993 By Conan Properties, Inc.
Copyright © 1989 By Conan Properties, Inc.

Конан Великий

роман

Карпентер Л., Грин Р.

К 26 Бегство от смерти: Романы/Пер. с англ.
В. Правосудова, А. Митрофанова. — СПб.: Азбу-
ка — Терра, 1997. — 448 с.

ISBN 5-7684-0291-8

Книга о новых и удивительных приключениях киммерийца
Конана.

ISBN 5-7684-0291-8

© «Азбука» — «Терра», 1997

Глава 1

ПОБЕДА

Широко раскинулась покрытая изумрудным ковром травы долина реки Тайбор. Эта долина, оказавшаяся на стыке границ трех хайборейских королевств — Аквилонии, Немедии и Офира, — была самой короткой, но и самой опасной дорогой между столицами. Многие столетия оспаривали соседи право владения этой плодородной землей.

И вот, в очередной раз на шелковистом ковыльном ковре, лишь кое-где рассеченном кронами отдельно стоящих деревьев да небольшими зарослями кустарников, выстроились, словно цветная мозаика, квадраты и прямоугольники отрядов трех грозных армий.

Под ярким солнцем сине-голубыми каплями колыхались на легком ветру плащи императорской армии Офира — пехота, колесницы и стремительные всадники. Войска, подойдя к полю боя с юга, сверкая четкими созвездиями горящих на солнце шлемов и наконечников копий, под ритмичную мелодию, выводимую флейтами, и под барабанную дробь приближались к строю союзников.

В свою очередь, эти полки, неся на себе внушительную тяжесть доспехов, выступали под песочно-желтыми знаменами Немедии. Ощетинившись полукруглыми лезвиями алебард, они разворачивались в боевой строй, войдя в долину с севера. В центре немедийской армии выделялась фаланга закованных в тяжелую броню рыцарей с украшенными черными лентами копьями. За грозным частотолом зазубренных наконечников и островерхих шлемов можно было рассмотреть седовласого и седобородого воина — короля Балта.

Некогда сила, разум и воля привели офицера немедийской армии Балта на трон родной страны. Кожаные доспехи с нашитыми железными бляхами напоминали о боевом прошлом короля. Правда, с тех пор сталь была покрыта гравировкой и тонким золотым узором, как и старый щит короля, на стальной поверхности которого умелый мастер вытравил кислотой и залил золотом изображение герба Немедии — остроклювого грифона с когтистыми лапами. Сейчас этот щит находился в руках у одного из оруженосцев монарха; шлем же Балт держал перед собой на седле.

Почетный эскорт короля Балта проследовал в тылу развернувшихся к западу полков и батальонов, с тем чтобы выйти навстречу другой внушительной кавалькаде рыцарей в блистающих доспехах, с разноцветными плюмажами на шлемах, а также сверкающих бронзой отделки колесниц. Этот отряд был почетной охраной юного лорда Малвина, грозного офирского генерала, самозванно провозгласившего себя Повелителем страны.

Малвин до сих пор не объявил себя королем Офира, отчасти из-за того, что не был уверен, является ли королевский титул более значительным, чем звание Повелителя. Однако это не помешало ему наложить лапу на все земли многочисленного офирского народа и присоединить к ним кое-какие еще, в частности — едва ли не половину тех заливных лугов, которые сейчас топтали солдаты трех армий. В свой почетный эскорт Малвин включил множество офирских баронов, герцогов, маркизов и прочих дворян, чьи солдаты влились в войска Повелителя.

Малвин восседал на белоснежном скакуне, защищенном от клинков врага серебристой кольчужой. Упряжь и стремяна украшали крупные сапфиры. Сам же Малвин был облачен в стальные латы, идеально подогнанные по его фигуре, чтобы как можно меньше стеснять движения. Ни единый узор, ни единое украшение не нарушали гладкой, отполированной до блеска поверхности доспехов, как нельзя лучше соответствовавших командующему армией, которая именно под его руководством становилась одной из самых быстрых и грозных в мире.

Повелитель Офира нашел в лице немедийского короля верного союзника в деле борьбы с западным соседом —

Аквилонией — за этот лакомый кусок плодородной земли, лежащей к тому же на пересечении речного и сухопутного караванных путей. Когда два почетных эскорта приблизились друг к другу, оба правителя выехали вперед и подняли руки в приветственном жесте.

Их встреча — яркое, картинное зрелище, сопровождаемое множеством красок разноцветных знамен, плюмажей и штандартов свиты — вызвала бурю восторга у обеих армий, развернувшихся на месте, чтобы не пропустить такую сцену. Многие тысячи глоток проорали громогласное «ура!» командирам. Приветственный клич прокатился по всему выгнувшемуся дугой фронту, начиная от стоящих на южном фланге стрелков из Шема, включая бесчисленные когорты крестьян и ремесленников-ополченцев и кончая замыкавшими строй на севере заморийскими наемными эскадронами.

Великолепен был вид обеих армий и обоих монархов; славна была их цель; но путь к ней преграждало одно маленькое препятствие — красные, черные и зеленые квадраты легионов и когорт армии, противостоящей им.

Эти отряды вышли на поле боя с запада, перейдя оставшуюся за их спиной реку Тайбор. Сводное войско гордой Аквилонии состояло из закаленных в боях легионов из столичного гарнизона — Тарантии и второго крупнейшего города страны — Шамара, совершивших скоростной марш-бросок с северных окраин державы гундерийцев и одетых в зеленый лесной камуфляж боссонцев, срочно отозванных с границы Пустоши Пиктов. Тысяча-другая всадников и дюжина тысяч пехотинцев аквилонской армии казались лишь небольшим дополнением к лесу копий, алебард, частоколу мечей и стене щитов, уже собранных на востоке долины Тайбора.

Аквилонские офицеры заняли свои места в строю. Лишь небольшая группа стражников окружала единственное развевавшееся над армией золотое знамя, под которым восседал на коне легендарный командир — король Конан. Он, судя по его внешности, вовсе не был аквилонцем по рождению; скорее всего родиной черноволосого, могучего варвара были далекие ледяные горы северной Киммерии. Горячий вороной конь прекрасной замбулийской породы — Шеол — нетерпеливо потряхивал

угольно-черной гривой. В тон масти скакуна и шевелюре всадника чернела на солнце вороненая сталь кирасы — доспеха Черных Драконов, элитной дворцовой стражи аквилонского правителя.

Конан был не из тех, кто позволил бы сговорившимся противникам вырвать у него из-под носа лакомый кусок аквилонской земли. И хотя его армия явно уступала по численности объединенным войскам противника, боевого духа аквилонским солдатам было не занимать. Наконец, выбрав время для начала атаки — момент встречи двух враждебных королей, — Конан поднял над головой меч и громовым голосом скомандовал: «Вперед!»

Герольды условным сигналом подтвердили его приказ. Звук фанфар практически слился с первым звуком самого боя. Воздух наполнился свистом пущенных залпом в сторону противника аквилонских стрел.

И хотя часть стрел вонзилась в землю или была отражена щитами неприятеля, в целом слава боссонских стрелков была подтверждена: в первых шеренгах вражеского строя появилось множество зияющих брешей. Оставшиеся в живых явно не были готовы к такому повороту дел — было ясно, что лишь страх наказания заставлял их стоять на месте, а не отступить подальше от этого смертоносного дождя.

Еще дважды шквал стрел обрушивался на противника, затем пришел черед аквилонской кавалерии. Сквозь открывшиеся в строю стрелков проходы проскакали знатные тарантийские воины и опытные, бывалые всадники из провинции Пойнтэйн. Тысячекратно повторенная дробь копыт заставила содрогнуться почву долины.

Настал черед проявить себя стрелкам из Шема, рассыпавшимся перед строем офирцев и немедийцев. Их короткие, толстые луки быстро перезаряжались и легко натягивались, но против закованных в сталь и несколько слоев кожи, быстро движущихся целей оказались малоэффективны. Почти без потерь неслись аквилонские эскадроны к вражескому строю. Всадники пригнулись к гривам скакунов и грозно выставили вперед, параллельно земле, свои копья.

Словно гигантская океанская волна ударилась о гранит прибрежной скалы — это аквилонская конница со-

мкнулась с уже поредевшим от стрел строем противника. Выставленные пехотинцами вперед копья и алебарды выбили из седел лишь считанных всадников. Оставив копья в груди пронзенных, подчас насквозь, солдат, рыцари ворвались в глубину строя и мгновенно выхватили мечи, боевые топоры и палицы. Умело действуя этим оружием, они прорубали широкий проход для своей пехоты — в основном гундерийцев в красных куртках, — которая с боевым кличем бегом следовала за своей кавалерией.

Вновь у шемитских стрелков появился шанс проявить себя. На этот раз их стрелы поражали слабо защищенные цели с большей эффективностью. Но тут перед стрелками возникло новое препятствие: неожиданно для них между их строем и противником появилась с флангов объединенная кавалерия офирцев и немедийцев, полностью перекрыв сектор обстрела.

Всадники союзников, увидев, что атака аквилонцев нарушила все их планы и заставила дрогнуть пешие когорты офиро-немедийского войска, решила отчаянной контратакой с флангов переломить ход боя и наказать дерзких аквилонцев.

Но этот примитивный маневр не достиг своей цели, ибо кавалерия оказалась слишком близко от хладнокровно-жестокых боссонских стрелков. Помолившись своим мрачным северным богам с ледяными глазами и поблагодарив их за столь удачно и вовремя появившуюся цель, стрелки натянули свои луки. На этот раз дело не ограничилось тремя залпами — боссонцы от души повеселились. Словно на состязании в меткости, нет, скорее, как на хорошей тренировке, их стрелы находили места стыков пластин офирских доспехов, отсутствующие или проржавевшие и не замененные звенья немедийских кольчуг, вонзались в шею рыцаря там, где шлем чуть-чуть приподнимался над воротником доспеха. Если же угол был подходящим, то остро отточенный наконечник идеально отполированной и отбалансированной стрелы просто-напросто протыкал стальную броню с силой, которой хватало еще и на то, чтобы, вонзившись в грудную клетку противника, застрять в его сердце.

Боссонцы, соседи по строю, умудрялись даже наскоро заключать между собой пари перед очередным выстрелом.

Подчас стрелки действовали на пару — не один всадник, почувствовав попадание стрелы в кольчугу, успевал лишь удивиться, а затем получить вторую стрелу в глаз прямо сквозь щель забрала. Некоторые рыцари, сжав предсмертным напряжением пальцев поводья, продолжали скакать, оцетинившись в одно мгновение дюжиной пущенных одновременно, под довольное улюлюканье стрел. Другие, оставаясь живыми, скакали по инерции, уже не способные воевать — их руки были насквозь пробиты стрелами и прикованы к груди, ноги — к лошадиным бокам, а порой и язык — к челюсти.

Неизвестно, уцелел бы в этой бойне хоть кто-нибудь из бросившихся в атаку рыцарей, оказавшихся под прицелом боссонских стрелков, но судьба пощадила несколько десятков всадников, прекратив эту пытку лишь затем, чтобы подставить их под удар другой силы: на поле боя появился резерв аквилонцев — кавалерийский полк, ведомый в бой самим королем Конаном.

Опытный воин, аквилонский правитель безошибочно верно рассчитал время начала атаки. Оставшиеся в живых рыцари противника уже не представляли серьезной силы и были мгновенно сметены Черными Драконами. И тогда, пронесаясь галопом за спинами яростно сражающихся гундерийцев, резервный полк ворвался в еще не закрытый пехотой противника проход в его правом фланге, из которого и начала свою неудачную контратаку кавалерия офирцев и немедийцев. План Конана был ясен — проникнуть в тыл неприятельских войск, пробиться к самому их центру.

Препятствием к этому могли бы стать стрелки, нанятые офирами в Шеме. Но их стрелам, выточенными из дуба, в отличие от северного тиса, не хватало пробивной силы. Увидев, как малоэффективно оказалось их оружие против тарантийской стали, стрелки дрогнули. Их второй залп, несмотря на сократившееся расстояние до цели, был куда менее дружным и точным. Третий же и вовсе больше походил на бесцельную конвульсию стрелков, отчаянно бросивших луки и схватившихся за рукоятки бронзовых мечей.

Кавалерия ворвалась в строй шемитских солдат, подмяла их своими подкованными копытами. Не единожды

длинные мечи аквилонских всадников с одного взмаха сносили две, а то и три головы вражеских солдат. Против закованных в железо всадников, вооруженных длинными стальными клинками, короткие бронзовые мечи шемитов оказались еще более бесполезными, чем их луки. Наемники из Шема, те, кто не погиб под безудержным натиском аквилонцев, бросились врассыпную. Убегая с линии атаки кавалерии, они врывались в соседние когорты, нарушая их строй и заражая своей паникой.

Словно раскаленная игла, черно-красный строй аквилонцев вонзился в сине-голубую массу офирской армии. Еще не все отряды в коричнево-песочной немедийской форме поняли, что происходит, а передовой эскадрон аквилонцев уже прошел большую часть пути до намеченной цели.

Вырвавшись на простор в тылу офирской армии, Черные Драконы обнаружили, что пышно разукрашенные церемониальные фаланги обоих вражеских монархов изрядно поределли. При дальнейшем приближении выяснилось, что сами доблестные рыцари — защитники Балта и Малвина — позорно бежали, оставив вместо себя оруженосцев, свиту и гвардейцев-охранников.

Король Конан добился главного: оставшись без офицеров, без управления, вражеский строй дрогнул, а вскоре его отступление превратилось в беспорядочное бегство. Рассыпавшийся строй, бегущие солдаты — все это представляло собой легкую цель как для гундерийской пехоты, так и для тарантийской и шамарской конницы. Подтянув поближе боссонцев, Конан приказал начать преследование противника по всему фронту.

Глава 2 НА ПОЛЕ БРАНИ

Ночь, мрачная укрывательница черных деяний смерти, набросила свой плащ на долину Тайбора, словно сомкнув навеки глаза павших воинов. Но вскоре серебряное око ночного божества почти полным диском поднялось над горизонтом, заливая долину своим ледяным

безжизненным светом, обнажая то, что смерть хотела бы скрыть до тех пор, пока трупы не обезобразят до неузнаваемости тлен и воронье. Словно борясь со слабым холодным лунным полусветом, тьма затянула небо дымом, шедшим от горящих по краям долины деревень. Их подожгли отступающие, не желая оставлять противнику ни единого целого дома. Так, в борьбе холодного света и горькой, едкой тьмы протекала ночь.

Вслед за луной, с востока на поле боя вышла одинокая тень, пустившаяся в извилистый путь среди груд человеческих и лошадиных трупов. Эта тень могла показаться духом сражения, усталым от войны богом или же... самое невероятное предположение оказалось истиной: по долине, шатаясь от усталости, преодолевая боль от многочисленных ран, брел человек в изорванной одежде, в изрубленных и исколотых вражеским оружием доспехах. Без шлема, с рассыпавшейся по плечам гривой черных волос, он брел по полю с длинным мечом в руках. Вышшего качества, королевский по стали и украшению клинок был иззубрен и покрыт слоем запекшейся крови, смешанной с грязью. Одинокий воин, с трудом удерживая меч, пошатываясь, брел по долине, обходя совсем непреодолимые завалы из трупов.

Неожиданно он остановился и прислушался: до его ушей донесся слабый, нечленораздельный стон. Сориентировавшись на звук, одинокий воин подошел к еще живому, смертельно раненному офирскому пехотинцу. Солдат в синем плаще был пронзен копьем насквозь. Стальной наконечник вошел в его живот и, выйдя из спины, пригвоздил несчастного к земле. Остроконечный шлем офирца был отброшен в сторону, а земля в пределах досягаемости его рук изрыта в бессильных попытках освободиться. Услышав шаги, солдат в последнем усилии поднял голову и, давась собственной кровью, заливавшей ему рот и стекавшей по подбородку, прохрипел:

— Добей меня... Во имя Митры, я молю тебя о милости... добей...

Его отчаянная мольба была оборвана ударом меча, вонзившегося ему в горло. Пусть и не очень точный, удар все же сделал свое дело; когда тело офирца перестали

бить последние судороги, одинокий воин выдернул меч из его шеи и побрел дальше.

Некоторое время спустя его внимание привлекло какое-то движение среди мертвых тел. Тяжелыми шагами воин приблизился к шевелящемуся человеку — здоровяку-гундерийцу, чей живот был наискось вспорот ударом алебарды. Не издавая ни звука, если не считать тяжелого, хриплого дыхания, обезумевший от боли, обреченный солдат продолжал бороться. С того места, где его настиг удар врага, он прополз несколько шагов, волоча по траве вываливающиеся из живота внутренности.

Иззубренный клинок описал в воздухе широкую дугу и, задев край шлема обреченного солдата, вонзился в его шею, застряв в кости у основания черепа. Милосердному палачу пришлось немало потрудиться, чтобы освободить свое оружие. Отдышавшись, он оперся на клинок и оглядел поле боя, гадая, сколько еще несчастных — его верных подданных и попавших в жестокую мясорубку солдат противника — дожидается последней милости среди гор трупов и перепаханной лошадиными копытами земли. Казалось, чувство, сходное с паникой, охватило одинокого воина; пошатываясь, он, словно на ходулях, пошел по полю, перешагивая через мертвые тела, спотыкаясь о них и озираясь по сторонам.

Обходя громаду перевернутой колесницы, он вздрогнул, услышав обращающийся к нему голос, в котором не было ни боли, ни отчаяния, ни ужаса:

— Эй, ты, палач обреченных, меня не трогай! Пощади меня во имя Крома, Мананнасоса, Митры или кого там еще, во чье имя ты устроил это пиршество освобожденных от страданий душ.

Чертыхнувшись, усталый воин присмотрелся и обнаружил говорившего. Плотно сложенный, с некрасивым лицом, он лежал на земле в тени перевернутой колесницы. Опасности он представлять не мог — тяжелый бронзовый поручень придавил нижнюю часть его тела и, под весом платформы, даже ушел в землю. Но голос — ясный и четкий, несомненно, бесстрашно-дерзкий... как он мог быть таким у смертельно изуродованного человека? Не найдя ответа на этот вопрос, воин с мечом неуверенно ухмыльнулся:

— Пощадить тебя? А зачем? Я ведь солдат, а не торговец рабами. И мой долг честного воина — облегчить последние страдания моих товарищей и противников. Впрочем, все они мне братья, братья по оружию, соратники по единому воинскому братству. И как знать, быть может, когда-нибудь такой же милосердный клинок поможет обрести вечную жизнь моей душе простого солдата, избавив ее от лишних мучений.

— Простого солдата, говоришь? — переспросил человек, лежавший под колесницей, и в его голосе дерзость смешалась с издевательской насмешкой. — Нет, врешь, никакой ты не солдат! Ты — король!

Это слово прокатилось над долиной, словно заставив встrepенуться тех, кто в действительности уже много часов не слышал ни единого звука из этого мира. Хотнув, незнакомец продолжил:

— Король Конан Кровавые Руки! Конан Обагрeнный Топор, венценосный палач из Аквилонии.

Придавленный колесницей человек, однако, показывал чудеса жизнестойкости. Выкрикивая свои титулы-оскорбления, он успевал еще и корчить выразительные рожи, жутковато смотревшиеся на его лице, прикрытом чуть не до глаз не по размеру большим шлемом.

— И как король, ты, деспот-иностранец, можешь не утруждать себя исполнением долга простого солдата. Разве тебе об этом еще не говорили? Не забывай же, ты — король, и для тебя писаны совсем другие законы!

— А ты, однако, неплохо знаком с обычаями королей. — Уставший, израненный Конан не стал отпираться или подтверждать верность догадки незнакомца. — И все же я, пожалуй, избавлю тебя от лишних страданий, которые ты, впрочем, переносишь весьма достойно. И моя душа будет тогда еще чуть более спокойна.

— Страдания? Нет, король-мясник, я ведь даже не ранен. Я слишком доблестный и умелый воин, чтобы быть раненным даже твоими трусливыми, целящимися в спину стрелками.

Незнакомец выразительно закатил глаза и протянул к королю обе руки, показавшиеся несоразмерно короткими по сравнению с коренастым, закованным в латы телом.

— Я бы продолжал сражаться и сейчас, если бы эта проклятая колесница не придавила мне нижние пластины доспеха. — Незнакомец показал рукой на то место, где бронзовый поручень вдавил в землю на уровне бедер веер металлических полос. — Это же просто дешевая подделка, а не настоящий боевой доспех, выданный мне накануне похода с одного из дворцовых складов Янты. Столь велико было мое желание участвовать в сражении, что даже жестокосердный старый король Балт не смог отказать мне. Лорд Малвин предоставил мне эту колесницу... Вот ведь пакость какая приключилась — приличного возничего у него, видите ли, не нашлось!

— Кром, да ты, как я понял, — карлик!

Конан, сообразив, в чем дело, вставил острие меча между пластинами придавленного доспеха и, надавив, перерезал изнутри кожаные застёжки. Словно птенец из скорлупы, из вскрытого доспеха выкарабкался маленький человек.

— Ну, наконец-то свободен! — воскликнул карлик.

Распрямившись в полный рост, он едва доходил Конану до середины бедра.

— А вот и мой грозный меч — Разящий Сердца! Все это время он лежал почти рядом, но за пределами досягаемости. Теперь он снова в моих руках!

Карлик схватил валявшееся где-то под колесницей подобие меча размером чуть больше среднего кинжала и воинственно потряс в воздухе своим потешным оружием, соорудив грозную физиономию.

— Ну что, как будем биться? — вызывающе обратился он к Конану.

— Битва окончена, маленький человек. Твоя сторона проиграла ее.

— Что? Не может быть — такой позор на мою голову! И все же, — встrepенулся карлик, — еще рано говорить о том, что война окончена, и провозглашать имя победителя.

Карлик замахал своим клинком, но его рука была тотчас же перехвачена стальной рукой Конана, который легко забрал опасную игрушку из разжавшегося кулачка.

— Поаккуратнее, малыш, — сказал киммериец. — Кстати, как зовут тебя, урод?

— Сам поаккуратнее, — огрызнулся на него карлик. — Соображай, с кем говоришь. Мое имя — Делвин, да будет тебе известно. Я служу — или служил — королевским шутом при дворе Балта в Бельверусе. Стоит ли отнестись мою службу в прошлое, зависит от того, жив ли старина Балт и согласен ли он вновь затребовать мои услуги.

Под доспехами у карлика оказался шутовской костюм, отлично сшитый из дорогого шелка, что подтверждало его ссылки на высокую должность.

— Балт? — переспросил Конан. — Он жив, несмотря на все мои усилия, как, похоже, и его приятель Малвин. По крайней мере, я отдал своим солдатам приказ не убивать командующих вражескими армиями, а брать их в плен живыми, что, впрочем, не удалось.

— Это позволяет предположить, — с преувеличенно скорбной миной изрек карлик, — что оба они давно бежали с поля боя. Да, старина Балт давно уже не тот бравый вояка, каким он некогда был. А что касается Малвина, то об этом самодовольном ничтожестве я и говорить не хочу. Ах, какая жалость, что я обречен служить таким слабакам! В наши дни не часто встретишь короля, который готов умереть на поле брани во главе своей армии, который ухаживает за смертью, как за невестой, и, наконец, обручается с нею. Впрочем, судя по тому, что я о тебе слышал, ты — Конан Коновал — один из таких.

Смиренно склонившись перед тенью Конана, отбрасываемой лунным светом, карлик взмолился:

— Верни мне мой верный клинок, Разящий Сердца, благородный король!

— Нет, приятель. Ишь чего захотел. — Конан засунул оружие шута за ремень, а сам выдернул из земли свой меч. — Я тебе отдам твой тесак, а ты возьмишь да и ткнешь меня в коленку. Пойдем-ка лучше со мной, мой храбрый Делвин, я объявляю тебя своим пленником. — Конан прикинул дальнейший путь через завалы трупов и, глубоко вздохнув, зашагал по полю. — Как знать, быть может, я сторгуюсь с твоим старым хозяином, и он выкупит тебя за три твоих веса золотом.

— Невыгодная будет сделка, уверяю тебя, — заявил Делвин. — Я стою три *твоих* немереных веса золотом,

если не больше. Впрочем, этот старый скряга в жизни не даст за меня и одного моего веса... серебром. Он не станет признавать, что я — истинное сокровище, скорее этот болван заявит, что я проклят, что я обрек его на это позорное поражение. И все из-за того, что я советовал ему решить этот территориальный спор единственным достойным путем.

— Король Балт, видать, и впрямь повредился в уме, если нуждается в советах того, кто по определению — дурак.

Конан обошел одиноко стоящий дуб, нижние ветви которого были срублены клинками, а ствол с западной стороны утыкан стрелами. Неожиданно король остановился и сказал:

— Это еще что? Всадники... Знаешь, приятель, если это мои враги, то у тебя еще есть шанс обрести свободу.

Конан выбрал позицию спиной к широкому стволу дуба и поднял меч, но вскоре опустил оружие, ибо стало ясно, что кольчуги троих всадников были черны не только из-за слабого лунного света, а в основном потому, что были сделаны из вороненой стали, из которой ковались доспехи Черных Драконов.

— Слава Митре! — раздался знакомый голос. — Это же король! Он жив!

Остановив коня, всадник легко и бесшумно спрыгнул с него, не дрогнув под немалым весом брони, и встал перед королем на одно колено. Конан протянул ему руку. Остальные двое всадников также рухнули на колени перед монархом.

— Ладно, хватит церемоний, Тросеро. — Конан сильно потянул рыцаря за плечо, заставляя того встать на ноги. — Кости Крома. Знаешь же, что я не люблю этого.

— Слушаюсь, ваше величество. — Граф Тросеро вскочил и привычным движением снял с головы шлем, прижав его левым локтем к груди. Красивое широкоскулое лицо графа выражало все еще недоверчивое облегчение. — Мой господин, если бы вы знали, чего мы натерпелись за эти несколько часов, пребывая в неизвестности по поводу вашей судьбы. Мы уже стали гадать, что делать, если окажется, что у Аквилонии больше нет короля, и начали обдумывать, как нам придется отдавать

полцарства за то, чтобы выкупить вас, если вы оказались в плену. Какое счастье, что вы нашлись, ваше величество... простите меня...

На глаза сурового воина набежали слезы, и он вдруг снова, опустившись на одно колено, припал губами к руке своего повелителя.

— Прекрати, Тросеро! Я тебя предупреждал...

С этими словами Конан дружески хлопнул графа по плечу, от чего тот, казалось, на полвершка погрузился в землю.

— Вот это король, я понимаю, — заметил за спиной киммерийца Делвин. — Тот, кого так обожают подданные, армия, — далеко пойдет.

— Чушь, — бросил Конан через плечо. — Попридержи язык, гном. Я уже далеко зашел.

— Но Тросеро говорит истинную правду, ваше величество, — подтвердил один из рыцарей, поднимаясь с колен. — Наше отчаяние было беспредельно.

На Делвина он обратил внимания не больше, чем на ребенка, некстати, но не выходя за рамки терпимого, вмешавшегося в разговор.

— Мы действительно страшно перепугались, найдя лорда Эглина и трех ваших телохранителей изрубленными на куски в трех лье отсюда. Больше никто не мог прояснить вашу судьбу, — вступил в разговор третий рыцарь.

— Значит, и Эглин погиб. — Конан сжал кулаки. — Мы попали в засаду, преследуя убегающих со всех ног Балта и Малвина. Эти двое даже не соизволили остановиться, чтобы принять бой вместе со своими телохранителями. Верный Шеол, трижды раненный, вынес меня и вновь спас, но, не пройдя и пол-лье, рухнул на землю. Какой был конь! — Монарх покачал головой. — Ладно, уйдя от погони и оставшись без лошади, я побрел обратно к нашему лагерю, вступая в бой с отступающими солдатами противника, где было возможно, и прячась, когда они встречались мне большими группами. Так я добрел до поля боя, где чуть задержался, выполняя последний воинский долг по отношению к смертельно раненым... — Конан замолчал.

— А где ваша корона, мой господин? — спросил Тросеро.

— Да ну ее! Когда оказываешься один среди врагов, становится не до побрякушек. Заметят, кто ты такой, — так ведь не убьют в открытом бою, пусть даже десять против одного, а попытаются в плен взять. Этого мне еще не хватало. — Конан почесал в затылке и добавил: — Я засунул корону в грудь трупов неподалеку от того места, где остался лежать Шеол. Надо будет послать кого-нибудь поискать ее. Штука-то дорогая, да и древняя, как-никак.

— Ваше величество, — голос Тросеро был полон почтения, но тверд, — позвольте мне обратиться к вам как к старому другу... Слушай, Конан, не слишком ли ты рискуешь, лично возглавляя погоню в тылу противника? Я давно тебя знаю, привык к твоим выходкам, но пойми: ты — король, и для тебя было бы разумнее побереечь себя...

— Что, Тросеро?! Чтобы я сидел в тылу, как эти трусы — Балт и Малвин, прячась за спинами своих солдат... Возьми свои слова обратно, старина. В конце концов, что ты имеешь в виду: что я старею и уже не гожусь на то, чтобы сражаться бок о бок с моими подданными? Нет, Тросеро, я еще вполне сносный вояка, и до сих пор никому пока не удавалось это опровергнуть.

— Да я не об этом, ваше величество... Пойми же ты, Конан: никто не хочет тебя оскорбить, наоборот, тебе все время долбят, что ты слишком дорог и ценен для аквилонского народа, чтобы рисковать своей жизнью в бою. Вполне достаточно будет твоего руководства сражением; вовсе незначея самому махать мечом.

— Нет, Тросеро, ты слишком многого от меня хочешь. После долгой тоски во дворце, после всех этих дурацких дел, которыми я занимаюсь от зари до зари, — мне нужна разрядка, действие. Только так я могу вновь почувствовать себя молодым. — Тряхнув черной шевелюрой, Конан добавил: — Ты даже не представляешь, как я хорошо себя чувствую сейчас, несмотря на все эти раны и ушибы. Поймите вы все, наконец, я не только король, я еще и воин! Эти два качества во мне неразделимы. Умри солдат — и правителю тоже скоро конец.

— Я понимаю, ваше величество, — склонил голову граф. — Мне следовало предположить, что вы рассматриваете это дело с точки зрения чести и благородства. —

Протянув Конану поводья, Тросеро добавил: — Вот вам мой конь, ваше величество. Чем скорее вы обрадуете наших солдат своим появлением — тем лучше.

— Согласен, Тросеро, но ты мне сразу же понадобишься. Я возьму лошадь Ставро, — кивок Конана был с готовностью принят одним из спутников графа, — которому, увы, придется прогуляться до лагеря пешком.

— А как же я, о могучий король? — взмолился Делвин, выразительно заломив руки. — Мои ноги едва ли выдержат на равных с ногами доблестного рыцаря прогулку по столь пересеченной местности, не говоря уже о том, чтобы угнаться за вашими скакунами. К тому же я остаюсь здесь безоружным! Или это означает, что я должен буду сам искать дорогу на Бельверус?

— Нет, шут, разумеется, нет. — Конан не мог скрыть улыбки при виде патетических жестов и ужимок карлика. — Ты ведь мой единственный трофей после этой битвы! Тросеро, не возражаешь, если этот великан поедет на крупе твоего коня, как мешок с репой? Вот так, лорд Ставро, именно таким образом. Положили? Привяжите его, чтобы болван не потерялся по дороге.

Лица солдат и офицеров, сидевших у костров, были мрачны и суровы. Не было слышно ни веселых песен, ни радостных криков — ничто не напоминало лагерь армии, одержавшей победу в сражении.

Раздался цокот копыт. Все замолчали и подняли головы, прислушиваясь к окрику часового. Наконец послышались возгласы:

- Это граф Тросеро... а с ним... а с ним — король!
- Митра и Кром! Король жив!
- Король вернулся!
- Конан жив, и наша победа окончательна!

Навстречу королю бросился высокий стройный офицер, принявший повод коня из рук монарха. Заметив кровь на руках Конана, он вместо положенного приветствия воскликнул:

- Ваше величество, вы ранены!
- Ерунда, мой верный Просперо! Это всего лишь царапины.

Спрыгнув с коня, Конан до хруста в костях сжал плечи своего офицера и с довольным видом сказал:

— Итак, мы победили, хотя и немалой ценой. Но главное — враги надолго отброшены от наших земель, а их кровь и трупы удобряют плодородную почву долины Тайбора, навеки принадлежащей отныне лишь Аквилонии!

Приветствуя остальных офицеров, Конан услышал, как за его спиной Просперо спросил графа:

— А что там у тебя за седлом, Тросеро? Ребенок? Или тайборский тролль?

Конан обернулся и, глядя, как граф стаскивает коротышку на землю, сказал:

— Нет, ребята, добыча еще более редкая. Это карлик, придворный шут короля Балта. Я наткнулся на него, прижатого колесницей, как мышь, которой прищемили хвост. Может быть, он сумеет и нас позабавить.

— Да уж сумею. — Отряхиваясь и разглаживая одежду, Делвин шагнул в круг рыцарей. — Сдается мне, моему старому хозяину будет в ближайшие дни не до моих шуток. Он, скорее всего, будет топить горечь поражения в вине, утешаясь в обществе юных наложниц из гарема лорда Малвина во дворце Повелителя Офира в Янте. — Делвин невинным взглядом обвел подозрительно уставившихся на него офицеров и пояснил: — Я просто слышал, как разрабатывался план отступления на тот случай, если вдруг армия западного короля окажется сильнее доблестных войск союзников.

Офицеры лишь переглянулись, не желая явно соглашаться со словами потенциального шпиона и дезинформатора и в то же время сознавая почти очевидную правоту карлика. Первым нарушил молчание Тросеро:

— Ваше величество, позволю себе напомнить, что необходимо разыскать вашу корону — символ королевской власти.

— Да, разумеется, — ответил Конан. — Я не думаю, что по пути отступления офицеры успели поработать магродеры. Сделаем так: объявим награду — талант золота тому, кто найдет корону, и пусть желающие солдаты попытают счастья. Только одно условие: если начнется поножовщина и выяснение, кто первый нашел корону, — награда будет отменена.

Приказ был передан по лагерю, который тотчас же оживился — желающие разыскать символ государства и, в неменьшей степени, получить награду, вооружившись факелами, отправились на поиски.

Просперо обратил внимание Конана на другое, не менее важное дело:

— Ваше величество, благодаря милости богов и вашему руководству, мы разбили объединенные войска двух противников, нанеся им серьезный урон. Не думаю, чтобы в ближайшем будущем Немедия или Офир стали претендовать на наши земли. Но позволю себе напомнить: к нам на помощь еще идут пехотные роты, снятые с северных фортов, а также новобранцы и обозы со снаряжением из моего родного Пойнтэйна. Прикажете выслать гонцов и остановить их продвижение?

— Нет, Просперо, не нужно разворачивать войска, — сказал Конан, задумчиво глядя в пламя костра. — Я думаю, что наши границы и так достаточно укреплены, и Аквилонии всерьез ничто не угрожает. Но наши восточные соседи нанесли нам серьезное оскорбление; я подумаю, как будет лучше ответить на этот дерзкий вызов, чтобы пресечь любые подобные поползновения в будущем.

Почти до утра тянулось совещание у королевского шатра. И все это время в свете луны и пламени факелов солдаты аквилонской армии искали корону короля, обшаривая заодно трупы павших противников и своих сослуживцев.

Глава 3

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

По стенам королевского дворца Тарантии бешено метались в свете факелов длинные тени. Своды банкетного зала содрогались от выбиваемых барабанами ритмов далеких южных стран. В центре зала перед большим ониксовым столом короля извивались в танце маленькие воинственные танцоры и танцовщицы из Куша. Горящие факелы, сверкающие наконечники копий, шоколадные тела — все смешалось в безумной огненной пляске. Танцоры неслись по кругу, потрясая копьями, перебрасывали

друг другу факелы, между которыми проносились черными стрелами танцовщицы. Звучал ритмичный речитатив, прерываемый яростными криками. Бронзовые наконечники копий скользили по покрытым потом телам, оставляя на коже белые полосы. Казалось, еще немного — и кто-нибудь, сбившись с ритма, наткнется на злое острие, но в последний миг брошенное копье перехватывалось кем-то из танцующих. Когда представление закончилось и танцоры, тяжело дыша, замерли в последней фигуре, — зал взорвался восторженными криками и аплодисментами. Тарантийская знать стоя приветствовала танцовщиков из далекой страны. Сам король Конан встал со своего полутрона за главным столом и крикнул:

— Отлично сыграно, храбрые воины Куша! Такого танца я не видал даже тогда, когда был князем в одной из частей вашего славного государства. И все же я припоминаю одну штуку, которую сегодня вы нам не продемонстрировали.

Опершись одной рукой о мозаичный узор столешницы, Конан одним движением легко перемахнул через гору блюд и кубков на королевском столе и мягко приземлился перед танцорами. Поправив сбившуюся набекрень корону, он вошел в их круг, выглядя великаном по сравнению со стройными кушанцами, и обратился к предводителю:

— Вот это вы, ребята, часом не забыли?

Выхватив из его рук пару коротких копий, Конан закружился в полутанце-полуупражнении на владение этим видом оружия. Бронзовые наконечники описывали сверкающие дуги над его головой, замыкаясь в кольца перед лицом, опоясывали его отражающими пламя лентами. Раздались аплодисменты танцоров и публики, которые киммериец прервал вопросом:

— Думаете, это все? Нет, воины Куша даже в танце ценят не только красоту, но и истинный азарт и риск.

С этими словами он еще быстрее закрутил вокруг себя копья и вдруг каким-то неуловимым движением сорвал их с замкнутых окружностей, метнув одновременно оба смертоносных орудия.

Раздался общий вздох, и уже в тишине два бронзовых наконечника вонзились в спинку королевского кресла, того самого, где еще недавно восседал сам автор точного

броска. Лишь одно копьё сбило в полете высокий кувшин, стоявший на столе, вонзившись в спинку на уровне груди. Второе угодило бы сидящему на этом полутроне точно в голову.

Облегченный выдох гостей прокатился по залу. Послышались восхищенные присвистывания и смех, вызванный реакцией сидевших по соседству с выбранной Конаном целью. Особенно потешно выглядел канцлер Публиус, который в первый момент скатился под стол, а затем — не сразу — появился над ним, бледный как полотно. Ему помогли встать на ноги двое не менее перепуганных слуг, которым еще предстояло собрать рассыпавшуюся по полу с уроненных ими подносов посуду.

В противовес канцлеру, сидевшая по другую руку от Конана его царственная супруга — королева Зенобия, казалось, вообще не обратила внимания на мальчишескую выходку своего мужа. Она лишь поправила волосы и снисходительно улыбнулась. Еще более комичным, по контрасту с ее спокойствием, оказалось появление из-под стола Делвина. Карлик до этого занимал место на углу королевского стола, усаженный слугами на груды подушек, чтобы доставать до столешницы хотя бы на уровне подбородка. Опасность попасть под горячую руку короля он осознал, когда та уже миновала. Успев заметить, как копьё вонзилось в черное дерево спинки кресла, шут с воём скатился под стол, из-под которого с деланной серьезностью вылез лишь через некоторое время, чем немало потешил публику.

— Продолжим же наш пир, — провозгласил, отсмеявшись, Конан и вновь легким движением перемахнул через стол. Здесь ему пришлось прийти на помощь слугам, безуспешно пытавшимся выдернуть глубоко засевшие в спинке кресла копьё. Освободив себе место, киммериец оглядел места попадания и сел, намереваясь немедленно нагнать упущенное за время его отсутствия за столом.

— Что скажешь, Зенобия? — обратился он к королеве, держа в одной руке кусок запеченного мяса, с которого янтарными каплями стекал жир, а в другой — золотой кубок с пенистым вином. — Достойная получилась пирушка по случаю победы? Правда, весело? Столько месяцев во дворце не было ничего подобного!

— Да, Конан, что-то, а пирушка удалась на славу. Впрочем, будь у меня больше времени на подготовку, мог бы получиться настоящий торжественный прием, а не... Однако, я думаю, настоящее торжество теперь не совсем уместно: ведь столько придворных и командиров сейчас отсутствуют, двигаясь со своими отрядами к восточной границе. Что же касается развлечений, этих танцоров — отличный выбор! Восхитительное зрелище.

— И не говори! — согласился с невинным видом Конан, жадно глотая вино. — Кстати, если честно — мой двойной бросок оказался не лучшим. Палица Крома! Нельзя было рисковать тем, что копьё заденет посуду и неточно войдет в цель. Но главное, что меня радует, это то, что ты, моя милая, даже не заподозрила в моих действиях желания сделать из тебя большой шашлык на вертеле. Не то что некоторые... не будем уточнять кто.

Последнее замечание было сопровождено упрекающим взглядом в сторону канцлера Публиуса, который немедленно запротестовал:

— Ваше величество, я, разумеется, приношу извинения за недостаточную убежденность своей веры в точность ваших глаз и рук, но позволю себе напомнить, что подобные игры с оружием едва ли являются традиционным развлечением при дворе аквилонских правителей. Вот почему ваша... э-э... шалость застала меня врасплох. Не то чтобы я усомнился в вашем ко мне добром отношении, но ведь и самого опытного воина порой подводит глазомер... Может дрогнуть и самая сильная рука...

Конан напрягся и, скрывая раздражение, переспросил:

— Не хочешь ли ты сказать, что годы ослабили меня, сделали столь же грузным, тяжелым, а то и столь же трусливым, как ты сам? Так вот, уважаемый канцлер, уверяю вас, вы глубоко заблуждаетесь.

На плечи Конана, успокаивая его, легли ласковые руки Зенобии:

— Ну-ну, дорогой, не стоит так сердиться. Публиус вовсе не хотел тебя оскорбить. Он так же, как и я, знает, как ты любишь все эти штуки, доказывающие твою силу, быстроту реакции и точность движений, и понимает, как тебе необходимо время от времени подтверждать это перед своими подданными.

Чуть успокоившись, Конан вежливо улыбнулся канцлеру и откинулся на спинку кресла. Неожиданно из-за его плеча послышался гортанный голос Делвина:

— Что касается моего поспешного исчезновения в момент вашего восхитительного броска, мой повелитель, я позволю себе объяснить, что оно никак не было вызвано каким-либо чувством, сходным с трусостью. Чистое совпадение, ваше величество. Я как раз собирался достать из-под стола свою лютню, чтобы исполнить для вас победную песню.

— Внимание, победная песня! — Голос Конана прокатился по залу, мгновенно установив полную тишину. — Как нельзя лучше подходит к нашему пиру. И попрошу внимательнее прислушаться к мелодии и словам, ибо сей исполнитель есть не кто иной, как всем известный и весьма профессиональный придурок!

Шутка короля вызвала преувеличенное веселье у присутствующих. Делвин же, не обращая на них внимания, вытащил из-за своего стула внушительных размеров инструмент и вышел на середину зала. Прокашлявшись, карлик взял пару печальных аккордов, чем вызвал молчаливое удивление публики, а затем, перейдя на веселое ритмичное бречанье, объявил название песни:

Скипетр из бычьей кости

Грабитель пришел из-за гор ледяных,
Монарха убил, захватил его трон.
И ныне он царь Аквилонских долин,
Хоть варвара жизнь для него лишь закон.

Убийцей Бесстрашным зовет он себя
И губит без счета коварных врагов.
И бронзу, и сталь Конан рубит сплеча,
Ведь скипетр из кости сильнее клинков.

Песня закончилась, и последние аккорды были встречены гробовым молчанием. Гости не знали, как отреагировать на слова шута, явно ожидая вердикта Конана. Судя по всему, киммериец решил не воспринимать песню

как оскорбление, чем вызвал у присутствующих вздох облегчения. Затем полился водопад комментариев и критических замечаний:

— Весьма примитивный ритм, надо сказать.

— Да, но с другой стороны, налицо немалый вокальный дар...

Канцлер Публиус, обернувшись к королю, процедил:

— Едва ли это служит прославлению величия аквилонской короны. Да и вряд ли такие вирши можно считать достойным отражением нашей значительной победы. Такое событие требует более значительного произведения. Как-никак, празднуется триумф!

— Окончательный ли? — вступил в разговор сидящий за тем же столом граф Тросеро. — Мы пока что не получили от противника ни предложения о заключении мирного договора, ни просьбы о мягких условиях контрибуции.

— Условия? — Конан сплюнул, чем привел публику в ужас. — Я знаю, какие условия я им предложу: на выбор — клинок в горло или копье в их гнилые животы!

— Ваше величество, — осторожно вставил канцлер, — в дипломатии далеко не всегда самым значительным результатом переговоров является смерть противника. Порой лучше оставить ему возможность избежать гибели и при этом воспользоваться тем, что гасит его волю к сопротивлению. Например, наш недавний противник лорд Малвин, скорее всего, был спровоцирован на поход против нас давлением, которое его государство ощущает с востока...

— С востока? — переспросил Конан. — Это из Кофа, что ли?

— Именно так, ваше величество, — терпеливо кивнул Публиус. — Если вы помните, пару недель назад мы уже говорили об этом. Юный принц Амиро, наместник Кофа в Корадже, вот уже несколько лет терроризирует восточные земли лорда Малвина...

— Точно-точно, — вмешался в разговор Просперо, сидевший за королевой. — Амиро, похоже, понимает толк в военном деле, а его амбиции простираются весьма далеко. Не удовольствовавшись ролью правителя

Кораджи, он подчинил себе практически всю Кофийскую империю и стал жадно поглядывать на приграничные земли Офира.

— Слышал я про этого Амиро, — задумчиво произнес Конан. — Но вот скажите мне, дураку, зачем Малвину понадобилось открывать второй фронт, воюя с нами, если на него самого с востока насаждает столь грозный противник?

— А вот это я, с вашего позволения, распишу в лучшем виде. — Гортанный голос карлика прозвучал весьма неожиданно для участников разговора. — Просто старая лиса — король Балт — предложил Малвину взаимовыгодный, по его словам, союз. Сначала Повелитель Офира должен был помочь немедийцам решить в их пользу вопрос с долиной Тайбора, чтобы обезопасить не защищенную горами южную границу королевства, а уж затем мой король клятвенно обещал выставить свои войска и поддерживать снаряжением армию Офира в войне с кофийцами. Однако есть у меня сильные сомнения, что в глубине души он искренне собирался выполнить свои обещания...

— Ах, вот где собака зарыта! — рявкнул Конан и с такой силой ударил кулаком по столу, что даже тяжелый камень вздрогнул, заставив зазвенеть посуду. — Будь прокляты оба эти интригана — Балт и Малвин! Ничего, теперь, когда мы их потрепали, им будет тяжелее противостоять Амиро.

— Полагаю, что принц Амиро думает точно так же, ваше величество, — заметил Публиус. — Его отряды уже начали гонять остатки кавалерии офирцев, столь жестоко пощипанной нашими стрелками.

— Неужели? Откуда же тебе это известно? — Прищурив глаза, Конан хитро посмотрел на канцлера. — Я вижу, ты, сидя в городе, получаешь новости раньше, чем мне их приносят самые быстрые гонцы.

Канцлер пожал плечами:

— Ответ весьма прост, ваше величество. Коринтийский посол при нашем дворе получает известия при помощи голубиной почты. Время от времени кое-кто из несчастных почтальонов попадает не к адресату, а ко мне в духовку. В последнем донесении, перехваченном сегодня утром, сообщается, что кофийские войска идут походным

маршем на офирскую столицу — Янту. Офиры и их союзники немедийцы пока что не предпринимают активных действий.

Делвин ехидно усмехнулся:

— Сидят во дворце оба горе-командира и решают, куда бежать — на восток, на запад, или запереться и держать осаду.

— Во имя Крома, да заткнитесь же вы все, наконец! — заорал Конан и, обхватив голову руками, более спокойно добавил: — Дайте подумать... Это что же получается? Мы тут празднуем, а в это время другая армия, пользуясь нашей победой над офирцами, вот-вот захватит Янту! И кто — этот воинственный, самоуверенный, но неглупый принц Амиро! В качестве соседа он будет куда хуже, чем нынешний фанфарон Малвин.

Придворные закивали головами. Конан помолчал и, поразмыслив, объявил:

— Дело весьма серьезное и достаточно срочное. Но полагаю, что после такой вечеринки нам всем следует отдохнуть, расслабиться. — Киммериец непроизвольно повернулся в сторону королевы Зенобии. — Поэтому я соизволю отложить обсуждение до завтра. Но в полдень я жду вас у себя с вашими соображениями на эту тему... Эй, виночерпии!

Король щелкнул пальцами, подгоняя слуг, и праздник закрутился с новой силой. Когда черед восхитительных блюд подошла к концу, сменившись десертами, в зал вошла вторая группа танцовщиц. Эти девушки уже были знакомы придворным. Красиво подобранные шелка, изящные украшения, умелое профессиональное исполнение страстных танцев — все это отличало бывших наложниц из королевского гарема, который монарх содержал до того, как его сердце было отдано кородеве Зенобии.

Двигаясь в такт зажигательной музыке, девушки закружились в танце. Некоторые легко вспрыгнули на столы и танцевали там, не задев ни единого кубка или блюда. При этом с каждым новым скачком все ускоряющегося ритма одевания танцовщиц словно таяли на их телах, обнажая прекрасную гладкую кожу.

Сам Конан оказался атакован двумя наиболее энергичными танцовщицами. Его глаза горели, пальцы щелкали

в такт барабанам, казалось, вот-вот — и киммериец не сдержит порыва страсти и схватит одну из девушек, чтобы прижать ее к себе в чувственных объятиях. Впрочем, присутствие королевы Зенобии заставляло его сдерживать свои чувства, ограничиваясь лишь восторженными замечаниями в адрес танцовщиц:

— Великолепно, Мора, ты, как и раньше, — в отличной форме, девочка! Эй, Лилит, не перетрудишься! Голова закружится. Иди, иди сюда, присядь ко мне на колени. Давненько мы с тобой спокойно не говорили...

Поглядывая на терпеливо следящую за всем этим королеву, девушки продолжали свой вызывающий танец на минимально безопасном расстоянии от Конана; по первому же едва заметному знаку Зенобии они немедленно переместились подальше, в сторону центра зала, откуда стали соблазнять других придворных.

Вскоре многие из гостей закружились в чувственном танце. Некоторые, преимущественно парами, стали расходиться по бесчисленным залам дворца. Никто даже не заметил, в какой момент зал покинул Конан, крепко обнимающий Зенобию и что-то нежно нашептывающий ей на ухо.

За столами остались лишь слишком пьяные гости, уже не заинтересованные в женском внимании, а также те, кто убежденно сторонился женского общества. Одна из танцовщиц, самая миниатюрная из всего гарема, закончила свой танец в недвусмысленной позе перед стулом Делвина. Карлик гневно завращал глазами и даже замахнулся на девушку лютней, а затем слез с груди подушек и оскорбленно удалился к камину, где провел ночь, не смыкая глаз, пристально глядя на догорающий огонь и тлеющие угли.

— При дворе говорят, что мы с тобой, малыш, — занятая парочка.

Конан сидел за письменным столом в кабинете Восточной Башни его дворца, слушая, как Делвин перебирает струны лютни. Солнечный свет острыми лучами прорывался сквозь узкие окна-бойницы, освещая свитки

и пергаменты, разложенные на королевском столе. Конан еще раз перечитывал распоряжения и военные приказы, затем подписывал их длинным пером и запечатывал воском из подогреваемого свечой тигля. Поставив свою личную печать, Конан откладывал документ в сторону. Из угла кабинета, где на маленьком стульчике сидел карлик, доносились мелодичные аккорды.

— Это все голоса завистников и ревницев, с которыми ты, король, не проводишь столько времени, сколько со мной, — раздался хриплый голос Делвина. — А ведь это знак судьбы, я имею в виду нашу встречу. Подумать только, если бы не тот неумелый возница, не подобранные наспех доспехи и не благородный порыв короля-варвара, жаждавшего прикончить всех раненых подряд, я, скорее всего, был бы сейчас мертв. Впрочем, мог бы и вновь оказаться в Бельверусе или же в Янте, где развлекал бы еще более тупую, чем здесь, публику из тамошних аристократов и их идиотских подружек.

— И все же есть в нас что-то общее, — отложив перо, задумчиво сказал Конан. — По крайней мере, в том, что у меня тоже подчас бывают проблемы с подбором подходящих по размеру доспехов.

Делвин, вместо того чтобы рассмеяться, выдавил из лютни какой-то безумно фальшивый аккорд и серьезно ответил:

— Это все следствие торопливости старого Балта, не давшего мне времени спокойно подготовиться к походу. Впрочем, старому скряге давно следовало бы раскошиться на персональные латы для меня. Ну посуди сам, что это за правитель, который оставляет самого доблестного из своих воинов без доспехов, без коня и без оруженосца накануне суровой битвы?

— Я думаю, ты за своего короля воевал бы весьма достойно, — с демонстративной серьезностью сказал Конан.

— Так оно и было! — вдохновенно воскликнул карлик.

— Ну да, да, разумеется... Хотя в твоих речах я не слышу ни тени чести или достойного отношения ни к Балту, ни к его еще более презираемому тобой союзнику. — Конан хитро прищурился. — Хотел бы я знать, что ты скажешь обо мне, когда я повернусь к тебе спиной.

Делвин спокойно принял этот вызов:

— Неужели ты еще не понял, о могучий король-кишкорез, что плохо о тебе я и так говорю достаточно много — прямо тебе в лицо?

Конан добродушно усмехнулся:

— Молодец, маленький человечек, хорошо выкрутился. Король умеет ценить откровенность, от шута — в меньшей степени, чем от других. Я готов мириться с твоим острым языком до тех пор, пока не почувствую, что ты шпионишь за мной или замыслишь что-то недоброе. Предателям в моем окружении пощады нет. — Испытующий взгляд монарха впился в карлика.

— Никакого шпионства, мой повелитель. И никакого предательства: ни подлого, ни благородного. — Делвин заерзал на своем стульчике, но не отвел глаз. — Я не нуждаюсь в этом оружии слабых. Ибо на то, как им пользуются Балт и его шакал Малвин, я уже посмотрелся, служа у них. Слабость и трусость, предательство и интриги — вот что погубит королевство. И, признаюсь тебе, так думаю не я один. Такого же мнения придерживаются и некоторые аристократы в Янте, да и кое-кто из немедийских военачальников.

Конан с безразличным видом вернулся к своим пергаментам и, словно невзначай, сказал:

— Да, ты и вправду немало знаешь о нас, правителях. И исходя из твоего опыта, что ты мог бы сказать об этой стране, о моем королевстве?

— Об Аквилонии? Вполне сносное государство, Конан Разбиватель Черепов. Весьма благоразумное и широко мыслящее, раз оно допустило на свой трон столь дикого и необузданного варвара. Странная получилась комбинация: народ, давший высочайшие образцы хайборейской культуры и искусства, с почтением склоняет головы, подставляя макушки под увесистые кулаки неграмотного дикаря.

— Я уважаю искусства, — искренне возразил карлику Конан, — включая твоё треньканье и завывания. Да будет тебе известно, что, став королем, я обучился чтению и письму, да и сам приложил руку к написанию героических песен.

— Для тебя это — бесспорно огромное достижение, особенно по сравнению с другими правителями и генералами, которые обращаются к столь несерьезному времяпрепровождению, лишь оставшись не у дел. Впрочем, увлечение самодеятельностью действующего монарха вполне может служить доказательством его праздности и пресыщенности.

— Что? Это я-то праздный монарх? — Конан не смог удержаться и прервал работу с документами. — Да я кручусь как белка в колесе, несусь во весь опор, галопом, на бешеном скакуне! Еще очень давно я понял, что трон похож на спящего тигра: легче подкрасться к нему и вскочить на него из засады, но удержаться верхом — поди попробуй. А что касается пресыщенности — я всласть наголодался, натерпелся всего в своей жизни, карабкаясь к ее вершине. И вот теперь я действительно имею такую власть, такие сокровища, которых хватит, чтобы пресытить любого человека на земле!

— Очень поучительная лекция, Конан Похититель Кошельков. Впрочем, каждому свое, — пожал плечами Делвин, — и все же, насколько я могу судить, твоя страна — вовсе не какая-то особенная. Туран, например, не менее могуч, чем Аквилония, а далекий Кхитай, по словам путешественников, куда обширнее. Вот я и думаю, случайно ли, что их властители получили от судьбы больше, чем ты в своей варварской жадности, Конан Оскаленные Зубы. Неужели та власть и те деньги, что принадлежат тебе, действительно являются пределом твоих мечтаний?

— Кром тебя подери, обрубок человека! Что ты пытаешься из меня выудить?

Делвин, не теряя самообладания, ответил:

— Я просто хочу выяснить, Конан Душегуб, действительно ли ты — особый король, или же один из многих, подобных друг другу? Ибо на земле немало славных генералов, мудрых жрецов, блестящих мастеров интриги, но, став королями, они ухитряются растерять свои замечательные качества, превращаясь в серую посредственность. Они надевают на себя корону, и выясняется, что все их великие дела остались в прошлом. Монаршья власть становится для них почетной пенсией, уходом от мира со всеми его бурями и неожиданностями. Короли

окружены комфортом и лстивыми придворными, что быстрее всего заставляет их успокоиться и перестать терзаться дерзкими замыслами. Да, для обычного человека комфорт и безопасность — спасительное прибежище в бушующем океане жизни, но для короля они смерти подобны.

Слушая эту тираду шута, сопровождаемую легким перезвоном лютневых струн, Конан ни разу не отвлекся и не пропустил ни единого слова. Переведя дух, Делвин продолжил:

— Что касается тебя, Конан Потрошитель, я полагал, что ты не из тех, кто так быстро сломается, удовольствовавшись достигнутым. В отличие от так называемых «цивилизованных» людей, горячего варвара не так-то легко запереть в золотой клетке. И судя по тому, что я слышал о твоих прошлых похождениях, в тебе можно предположить наличие какой-то особой силы, воли, стремления к новым победам. Зная, как ты, в силу своей провинциальной ограниченности, Конан Потрясающий Мечом, чураешься всякого колдовства, магии или общения со жрецами, остается предположить, что на тебе лежит что-то еще более таинственное — благоволение богов, например, или же, что вполне вероятно, проклятие демонов. Кстати, это было бы единственным убедительным объяснением такого стремительного взлета к вершинам власти человека, донельзя плохо подготовленного к жизни в высшем обществе.

И если действительно боги вели тебя по жизни, то возникает вопрос: зачем? Неужели только для того, чтобы вручить тебе корону и посадить на трон во дворце, где ты будешь весело проводить время с семьей ли, с женщинами, с друзьями, в общем-то живя бесцельной жизнью обыкновенного монарха. Неужели боги так промахнулись? Неужели они столь бестолковы и расточительны? А если нет — то не лежит ли твое предназначение в том, чтобы достичь чего-то большего, чего не добивался еще ни один правитель на земле?!

Ибо этот мир, о котором Конан, не так уж велик, по крайней мере, известная нам его часть. Это же всего лишь большая деревня, где соседи — горстка королей и прочих властителей. Причем сонная, скучная деревня, где живут

усталые, ленивые, пресыщенные люди. И не было еще среди них такого, кто владел бы чем-то большим, чем тот или иной лоскут на этих картах, которые вы, короли, так любите рисовать на пергаментях яркими чернилами и перерисовывать на земле еще более яркой кровью!

— Хватит, хватит, гном! Куда ты клонишь?

— Ваше величество, для меня, дурака, ясно как божий день, что если мир один и един, то и властитель у него должен быть один-единственный. И кто будет лучшим правителем этого мира, чем ты, Конан Деревянная Голова. Разве это не ответ на то, зачем боги подняли тебя из грязи сонма безвестных судеб и ведут по жизни, поднимая все выше и выше?

Долгое молчание предшествовало ответу Конана. Ким-мериец неподвижно сидел за столом, обернувшись к карлику и внимательно глядя на него. Даже в своей непамятной, домашней одежде — серой шерстяной куртке, подпоясанной простым кожаным ремнем с висевшим на нем кинжалом, Конан выглядел истинным королем от макушки до пят. Величественно наклонив голову, он наконец разорвал напряженную тишину:

— И какую же часть этого мира ты оставил себе, маленький человечек? Какой будет твоя доля за участие в моей, отмеченной богами, судьбе?

Делвин вновь ударил по струнам лютни и вздохнул:

— Разве это не ясно вам, ваше величество? Я ведь всего-навсего шут. И единственный шанс для шута стать великим, это служить шутком великого человека, величайшего из королей. И я намерен стать величайшим из шутов, которых когда-либо видел этот мир!

Глава 4

ПРОЩАНИЕ

— Тросеро, мне кажется, что король в последнее время очень озабочен чем-то.

— Да, Просперо. Даже победа в последнем сражении не обрадовала его в той степени, как можно было бы ожидать.

— Он с каждым днем становится все угрюмее. Что же точит его, чем он так мучается?

На террасе одной из башен дворца, где за кубком вина коротали полуденную жару два знатных аристократа, воцарилось молчание. Тросеро покачивался в легком плетеном кресле, установленном у небольшого резного столика, а Просперо, величественно облокотившись на перила, разглядывал дворцовый сад под балконом террасы.

— Сдается мне, что во многом виновато влияние этого отвратительного карлика, которого король слишком приблизил к себе, — заметил Тросеро. — Не доверяю я Делвину, хоть убей.

— Думаешь, он шпионит? — спросил Просперо, подходя к столу и усаживаясь во второе кресло.

— А почему бы и нет? — пожал плечами граф. — Уши-то у него не меньше, чем наши с тобой, в отличие от рук и ног. К тому же он постоянно что-то бубнит Конану, навязывая ему свое мнение.

— Ну, положим, навязать что-либо Конану — дело гиблое, — усмехнулся Просперо. — А с другой стороны, карлик немало рассказал нам о своем прежнем хозяине и его союзнике, и ничто из этого до сих пор не оказалось ложью.

— Естественно: ему ведь нужно завоевать наше доверие. Но сейчас он уже достаточно много знает о наших планах и может представлять опасность, если сбежит. Не потому ли Конан прекратил разговоры о том, чтобы вернуть его в Немедию за выкуп?

— Одно хорошо — карлик явно слишком уродлив и слаб, чтобы оказаться тайно подосланным убийцей. И все равно странно, что король всерьез слушает речи придворного придурка.

— Э-э, не скажи, этот малый вовсе не дурак, и речи его — никак не бред и не шутки. — Допив вино, граф поставил кубок на стол. — У него потрясающий дар распознавать слабости человека и играть на них. Кто знает, какую роль карлик сыграл в поражении своего хозяина в бою? И потом, как он позволяет себе такое хамское обращение к королю... Я нахожу это возмутительным!

— Брось, старина! Это привилегия шута, как тебе известно. Король, особенно такой великий, как Конан,

нуждается в ложке дегтя на бочку медовой лести. А оскорбления и хамство этого недочеловека не обидны и не ранят достоинство монарха. Никому из нас он бы такого не позволил.

— И все равно, слишком много времени король проводит в его обществе. Как знать, что поет Конану в уши этот гном и какая колдовская музыка льется из его глотки...

Просперо в ответ рассмеялся:

— Мой дорогой граф, нельзя же так сомневаться в разуме и чутье своего короля! А что касается колдовства — так наш Конан его за версту распознает. Ну посуди сам — неужели король настолько слабоволен, что поддастся влиянию какого-то карлика? Вот погоди, сегодня на совещании у тебя будет возможность убедиться в том, стали ли рассуждения Конана о политике, дипломатии и военных делах менее здравыми и волевыми. Если это так — мы поговорим с ним. Если нет — пусть веселится со своей игрушкой. Впереди у него и у нас много дел, которые смогут подтвердить решительность и мудрость его правления.

Был поздний вечер или светлая, не похожая на аквилонскую, ночь. Что-то в воздухе, в цвете неба над горизонтом, даже в шуршании ветра говорило о том, что это место лежит далеко от обжитых мест Хайбореи. Лунный серп застыл на полпути к зениту, освещая серебристыми лучами руины какого-то гигантского древнего сооружения. Огромные каменные блоки грудями лежали друг на друге, полуобрушенные колонны вонзались в черное небо... Среди камней завывал ветер, не шевеля при этом ни единой травинки, ибо никакой растительности не удалось пустить корни в этом каменном лабиринте. Даже опавшей сухой листвы нигде не было видно. Помимо слуха, движение воздуха подтверждали лишь пыльные вихри, то и дело поднимавшиеся в каменных закоулках, да рябь на поверхности темного бассейна с низким бордюром, словно гигантский глаз, торчащего посреди развалин.

Одинокая тень медленно пробиралась среди камней, направляясь к бассейну. Она явно принадлежала

жалкому, уродливому подобию человека, словно по злой иронии судьбы оказавшемуся в этой обители забытых богов.

— Ктантос! — раздался дерзко нарушивший тишину человеческий голос. — Старейший, что заставило тебя обратиться ко мне? Я ведь не вызывал тебя, Ктантос.

Ответ на эти слова был не столько произнесен, сколько пробублкан множеством пузырей, поднявшихся на поверхность черного бассейна из его непрозрачной глубины:

— Не вызывал, говоришь? — Шипение небольшого гейзера можно было счесть за гортанный презрительный смех. — Запомни, смертный: люди вызывают демонов, а боги призывают людей!

— Раньше я всегда вызывал тебя, — ответил маленький человечек, остановившись на благоразумном расстоянии от края бассейна; ветер стих, но поверхность жидкости в бассейне продолжала вздрагивать и вздуваться пузырями. — Неужели твое могущество так возросло, Ктантос? Было бы хорошо, но что-то не верится.

— Возросло, как и подобает могуществу любого бога, число поклоняющихся которому возросло, — пробублало из бассейна.

В ответе смертного был замечен некоторый скепсис:

— Разумеется, единица больше нуля в неизмеримое количество раз. Соответственно и ты почувствовал себя неизмеримо могущественнее, если не больше, так?

— Именно так, смертный! — Казалось, в бульканье пузырьков промелькнула ответная ирония. — Ибо твоя жизнь — лишь краткий миг, несоизмеримый с моим бессмертием. В конце концов, мое могущество усиливает твою непоколебимая вера в меня.

Судя по медленному колыханию жидкости в бассейне, он был заполнен не водой, а чем-то более густым и маслянистым, напоминающим расплавленную смолу.

Помолчав, смертный гость бессмертного бога сказал:

— Старейший, а ты не боишься, что в один прекрасный день моя вера дрогнет и я перестану поклоняться тебе?

— Если не через поклонение, так через простой страх я буду обладать твоей душой. Единожды поверив, сможешь ли ты усилием воли, сам отвергнуть меня? — Густая

жидкость с явной угрозой ударила черной волной о каменный бордюр бассейна. — Запомни: слабый бог — ревнивый бог, который безжалостно карает отступников. Зажравшиеся, самодовольные божества вроде Тарима или Митры могут позволить себе потерю нескольких верующих. Я — нет! Да и во времена моего бывшего могущества я никогда не отличался милосердием...

— Да, да, Ктантос, — с явной скукой в голосе сказал смертный. — Ты уже рассказывал мне о своем былом могуществе и приснопамятной жестокости. Умоляю тебя, не переусердствуй в попытках напугать меня. А то я уже начинаю жалеть, что раскопал в катакомбах полуистлевший свиток с заклинанием и ритуалом, вызывающими тебя, который пролежал неостребованным бесчисленные века.

— Тебе легко сейчас потешаться над моим утраченным могуществом, но предупреждаю тебя: даже сейчас у меня хватит сил уничтожить, стереть с лица земли любого смертного — быстро или мучительно медленно, по моему усмотрению. Кроме того, я могу отозвать уже наложенную на тебя мною благодать, которая...

— Хватит мне твоих идиотских угроз! — с неожиданной вызовом в голосе перебил бога слушатель. — Говори, зачем ты меня звал? Или забыл уже, по старости лет?

— Как зачем? — Голос из бассейна сделал вид, что не заметил открытого хамства человека. — Чтобы выслушать твой доклад о наших успехах. Что скажешь об этом новом короле?

— Весьма многообещающая личность, весьма... К тому же этот варвар очень восприимчив к моему влиянию. Но свет клином на нем не сошелся: есть другие короли — более молодые, энергичные и менее склонные к самостоятельным решениям. Впрочем, с этим дикарем скоро все станет ясно. — Человек рассмеялся. — Я уже сообщил ему, что боги на его стороне.

— Так оно и есть, — булькнула смола. — По крайней мере, один из них. Хотя я сейчас — лишь бледная тень самого себя в былые годы. Но скоро все изменится: я займу достойное место среди молодых хайборейских богов, а затем и свергну их, подчиню себе, уничтожу...

— Конечно, конечно, — вставил посетитель развалин. — Только не забудь: всего этого ты добьешься лишь через мои усилия. Так что давай оставим до поры до времени всякую болтовню о божественных карах. Если я погибну, или наше дело потерпит крах — ты тоже стинешь навеки. Так что потрудись использовать свои жалкие силенки мне в помощь.

— Не смей говорить о поражении! Это ересь! — пробубнил Ктантос со дна бассейна, на поверхности которого отразился второй светящийся полумесяц.

Еще одна луна? Или в этих местах такую форму имело солнце? Небо вокруг этого светила заметно постветлело, погасли звезды на половине небосвода...

Булькающий голос продолжил:

— Веруй в меня, смертный! Служи мне как верный раб, и божественная справедливость восторжествует. Ты прав: если этот король окажется слабым и негодным для нашего дела, это не страшно. В конце концов, он просто приведет нас к другому, более сильному.

— Похоже, эта приграничная война оказалась самой малой угрозой нашей династии за многие поколения.

Королева Зенобия откинулась на белоснежную спинку алебастровой скамьи, установленной в дворцовом парке. Белизна камня и королевских одежд удачно контрастировала с черными, как вороново крыло, волосами королевы и ее загорелой кожей.

— Но хотя тебя не было каких-то две недели, мы очень скучали по тебе, Конан.

— Ты могла бы поехать со мной, Зенобия, если бы захотела.

Конан сидел на такой же алебастровой скамье, установленной напротив первой. В противовес величественно-ленивой, спокойной позы королевы, положение его тела выражало постоянное напряженное внимание, готовность отразить любую атаку, встретиться с самым невероятным противником. Долгие годы жизни странствующего воина не могли не сказаться на манере поведения Конана и не позволяли ему расслабиться ни на минуту, если он сам сознательно не приказывал себе спокойно отдыхать.

— По крайней мере, Конн точно мог бы поехать. Парень-то растет, и негоже сыну короля...

— Но он же еще совсем ребенок! — прервала мужа королева.

— А мне кажется, что уже не совсем. — Конан обернулся, чтобы посмотреть на игравшего у фонтана сына. — В его возрасте, если память мне не изменяет, я в одиночку охотился и рыбачил у подножия высокогорных ледников. — Король улыбнулся и покачал головой, на которую вместо церемониальной короны был надет лишь узкий золотой обруч. — Не буду отрицать, я мало что смыслил в чтении, письме и других искусствах, которые осваивает наш малыш. Впрочем, моих познаний в математике хватало на то, чтобы сосчитать количество людей в отряде ванирцев, которые оставили следы на снегах вблизи моего дома. А сделать зарубку на копье после каждого убитого кролика я умел еще раньше.

Интерес маленького Конна вызывал, разумеется, не сам фонтан, поверхность которого была покрыта лотовыми листьями, а фигура Делвина, неподвижно сидевшего над водой на противоположной стороне водоема. Мальчишка, прикрывшись сорванными листьями, медленно подкрадывался к карлику, прячась за фигурным бортиком.

— Эх, вот жизнь была! — вздохнул киммериец. — Ладно, Зенобия, я понимаю, что у тебя очень много времени уходит на управление дворцом и решение некоторых внутригосударственных дел. Я действительно очень признателен тебе за помощь. Сама знаешь, как я ненавижу эту рутину, но порой мне кажется, что здесь, во дворце, все прекрасно обойдется и без меня, даже если я пальцем не пошевелю или исчезну совсем... Нет, Зенобия, это ленивое существование совсем ослабило меня. Я начинаю чувствовать возраст, даже заныли старые раны...

— Конан, — мягко возразила королева, — я знаю, что ты по-прежнему в прекрасной форме, что, как и раньше, можешь возглавить армию в сражении... Подчас мне кажется, что приключения и войны ты любишь больше, чем меня... А в остальном — даже самые суровые испытания ты воспринимаешь лишь как приятную возможность проявить себя, доказать себе свою силу.

Конан кивнул:

— Ты права, Зенобия. Посуди сама, чем еще, как не подарком богов, можно считать последнее нападение на наши восточные границы? Я убедился, что по-прежнему могу достойно командовать своими солдатами, да и самой армии было полезно встряхнуться. Я доказал, что проведенная реорганизация пошла войскам на пользу и что я все еще сносно держусь в седле и машу мечом.

— Никто в Аквилонии не усомнился бы в этом, — сказала королева. — Никто, кроме тебя самого. — Зенобия с легкой улыбкой наклонилась к своему супругу: — Конан, не бойся ты править страной в мире, не бойся дворцовых дел, не бойся состариться. Я и твои подданные любим тебя не только за силу и воинские таланты, дорогой. А любят они тебя искренне, вовсе не из страха перед тобой. Любят за великодушие, благородство, мудрость... Ой, малыш! Что с тобой, сынок?

Маленький Конн, подкравшись, наконец, к Делвину, недолго пробыл с ним в соседстве. Каким-то образом мальчишка умудрился перевалиться через бортик фонтана и теперь весь мокрый подбежал к матери, спрятал голову на ее груди и заплакал.

— Опять слезы. Ну, не младенец же он уже, черт побери! — недовольно буркнул Конан. — У парня вполне хватит сил, чтобы метнуть копьё, а он все к мамочке за утешением бежит. Эх, видели бы это мои родственники — жаль, не знаю, остался ли кто из них в живых... Впрочем, где уж мне, варвару, знать, что хорошо и что плохо в цивилизованных странах?

— Конан, он всего лишь ребенок! — В тоне королевы звучало оскорбленное достоинство. — А сам ты, доблестный воин, не ищешь ли порой утешения на этой же груди? Не находишь ли убежище от жизненных невзгод под защитой этих же рук? Недостойно взрослого мужчины — король он или нет — ревновать к ребенку!

— Может, ты и права, Зенобия. Даже скорее всего права... — Конан кивнул и вдруг, резко вскинув голову, посмотрел королеве в глаза: — Зенобия, я должен сказать тебе... Эта война с Офиром и Немедией... она еще не окончена. Там, на востоке, творятся такие дела, что для Аквилонии было бы неразумно и опасно сидеть

сложив руки. На этот раз я могу уехать надолго и очень скоро. Нам нужно торопиться.

— Я предчувствовала это, Конан, и очень боялась. — Зенобия прижала к себе сына, который, прекратив плакать, переводил взгляд с отца на мать. — А откуда ты узнал о важных переменах на востоке? — взяв себя в руки, заинтересовалась Зенобия. — Со слов своего уродца — Делвина? — Ее взгляд проследил за поспешно скрывшимся в глубине сада карликом.

— И с его слов тоже. Публиус и все остальные сходятся во мнениях по этому поводу. А информация, полученная от шута, оказалась действительно очень ценной. Как знать, Зенобия, быть может, именно этот карлик сыграет в моей судьбе огромную роль.

— Вполне возможно, — сухо ответила Зенобия, одновременно мягко гладя черные, как у обоих родителей, волосы младшего Конна; затем ее голос вдруг стал почти просительным: — Только знаешь, Конан, когда поедешь, возьми, пожалуйста, Делвина с собой. Не лежит у меня к нему душа, не верю я ему, даже боюсь.

Глава 5

КРОВАВЫЙ ПИР

На следующее утро король покинул Тарантию. Роскошно выглядевший в новых, сверкающих золотой отделкой доспехах из вороненой стали, восседающий на своем новом скакуне по кличке Шалманесер, Конан возглавил внушительную колонну, едва ли не превышающую по численности ту армию, которой он командовал в сражении полмесяца назад. Части, сражавшиеся в долине Тайбора, были оставлены на юго-востоке страны. За последние же две недели в Тарантии собрались долго шедшие с северных и западных границ гундерийские и боссонские роты. Кроме того, из крестьян центральных районов было набрано ополчение, отряды которого возглавили знатные горожане и сельское дворянство.

Жители Тарантии, толком не понимая, какой угрозе будет противостоять аквилонская армия, все же устроили

уходящим отрядам пышные проводы. Все было как положено: дождь из разноцветных лепестков, разбрасываемых с крыш домов, слезы расстающихся влюбленных, вытираемые кружевными платками и грубыми солдатскими перчатками, торжественный марш... Смех в толпе провожающих вызвало появление в колонне наряженного в новенькие доспехи Делвина, посаженного верхом на украшенного разноцветными ленточками пони. Карлик деловито прищипоривал свою лошадку, стараясь ни на шаг не отставать от внушающего почтение одним своим видом могучего великана — Конана...

С площадки надвратной башни махали Конану Зенобия и маленький Конн. Королева с трудом сдерживала слезы, видя, как вновь, в который уже раз, ее возлюбленный удаляется от нее, шествуя по Великой Дороге Королей.

Переход на юго-восток был быстрым и слаженным. Погода стояла отличная, деревенские старосты и губернаторы попадавших по пути городов хотя и поражались численности армии, но исправно предоставляли войскам продовольствие и фураж. Практически в каждом городе к армии присоединялись новые пехотные и конные роты ополченцев, набранные в богатых южных районах страны.

Гонцы приносили известия о том, что войска, остававшиеся на берегах Тайбора, уже перешли границу Офира и углубились на его территории, практически не встретив сопротивления. Сведения, добытые разведкой, внушали оптимизм.

— Король Балт находится сейчас в Янте, во дворце Малвина, но вполне вероятен его отъезд в Немедию, — докладывал Эгилруд, командующий аквилонской разведкой, только что вернувшийся с фронта. — Как офицерские, так и немедийские войска деморализованы и спешно отступают к столице. Пленные сообщают, что Янта подвергается еще большей опасности с востока, откуда быстро продвигается принц Кофа Амиро, сжигая все на своем пути. Солдаты противника куда больше опасаются Амиро, чем аквилонцев, и охотно идут на сотрудничество с нашей разведкой. Судя по всем данным, кофийцам потребуется два-три дня, чтобы дойти до Янты.

— Итак, — объявил Конан прослушавшим доклад советникам и офицерам, — в продвижении к столице Офира мы вынуждены участвовать в гонке, явно давая фору сопернику. Признаю — с моей стороны было величайшей глупостью не начать наступление две недели назад, сразу после победы на Тайборе.

— Ваше величество, вы собираетесь штурмовать Янту и захватить большую часть Офира, — полувопрос, полутверждение прозвучало из уст генерала Оттобранда, немолодого гундерийца в латах и подбитом мехом плаще. — Это намерение достойно высочайших похвал. Но, мой господин, я должен сообщить вам, что наша армия подойдет к Янте не раньше чем через семь дней. Кофийцы наступают по ровной местности, обходя форты и крепости офирцев и избегая ввязываться в сражения. Мы же вынуждены идти по зажатой между горами Дороге Королей, где нас может задержать даже слабая оборона, организованная в замках и крепостях над мостами. Кроме того, в узких долинах нам смогут длительное время противостоять даже небольшие силы противника.

— И это еще не все, Конан, — добавил Просперо. — Когда мы подойдем к Янте, разумеется, Малвин не сдаст нам город. К его усталым и деморализованным солдатам добавятся стены и башни, которым неведомы усталость, сомнения и страхи. А кроме того, у стен Янты мы наверняка встретим кофийцев, и лорду Малвину останется только взирать со стен на то, как его противники с упоением рубят друг друга.

Генерал Оттобранд склонился над пергаментной картой, лежащей на походном столе, и предложил:

— Можно послать парламентариев к Амиро. Если повезет, они проберутся через территорию, еще занимаемую офирцами, и попытаются убедить принца честно поделить замки Офира, — и генерал резко провел ребром ладони по карте, деля Офир на две примерно равные части.

— Не согласен, — возразил Конан, — все равно любые переговоры упрутся в то, кому владеть Янтой. И я предпочел бы взять город сам, а не иметь дел с Амиро.

Конан помолчал, глядя куда-то в потолок шатра, и вдруг резко обернулся к командиру разведки, неожиданно обратившись к нему:

— Мой юный друг Эгилруд, не выделите ли вы из своих людей четырех самых надежных бойцов на самых добрых скакунах? Эти люди должны иметь крепкие нервы и быть готовы на самый отчаянный поступок. Ну, что — есть такие?

— Так точно, ваше величество! — отчеканил Эгилруд, высокий блондин родом из Боссонии; его рука взлетела к забралу шлема в почтительном жесте.

— Отлично. Выдайте им не приметную, не форменную одежду, доспехи разного фасона, предоставьте запасных лошадей и сухой паек на несколько дней. Вы лично должны экипироваться таким же образом и прибыть к штабному шатру незадолго до того, как начнет светать.

Боссонец еще раз отдал честь, кивнул и вышел из шатра, а Конан пояснил остальным присутствующим:

— Порой горстка умелых и сильных храбрецов может сделать то, что не под силу целой армии.

— Каков же ваш план, ваше величество? — поинтересовался граф Тросеро. — Я сгораю от нетерпения получить приказ и приступить к подготовке его выполнения. Для начала мне нужно будет раздобыть одежду попроще...

— Нет, Тросеро, то, что я задумал, будет... не самым эффективным использованием твоих сил и опыта. Я хочу, чтобы ты и все вы, почтенные офицеры и генералы, как можно быстрее продвигали нашу армию к Янте. Не стремитесь к промежуточным победам, проходите мимо крепостей под прикрытием стрелков, не захватывайте вражеских солдат в плен. Если все пойдет так, как я задумал, столица Офира будет ожидать вас как избавителей и радостно откроет вам свои ворота.

Конан обернулся к карлику, тихо сидевшему до этого в одном из углов штабного шатра:

— Делвин, ты по-прежнему готов поручиться за своих приятелей в Янте?

— Все остается в силе, ваше величество, — с серьезным и несколько излишне торжественным видом изрек шут. — Если вы представитесь герцогу Лионарду в его особняке за внешними стенами Янты, он сможет провезти вас во внутреннюю крепость, в замок-цитадель. Этот герцог — первейший и самый влиятельный из не-

другов Малвина. Куда сложнее, сдастся мне, будет войти в сам город.

— Нет, сейчас, когда в воротах толкуются толпы беженцев, торгашей и прибывающих в гарнизон пополнений, сделать это будет нетрудно. Эй, Просперо, помоги-ка мне с этими креплениями. — Киммериец стал снимать доспехи, начав с полированной позолоченной грудной пластины. — Мне понадобятся другие доспехи, лучше всего — офирские. Генерал Оттобранд, посмотрите, не досталось ли нам чего-нибудь подходящего с плеча пленных, тех, что покрепче сложены?

— Что? Ваше величество... — Тросеро отказывался поверить в происходящее. — Вы планируете сами ехать в город?! Но на чем основана ваша уверенность в успехе — на словах этого уродца, перебежчика, шпиона короля Балта?.. — Граф резко ткнул пальцем в сторону Делвина, даже не пытаясь сдержать свой гнев: — Как ты можешь доверять ему, Конан?! Откуда мы знаем, что шут не хочет просто-напросто сдать вас в лапы своему бывшему хозяину?

Сбросив с себя кирасу, киммериец положил ее у войлочной стены шатра и спокойно ответил:

— Я верю Делвину, ибо он остается здесь, в распоряжении моих верных офицеров. Если я погибну, или выяснится, что он нас обманул, вы сами понимаете, чего будет стоить его жизнь.

Дорога в Янту заняла два дня и большую часть ночи. Обогнав передовые аквилонские части, миновав дальние дозоры, шестерка всадников — Конан, Эгилруд и четверо разведчиков — углубилась в земли Офира. По дороге они обгоняли беженцев, тянувшихся со своим скарбом в столицу, и старались подальше объезжать патрули и марширующие роты противника. На исходе второго дня, уже в сумерках, огни на стенах и башнях Янты замаячили на горизонте. Вскоре показались и мачтовые огни кораблей, проплывавших мимо города по Красной реке. К счастью, всадники успели въехать в столицу до наступления комендантского часа. Назвавшись немедийскими ополченцами, отбившимися от своего отряда, они

были пропущены начальником караула через ворота; сержант-офицер даже объяснил им дорогу до комендатуры.

В обреченном на долгую осаду и штурм городе царил возбужденная, почти праздничная атмосфера. Повсюду шатались пьяные солдаты, жители вышли на площади, чтобы продать хоть за грош свое имущество, а затем спрятать деньги в тайниках или даже закопать их где-нибудь за городскими стенами. Спекулянты придирчиво осматривали товар, отчаянно торгуясь и уже предвкушая будущий навар. За торговлей заинтересованно наблюдали одинокие воры-карманники и целые группы грабителей, тоже предвкушающие легкую добычу. Городская стража и гарнизон были слишком заняты подготовкой к осаде, чтобы обращать внимание на порядок в городе. У посторонних наблюдателей даже возникло сомнение, что скорей погубит Янту: грабежи ворвавшихся в город вражеских солдат или же собственные мародеры.

Аквилонцы безошибочно выглядели в толпе горожан человека в нужной степени подпития. За кружку эля он, не задавая незнакомцам лишних вопросов, провел их к дворцу герцога Лионарда, стоявшему у самой реки. Здесь пьяница, получив обещанный медяк и, для пущей достоверности, хороший пинок под зад, покинул шестерых всадников, направившись к ближайшему питейному заведению. Через глазок в воротах дворца аквилонцев кто-то долго рассматривал, а затем после долгих препирательств и за небольшое вознаграждение привратник впустил их внутрь. Оказавшись во дворце, Конан и его спутники быстро добились приватной аудиенции у герцога Лионарда.

— Сюда, теперь сюда. Тихо.

Улицы города, по которым Лионард и его слуга вели аквилонцев, были пустыни. К удивлению Конана, на них не было не только нарушителей комендантского часа, но и патрулей. Редкие стражники, стоявшие на некоторых углах, вознаграждались за свою благосклонность к припозднившимся «немедийцам» и сопровождающему их аристократу парой-тройкой мелких монет.

Конан даже не сообразил, где именно череда переулков, узких проходов между стенами, ржавых железных ворот и крытых галерей перешла во внутренние помещения замка-цитадели. Но в том, что дело обстояло именно так, киммериец и его спутники убедились, когда открывшаяся перед ними дубовая дверь привела их в широкий полутемный коридор, по стенам которого висели пыльные ковры, а в нишах по обеим сторонам стояли изваяния каких-то давно умерших аристократов Офира. Сомнений быть не могло — такой интерьер мог принадлежать только королевскому замку, правда, в нижней, малообитаемой его части.

— И все же поклонитесь мне, — в десятый раз возмущился Лионард, — что вы не станете вести переговоры с лордом Малвином.

Герцог семенил рядом с широко шагающим Конаном, за их спинами шел со свечой в руке слуга герцога; на шаг позади следовали Эгилруд и его немногословные разведчики, чьи ладони ни на миг не разжимали рукоятки их мечей. Вся компания двигалась почти бесшумно, предварительно оставив на себе лишь минимум доспехов, чтобы избежать любого лязга и позвякивания.

— Я ничего не буду иметь против, — продолжил герцог, — если вы найдете компромисс с немедийским монархом, но, во имя Митры, — не пытайтесь договориться с Малвином. Тогда мне конец... Впрочем, клянусь вам, дело не в моей жизни, а в судьбе страны, истстрадавшейся под гнетом жестокого тирана. Я бы давно сам поднял голос против Малвина, но он лишил меня трибуны, исключив из членов Совета. Да что такое Совет при власти деспота...

Лионард был маленьким, сухим, похожим на паука человеком. Одетый в темный халат поверх цветастых шелков, которые были на нем дома, он едва ли походил на представителя древнего аристократического рода и обладателя высокого титула, несмотря на множество подobaющих его положению атрибутов: напomaженных усов, дорогих сапог из тонкой кожи и изящно украшенной драгоценными камнями сабли. Впрочем, интригу своей вендетты он плел с настойчивостью, достойной настоящего аристократа:

— Воистину, о король Конан, — если ты действительно тот, за кого себя выдаешь, — так вот, Конан, повелитель Аквилонии, я молю тебя о милости для лежащей рядом с твоим государством страны: отбрось даже мысль о том, что с лордом Малвином можно вести какие бы то ни было переговоры и заключать хоть какие-то сделки.

— Да, да, герцог, — монотонно соглашался Конан, не замедляя шага, — никаких дел с Малвином. Не бойся, мне не о чем говорить с этим негодяем.

— Как вы распорядились, — перешел на другую тему Лионард, — я вызвал свою охрану. Этот негодяй Малвин реквизирует мою собственную роту как бы на оборону города. На самом деле — это всего лишь предлог, чтобы оставить меня беззащитным перед ним. И все же дюжина бойцов будет ждать наших распоряжений у главных ворот цитадели.

— Отлично, — кивнул Конан, — они могут нам понадобиться, когда придет время. Так, теперь куда? — спросил он, увидев, что коридор, по которому они шли, упирается в другой, перпендикулярный ему.

— Направо, — ответил Лионард и пояснил: — Этот коридор ведет прямо в вестибюль большого зала, где Малвин каждый вечер пирует со своими приспешниками и с Балтом. В вестибюле будет стража — верные дворцовые охранники. Этих я не смогу ни подкупить, ни подговорить. Скорее всего, они будут смотреть в другую сторону, наблюдая за главным входом.

— Ну что ж, настало время поработать мечом. — Клинок Конана со свистом вылетел из ножен; в тот же миг за ним последовали клинки аквилонских разведчиков, наполнив на короткое время коридор звуком, напоминавшим шипение огромной рассерженной змеи.

— Только не это, герцог, — прошептал Конан, удерживая руку Лионарда, схватившегося за рукоять его элегантной сабли. — Тебе лучше оставаться в роли спасителя страны, а не мятежника.

Отпустив локоть герцога, Конан выхватил левой рукой из-за пояса боевой топор с обоюдоострым лезвием и резко взмахнул этим страшным оружием в воздухе.

Герцог и его слуга поспешно отступили к стене, скорее с облегчением, чем с неудовольствием. Конан обернулся к Эгилруду и молча кивнул ему. Тот через плечо шепнул:

— Вперед, ребята! Быстро и без шума!

Пройдя немного вперед по коридору, Конан и его спутники перешли на мягкий, почти беззвучный бег, когда впереди замаячил освещенный дверной проем. За ним, в небольшом помещении стояли лицом к выходящей во внутренний двор двери четверо стражников с кинжалами на боку и пиками в руках.

Охрана явно не ожидала нападения, и уж меньше всего — со спины, из бокового прохода в лабиринт крепости. Но в последний момент один из часовых услышал нарастающий шум шагов и обернулся, чтобы выяснить, кто приближается к его посту. Меч Конана, свистнув в воздухе, вонзился солдату в горло; брызнул фонтан крови, и часовой почти беззвучно повалился на пол, а Конан уже выставил перед собой топор, отбивая укол пики второго охранника.

От дверей, ведущих в банкетный зал, отделились еще два солдата, не замеченные аквилонцами ранее. Но даже при сравнявшихся шансах бой был кратким и оказался игрой в одни ворота. Отбив укол пики второго противника, Конан тем же движением топора заехал ему в стальной нагрудник, отчего солдат покачнулся и так и не успел прийти в себя до того, как Эгилруд нанес ему смертельный удар сквозь тонкую заднюю пластину кирасы. Оставшиеся часовые вступили в безнадежную схватку против теперь уже численно превосходящего противника. Последний из офицеров погиб, пронзенный одновременно четырьмя мечами, ударившими по нему с разных сторон. Никому из стражников не удалось сбежать, чтобы поднять тревогу. Впрочем, шум боя и предсмертные крики вряд ли остались незамеченными в ближайших помещениях замка-крепости.

Когда последний из защитников замер на полу в луже крови, в вестибюль главного зала проскользнули герцог и его слуга. Подчиняясь жесту Конана, они проследовали через открытую входную дверь во двор.

— Закройте за ними дверь, — приказал Конан двум своим подчиненным, показывая на массивные дубовые

панели. — Впускать только Лионарда и его людей, когда и если они появятся. Вы двое — следуйте за мной.

Повесив топор на специальный крюк, закрепленный на ремне, Конан подвел оставшихся разведчиков и Эгилруда к внутренним дверям, ведущим из вестибюля в банкетный зал:

— Тихо! Будьте начеку. Начали!

Тяжелая панель, движимая сильными руками Эгилруда, чуть приоткрылась, оставив щель шириной с ладонь.

За дверью оказался большой зал, полный веселящихся людей, сидящих за каменными столами на каменных же скамьях. Огромная бочка с элем стояла на подставке с колесами, по соседству возвышалась чугунная жаровня, излучавшая волны тепла, одобренные ароматом запеченного целиком, но уже изрядно располовиненного кабана. Судя по всему, благородные гости — человек тридцать — сорок — уже почти разобрались с горячим, оставив себе наслаждение десертами и выпивкой. До слуха Конана донеслись обрывки фраз — гости вели какую-то оживленную дискуссию на политические темы. Кое-кто лишь мельком глянул на приоткрывшуюся дверь, явно не выразив при этом никакой озабоченности по поводу шума в вестибюле.

Быстро окинув зал взглядом, киммериец подал Эгилруду знак закрыть дверь. Затем, подумав, король сказал разведчикам:

— Сейчас вы откроете дверь и, как только я войду в зал, захлопните ее, закройте на пики часовых. В общем, не выпускайте никого, кроме меня. Оставайтесь на посту до тех пор, пока все не кончится или вы не убедитесь окончательно, что я мертв.

Эгилруд при этих словах нахмурился:

— Ваше величество, если вы погибнете, нашим жизням — грош цена. Что мы можем сделать, чтобы ограбить вас от лишних опасностей?

— Выполнить приказ — вот лучшее, что вы можете сделать! Я ведь не ишу приключений на свою голову от нечего делать. Просто за долгие годы странствий и войн, еще до того как стать королем, я научился ценить остроту

сталь доброго клинка и прямой путь к врагу, с которым я смогу сразиться лицом к лицу. Так что, ребята, сделайте, что сказано. Можете пожелать мне удачи, но тихо! А теперь — раз, два... три!

Дубовые двери на миг распахнулись ровно настолько, чтобы пропустить широкоплечего Конана в зал, а затем с грохотом захлопнулись за спиной киммерийца, грозно шагнувшего вперед, держа в правой руке меч, а в левой — топор, клинок и лезвие которых уже были обгарены кровью.

На этот раз при появлении грозного, в полном вооружении, воина гул в зале затих. Навстречу Конану без лишних просьб поднялись двое гостей — судя по всему, самых молодых и наименее знатных приглашенных. Одиноким голос продекламировал:

— Я, конечно, уверен, о Повелитель, что крепость выдержит любой штурм и осаду, а сейчас в нее не проникнет и мышь. И все же, хотелось бы знать, кто этот очаровательный молодой человек — не посланник ли наших генералов, прибывший со срочным донесением? — Неожиданно голос говорившего дрогнул: — Что это? Его оружие в крови!

В ответ раздался другой голос, в котором звучали презрение и ирония:

— Видимо, очередной дезертир с ужасающими известиями с восточного фронта. Сейчас он поведаст нам о том, что остался один из всего легиона, а заодно и уточнит, кровь скольких солдат противника застыла на его оружии.

Дальнейшие комментарии утонули в удивленных и перепуганных возгласах при виде того, как незнакомец расправился с двумя добровольцами, собравшимися вытолкать его из зала. Первому он раскроил череп топором; второй попытался увернуться от меча, но безуспешно — одним движением клинок перерубил шею несчастного, и его голова, словно чудовищный мяч, покатилась по полу.

— Что?! Что происходит?! Это же посланный противником убийца! Остановить его немедленно!

Громко крича, аристократы дружно схватились за оружие. Правда, большинство из них первое делало с

большим рвением, чем второе. Лишь три человека яростно бросились с саблями на киммерийца, остальные же почему-то нашли для себя убедительный повод не торопиться и выбрать удобную позицию подальше от страшного незнакомца.

Трое атакующих, используя численное превосходство, стали широко обходить Конана. Сабли молниями засверкали в воздухе... Но тяжелое, внешне неповоротливое оружие киммерийца успевало не только отражать все удары атакующих, но и отвечать на каждый второй из них собственным выпадом. Вот со звоном по полу покатались обломки не выдержавшей столкновения с топором сабли, и ее владелец грузно осел, склонив на грудь раскроенную голову. Вторая сабля выпала из рук другого нападавшего, получившего режущий удар мечом, вспоровший ему половину живота.

Третий противник, отступая под градом ударов Конана, споткнулся о ноги одного из погибших товарищей и упал на каменный пол... уже мертвый, с развороченной тяжелым топором грудной клеткой.

В зале повисло зловещее молчание. Гости, собравшиеся помочь в обезвреживании незваного гостя, замерли на полпути к нему.

Послышался сдавленный шепот:

— Это какой-то дьявол!

— Эй, ты, мясник, озверевший от легкой крови, — раздался более уверенный голос, — иди сюда и позволь мне излечить твое безумие, как я излечил на своем веку многих и многих несчастных, подобных тебе.

Голос принадлежал не кому иному, как королю Балту, закаленному в боях правителю Немедии. Он оказался лучше других гостей защищен доспехами, ибо никогда не появлялся на людях без многослойного кожного панциря, носимого им со времен службы в штурмовой роте немедийского легиона. С тех пор, правда, кожаный доспех был изрядно усилен многочисленными металлическими пластинами и кольцами. Украшенный золотыми побрякушками, подобающими воину королевского ранга, доспех стал для Балта чем-то вроде повседневной монаршей мантии.

Не менее функциональна была и корона короля Немедии, представлявшая собой, по сути, украшенный

золотыми пластинами и драгоценными камнями стальной шлем.

Уже немолодой, король Балт, широкоплечий, высокий, явно не ослабевший с годами, выглядел весьма внушительно. Он неподвижно застыл у своего стола, поджидая незнакомца, направившегося к нему.

— Он мой! — рявкнул немедиец. — Всем разойтись! А ну, назад! — Последний окрик был адресован двум его телохранителям, шагнувшим навстречу Конану с оружием наизготовку.

Но приказ прозвучал слишком поздно. Первый телохранитель, не успев толком ввязаться в бой с киммерийцем, чтобы дать второму возможность спокойно нанести смертельный удар, сам оказался на полу с фонтаном крови, прерывисто бившим из пробитого легкого. Второй стражник с удивленным выражением на лице упал на одно колено, получив неожиданно для себя сзади удар двуручного меча Балта плашмя по плечу.

— Назад, я сказал! — в ярости заорал король Немедии. — Если кто-нибудь еще сунется, я за себя не отвечаю! Не лезьте не в свое дело. Этот дикарь — мой!

Балт едва успел закончить свою тираду, когда Конан бросился в атаку. Меч и топор киммерийца взлетели высоко в воздух. Опыт бесчисленных боев и поединков Балта сделал свое дело: король Немедии не только выдержал первый натиск противника, встречая удары его оружия своим тяжелым мечом, но и даже перешел в контратаку. Вновь и вновь удары Конана не доходили до цели, отбитые клинком Балта, или скользили, не причиняя вреда, по его доспехам.

Несколько раз грозное оружие немедийца вонзалось в нагрудник короля Аквилонии с такой силой, что лишь двойная стальная пластина сохраняла тому жизнь, и только огромная физическая мощь позволяла киммерийцу устоять на ногах. Два короля кружились в смертельном танце в окружении придворных, не смевших прийти на помощь одному из них, да и поверивших в то, что нашелся наконец воин, который оборвет кровавую жатву незнакомца.

Наконец более опытному Балту удалось заманить Конана в западню. Меч киммерийца скользнул в стык

между двумя пластинами немедийского доспеха. Готовый к этому, Балт тотчас же изо всех сил стал давить своим тяжелым мечом на клинок Конана, стремясь вывернуть его, выбить из рук противника. Понимая, что остаться с топором против столь мастерски владеющего своим двуручным длинным мечом воина было бы более чем нежелательно, Конан, сжав зубы, изо всех сил рубанул топором по тому месту, где замерли скрестившиеся клинки. Не ожидавший такой выходки Балт на мгновение потерял равновесие, чем Конан не замедлил воспользоваться. Его топор, разъединив мечи, набирая скорость, опустился вниз, к самому полу и, не останавливаясь, описав в воздухе полный круг, обрушился на шлем-корону немедийца. Стальное полушарие было разрублено на две части, как, впрочем, и голова, находившаяся под ним. Кровь и мозги брызнули во все стороны, заляпывая сизыми клочьями грудь победителя. Проигравший свой последний поединок король Балт упал на пол, так и не узнав, кто оборвал его жизнь.

Секундой позже кто-то из объятых страхом придворных опознал киммерийца:

— Эрлик! Это же Конан, вражеский король! Конан, повелитель Аквилонии, убил Балта, короля Немедии.

— Точно, я вспомнил его профиль по аквилонским монетам. Варвар пришел сюда, чтобы перебить нас в самом сердце офирской столицы?

Осознание этого факта заставило придворных подавить наметившийся было порыв навалиться на Конана всей толпой. Гости попятились, вновь оставляя аквилонского короля в одиночестве над полудюжиной трупов.

— Вот так, правильно, разоидись! — послышался бодрый голос. — Будь он хоть трижды король, я должен убить это чудовище. Дайте мне прицелиться, расступитесь.

Конан бросил взгляд в сторону, откуда доносился голос. Оказалось, что в руках одного из гостей, седовласого вельможи, появился лук, видимо снятый со стены над камином, у которого оказался в суматохе сообразительный придворный. В этот момент он уже закончил подтягивать ослабшую за время долгого висения тетиву и потянулся за стрелой к брошенному на стол колчану.

— Сейчас, сейчас ты рассчитаешься за то, что натворил в этом замке, — приговаривал стрелок, напрягшийся, чтобы натянуть тетиву тугого лука.

Против ожидания, пущенная стрела полетела совсем не туда, куда хотел направить ее стрелок. Просвистев в воздухе, она вонзилась в толпу наблюдателей, стоявших на порядочном расстоянии от Конана. В следующий миг лук глухо ударился о каменный пол, выпав из рук седовласого стрелка, что, впрочем, было не удивительно, принимая во внимание тот факт, что в его грудь вонзился тяжелый топор, точно пущенный Конаном в цель на долю секунды раньше выстрела вельможи.

Едва ли не со скоростью летящего топора Конан бросился к упавшему луку, на ходу двумя взмахами меча разделавшись с теми, кто попытался преградить ему путь. Чья-то рука, протянувшаяся к колчану, была тотчас же отсечена клинком киммерийца, и под крики изуродованного офирского советника Конан схватил лук, одновременно вскакивая на один из столов.

Вытащить из колчана стрелу, приладить ее, натянуть тетиву, прицелиться и выстрелить — все это заняло у Конана несравнимо меньше времени, чем у предыдущего стрелка. Зазубренный стальной наконечник стрелы беззвучно вошел в горло бросившегося в атаку немедийского офицера, оборвав его боевой клич. Следующая стрела остановила порыв другого немедийца, кинувшегося на помощь первому. Третий выстрел киммерийца оборвал жизнь подставившего спину офицера, в последний момент передумавшего атаковать и развернувшегося к выходу.

Паника охватила гостей; каждый хотел спасти свою жизнь любой ценой, пусть даже ценой жизни всех остальных. Люди метались по залу, прячась друг за друга, да и под столы — лишь бы избежать жалящего прикосновения летающей смерти. Кто-то догадался спрятаться под трупами на полу, но тотчас же был затоптан безумно бегущими по залу людьми. Несколько человек в отчаянном порыве бросились с оружием в руках на синеглазого великана, но лишь ускорили свою смерть, облегчив киммерийцу выбор первоочередной цели.

Кровавый ад воцарился в зале. Одна толпа придворных сгрудилась у широких дубовых дверей, накрепко

запертых снаружи, другая — поменьше — ломилась в маленькую дверь, ведущую на кухню. Этот выход оказался заперт забаррикадовавшимися за дверью слугами еще в самом начале бойни. Несколько человек уже нашли свою смерть или были изувечены сапогами и кулаками тех, кто давил сзади на стоявших у самых дверей.

Среди тех, кто бесцельно царапал кинжалом дубовые доски главного входа, Конан заметил какое-то скоординированное действие. Несколько человек, подняв с пола каменную скамью, решили выломать дверь этим импровизированным тараном. Двух точно пущенных стрел оказалось достаточно, чтобы жертвы, рухнувшие под ноги оставшимся в живых, заставили тех выпустить скамью из рук. Тяжелый камень, падая, переломал ноги несколькими несчастным, огласившим зал новым взрывом криков и стонов. Уцелевшие бросились врассыпную прочь от дверей, а Конан, обернувшись, приготовился встретить новую опасность.

Подлюжины обезумевших от отчаяния офицеров, объединив усилия, подняли с основания тяжелую каменную столешницу и, прикрываясь ею, как щитом, вознамерились загнать напавшего короля-убийцу в угол и раздавить его, размазав по стенам.

Хладнокровно оценив ситуацию, Конан прицельно выпустил две последние стрелы в плечо и ногу, торчащие из-за каменного щита. Послышались крики раненых, и продвижение атакующих замедлилось. Столешница покачнулась, и, прежде чем она вновь обрела равновесие, Конан изо всех сил прыгнул вперед, угодив ногами в ее верхний край. Под его тяжестью каменная плита рухнула на пол, похоронив под собой двух несчастных, не успевших отскочить в стороны. Их тела смягчили падение плиты: вместо грохота раскалывающегося камня послышалась лишь хруст костей, хриплый выдох и какое-то чмокание.

— Этот демон бессмертен! — взвыл, перекрывая общий гвалт, кто-то из офицеров вельмож.

На миг все стихло, а затем шквал воплей вновь разорвал тишину:

— Пощади нас, о внушающий ужас воин!

— Мы побеждены! Мы сдаемся на твою милость!

— Пощады! Молим тебя лишь об одном: сохрани нам жизнь!

— Он же король! Приветствуем же его, нашего победителя и нового короля! Слава великому Конану!

— Слава! Присягаем тебе на верность, король Аквилонии и Офира!

Хриплый голос Конана оборвал этот поток славословий в его адрес:

— Где Малвин? Покажите мне вашего повелителя! Я должен убить его, убить сейчас же, лично!

Конан пошел по залу, пиная и переворачивая лежащие на полу как живые, так и мертвые тела, вглядываясь в лица, бледные от боли и страха. Помещение не было затоплено кровью, потому что из ран, в которых торчали стрелы, стекали на пол лишь тонкие алые струйки. Все, кто, находясь в сознании, ощущал на себе ледяной взгляд киммерийца, из последних сил выкрикивали:

— Слава тебе, о великий Конан!

Оставив в покое этих выживших в бойне предателей, Конан направился к последнему убежищу трусливых придворных — большому каменному столу, под круглой крышкой которого сбились тесной кучкой несколько человек.

Неожиданно из-под стола вылез невысокий худощавый человек в одежде придворного небольшого ранга. Сжимая в руке длинный кинжал, он с отчаянной решимостью шагнул навстречу Конану, явно заслоняя собой тех, кто остался под столом.

— Сразись же с ним! Спаси свое королевство!

Эти подбадривающие реплики донеслись из-под стола, произнесенные высоким, но не из-за сдавившего горло страха, а от природы высоким голосом. Присмотревшись, Конан разглядел согнувшуюся под столом явно женскую фигуру, хотя и одетую в мужское платье. По всей видимости, ободряющие крики женщина адресовала не вставшему на пути Конана придворному, а кому-то другому, упорно не желающему вылезать из-под стола.

— Убей его! — продолжала твердить женщина. — Или хотя бы встретить его лицом к лицу, докажи, что ты был настоящим мужчиной и погиб как герой!

Видя, что ее увещевания не возымели действия, женщина прибегла к последнему доводу:

— Клянусь, я умру, сражаясь рядом с тобой!

Увидев подходящего с мрачной решимостью на лице Конана, женщина почти вылезла из-под стола и, встав на одно колено, выхватила прямой морской палаш, висевший в ножнах у нее на боку. Коротко остриженные рыжие волосы молодой женщины были растрепаны, плащ расстегнут, а в вырезе туники виднелась полная, не тронутая загаром грудь.

Какой-то слабый голос раздался из-под стола. Слов Конан не разобрал. Женщина же, отведя взгляд от глаз киммерийца, на миг вновь опустила голову под каменную крышку, а затем разгневанно переспросила:

— Что? Предложить ему сделку? Что-то он может взять за твою жизнь?.. Нет, Малвин, жалкий трус, это я предложу тебе кое-что... за твою трусость ты достоин только смерти!

Не успел ее собеседник что-либо возразить, как рыжеволосая женщина резким движением вонзила в него свой палаш, затем вытащила клинок из раны и вновь нанесла удар. На этот раз ее оружие осталось под столом, из-под которого донесся сдавленный стон, превратившийся в хриплый булькающий звук и шуршание скребущих по полу рук и ног. Несколько бледных теней расплзлись по залу, оставив под каменной крышкой стола умирающего человека в полированных доспехах. Одна рана была нанесена ему, видимо, снизу, между ног; со второго удара палаш женщины застрял в шее еще недавно могущественного Повелителя Офира.

— Амлуния... — в последнем выдохе прохрипел лорд Малвин и захлебнулся хлынувшей из его рта кровью.

Поняв, что Повелитель мертв, готовый защищать его вельможа бросил свой кинжал и, подняв руки, застыл, молча глядя на Конана.

Женщина по имени Амлуния неспешно, но решительно приблизилась к королю Аквилонии и остановилась в пределах досягаемости его меча.

— Ну что ж, убей меня, если тебе это нужно, ненасытный убийца, — спокойно сказала она. — Убей... или

сохрани мне жизнь. Тогда ты даром получишь то, за что с Малвина было запрошено целое королевство.

Еще один шаг вперед, и, прижавшись к Конану всем телом, Амлуния запечатлела на его губах горячий, влажный поцелуй.

— Он не был ни мужиком, ни королем. Ты же — настоящий мужчина и великий король, — прошептала она. — Владей же Офиром, могучий король-воин. Офиром и... мною, если ты сможешь удержать в своей власти то, что сумел добыть мечом, учинив кровавую бойню...

Глава 6

ОСАДА

— Янту будем держать! Пусть Амиро хоть головой бьется в ворота — города ему не видать.

Заявив так, Конан резко ударил кулаком по каменному треугольнику одного из зубцов на верхней площадке смотровой башни цитадели.

— Столица Офира наша, — продолжил он, обернувшись к сопровождающей его группе офицеров и советников. — Столица и половина территории страны — до Красной реки и Аронда на востоке. Я не отрицаю — кофийские всадники быстры, да и вся армия знает свое дело. Но я не думаю, что Амиро сумеет противопоставить что-либо крепким и высоким стенам Янты и надежно охраняемой переправе.

Граф Тросеро, смотревший со стены на уходящий вниз почти отвесный скалистый берег Красной реки, кашлянул и заметил:

— Все это так, Конан. Но ведь Амиро возьмет город в осаду. Часовые на восточных башнях города уже докладывают, что кофийцы строят осадные башни, монтируют подвесные тараны и собирают катапульты.

— Разумеется, все это — верные признаки готовящейся осады и штурма, — чуть иронично продекламировал Конан и ухмыльнулся: — Но, к несчастью для Амиро, Янта лежит на обоих берегах реки, и мы контролируем обе части города заодно с двумя мостами.

Других переправ поблизости нет. Так что пусть Амиро хоть тремя поясами окружит восточную часть Янты, пока мосты в наших руках — назвать это осадой не представляется возможным. В городе не будет нехватки продовольствия, а значит — беспорядков и восстаний. Я напомню тебе, Тросеро, что мы, аквилонцы, спасители и освободители этой страны, желанные гости ее нового и законного губернатора — лорда Лионарда.

Конан кивнул в сторону паукообразного герцога, который поспешил подобострастно поклониться, нервно дергая усами. Подмигнув Тросеро, Конан продолжил:

— Непримириемые враги Амиро, истинные патриоты Офира будут храбро сражаться, отражая атаки противника на нашу — и, разумеется, вашу, любезный герцог Лионард, — крепость.

— Нашу общую твердыню... — зачем-то брякнул Лионард и снова поклонился Конану.

Вид, открывавшийся с башен замка-крепости, был действительно великолепен. Красная река, берущая начало в Карапашских горах, виднеющихся где-то далеко на горизонте, стремительно катила свои красно-бурые от глины воды мимо пойменных лугов и густых лесов.

Древняя цитадель стояла на высокой скале в излучине реки. Каменная глыба частично перегораживала поток, делая его достаточно узким для постройки моста. Кроме того, это была верхняя точка течения реки, куда круглый год могли подниматься грузные морские суда. Дальше товары следовало перегружать либо в плоскодонные речные лодки и на плоты, либо навьючивать на спины караванных верблюдов и мулов. Некогда какой-то пират или разбойник, смекнув, насколько выгодным может быть это место, заложил на скале крепость и обложил данью все проплывающие по реке суда и проходящие к ее берегам караваны. Шли века, на деньги, собранные с торговцев, строились мосты и крепостные стены; рос город, обрастая новым кольцом башен и фортов.

С крепостных башен город был виден как на ладони: россыпь куполов и шпилей храмов, башенки дворцов и сплошная терракотовая череда крыш, рассекаемых

улицами и переулками. Через реку перекинулись два моста: северный — узкий, изящно изогнутый многоарочный виадук, и южный — с одним широким, как Дорога Королей, пролетом. Множество причалов вдавалось в речные воды. Почти все пристани были заняты стоящими под погрузкой торговыми кораблями. Весь огромный город был окружен кольцом каменной стены с чередой башен, стоявших на равном расстоянии — примерно в сотне шагов — друг от друга. Кольцо размыкалось лишь у реки, где четыре мощных бастиона — по два с южной и северной стороны — острыми углами стен врезались в пенящиеся у их подножия волны.

Надо всем этим возвышалась древняя цитадель, и на смотровой площадке ее дозорной башни стоял сейчас Конан с горсткой аквилонских и офирских офицеров, включая Лионарда, Тросеро и разведчика Эгилруда, на шлеме которого появился чеканный орел — знак капитанского звания. Чуть в стороне, прислонившись к массивной раме катапульты, стояли закованный в доспехи карлик Делвин и затянута в кожу рыжеволосая женщина-воин по имени Амлуния. Было видно, что эти двое успели познакомиться за несколько дней, проведенных Делвином в крепости. И хотя обычно карлик сторонился женщин, с Амлунией, новой фавориткой короля Конана, он установил дружеские, доверительные отношения.

— Нам повезло, — продолжил свою мысль Конан, — что цитадель находится на аквилонском берегу. Если бы не так — Амиро мог бы попытаться захватить мосты, высадив десант с лодок, или даже уничтожить их, чтобы отрезать нас. А теперь он сам будет заинтересован в том, чтобы сохранить мосты в целости, если, конечно, собирается штурмовать крепость. Для этого ему в первую очередь придется взять штурмом восточную часть города. К счастью, с этими машинами, — Конан похлопал рукой по рычагам одной из баллист, — мы сможем держать под контролем реку, сжигая огненными ядрами любые неприятельские суда, контролировать мосты, держа их под прицелом, как, впрочем, и большую часть города. — Последнюю ремарку Конан сопроводил выразительным

взглядом в сторону Лионарда, который лишь смиренно склонил голову.

— Я думаю, — сказал Конан, — что если аквилонские части составят гарнизон цитадели, действуя как резерв и выступая в роли советников, то мы вполне сможем доверить офирским войскам оборону стен их собственной столицы.

Лионард поспешил подтвердить:

— Не сомневайтесь, ваше величество. Ни один житель Янты не допустит, чтобы ворота города были открыты мародерам Амиро!

Новоявленный губернатор помолчал, прокашлялся и осторожно осведомился:

— И все же, ваше величество, насколько мудрым будет решение отослать из города значительную часть ваших войск так быстро после... освобождения Янты от тирана Малвина?

Явно боясь разгневать киммерийца, Лионард не решился развить свою мысль и замолчал, умоляюще заглядывая в глаза остальных советников, лица у них подержки.

— Действительно, Конан, — согласился с герцогом граф Тросеро, — от Амиро можно ждать любых неожиданностей. Он может переправиться через реку за стенами города, сжечь предместья и даже полностью окружить Янту...

— Пусть попробует, — перебил графа Конан. — Вода стоит высоко, он половину армии утопит, переправляясь. Единственный брод находится в двенадцати лье выше по течению. Вниз по реке брода нет. По моему приказу солдаты переправили все лодки и паромы в предместьях на нашу сторону, а на том берегу сожгли все пристани и доки. Лично я не рискнул бы переправляться в таких условиях. Не думаю, что на этот риск пойдет и Амиро: судя по всему, принц далеко не дурак. Нет, Тросеро, самое мудрое сейчас — отправить все свободные части на север, в Немедию. Узнав, что Балт убит, тамошние бароны не замедлят выбрать нового короля и начнут войну против Аквилонии, что нам сейчас ни к чему. Нужно опередить их, не дать им собраться с силами. Один раз я уже проспал возможность

пожать плоды славной победы и не намерен повторять эту ошибку.

Тросеро помолчал и задумчиво произнес:

— Если у нас все получится, мы станем основателями могучей империи.

— Получится, получится, можешь не сомневаться. — Конан дружески хлопнул графа по плечу, от чего Тросеро пошатнулся и был вынужден сделать шаг назад, чтобы восстановить равновесие. — Кавалерия Оттобранда движется на север, опережая сам слух о смерти Балта. Надеюсь, что немедийскую знать удастся заставить врасплох. Я отдал Просперо приказ поискать в Бельверусе надежного истинного патриота, который, по примеру Лионарда, смог бы достойно управлять страной под нашим протекторатом. Я лично через несколько дней отправлюсь туда, приму присягу нового губернатора и разберусь с наиболее упорными и не желающими сотрудничать баронами. А тебе, Тросеро, я доверю оборону Янты. Пока на северном фронте все не образуется, нужно удержать город, не дать Амиро взять его.

— Видимо, в дальнейшем с Амиро нам еще предстоит разобраться.

— Точно, — кивнул король. — Вышвырнув его из Офира, мы сделаем первый шаг к завоеванию самого Кофа.

— К югу от города множество дымов! — крикнул кто-то из офирских офицеров.

Конан бросил взгляд в ту сторону и пожал плечами:

— Амиро жжет предместья. Ничего не попишешь. Неразумно, конечно, было располагать за стенами жилые кварталы, склады и мастерские. Но куда деваться, город-то растет...

— Ваше величество! — осмелился прервать Конана Лионард. — Сигнальщики с башен передают, что под прикрытием дымовой завесы Амиро начал штурм городских стен! Наши войска просят у крепостного гарнизона подкрепления.

— Неужели? Быстро же они испугались. Ладно, будет им подкрепление! Я сам срочно отправляюсь к Восточным воротам.

Развернувшись на каблуках, Конан в сопровождении своих офицеров проследовал к узкой лестнице, ведущей с башни прямо в крепостную конюшню.

Скачка по улицам Янты была стремительной. Впереди неслись три Черных Дракона, заставляя расступиться прохожих и расчищая дорогу для летящего следом Шалманесера с его коронованным всадником. Замыкали процессию Тросеро и Лионард, с трудом успевающие за Конаном и его охраной.

Всадники пересекли реку по новому каменному мосту, кратчайшим путем, ведущим их к Восточным воротам, называвшимся еще Бычьими. На лицах прижимающихся к домам встречных горожан были написаны сложные чувства. С одной стороны, все видели в Конане чужеземца, захватчика, с другой, зная о почти бескровном захвате цитадели и о смерти Малвина, к которому мало кто питал симпатии, жители столицы Офира связывали с киммерийцем ожидания скорейшего решения всех военных вопросов и избавления от угрозы неминуемого разорения и порабощения в случае победы Амиро.

Улица, непосредственно ведущая к воротам, была запружена уходящими из окрестных кварталов жителями. Конан окликнул своих охранников и приказал:

— Оставайтесь здесь! Постарайтесь расчистить от беженцев путь от моста до ворот. Нельзя, чтобы резервная колонна увязла в толпе.

Черные Драконы повиновались, и Конан стал самостоятельно прокладывать себе дорогу к ближайшей башне городской стены. Привязав Шалманесера к коновязи у входа в башню, он почти взлетел на боевую площадку стены, где, кашляя и протирая глаза от едкого дыма, офицерская стража пыталась разглядеть, что делается на подступах к городу.

Конан также ничего не увидел за стеной, кроме сплошной черной пелены.

— Организовать резервистов; пусть подают воду на стены, — распорядился он. — Пожарную бригаду — к воротам! Не пришлось бы тушить их. Расставьте бабьи по стене, чтобы солдаты могли промыть глаза, не покидая пост.

Неожиданно какой-то свистящий звук разорвал воздух, а затем раздался треск раскалывающегося камня. Вскрикнул раненный осколками солдат.

— Рогатый шлем Крома! — чертыхнулся Конан. — Откуда у Амиро взялись катапульты?! Ведь кофийцы стоят у стен города не более суток!

К счастью, стреляя из-под дымовой завесы, противник не мог точно прицелиться. Конан, Тросеро и Лионард в сопровождении офицерского сержанта прошли по стене, подбадривая солдат и отдавая дополнительные распоряжения. Из равномерной пелены дыма вдруг вырвалось и взвилось к воротам более густое черное облако. Сквозь клубы дыма мелькнуло пламя. Видимо, противник придвигал к воротам какую-то пылающую массу, скорее всего — телегу с грудой наваленных на нее смолистых поленьев.

В этот момент на стену стала поступать вода, поднимаемая снизу при помощи специально сконструированных для этого колодезных ворот. Первые ведра уже были вылиты на внешнюю поверхность ворот, чтобы предотвратить их возгорание.

Конан, почувствовав, что вслед за огненным тараном ворот должна последовать и атака на стены, не доверяя стопроцентно бдительности незнакомой ему офицерской стражи, спустился с навратной башни на стену как раз вовремя, чтобы заметить крюки штурмовой лестницы, зацепившиеся за верхний край укрепления. В нескольких саженьях ниже сверкнули сквозь дым бронзовые шлемы кофийских солдат.

— Кром! К оружию, слепые псы! — заорал Конан.

Схватив алебарду ближайшего стражника, он приставил ее изогнутым клинком к верхней перекладине лестницы и, действуя древком как рычагом, вдвоем с пришедшим ему на помощь спохватившимся офицером они оторвали крючья от стены и сбросили лестницу на землю. Внизу раздался звон оружия и доспехов, послышались крики и стоны. Киммериец оглянулся: по всей стене офицерская стража вступила в бой, сбрасывая алебардами лестницы кофийцев или рубя топорами верхние перекладины, а то и головы слишком высоко поднявшихся кофийских солдат. Поднявшиеся снизу резервисты-горожане швыряли

на головы штурмующих заранее припасенные на стене булыжники. Со стороны города донесся топот множества ног. Присмотревшись, Конан увидел подтягивающееся с двух сторон подкрепление: от старого моста — офирских солдат под командой аквилонских офицеров, от нового — аквилонскую роту, пришедшую из цитадели.

Поняв, что опасность внезапного прорыва кофийцев на стены миновала и что его непосредственное руководство отражением штурма не является более необходимым, Конан окликнул Тросеро и спустился со стены в город. Отбивать атаки Амиро солдатам и офицерам объединенных офиро-аквилонских войск предстояло, по всей видимости, еще много дней.

Один из залов в нижних этажах крепости был наскоро отмыт и переоборудован в королевскую трапезную. По стенам развесили гобелены, грубые плиты пола прикрыли толстыми коврами, а в центре помещения установили широкий дубовый стол, на котором были выложены серебряные и золотые приборы, изящный фарфор десертной посуды и переливающийся в огнях свечей хрусталь винных кубков.

Обычно монаршие трапезы в цитадели Янты проходили выше, в большом банкетном зале. Но из того помещения еще не выветрился запах крови после учиненной там Конаном бойни. Казалось, под теми сводами все еще мечутся, стелая от боли и ужаса, души погибших придворных и двух королей. Поэтому Конан, его свита и изрядно поредевшая и сменившая состав кучка офирских придворных пировала в тот вечер в другом, на скорую руку оборудованном зале.

За столом собрались с десятков родственников и друзей герцога Лионарда, начинающих осознавать удачную перемену в своих судьбах, а также граф Тросеро, капитан Эгилруд и еще с полдюжины аквилонских офицеров, сидевших с мрачными лицами и пивших больше, чем закусывавших. В углу у камина Делвин негромко перебирал струны лютни.

Лицом к огню восседал на роскошном кресле Конан. К боку короля прильнула Амлуния. На рыжеволосой жен-

щине были надеты кожаные брюки и кожаная же, широко распахнутая на груди куртка. Белая кожа самой девушки резко контрастировала с черным цветом одежды. Единственным цветовым пятном в ее облике были коротко остриженные волосы, сейчас касавшиеся щеки и шеи Конана, которому Амлуния что-то негромко говорила на ухо, от чего губы киммерийца расплылись в улыбке.

Видя, что ужинающих снедает скука, Делвин решил развеселить их, по крайней мере — аквилонцев. Ударив по струнам лютни, он прокашлялся и, не выходя из своего угла, демонстративно фальшивя, завыл:

Актеры, менестрели, кто бродит по Востоку,
Прислушайтесь к балладе — медовому потоку.
Когда сам Конан-менестрель сыграет вам на лютне,
Наступит праздник за столом, забудут все про будни.

Судя по всему, карлик вполне освоился в крепости и примирился со сложившейся в Янте ситуацией. Гибель прежнего хозяина, казалось, совсем не тронула и не расстроила шута. Не выказывал он и признаков ревности по поводу отношений Конана и Амлунии, в отличие, например, от Тросеро; благородный граф считал, что победителю не стоит так быстро допускать до королевского стола и ложа бывшую любовницу одного из побежденных. Но это было лишь поводом — на самом деле Тросеро больше беспокоили внезапные перемены, которые он стал замечать в Конане в последнее время. Впрочем, на изменение дружеского отношения к себе граф пожаловаться не мог. Кроме того, он уже неоднократно бывал свидетелем того, как Конан, четко просчитывая последствия самых странных и неожиданных своих поступков, оборачивал весьма рискованные дела на пользу Аквилонии. Поэтому Тросеро предпочитал до поры до времени молча терпеть недостойные, по его мнению, короля выходки Конана.

Делвин, на минуту прервавшись, на ходу досочинил свои куплеты и продолжил пение:

И вот пропел балладу я так нежно и печально,
Что струны сердца я задел, и это не случайно.

Теперь же наступила пора повеселиться.

Пусть глупой будет речь царя. Ведь он успел упиться!

Слова шута вызвали, к его удивлению, лишь натянутые улыбки у аквилонцев, зато офирские вельможи просто зашлись в хохоте и аплодисментах. Лишь Амлуния, единственный свидетель кровавой резни в банкетном зале, напугавшись, сжала кулаки, но, сдержав себя, вдруг выхватила из руки Конана кружку с элем и, вскочив, крикнула:

— Тост за Конана! Пьют все! За Конана, лучшего в мире исполнителя похоронных маршей!

Отхлебнув из кружки, она поднесла внушительный сосуд к губам киммерийца и почти влила королю в горло изрядное количество эля. Когда пена потекла по его щекам и подбородку, Амлуния бросила кружку на пол, оберла валявшейся на столе салфеткой его лицо и запечатлела на его губах страстный поцелуй.

Присутствующие замерли, ожидая, когда кончится этот бесконечно долгий поцелуй. Когда, наконец, Амлуния оторвалась на миг от губ Конана, чтобы перевести дух, Тросеро нарушил тишину:

— Да, наш король — великий музыкант! Остается лишь один вопрос, ваше величество: какой танец мы сбцаем для ломящегося в ворота города Амиро?

— Самый зажигательный, мой верный граф, — отшутился Конан, а затем, посерьезнев, добавил: — Этот парень резво взялся за дело, да и солдаты у него воевать умеют. Сегодня под покровом дыма они чуть не оседлали стены! Спасибо Крому, все, что могло сгореть вокруг города, было сегодня сожжено, и больше этот номер с дымовой завесой у Амиро не пройдет.

— Амиро Кофиец известен как толковый командир и безжалостный завоеватель, — вставил Лионард, — за что мы тоже можем быть в некотором роде благодарны Митре и — разумеется — Крому.

На удивленно-подозрительный взгляд Конана герцог ответил разъяснениями:

— Я имею в виду, что, зная о жестокости Амиро, ни один даже самый малодушный житель Янты не захочет сдать ему наш город. Ведь слух о его зверствах, о пожарах, погромах и убийствах в южном Офире уже достиг

столицы. Разительным контрастом в сравнении с этим выглядит ваше почти бескровное покорение... э-э... скорее, освобождение Янты от тирана.

Конан рассмеялся:

— Бескровное? Спроси об этом у Малвина или Балта. Впрочем, нет, не стоит отправлять тебя, мой друг, в такое долгое путешествие ради уточнения столь незначительных деталей. Поинтересуйся лучше мнением Амлунии. Она тоже в курсе того, как было дело... А если серьезно — я сильно сомневаюсь в том, что борьба с Амиро ограничится одним побоищем и несколькими дюжинами трупов.

— Что же ты планируешь, Конан? — Тросеро обрадовался тому, что разговор перешел-таки наконец в деловое русло. — Выбить Амиро из офирских границ, или же разбить его наголову и дойти до столицы Кофа? Разница ведь весьма существенная.

Конан пожал плечами:

— Судя по тому, что я слышал об Амиро, он очень честолюбив и никогда не смирится с позорным отступлением своей армии на исходные рубежи. Что же, придется заставить его сдаться, прогнав по всему Кофу до его родной Кораджи, а там уже и разделаться с ним, чтобы избавиться навеки от затаившего злобу и месть беспокойного соседа. И это было бы лучшим вариантом на будущее, — Конан заметно воодушевился, — ибо, подчинив себе Немедию, что, я думаю, теперь вопрос лишь считанных дней, и захватив Коф, мы станем великой империей. А потом Кхауран, даже славный Туран могут стать нашими, вместе с дюжиной королевств, лежащих на пути к их границам!

Я вижу на лицах кое-кого из присутствующих удивление. — Величавым движением головы король потряхнул шевелюрой. — Так запомните же, мои доблестные подданные и союзники: Аквилония становится великой империей. С каждой новой победой у нас будет появляться все больше союзников, не желающих быть разбитыми и покоренными, но согласными присягнуть на верность и объединить свои силы с могуществом великого государства. В былые годы я помог взойти на трон доброй половине ныне царствующих в Хайборее королей. Настало время расплатиться за старые долги. Взять ту же Кораджу, родину моего нынешнего противника. Там до

сих пор почитают меня героем за доблестную службу генералом в армии взошедшей с моей помощью на престол королевы Ясмелы.

— А, Ясмела, — отозвался в своем углу Делвин. — Припоминаю, припоминаю. Правила такая в Корадже, пока, несколько лет назад, ее не потеснил, а потом и вовсе не сбросил Амиро. Поговаривают, что он держит ее в каком-то отдаленном замке, подальше от дворцовых интриг и столицы, где велико влияние бывшей королевы. Впрочем, все это вполне может быть слухами. Весьма вероятно, что Ясмела просто-напросто убита.

— Что? Ясмела... Ясмела погибла? Или заточена в крепость? — Конан с грохотом ударил кружкой по столу, отчего та разлетелась вдребезги, и сквозь зубы процедил: — Ладно, хватит об этом, шут. Поговорим о королеве Кораджи потом. Но Амиро придется ответить мне на вопрос о судьбе Ясмелы при личной встрече.

Столь неожиданный поворот разговора отвлек Конана от живописания его будущей империи. Вместо того он, подливая и подливая себе эля, повел с Амлунией разговор на темы, знакомые и приятные им обоим — боевые искусства и романтические приключения.

— Слышал я, Амлуния, что ты участвовала в сражении на Тайборе, — сказал Конан, приподняв голову девушки за подбородок. — Не значит ли это, что твой клинок обогрен кровью моих рыцарей и пехотинцев?

— Так и есть, — нисколько не смутившись, а скорее с гордостью ответила Амлуния сквозь смех. — Разумеется, колоть длинным, трудным в управлении копьем или размахивать тяжелой палицей, сражаясь с закованными в броню всадниками, мне не под силу. А вот помахать мечом, ворвавшись в строй легкой пехоты, не вооруженной к тому же пиками, — самое милое дело. То-то потеха! Веселее, чем охота на антилопу, хотя больше всего напоминает загон стада диких свиней.

Конан тоже рассмеялся:

— Нет, нравятся мне женщины, не чурающиеся военного дела. У нас в Киммерии все такие — сражаются бок о бок с мужьями, мстят за их смерть, пусть даже ценой своей жизни. Нет, есть, конечно, люди, утверждающие, что женщины в армии, на поле боя — это

аморально. Говорят, что слишком велика вероятность насилия над ними. Чушь! Если женщина готова умереть в бою, она сумеет постоять за себя, начини ее домогаться кто-нибудь! Хотя, это смотря кто еще домогается...

Амлуния посильнее прижалась к Конану и, жмурясь от удовольствия, когда он игриво погладил ее по спине, сказала:

— Опасаясь встречи именно с таким неудержимым насильником, я и ношу все время полный доспех. И надо сказать — до сих пор никому из воинов не удавалось снять его с меня... против моей воли, разумеется.

Конан рассмеялся еще громче:

— Сдается мне, что ты, Амлуния, и в собственном замке опасаясь излишне горячего внимания. Иначе зачем бы ты все время ходила в плотно затянутых кожаных костюмах, снять которые с тебя можно, только расстегнув пояс, что представляется весьма затруднительным ввиду того, что на нем висит твой острый кинжал. Скажи честно: не потеешь иногда под этой шкурой?

В ответ Амлуния взяла его ладонь в свою руку и положила ее себе на грудь, почти обнаженную под распушенными застегками куртки.

— А вы сами потрогайте, ваше величество, — томно сказала она. — Только не увлекайтесь. Учтите, если вы захотите меня изнасиловать, я вам не дамся!

— Это вызов? — Конан обхватил ее обеими руками и, прижав к себе, быстро вынул из ножен, висевших у нее на боку, кинжал. — Неужели у тебя под твоей шкурой спрятан еще один палаш, вроде того, каким ты отомстила за трусость одному нашему знакомому?

Свою тираду Конан закончил, основательно ущипнув собеседницу за мягкое место. Та, взвизгнув, игриво надулась и манерно ответила:

— Нет, ваше величество, против такого могучего воина оружие бессильно. Мне остается только уповать на вашу честь и благородство. Не станете же вы... ах... овладевать несчастной девушкой против ее желания.

Продолжать разговор дальше Конан не считал возможным. Он вдруг изъявил желание осмотреть интерьеры замка. Амлуния тотчас же вызвалась поработать экскурсоводом. Стоило им удалиться, как Лионард и его

сподвижники тоже поспешили откланяться и разойтись по своим покоям. Оставшихся за столом Эгилруда, Тросеро и остальных офицеров утешили своим вниманием так называемые официантки, которые, сняв фартуки и отбросив ложную скромность прислуги, очень неплохо сыграли роль придворных дам, тоскующих без общества настоящих мужчин. Лишь граф Тросеро отказался от женской ласки и ушел, погруженный в раздумья. Зато веселье в зале и смежных с ним помещениях продолжалось почти до утра — раздавались страстные стоны, пьяные песни, смех, звон посуды, — офицеры, оторванные от дома, сполна насладились нежным вниманием обитательниц захваченного замка противника.

Конан же был разбужен, когда близившийся рассвет едва окрасил ночную мглу в серый цвет. Крепкая рука, тряхнувшая его за плечо, вырвала короля из глубокого сна, отягощенного усталостью от выпитого эля, тяжелого дня и бурной ночи.

— Конан, вставай! Важные новости. Требуется твое решение.

— Что случилось, Тросеро?

Конан разжал руку, еще в полусне сжавшую лежавший под подушкой кинжал, и сел на постели, убрав с плеча голову Амлунии, продолжавшей спокойно спать.

— Амиро переправляется через реку по мосту.

— Что? Он взял мост? Уже занял плацдарм в городе? — Конан молниеносным движением набросил на себя тунику и потянулся к доспехам, лежавшим подле кровати.

— Нет, Конан, — терпеливо пояснил граф, — он навел мост через Красную в двух лье выше Янты. Он сам построил мост...

— Кром тебя подери, Тросеро! Напугал. Ерунда — понтонный мост мы быстро разобьем... Да и пройти по нему может только легкая пехота.

— Нет, ваше величество. Разведка доложила, что это настоящий, прочный мост, по которому смогут переправиться кавалерия и колесницы. Штурмовой отряд кофийцев уже занял плацдарм на нашем берегу. Я поднял городскую стражу и гарнизон по тревоге, но нужно поторопиться с планом обороны города в полном окружении.

Глава 7

ПОЕДИНОК КОРОЛЕЙ

Небольшой отряд всадников продвигался среди разбросанных по западному берегу реки деревьев. Могучий поток с шумом нес свои кирпично-красные воды к далекому океану. А здесь, в окрестностях Янты, над рекой и окружающей территорией висел густой туман. словно огромные клочья серой ваты окутали лес и всадников, не только сокращая видимость до нескольких шагов, но и сильно приглушая звуки. Лишь по отдельным разрывам над головами, где виднелись голубые клочки неба, можно было предположить, что туман скоро рассеется.

Аквилонцы широким кольцом расставили охранение и дозоры, чтобы избежать засады. Рядом с Конаном ехали Тросеро и Оттобранд. Оба рыцаря высоко подняли свои щиты, уперев их в переднюю луку седел, и развернули их так, чтобы по возможности прикрыть короля от стрелы какого-нибудь притаившегося кофийца.

У самого Конана в то утро настроение было вовсе не то, с каким можно бросаться в атаку во главе армии.

— Проклятый туман! Ни черта не видно! — негромко бурчал он. — Неудивительно, что Амиро построил мост прямо у нас под носом.

— Видимо, так и получилось, ваше величество, — согласился Оттобранд. — Густой туман и шум реки скрыли от нас строительство... Но Митра! — сорвался и генерал. — Этот Амиро — колдун или демон, если сумел возвести целый мост за одну ночь!

— Ерунда, — отмахнулся Конан, — ничего сверхъестественного. Я вспомнил: в Стигии, где полно рек и озер, войска используют разборные мосты, когда преследуют мятежные племена. Амиро наверняка продумал все это, а штурм стен был всего лишь отвлекающим маневром. Да, нужно было предусмотреть и это. И не только мне, генерал, но и вам не мешало бы...

— Вон мост, — сказал Оттобранд, обрадовавшись возможности избежать дальнейших упреков короля.

Действительно, впереди над рекой сквозь туман проявились торчащие из воды бревна-сваи и поперечные

брусья-балки. Конан разглядел, что сваи уходили не просто в воду и мягкое дно, а крепились в некое подобие фундамента — груды корзин, наполненных камнями, были навалены вокруг каждого бревна от дна почти до самой поверхности воды. Пролетов моста видно не было — нижняя граница тумана пролегла как раз чуть ниже этого уровня. Непривычно четкие края туманной завесы и ее густота наводили на мысли о колдовстве, которые Конан старательно отбросил, вспомнив похожие туманы над озерами в его родной Киммерии.

Из леса впереди донеслись какие-то крики, несколько раз звякнул металл, заржала лошадь... Из тумана вынырнул один из дозорных.

— Неприятельские патрули, господин генерал, — обратился он к Оттобранду. — Нам удалось выяснить, что на том берегу въезд на мост охраняют два рубленых бастиона и сторожевая башня над одним из них. По эту сторону реки тоже ведутся работы...

— Ясно. Пошли одного из своих к городу, пусть поторопит остальных. — Оттобранд знаком приказал отряду аквилонцев остановиться и повернулся к Конану: — Ваше величество, вы все слышали. Мне кажется, было бы неразумно атаковать мост сейчас, со столь малыми силами. Я полагаю, что, получив приказ ускорить сборы, вызванные на подмогу отряды придут на место еще до полудня.

— Так-то оно так, но к тому времени Амиро переправит через реку всю свою армию. — Конан шевельнул поводьями, и его конь медленным шагом двинулся вперед. — Давайте хоть посмотрим, что же это за мост, генерал, и что строят люди Амиро на этом берегу.

Проехав вместе с Оттобрандом чуть вперед, Конан увидел внушительный деревянный частокол с бойницами, преграждающий дальнейший путь к мосту. Самого моста по-прежнему не было видно не только из-за тумана, но и из-за того, что частокол отгораживал значительный кусок берега в качестве плацдарма. Прямо на глазах Конана кофийские солдаты продолжали достраивать укрепление, возводя над проходами в частоколе небольшие дощатые башни для стрелков и охраны и врывая в землю перед стеной наклоненные вперед заостренные колья, затрудняющие приближение кавалерии.

— Невероятно! — прошептал Тросеро. — Целая крепость! Как они это все успели?

Реплика графа была прервана характерным свистом. Тотчас же в одно из ближайших деревьев вонзилась стрела. К ее древку была привязана длинная полоска белого шелка, что безусловно уменьшало скорость полета стрелы, а следовательно, и ее пробивную силу, зато привлекало внимание.

Не успели всадники переглянуться, чтобы решить, как поступать дальше, как с дальнего берега реки до них донесся голос:

— Стой! Кто идет? Уж не Конан ли Аквилонский, пособник Офира в его жалких попытках противостоять великому королевству Коф?

Конан, прищипорив коня, оставил позади офицеров и подбегал к самой воде.

— Нет! — крикнул он в ответ. — Это я — Конан, король Великой Аквилонской империи, спаситель Офира от жадных, жестоких и коварных завоевателей из вонючего Кофа! Этот ваш... Амиро, он здесь, со своими войсками?

— Я — принц Амиро! — Молодой, оскорбленно звучащий голос принял вызов. — Почему ты не обращаешься ко мне со всеми положенными титулами, как к Великому Правителю Кораджи и наследному принцу могучего Кофа?

За бревенчатой стеной на дальнем берегу реки показались две головы в шлемах — видимо, принц и его оруженосец или какой-то офицер.

— Катись ты со своими титулами, — проорал в ответ Конан. — Я вижу перед собой только мелкого интригана, которого жадность гонит на земли соседей, а злость заставляет жечь то, что нельзя унести, отступая.

— А я, — чуть помедлив, ответил тот же голос, — вижу перед собой только самозванца-варвара, примеряющего на себя королевские одежды, не знающего даже, на какое место нацепить корону... Ладно, что привело тебя сюда? Хочешь попросить мира, переговорить об условиях?

Тросеро негромко сказал из-за плеча киммерийца:

— Конан, он согласен торговаться. Предложи ему весь Южный Офир, добавь еще что-нибудь, только пусть

он уберет свои войска с этого берега. А там уж видно будет.

— Да, ваше величество. Соглашайтесь и на сдачу ему западной части Янты, за мостами. Позже отобьем, если надо будет.

Не обращая внимания на советы, Конан, голосом, которым поднимал в атаку свою армию, прокричал:

— Никаких переговоров!.. Нет, кораджанский самозванец, мне нужна только твоя голова! Ты проклянешь тот день, когда задумал вторгнуться в страну, которую я решил освободить от тирана. Это дело, которое мы могли бы решить как мужчины, если, конечно, у тебя хватит мужества встретиться со мной в бою один на один.

— Отлично! — донеслось с того берега. — Таково было и мое желание, хотя мне и неприятно марать благородную сталь кофийского клинка в гнойных кишках дикаря, влезшего на не принадлежащий ему трон. Но раз уж ты, по собственной глупости, осмелился оскорбить меня... — Амиро на миг прервался, видимо, чтобы посоветоваться о чем-то со своими спутниками, — выбора у меня нет. Что касается места поединка... как тебе вон тот островок? — За частоколом махнула рука, показавшая на реку. — Мы можем приплыть туда в лодках, по одному, и там выяснить, кто из нас достоин править Офиром.

Указанный Амиро остров был неширокой песчаной косой, лежащей посредине реки на безопасном от стрел расстоянии. Несмотря на малую высоту над водой, он казался достаточно сухим и плотным. Лучшее место для поединка при свидетелях трудно было придумать.

— Согласен, — отозвался Конан. — Встретимся там. — Обернувшись к Оттобранду, он приказал: — Найдите мне лодку.

— Есть, ваше величество. У деревенской пристани чуть ниже по течению найдется подходящая посудина. Но... Ваше величество, неужели вы действительно собираетесь подвергнуть риску все наше дело, поставив его, да и всю страну, в зависимость от результата поединка?

— Риск? — переспросил Конан, разворачивая коня. — Разве это риск? Не забывайте, генерал: я, подчас голодный, изможденный, израненный, побеждал в поединках десятки таких юнцов. Это будет лишь легкой

разминкой. Я специально хамил ему, чтобы спровоцировать личную обиду и желание отомстить персонально мне. Да бросьте вы переживать, Оттобранд. Может быть, уроженец сухопутной страны без больших рек и озер, Амиро перевернет лодку и будет сожран красным речным змеем, даже не подплыв к острову, — рассмеялся киммериец.

— Хорошо бы так, ваше величество, — вздохнул Тросеро, вступая в уговоры. — Но сколько же можно ставить на карту судьбу короны и государства, упоывая на крепость одной пары рук! Амиро известен как умелый фехтовальщик, опытный и опасный противник, несмотря на его молодость...

— Молодость? — Резко обернувшись, король гневно посмотрел на графа. — Что вы все постоянно напоминаете мне о моем возрасте? Неужели я дал повод подумать, что близится моя старость, что уходит мое мастерство воина, что, наконец, я исчерпал запас своего везения? Как же вы мне надоели! Чем я могу доказать вам, что годы не ослабили меня? Наверное, когда я стану королем всего мира, вам и этого будет мало...

Пока Тросеро пытался убедить Конана в своей непоколебимой вере в его силу и ловкость, пока напоминал, что это сам киммериец все время возвращается к теме своего возраста, лодка была доставлена, притащенная на буксире лошадьми, прошедшими по самому краю воды. На дне маленького безмачтового суденышка лежала груда разного оружия, включая колчан стрел и большой лук с хорошо натянутой, несмотря на влажный воздух, тетивой. Король сбросил доспехи, плотную кожаную подкладку под броню и отцепил от сапог шпоры, чтобы не рисковать оказаться в воде с грузом, который невозможно удержать на плаву. Вместо этого он вытащил со дна лодки и положил на поперечную скамью небольшой круглый щит из черного дерева и круглый гундерийский шлем. Сев в лодку лицом к корме, он взял весла и оттолкнулся от берега.

Даже здесь, в широком месте, течение Красной реки было довольно сильным. Конану приходилось прикладывать большие усилия, чтобы преодолеть его. Медленно и упорно, подгоняемая веслами, сжатыми в могучих руках киммерийца, лодка продвигалась к намеченной цели.

Конан понимал, что Амиро, двигаясь почти по течению, пристанет к острову куда менее усталым, чем он, но даже не поморщился, обнаружив эту фору, которую получил его противник. Он молча поблагодарил богов за то, что они дали ему возможность научиться и вволю попрактиковаться в гребле в годы плавания вместе с пиратами на море Вилайет. Ориентируясь по камню на том месте, где лодка отчалила от берега, он мощными гребками продвигал свое судно к островку на середине реки.

На полпути Конан увидел, как оставшиеся на берегу аквилонцы повернули головы и посмотрели вверх по течению. Оглянувшись, он увидел выплывшую из-за небольшого мыса лодку Амиро. Принц стоял во весь рост лицом к носу лодки и, поставив одну ногу на скамью, гнал свое судно по течению легкими гребками. Судя по скорости лодки и непринужденности позы принца, ему помогало не только основное течение, но и какой-то верно угаданный невидимый поток, двигавшийся от берега к середине реки. Не жалуясь на судьбу, Конан противопоставил везению юности силу и опыт своего возраста, продолжая невозмутимо орудовать веслами.

Туман стал рассеиваться, и выяснилось, что за предстоящим поединком двух королей собирается наблюдать большая аудитория. На дальнем, безлесном берегу выстроились квадраты когорт под штандартами кофийских легионов. Сам мост был запружен людьми, лошадьми и телегами, продвигавшимися на западный берег. Солдаты шли колонной по три, четыре человека, двигаясь не в ногу, чтобы строевым маршем не разрушить на скорую руку сколоченную переправу.

Увидев гребущих к острову королей, солдаты на мосту остановились. Офицеры и сержанты, покричав, схватились за кнуты и плети. Бесполезно — жаждущие не пропустить такое зрелище солдаты, столпившиеся на мосту, заблокировали проход по нему, остановив переправу.

Конан, монотонно гребущий по направлению к островку, не обратил особого внимания на собравшихся зрителей. Раз за разом его весла погружались в воду, и вот наконец киль лодки зацепил мягкое дно. Выскочив за борт, Конан быстро втащил лодку на песчаный берег, отметив про себя, что влажный песок неплохо держал его

вес, не давая ногам увязнуть. Вода еще не успела стечь с его брюк и сапог, а киммериец уже взял в руки выбранное за время гребли оружие: гундерийский щит, любимый меч с широким клинком, который он сунул в петлю на ремне, и длинное копьё со стальным наконечником.

Лук и стрелы выглядели весьма соблазнительно, но Конан решительно отложил их в сторону. Поразить стрелой противника, еще не вышедшего из лодки или только что ступившего на берег, было бы недостойно для честного поединка, к тому же проходящего на глазах множества зрителей. Конан даже ощутил к Амиро чувство, несколько отличающееся от ненависти и презрения. Готовность принца принять вызов и сразиться один на один не могла не вызвать уважения. Киммериец прикинул, что, если бой сложится удачно, то, пожалуй, можно будет сохранить благородному противнику жизнь, заставив его при своих солдатах во весь голос поклясться уйти за границы Офира и, разумеется, освободить королеву Кораджи Ясмелу.

Честно говоря, судьба его бывшей возлюбленной очень беспокоила Конана и стала одной из причин, побудивших киммерийца вызвать Амиро на поединок. Окажись она мертва, никакие политические и военные обещания Амиро не помогли бы ему спасти свою шкуру. Если же Ясмела жива, она смогла бы сама решить, можно ли доверять принцу, если он присягнет на верность аквилонскому королю.

Взяв в руки щит и копьё, Конан шагнул к центру острова. Лодка Амиро приближалась к противоположному концу косы. Принц стоял, облаченный в доспехи и подбитый мехом пурпурный плащ — самоубийственное одеяние, если лодка перевернется. С другой стороны, Конан понимал, что внешне кофиец выигрывает, глядя куда величественнее, чем его соперник. Множество голосов кофийских солдат ритмично выкрикивали приветствия своему королю, вскидывая над головами сжатые кулаки. По контрасту с этим могучим ревом приветствия оставшихся на западном берегу аквилонцев казались слабой, безмолвной пантомимой.

Но Конану было сейчас не до сравнений. Его внимание привлекла какая-то странная легкость в движении

лодки Амиро. Слишком безвольны и неэффективны были движения изображающего греблю принца, но в то же время лодка плыла на редкость плавно, не сбиваясь с курса; белый бурун пены разбегался в стороны от ее носа. Не влекли ли суденышко к цели какие-то скрытые силы? Но что? Колдовство?

Вскоре Конан рассмотрел под поверхностью воды, вдоль бортов лодки какие-то крупные тени с отходящими вверх тонкими отростками. С уменьшением глубины по мере приближения к острову тени стали превращаться в фигуры людей — около дюжины, — шедших по дну с тонкими тростниковыми трубками для дыхания, поднимавшимися от их ртов к поверхности. Вот над водой показались головы, выплунутые трубки поплыли вниз по течению, вот шедшие по дну появились над водой по пояс... Не выпуская из рук веревку, за которую они все это время тянули и направляли лодку, подводные ходоки вылезли на берег и подтянули судно за собой.

Амиро, уже некоторое время назад прекративший с царственным видом имитировать греблю, цинично улыбаясь, шагнул через борт лодки на песок. Нагнувшись, он поднял с ее дна лук и стрелу. В это же время его подводники, с обнаженных тел которых еще не успела стечь вода, тоже подбежали к лодке и извлекли из нее каждый по уже натянутому и заряженному арбалету.

Никаких пустых формальностей вроде приветствий или отдания противнику чести не было соблюдено. Пущенная первой, стрела принца была уверенно отбита представленным щитом киммерийца. Слабо натянутый лук не придавал ей скорости, достаточной для того, чтобы хотя бы воткнуться в плотное дерево. Другое дело — стрелы, посланные мощными арбалетами. Избежать залпа дюжины рассыпавшихся полукругом стрелков было куда труднее. Отбросив копье, Конан изо всех сил прыгнул в сторону и, кувырнувшись через голову, оказался в жидком прибрежном иле. Вокруг в грязь с чавканьем вонзились стрелы. Но не все: Конан почувствовал, как одна стрела проткнула полу его туники, а другая, судя по пронзившей тело боли, угодила в него самого, но куда именно — в этой суматохе он разобрать не мог. Кроме того, не

укрытый ножами меч основательно полоснул киммерийца по ноге.

Еще один мощный рывок, и Конан, извиваясь, словно ящерица, поплыл. Отбросив непонадобившийся меч и ставив с ног сапоги, он оставил на голове шлем и в левой, обращенной к противнику руке щит. Вскоре второй залп перезаряженных арбалетов настиг киммерийца. Одна стрела ударилась о его шлем с такой силой, что казалось, раскололся череп; две вонзились в выставленный щит.

Спасение было в скорости. Сложив свои усилия с направлением подхватившего его течения, Конан стал быстро удаляться от острова. Еще некоторое время ему пришлось выставлять над головой щит, прежде чем вынырнуть за глотком воздуха, затем вражеские стрелы стали ложиться все шире и, наконец, позади уплывающего Конана.

Новая опасность застала киммерийца врасплох: совершенно неожиданно его ноги обвилось какое-то змееподобное тело, в живот впились острые зубы, и самый опасный обитатель этих вод — красный речной змей — потащил человека на дно.

Конан, не привыкший сдаваться на милость судьбы, продолжал сражение за свою жизнь. Задыхаясь, ничего не видя в мутной воде, он все же сумел свободной рукой сорвать с себя шлем и, зажав голову чудовища между стальным полушарием и столь же твердым деревом щита, сжал ее с такой силой, что обезумевший от боли змей разжал челюсти и предпочел отказаться от столь опасной и неговорчивой добычи.

Оставшиеся на берегу аквилонские солдаты, к счастью, прихватили на всякий случай еще две лодки, одна из которых сейчас направлялась прямо к устало отплывающемуся мутной водой королю, а вторая забирала чуть выше по течению, чтобы обезопасить его от возможной погони лодки Амиро и его стрелков. Подняв Конана на борт, лодка, в которой на одной из трех пар весел сидел сам Тросеро, быстро направилась к берегу. Оглядев себя еще в лодке, Конан отчаянно выругался: он обнаружил, что единственная стрела, попавшая в него еще с первого залпа, угодила ему в ягодицу и до сих пор торчала там, застряв зазубренным наконечником в толстой коже

кавалерийских штанов. Выбравшись на берег, Конан протянул подбежавшему Оттобранду руку, чтобы тот растегнул крепление щита на локте. Наружная поверхность черного деревянного круга была утыкана стрелами так, что напоминала несколько полысевшего дикобраза.

— Какое коварство, какое бесчестие! — возмущенно повторял Тросеро. — Ваше величество, вы видите, на что рискуете нарваться, вступая в честный поединок с не достойным такого благородства противником?

— Мы заметили, что лодка Амиро движется как-то странно, — сказал Оттобранд, — но вы уже были далеко и не слышали наших предупреждений.

В это время над рекой прокатилось громогласное приветствие: это кофийские войска салютовали Амиро, гордо причалившему к берегу со своими «соратниками по поединку», доставив в качестве «трофея» лодку Конана и несколько клинков, которыми киммериец не воспользовался. Принца не заставил смутиться даже обнаруженный на дне лодки лук со стрелами; видимо, кофиец считал хитрость большей добродетелью, чем бесполезное и даже глупое на войне благородство.

На западном же берегу генерал Оттобранд успокаивал Конана:

— Ваше величество, зато мы теперь знаем, с кем имеем дело. Расплатились мы за это очень недорого. Все потери — несколько мечей и сабель, да пара-тройка царяпин на вашем драгоценном теле. Кстати, этот поединок изрядно задержал переправу неприятельской армии. Они до сих пор митингуют, поздравляя своего командира с победой. Тем лучше для нас. Я уже выслал людей вверх по течению. Они вот-вот спустят на воду плоты с разожженными кострами. Думаю, нам удастся спалить этот чертов мост.

— Отлично, генерал, — сказал Конан, растираясь протянутой ему одним из солдат лошадиной попоной. — Я уверен, что вы с Тросеро вполне управитесь с отражением осады города. Так что я могу освободить себя от этого дела. Мне нужно покинуть Янту на время.

— Конан, ты что, сдурел?.. Простите, ваше величество... — извинился за вырвавшееся восклицание Тросеро. — Вы по-прежнему хотите лично участвовать в

немедийской кампании? Но ведь если Амиро осадит город, взяв его в кольцо, мы можем не продержаться до подхода освободившихся легионов из Немедии. Нужно решать, что делать здесь...

— Вот это я и выясню там, куда собираюсь, — сообщил Конан, запахиваясь в плащ, с готовностью протянутый ему одним из офицеров. — А пока что я вполне доверяю вам разбираться с принцем. Присмотрите повнимательнее и за моими почетными гостями — Делвином и Амлунией. В конце концов, оборона — это то, в чем я смыслю меньше всего. Думаю, что для снятия осады от меня в любом случае будет больше пользы, если я окажусь не в стенах города.

Конан понизил голос так, чтобы его слышал один Тросеро, и сказал:

— Я отправляюсь в Кораджу. Один. Мне нужно выяснить, как поживает... кое-кто из моих верных союзников. До меня дошли слухи, что с ним... с ней обошлись весьма некрасиво, и, как король, как мужчина, я не могу оставить это безнаказанным...

— Конан!.. Ваше величество... — Тросеро с трудом сформулировал свою мысль. — Неужели вы действительно бросите все свои грандиозные планы, остановите на полпути армию ради того, чтобы галопом помчаться на выручку какой-то... вашей старой союзнице. Тогда было бы проще сдать Янту и направить в обход кофийских войск нашу армию в Кораджу...

— Армия движется слишком медленно, — шепотом, но жестко произнес Конан. — А что касается нашего противника, то кто, как не Ясмела, сумеет объяснить мне, в чем сила принца Амиро и где его слабое место?!

Глава 8

ТАРНХОЛД — ЗАМОК НА ОЗЕРЕ

Конан Киммериец, взошедший на престол великой Аквилонии, был человеком, которого, единожды встретив, невозможно было забыть. Огромные пространства от омываемого Западным океаном Аргоса до лежащего

там, где восходит солнце, Кхитая и обратно — до Зингары — он преодолел в своей жизни не один раз. Много раз он прошел, проскакал верхом, прополз, протащил кандалы по Великой Дороге Королей, пересекавшей всю Хайборею. И всегда опасности, смертельные схватки и романтические приключения неслись впереди него или стремились догнать, наступая ему на пятки. Нет, Конан был не из тех, кого забывают, а из тех, при упоминании имени которого людей бросает в дрожь, пробирает пот, тянет выругаться и осенить себя защитным заклинанием. В общем, киммериец был парень не промах — от такого только и успевай беречь добро да прятать дочерей-невест.

Многие годы имя Конана разлеталось по разным странам со множеством эпитетов: Конан-убийца... Конан-мятежник, спаситель, преступник, победитель и завоеватель... Немало друзей и недругов появилось у него за эти годы в двух дюжинах королевств, и надо сказать, что в живых осталось куда больше приобретенных друзей и союзников, чем нажитых врагов. И мужчины, и женщины вставали на его сторону, сражаясь с ним бок о бок, и либо погибали, либо приобретали богатство, признание и славу. В последние же годы почти все, знавшие Конана раньше, прослышали о нем как о короле одной из величайших и могущественнейших хайборейских стран — Аквилонии, — и уже никто не ожидал встретить его на дороге одного, без свиты и охраны, скачущего на горячем коне по землям враждебного его королевству Кофа.

Безусловно, всем своим видом Конан выделялся в этой южной стране: квадратное лицо, словно грубо вытесанное из камня, холодные синие глаза уроженца далекого Севера разительно контрастировали с мягкими чертами овальных лиц и с темными глазами кофийцев. Огромный рост, широченные плечи, мощь и тигриная грация, сочетавшиеся в движениях киммерийца, привлекали к нему дополнительное внимание, что, безусловно, затрудняло путешествие монарха инкогнито.

Уменьшить нежелательное внимание, в первую очередь, должны были скромное одеяние Конана — так, плащ, накинутый на его плечи, был настолько выношен и пропылен в долгих странствиях, что вряд ли кто-либо предположил бы в его обладателе даже обедневшего

аристократа, не говоря уже о короле, — и его скакуны — два неприметных, типичных в этих краях офирских жеребца, отличавшихся, правда, если не скоростью, то достаточной выносливостью. Конан скакал на каждом из них поочередно, ведя в поводу второго, чтобы дать коням передышку. Кроме того, еще до отъезда из Янты он вытряхнул из кошелька все аквилонские монеты, многие из которых, отчеканенные в последние годы, несли на себе его профиль, и насыпал в него под завязку разного достоинства монеты нескольких восточных государств, имевшие в этих краях свободное хождение и не казавшиеся какой-то экзотикой.

Позволил себе Конан и не бриться, обрстая с каждым днем все более густой щетиной, начинающей напоминать бороду, избавив кожу на своих щеках и подбородке от неизменного в течение многих лет утреннего поцелуя остро отточенного стального лезвия клинка. Время от времени, на стоянках, киммериец прикидывался хромым, что было нетрудно, так как ранение в мягкое место, полученное перед самым отъездом, после долгих часов, проведенных в седле, давало о себе знать. Впрочем, промывать и смазывать раны Конан не забывал, в отличие от водных процедур для всего остального тела, что быстро создало вокруг пропотевшего киммерийца некий зловонный ореол, заставляющий держаться подальше трактирщиков и конюхов, с которыми он вступал в контакт, и помогая избежать лишних разговоров и вопросов.

Но наиболее трудной задачей для поддержания инкогнито странствующего короля было скрыть хорошо известное умение Конана действовать мечом и другим оружием и его взрывной темперамент, привычку не прощать ни малейшей обиды и вызывать человека на поединок, не получив извинений за какую-нибудь неуклюжую шутку. Конан выбрал для себя образ этакого невозможного, толстокожего и чуть простодушного здоровяка-увальня и худо-бедно старался соответствовать ему, что, впрочем, не мешало ему расправиться поздним вечером на пустынной дороге с целой шайкой каких-то кабацких громил, решивших проследовать за ним после выхода из трактира, чтобы потрясти увесистый кошелек беспечного и добродушного великана. Впрочем, разбойники

даже не успели толком пожалеть о том, что затеяли такое дело, ибо Конан, учитывая секретность своей миссии, предпочел не оставлять в живых свидетелей его силы и умения вести бой.

Итак, король Конан пересек Южный Офир с его выжженными Амиро деревнями и вытоптаннами войсками посевами, а затем углубился в холмистые равнины и заливные луга вражеского Кофа. Насколько киммериец мог судить, никто по дороге не опознал короля Аквилонии и не вспомнил Конана-варвара, уже бывавшего когда-то в этих местах.

Вступив, наконец, в узкие долины горного королевства Кораджи, Конан не смог сдержать волну нахлынувших на него воспоминаний о бывшей правительнице этой страны, тогда еще принцессе Ясмеле. Конан вспомнил, как она дерзко выбрала его, первого незнакомца, встреченного ею на пустынной улице ночного города, назначив командовать армией, которую она повела в поход, повинаясь какому-то таинственному видению, в котором принцесса признала знак Митры. Не забыл киммериец и их с Ясмелой победу над злым, считавшимся бессмертным колдуном Натхоком, известным в ее стране как Черный Колосс; но самыми свежими и волнующими были его воспоминания о праздновании этой победы в течение страстной ночи, проведенной у костра, в залитых лунным светом руинах.

Нахмурился Конан, вспомнив о том, как мало-помалу стала отдаляться от него взошедшая на трон Ясмела, поглощенная заботами о королевстве и исправлением того, что натворил в стране правивший до нее ее брат — король Коссус. А после отъезда заскучавшего без дел и ее нежного внимания Конана Ясмела и вовсе с полным правом начала использовать свои женские чары, чтобы привлечь на свою сторону наиболее знатных и благородных аристократов Кораджи. Впрочем, была ли она игроком или пешкой в бесконечных дворцовых комбинациях и интригах, — этого сказать наверняка не могла ни сама Ясмела, ни кто-либо другой.

Воцарившись в Аквилонии, Конан стал получать известия из Кораджи через своих послов и шпионов. Ему стало известно, что король Коссус скончался — от

скоротечно развившейся лихорадки, как было сказано в официальном сообщении. Впрочем, такие «болезни» вполне могли скрутить и совершенно здорового человека — был бы достаточно могущественный и богатый недоброжелатель, а яд или колдовское зелье в сочетании с заклинанием найдутся при любом дворе. Числившаяся до того принцессой-регентшей Ясмела, вместо того чтобы решительно провозгласить себя законной наследницей трона, пустилась в какие-то странные игры с чередой жаждущих наследства баронов, советников и просто самозванцев. Кончилось все это весьма плачевно — практическая независимая Кораджа превратилась лишь в формальную автономию под властью Великого Правителя Кофа принца Амиро, несомненно самолично придумавшего себе столь звучный титул.

Ясмела, добившись права управлять Кораджей не без помощи Конана, затем сумела своим умом и обаянием расположить к себе большинство населения королевства, и лишь столь дерзкий, решительный и весьма могущественный соперник, как Амиро, мог решиться не дать ей взойти на трон и даже отправить ее с глаз долой из столицы в далекий замок на горном озере. Дальнейшая судьба королевы Ясмелы и заставила Конана пуститься в далекий путь, который сейчас подходил к концу — за очередным перевалом впереди блеснуло темно-свинцовое зеркало озера.

Еще много лет назад Конан слышал об этом мрачном месте — сумрачной долине с замком посреди небольшого озера. Тарнхолд — так называли внушительный, возведенный в незапамятные времена, а затем многократно достраивавшийся и переделывавшийся замок. Лес сплошной стеной подходил к самому берегу. Столь же отвесно уходили прямо в воду стены замка.

Что-то придавало Тарнхолду еще более угрожающий и зловещий вид, чем у большинства подобных ему в богатой озерами Корадже. Что именно — Конан никак не мог определить. Быть может — более темный, чем у окружающих утесов, цвет камней, из которых были сложены стены замка. Быть может — мох, неправильной формы пятнами покрывавший нижнюю часть этих стен над водой. А может быть, дело было в самом озере, вода

которого словно поглощала падавший на нее свет, не отражая своим свинцовым зеркалом ни синевы неба, ни солнечных лучей.

Да, жизнь в таком месте для веселой, любящей яркие краски, праздники и зрелища Ясмелы была бы сама по себе пыткой. Накануне, ночуя на постоялом дворе в деревушке в соседней долине, Конан попытался поговорить с одним из завсегдатаев трактира о замке Тарнхолд. Тот как-то сразу замялся, а когда было произнесено имя бывшей правительницы, и вовсе оборвал разговор, причем довольно грубо. Конан, получив подтверждение терзающим его подозрениям о том, что в этой истории не все чисто, не стал настаивать на дальнейших расспросах, чтобы не спровоцировать скандал и распространение слухов о появившемся в окрестностях замка слишком любопытном чужеземце.

Спрятавшись в прибрежных зарослях, Конан присмотрелся к замку. Стражники, вяло ходившие взад-вперед по стене с алебардами на плече, не вызывали особых опасений. Они явно не ждали никакой опасности извне замка, скорее опасаясь каких-то беспорядков внутри него. Взобраться по стене тоже не представляло невероятно трудной задачи ввиду древности и грубости источенной дождями, морозами и ветрами кладки. Несложно было бы и проскочить между часовыми, а при необходимости и без шума снять одного-двух из них, если подобраться к замку в темноте.

Но в планы Конана никак не входило бесцельно дожидаться ночи. А кроме того, ночь была не лучшим временем для лазутчика, впервые оказавшегося в незнакомом месте. Киммериец решил при свете дня разведать подступы к замку, разобраться хотя бы в общих чертах с его планом и, если потребуется, переждать до темноты в укромном месте или вернуться с вечерними сумерками.

Конан отвел своих лошадей в сторону от тропы и привязал их на небольшой поляне, убедившись, что густые заросли надежно прикрывают животных от непрошенных соглядатаев. Оставив довольно длинную привязь, чтобы оба коня могли попасть в высокой густой траве, он хорошенько переседлал обоих, подтянув подпруги и поправив упряжь, чтобы обеспечить безопасную скачку

при вполне возможном поспешном отступлении. Затем, сняв с себя большую часть одежды, киммериец вновь скользнул к озеру, где прежде всего хорошенько вымылся под прикрытием нависших над водой ветвей ивы, используя вместо мыла прибрежный ил. Таким образом он избавился от запаха давно не мытого тела, который, охраняя киммерийца от лишнего внимания в пути, мог запросто выдать и погубить его в помещении. Затем, оставив на себе лишь тонкие нижние шаровары из шелка, с которого вода стекала быстро и беззвучно, и обвязавшись кожаным кушаком с висящим на нем кинжалом в ножнах, Конан еще раз осмотрелся и поплыл в сторону замка.

Даже зная, что его черные волосы и загорелая кожа не будут слишком выделяться в темной воде, он все же предпочел плыть под водой, лишь изредка показываясь на поверхности без единого всплеска, чтобы глотнуть воздуха. Вскоре черная стена замаячила перед ним, а затем руки киммерийца наткнулись на массивный каменный блок стены замка.

Вынырнув в практически не просматриваемой часовой зоне, Конан внимательно изучил поверхность стены. Чтобы добраться до нижней бойницы, пришлось бы изрядно попотеть, ободрав колени и локти. Чуть в стороне — там, где древняя кладка переходила просто в старую, — взбираться было бы легче, но здесь пришлось бы лезть по глухой стене без бойниц, до самых зубцов на ее верхней грани.

Поразмыслив, Конан решил обследовать подводную часть стены. Нырнув, он обнаружил, что его предположения подтвердились: судя по состоянию кладки, сравнительно недавно — быть может, каких-то два-три века назад — уровень воды в озере резко повысился. Скорее всего, была перегороджена плотиной вытекавшая из озера речушка, или же на дне после незначительных подземных толчков, весьма обычных в этих горах, открылись новые ключи, подающие воду в эту межгорную котловину.

Неглубоко под поверхностью воды Конан заметил шедшую вдоль стены изящную галерею. Несколько раз нырнув и проплыв вдоль галереи под нависавшую над озером башню, киммериец обнаружил то, что было ему

нужно, — уходящий к центру замка коридор, затопленный водой.

Полежав на воде, глубоко вдыхая и выдыхая воздух, словно накачивая себя кислородом, как это делали его приятели — ловцы жемчуга на море Вилайет, Конан сделал последний вдох и нырнул. Перед его глазами промелькнули белые меловые полосы — следы сезонных и многолетних колебаний уровня воды в озере, свод галереи, терраса под ним, — и, наконец, Конан скользнул в мрачный, полузаросший водорослями коридор. Не останавливаясь, чтобы убрать их с дороги, Конан мощными гребками продвигался вперед вдоль изогнутого потолка коридора; неожиданно его руки наткнулись на какое-то препятствие. В полумраке туннеля Конан наполовину разглядел, а частично на ощупь определил, что перед ним решетка — восемь-десять металлических, сильно изъеденных ржавчиной прутьев, расходящихся веером из одной точки пола коридора к его своду.

Прутья решетки были расположены довольно широко, и стоило лишь немного изогнуть один из них, чтобы в образовавшуюся прореху мог пролезть человек даже таких внушительных габаритов, как Конан. Киммериец уперся ногами в стену коридора, обхватил ладонями один из прутьев и уперся в него плечом. Словно вставая с большим грузом, Конан напряг ноги, одновременно толкая вперед руки. Решетка подалась, прут стал изгибаться, но когда он ослабил усилие, намереваясь примериться к образовавшемуся отверстию, то с ужасом обнаружил, что изгибаемый им прут продолжает свое движение. Зашевелились и другие прутья решетки. То, что Конан принял за металл, оказалось живой плотью — щупальцами какого-то подводного чудовища. Погруженная в спячку паукообразная тварь, покрытая крепкой, как камень, чешуей, очнулась и поспешила воспользоваться самоубийственной неосторожностью столь крупной и редкой добычи. Два светящихся круглых глаза, не выражающих никаких эмоций или чувств, кроме голода, уставились на человека из центра клубка щупалец. Четыре оканчивающиеся крючьями короткие лапы шевелились у приоткрытой пасти, готовые намертво вцепиться в добычу и медленно подтаскивать ее к усеянному мелкими зубами челюстям.

Конан передернулся от ужаса и омерзения и попытался проскользнуть между длинными щупальцами. Но, проникнув за то, что было принято им за решетку, он оказался в западне: второй ряд похожих на ржавое железо конечностей паука преградил ему путь. Одно из щупалец, подкравшись сзади, незаметно обхватило стопу киммерийца. Пытаясь освободиться, он не заметил, как еще два обвились вокруг его тела. Конан, дотянувшись до кинжала и вытащив его из-под придавившего ножны щупальца, изо всех сил ткнул клинком в чешуйчатую шкуру. Бесполезно. Лишь кончик кинжала смог проникнуть между крепкими, как камень, пластинами, причинив подводному пауку боль, сравнимую с комариным укусом для человека. Словно в раздражении, чудовище лишь крепче сжало кольцо уколотого щупальца.

В мозгу Конана пронеслась страшная мысль: чудовищному пауку вовсе не обязательно было разрывать добычу на куски, чтобы умертвить ее, или жрать ее живьем. Стоит продержать человека в объятиях щупалец еще считанные мгновения — и все будет кончено. Конан уже чувствовал, как горят его легкие, как сводит судорогой горло, как быстро уходят силы и появляются первые круги перед глазами. Лишь несгибаемая воля и подсознательная готовность бороться за свою жизнь, пока не остановится сердце, заставляли киммерийца продолжать попытки вырваться.

Отчаянными усилиями человеку удалось вытащить паука из его логова и даже протащить чудовище за собой на пару ярдов вперед. Здесь Конан почувствовал, что потолок над его головой уходит вверх. Нашарив грань свода коридора, он по самую рукоятку сунул кинжал между двумя камнями источенной водой кладки, из последних сил уперся в стену и, действуя рукояткой как коротким рычагом, попытался вывернуться из губительных объятий...

Ничто, казалось, не было способно заставить чудовище ослабить хватку. Но в этот момент произошло то, чего Конан никак не ожидал и к чему не был готов. Под воздействием мощных усилий, почти судорог тела киммерийца один из камней свода, там, где был вставлен кинжал, вывалился из кладки и, рухнув вниз, на чудовище, потащил паука, а вслед за ним — и человека на

дно. Следом за первым со свода обрушился целый град бесшумно и медленно падающих на пол коридора каменных блоков свода. Последнее, что успел заметить Конан, — это опускающийся прямо на него прямоугольник пористого камня и мечущиеся во взбаламученной воде обрывки водорослей. Затем, вместе с вереницей серебристых пузырьков воздуха, силы и сама жизнь покинули его тело.

Глава 9 ЦАРСТВО ИЛЛЮЗИЙ

Преисподняя оказалась мрачным, холодным местом. Конан не раз пытался представить ее себе. Он знал легенды бараханских пиратов о бескрайнем океане смерти, слышал, как умирающие шемиты бредили об озерах неугасимого пламени. Баллады эзиров повествовали о ледяной пустыне под черным небом — истинном и вечном доме северного воина и барда. Но конкретно этот посмертный мир — быть может, предназначенный Кромом для самых заблудших душ — оказался беспросветной тьмой на границе жесткого камня, впивающегося в спину, и ледяной воды, омывающей нижнюю половину тела. К тому же в доставшемся Конану аду нещадно воняло сыростью, плесенью и разлагающейся падалью.

Прикинув, что к чему, Конан почувствовал некоторое разочарование. Считая себя верным и достойным почитателем Крома, он рассчитывал на более пристойное времяпрепровождение после смерти. «Впрочем, поживем — увидим», — подумал он по привычке и усмехнулся. Следующий шаг познания загробного мира заключался в определении своего местонахождения. Судя по всему, киммериец лежал навзничь на каменной лестнице, до пояса погруженный в воду. Набравшись мужества, он попытался пошевелиться, чтобы проверить, подчиняется ли ему его тело. Судя по пронзившей все мышцы и кости ломающей и режущей боли, дюжина демонов уже изрядно потопталась на нем, наказывая за какие-то прижитые грехи. И все же, сам не веря своим ощущениям,

Конан сумел переползти на несколько ступенек, с тем чтобы вытащить из воды оковевшие от холода ноги. Пришлось ли ему для этого двигаться вверх или куда-нибудь в другом направлении — за это он поручиться не мог. «Кто его знает, как здесь определяются верх и низ», — подумал киммериец.

Передохнув, он набрался сил и решимости, чтобы встать на ноги, опираясь на стену. Приняв вертикальное (вертикальное ли?) положение, Конан решил, что, ввиду отсутствия дальнейших указаний свыше, он имеет право самостоятельно интерпретировать божественный замысел по поводу пребывания его души на том (теперь уже этом?) свете. Лестница, уходящая в воду, не оставляла большой свободы выбора: скрипя зубами от боли, Конан стал взбираться вверх, отдыхая чуть не после каждой ступеньки.

Вскоре ступени уступили место гладкому каменному полу. С двух сторон Конан, разведя руки, обнаружил столь же сырые, покрытые слизью плесени стены. Судя по всему, боги пока что не баловали его свободой выбора, предоставив ему право лишь лежать у самой кромки воды или двигаться вперед по темному коридору.

Двигаясь на ощупь, Конан обнаружил, что коридор изгибается, закручиваясь широкой спиралью. Время от времени в нишах стен киммериец находил запертые, обитые ржавыми железными листами двери. Из-за них шел такой тошнотворный гнилостный запах, что у Конана даже не возникло желания проникнуть внутрь. Он лишь гадал, скоро ли обнаружится в стене распахнутая дверь предназначенной ему лично кельи, где его душе предстоит маяться взаперти в течение нескончаемых веков и тысячелетий.

Неожиданно от коридора отделился уходящий в сторону более узкий проход. В его глубине, высоко над головой, Конан обнаружил целое сокровище, бесценный клад — узкую полоску света, горизонтально прочертившую черноту под невидимым потолком.

Непосредственный источник света был скрыт — видимо, какими-то выступами или карнизами свода и стен. Лучи же достигали пола, ничуть не рассеивая темноты вокруг Конана; лишь несколько пылинок висели в них. Стены отстояли друг от друга слишком далеко и были

слишком гладкими и скользкими, чтобы даже выросший в горах Конан мог взобраться по ним. В общем, приходилось утешаться недоступным зрелищем без всякой надежды на выяснение источника этого непонятного свечения.

Обнаружив, что движение воздуха заставляет пылинки по-новому вздрагивать и кружиться в прозрачных лучах, Конан начал прыгать и размахивать руками, чтобы, как ребенок, полюбоваться взвихренными облачками пыли. Осознав идиотизм этого занятия, он одновременно стал задумываться о том, насколько безоговорочно следовало верить в собственную смерть. Отойдя чуть назад и перекрыв ладонью полосу света, он убедился, что, по крайней мере, форма его тела сохранилась — в полумраке угадывались привычные очертания пальцев. «А если он не умер, — мелькнуло в голове киммерийца, — то свет, вполне вероятно, мог быть не адским огнем, а обычными солнечными лучами». Это в корне меняло дело. Если с вечным пребыванием в беспросветном загробном мире Конан еще готов был смириться, то, оставшись в живых, он был готов приложить все силы к тому, чтобы выбраться из черного подземелья на белый свет.

Память стала медленно возвращаться к нему: промелькнули королевский дворец в столице Аквилонии, какая-то битва, Офир, мост у Янты, карлик, долгое путешествие... Вздвогнув, Конан вспомнил замок Тарнхолд, озеро и подводный туннель с чудовищным пауком...

Восстанавливая детали схватки с многоногим подводным чудовищем, Конан отвлекся и, сделав очередной шаг вперед, почувствовал, как камни уходят из-под его ног. Только подсознательное чувство опасности и мгновенная реакция заставили его тело отчаянным броском отпрянуть от разверзшейся перед ним пропасти. Спустя несколько мгновений рухнувшие камни с громким плеском вошли в воду где-то далеко внизу. После долгих минут тишины, пока Конан переводил дух и радовался тому, что опыт и инстинкт воина не подвели его, в провале вновь послышались какие-то всплески и бульканье. Звуки явно приближались. Конан почувствовал, что волосы на его голове встают дыбом. Какая-то новая, неведомая опасность в виде очередной кровожадной твари

или самой странной — маслянистой и густой, угрожающе чавкающей — жижи угрожала ему. Понимая, что медленный подъем врага может в любой момент обернуться стремительным, смертельным броском, Конан развернулся и бросился бежать.

Это была страшная гонка вслепую, когда каждый шаг мог обернуться падением в очередную яму, ведущую в дьявольские подземелья. Но, подгоняемый каким-то сверхъестественным, запредельным ужасом, Конан продолжал бежать, следуя поворотам коридора, наобум выбирая направление на перекрестках, стараясь лишь по возможности следовать наметившемуся подъему пола. Даже бег вверх по неожиданно ставшему более крутым склону не смог замедлить стремительного движения киммерийца. Не успев затормозить, он всем телом налетел на не замеченную вовремя деревянную дверь, которая, видимо изрядно прогнив, не выдержала такой нагрузки и резко распахнулась, чуть не слетев с петель...

Пораженный увиденным, Конан замер. Помещение, в которое он попал, было залито солнечным светом. Киммерийцу пришлось зажмурить привыкшие к темноте подземелья глаза. Но в последний момент, уже поднося к лицу ладони и прячась за ними от режущих глаза лучей, он заметил оказавшийся на его пути силуэт человека — мягкие, округлые контуры несомненно женского тела.

— Конан? Это ты?!

Голос был до боли знаком ему.

— Неужели? Нет, невозможно: Конан Киммериец — здесь?! Ты мне снился последние три ночи.

Конан почувствовал, как чьи-то ласковые, мягкие ладони легли на его руки и отвели их от лица, открывая глаза режущему даже сквозь закрытые веки свету.

— Да! Да, это ты, мой Конан! Чуть постарел... совсем чуть-чуть, тебе это даже к лицу. Да, ты ведь теперь король!

Мягкие губы покрыли его лицо поцелуями. Щека, прижавшаяся к его щеке, была влажной от слез.

— Ясмела, девочка! Наконец-то я нашел тебя!

Конан с трудом расслабил уже напряженные, готовые к драке руки и опустил на одно колено, прижавшись лицом к животу женщины.

— Еще мгновение назад, — прошептал он, — мне казалось, что я попал в ад. Теперь я знаю, что я в раю.

На миг открыв глаза, Конан, все еще не в силах выдержать яркий свет, снова сомкнул веки, но теперь перед его внутренним взором уже стоял прекрасный лик: алые губы, темные, оливковые глаза, мягкий овал лица, черные, отливающие на солнце золотом, волосы...

— Ты стала еще красивее, Ясмела, если такое вообще возможно!

Закрываясь от солнечных лучей ее телом, Конан открыл глаза и obeжал взглядом ее стройное тело, высокую грудь, скрытую тонкой тканью платья, длинную тонкую шею, с которой спускалась в разрез одеяния золотая цепочка с каким-то медальоном.

Ясмела опустилаcь рядом с Конаном на колени, и, обнявшись, они долго простояли неподвижно, все еще не веря в реальность этой встречи.

Наконец, оторвав глаза от Ясмелы, киммериец огляделся. К его удивлению, он оказался в роскошно обставленной комнате с колоннами, поддерживающими высокий свод потолка. Одна стена была рассечена тремя высокими окнами и дверью, выходящими на широкий балкон, за которым голубое озеро весело искрилось в лучах яркого полуполуденного солнца. Широкий дверной проем вел в соседнее, не менее шикарное помещение. Вход же, через который вломился Конан, до того был прикрыт плотным ковром, который теперь валялся на полу вместе с карнизом и сорванным со своего места порогом.

— Этот выход ведет в нижние, затопленные этажи замка, — сказала Ясмела и, улыбнувшись, добавила: — Впрочем, это ты и без меня уже выяснил.

— Нужно бы поплотнее прикрыть дверь, — чуть смущенно сказал Конан.

Встав на ноги, он подошел к двери, приподнял ее на полувывранных петлях и одним ударом кулака поставил враспорку между косяками. Затем, подняв вырванный из пола брусок порога, он так же, чуть наискось, вбил его между косяками.

— Надо бы потом что-нибудь посерьезней придумать, — почесал он в затылке. — Хотя... если нам все равно сматываться отсюда... Слушай, Ясмела, что это

за место? Мы все еще в Тарнхолде или действительно на том свете?

— Мы все так же в замке, Конан. Мои окна выходят на озеро Тарн. Оно еще великолепнее на закате, и если ты останешься здесь до вечера...

— Видимо, придется, в целях безопасности. Но ведь озеро совсем не похоже на то, что я видел снаружи. Оно живое, веселое, полное солнца. Да и твои апартаменты... В жизни бы не подумал, что ветхая тюрьма может быть обставлена с такой роскошью и с таким вкусом.

— Я понимаю твое удивление, Конан, — сказала Ясмела, обводя взглядом помещение. — Позволь тебе объяснить. Тарнхолд — очень древний замок. И в течение многих веков он служил самым высокородным кораджанцам не тюрьмой, а убежищем, когда удача отворачивалась от них. Могущественные колдуны наложили на эту долину и сам замок свои заклятья, создав иллюзию мрачности, атмосферу недобрых предчувствий, которые якобы вечно витают над этими башнями и стенами...

— Я понимаю, по крайней мере, мне так кажется... И все же — тот паучок в подводном туннеле — тоже иллюзия?

Конан задумчиво пересек комнату и аккуратно выглянул на балкон.

— Не знаю точно, Конан. Но вполне может быть, что это действительно была галлюцинация. Так замок защищался всеми силами от дерзкого храбреца, осмелившегося, несмотря на все внешние предостережения, проникнуть в самую середину охраняемой заклятьями территории. Тарнхолд хранит множество тайн...

— Да уж, я думаю, — буркнул Конан и провел рукой по полированной мраморной стене, а затем — по бархату шторы. — Может быть, и вся эта роскошь — иллюзия, а сами мы сейчас сидим в сырой келье темницы под замком?

— Я могу быть уверена только в том, что я вижу и ощущаю, Конан, — вздохнула Ясмела. — И то не всегда... По крайней мере, я — это я, если, конечно... — Она замолчала и ласково погладила Конана по руке. — А ты, киммериец, все тот же яростный, безудержный, дикий воин и любовник?

— Хотелось бы верить, что да, — ответил он и чуть отодвинулся от Ясмелы. — Извини, но я изрядно вымазался в какой-то плесени и слизи, удирая от самых назойливых, жаждущих личной встречи иллюзий этого замка.

Ясмела улыбнулась:

— Во дворе есть горячий источник. Его вода не только отмое тебя, но и придаст сил.

Принцесса-изгнанница (или отшельница?) хлопнула в ладоши, и на ее зов немедленно явилась служанка — величественно выглядящая, мягко ступающая по мраморным плитам матрона средних лет. Вышколенная за долгие годы на службе при дворе, она лишь вздрогнула, удивленно взглянув на неизвестно откуда взявшегося Конана, а затем, поспешно опустив глаза, поклонилась своей повелительнице.

— Ватесса, приготовь простыни для купания, — приказала Ясмела, — и предупреди, что ужин должен быть более обильным, я думаю... раз в пять больше обычного, — подмигнула она киммерийцу. — Пойдем, Конан, я провожу тебя к источнику. Там нам никто не помешает.

Ясмела провела гостя через свои роскошные покои, а затем спустилась, ведя его за руку, по прекрасной мраморной лестнице в замковый дворик. Конан настоужился, увидев во дворе нескольких слуг, но, судя по всему, они беспрекословно выполняли приказания его спутницы и исчезли по первому ее знаку. Сам дворик напоминал небольшой сад с разбитыми тут и там клумбами и высаженными по периметру вдоль стен плодовыми деревьями. Изнутри часовых на стенах видно не было. Более того, Конан обнаружил, что с одной стороны двор открыто выходит к озеру, спускаясь в воду широкими гранитными ступенями. Как это удавалось делать невидимым снаружи — киммериец предпочел не ломать себе голову, хотя неприятный осадок от столь могущественного колдовства по соседству все же оставался у него в душе.

В одном из углов двора в выложенный мрамором бассейн стекала по камням, покрытым белым налетом, бьющая между ними вода. Над водоемом поднимался чуть заметный пар. Видимо, благодаря этому отдельному

источнику тепла, деревья в саду Тарнхолда цвели и приносили плоды даже сейчас — не в сезон.

Попробовав воду рукой и найдя ее весьма горячей, но все же — вполне сносной для омовения, Конан сбросил с себя изодранные шелковые шаровары и шагнул в бассейн. Минуту спустя, подождав, пока служанка поможет ей снять платье, за ним последовала Ясмела. На ней остались лишь костяной гребень в волосах да цепочка с медальоном.

Конан встретил ее, заключив в объятия, которые оба не размыкали до тех пор, пока высокая температура воды не напомнила о необходимости освежиться в вечерней тени, падающей от весело шелестящих на легком ветерке деревьев. Бесстрастная Ватесса, набросив на Ясмелу простыню, терпеливо смазала какими-то снадобьями царапины и ссадины Конана, полученные им при штурме заколдованного замка. Затем служанка удалилась, предоставив киммерийцу и Ясмеле полнее насладиться радостями столь неожиданной встречи.

Уже вечером, на закате, сидя за изысканно сервированным столом на террасе покоев Ясмелы, они продолжили разговор. Конан, восхищаясь мастерством маскировки замка, вспомнил, что изнутри он не видел на стенах ни единого стражника.

— Да, — согласилась Ясмела, — их не видно. Во-первых, такова уж архитектура замка. Во-вторых — охрана здесь весьма малочисленна. Я ведь уже говорила, да ты и сам мог убедиться в том, что Тарнхолд больше рассчитывает на другие методы защиты и сохранения спокойствия.

— Да уж, это точно, — буркнул киммериец. — Имея таких защитников, как те зверушки в подвалах, можно не тратиться на солдат-охранников. — Конан внимательно посмотрел Ясмеле в глаза. — Скажи мне честно — ты ведь здесь не пленница?

— Пленница? — Ясмела покачала головой. — Нет, хотя многие, пожалуй, назвали бы, да и называют это так. Нет, Конан, я просто сама удалилась от политической жизни Кораджи.

— Ты? Чтобы Ясмела, которую я знал, поступила так по своей воле? Что-то не верится, что ты сдалась и бежала с поля боя...

— Понимаешь, Конан, все гораздо сложнее. Я ведь уже не та жадная до власти принцесса, что была раньше. Я столько лет провела в тени моего брата Коссуса, пытаясь исправить то, что он натворил своим безвольным правлением, столько лет плела свою нить в общей паутине придворных интриг... В общем, в один прекрасный день я почувствовала, что больше не хочу ничего этого — ни власти, ни славы, ни... любви ради успеха очередного заговора... У тебя было много любовниц, коротких романов, случайных встреч?

— Много, — кивнул Конан.

Ясмела вздохнула:

— И все равно, я не думаю, что ты понимаешь, какво это — спать с человеком не по любви, не ради удовольствия, а ради достижения вполне конкретной цели, например — чтобы привязать его к себе, пригрозить оглаской перед его женой... Мужчины при дворе — в своей массе жалкие и убогие хлюпики. Верности женщине или своему правителю у них куда меньше, чем у простого народа. И вот я с нетерпением ждала, когда в Корадже появится правитель, способный достойно нести на своих плечах бремя власти. Когда же я поняла, что этот человек есть и готов взять страну в свои руки...

— Ты имеешь в виду Амиро, я так понимаю? — Конан резко наклонился к ней: — Скажи честно, Ясмела, принц держит тебя здесь как наложницу?

— Амиро?! Да что ты, конечно, нет, — искренне удивилась Ясмела, не сумев скрыть, однако, что оставила кое-что недоговоренным. — Я вообще не уверена, что у принца остается время на плотские утехы. Слишком уж он занят расширением своих владений и укреплением власти. А если он и завел себе постоянную подругу, то уж всяко помоложе, чем я.

— По мне, так ты сама молодость, Ясмела, — откровенно сказал Конан. — Но что касается Амиро, могу тебе сообщить, что принц — мой личный враг, удостоившийся этого звания за бесчестный, предательский по отношению ко мне поступок. И единственное, чего он достоин, — это смерти!

На миг Ясмела отвела глаза в сторону, но, взяв себя в руки, заговорила:

— Предупреждаю тебя, с Амиро не так легко справиться. А если честно, то как правитель он очень неплох. Пожалуй, он лучший и достойнейший из тех, кто всходил на трон Кораджи и уходил с него на престол других королевств с тех пор, как наш народ заявил о своей независимости в пещерах на склонах гор к западу от Шема! Посуди сам — какой порядок он навел в Кофе: ты мог видеть хорошие дороги, почтовые станции, стражу, охраняющую горожан и путников... Одно то, что Амиро впервые за последние века сумел перевести все войны за границы Кораджи, дав нашей стране хоть несколько лет передышки, уже говорит о многом. И я не слышала, чтобы побежденные народы жаловались на его слишком жесткое правление.

— Я не об этом, — холодно произнес Конан, сжав локоть Ясмелы. — Он может быть трижды хорошим правителем — готов тебе в этом поверить; в том, что он грамотный стратег и лихой вояка — я сам имел возможность убедиться. Но пойми — к трусости, бесчестию, обману это не имеет никакого отношения!

Видимо, в пылу разговора киммериец слишком сильно сжал руку Ясмелы: женщина неожиданно вскрикнула; извинившись, Конан продолжил:

— Этот негодий нарушил все законы благородного поединка! Знаешь, что он сделал? Согласился сразиться со мной один на один, а сам подослал дюжину убийц с арбалетами. Причем его войска приветствовали его и выражали поддержку этому «хитрому ходу». Видимо, Амиро сумел привить дух «здоровой смекалки» своим солдатам. Признаюсь тебе, по старой дружбе, один из мерзавцев, подосланных твоим любимчиком, посадил мне стрелу знаешь куда? Туда, где ни у одного настоящего воина не должно быть ни шрама.

Привстав, Конан похлопал себя по столь бесславно пострадавшему месту, не став, однако, снимать штаны и демонстрировать шрам.

— Так что, Ясмела, нам с Амиро нет места под небом Хайбореи. И если бы не слух, что он заточил тебя в тюрьму, а то и вовсе убил, — я бы сейчас командовал армией, ведущей с ним войну не на жизнь, а на смерть! Будь такой бесчестный трус простым свиномаром или разбойником

с большой дороги — я и то считал бы необходимым содрать с него шкуру. А если он при этом называет себя принцем, пытается встать со мной рядом... — Конан, не найдя приличных слов для продолжения фразы и не желая ругаться при Ясмеле, замолчал, а затем спросил: — Откуда он вообще взялся, этот мерзавец?

Лицо кораджанской правительницы было залито слезами. Отвечая, она явно старательно подбирала слова:

— Он — пасынок кораджанского двора, который благодаря своим способностям, уму и настойчивости сумел пробиться к вершине власти, обойдя чуть не дюжину других претендентов на престол... Но скажи, Конан, разве происхождение человека играет такую уж большую роль? Или ты, взойдя на трон Аквилонии, забыл, что сам был рожден не в благородном обществе, а в далекой стране, в одном из диких, варварских племен Севера? Да и неужели ты не потерпишь человека с другими представлениями о чести и благородстве, который правит где-то в далеком королевстве?

Конан хмуро покачал головой:

— Нет, Ясмела, для такого человека, в первую очередь, если он правитель, в моем сердце нет ни терпения, ни жалости. — Помолчав, он медленно стал повторять столь запавшие ему в душу слова: — Став королем, я понял одно: мир — это маленькая деревня, в которой живет горстка правителей. И негоже в таком маленьком поселении терпеть дурного, не внушающего тебе доверия соседа.

— А ты, значит, вознамерился стать правителем в этой деревне королей, — закончила за него Ясмела. — Это твои советники внушили тебе такую мысль?

— Ага, — честно ответил Конан. — Есть у меня один приятель — смешной такой парнишка Делвин. Так вот, он за то время, что мы знакомы, поведал мне обо мне же столько, сколько я за всю жизнь не слышал.

Ясмела понимающе кивнула:

— У многих правителей есть такие советчики. Но будь осторожен — принцу тоже есть кому посоветовать.

— Если бы я не знал тебя, твою благородную, не умеющую предавать душу, я бы подумал, что ты — одна из тех, кто шепчет на ухо Амиро.

— Ты прав, — как-то нерадостно согласилась Ясмела. — По мне, он слишком склонен ко лжи... И все же, если ты согласишься остаться здесь со мной на ночь, быть может, я сумею сказать тебе то, что изменит твоё отношение к Амиро.

Помолчав, Ясмела тяжело вздохнула и вдруг перевела разговор на другое:

— Да и я уже не та, знаешь, Конан. Во-первых — внутренне, ибо я тебя обманывала. А во-вторых, внешне, ибо я давно уже не такая, какой кажусь тебе.

Конан моргнул и недоверчиво заметил:

— Только не пугай меня, девочка. Еще не хватало узнать, что я мило купался и занимался любовью с воинственным седобородым старикашкой-колдуном или жаждущим моей крови вампиром.

Даже в шутке Конан не смог до конца скрыть мелькнувшее в нем серьезное подозрение и некоторую долю страха.

— Увы, киммериец, на этот раз я говорю истинную правду. — Ясмела явно была не рада, что завела этот разговор. — Помнишь, мы сегодня говорили о том, что вокруг нас — реальность, а где стены Тарнхолда таят иллюзии? Так вот, я сама в какой-то мере — иллюзия Тарнхолда. Этот амулет, — ее рука коснулась висевшего на груди медальона, — несет на себе древнее заклинание. Он сохраняет своему обладателю ложную внешнюю молодость. Да, Конан, без него — я, наверное, уже старуха. По крайней мере, я уже не буду столь желанной и волнующей для тебя.

Замолчав, Ясмела одной ладонью обхватила висевший на ее груди амулет, а второй закрыла глаза.

Она вздрогнула, услышав неожиданно бодрый и добродушный голос Конана, вставшего из-за стола, чтобы подойти к ней:

— Э-э, девочка, много ты понимаешь... С тех пор как мы не виделись, для тебя прошло не больше лет, чем для меня. И ты могла убедиться в том, что я вовсе не старая развалина. Пусть кто-нибудь скажет это — я тотчас же вызову его на поединок, с любым оружием или с кружками эля — на выбор. Впрочем, к женщинам это не относится. Им я предложу рассчитаться за оскорбление

и убедиться в собственной неправоте несколько иным способом.

Мозолистая рука киммерийца ласково легла на мокрую от слез щеку Ясмелы, ответившей почти шепотом:

— Да, Конан, ты прав. Но ведь всем известно, что мужчина с годами только выигрывает и стареет достойно, а женщина куда раньше отцветает и оказывается ненужной, как прошлогодняя листва.

— Чушь! — как мог вежливо возразил Конан.

Затем он аккуратно взял Ясмелу на руки и отнес на балкон, где лучи заходящего солнца одели королеву в багряную мантию.

— Тебе не нужен этот амулет, Ясмела, — спокойно, но непоколебимо сказал Конан. — Отдай мне его.

Женщина вздрогнула; несколько мгновений в ней еще шла какая-то внутренняя борьба, а затем, еще раз бросив взгляд на киммерийца, она медленно сняла через голову цепочку и протянула ему амулет.

Золотой, украшенный темно-синими камнями-лепестками цветок перешел в ладонь Конана, почти утонув в ней. Сам же король Аквилонии стоял неподвижно, не отрывая взгляда от повернутого в полупрофиль такого знакомого лица давней возлюбленной и сегодняшней любовницы.

Медленно и незаметно в лице и теле Ясмелы стало что-то меняться. Ее грудь, напряженно и упруго стоявшая торчком, чуть опустилась, смягчившись, словно легла отдохнуть, приобретя при этом еще более величественную, не девичью, а женскую форму. Чуть проглядывавшая из-под кожи грудная кость словно исчезла, утонув в теле; сгладились переходы от ключиц к плечам и шее, которая, так и не обретя ни единой морщины, чуть окрепла и уже не казалась столь готовой переломиться. Даже плоский, как у мальчишки, живот Ясмелы изящно округлился, став животом взрослой, рожающей женщины, как и ее раздавшиеся, набравшие мощь бедра.

Во всем облике Ясмелы девичья, чуть кукольная юность уступила место степенной, истинно королевской красоте зрелой женщины. Залитая последними алыми лучами заходящего солнца, она напомнила Конану

ожившую богиню, чьи изображения были рельефом выбиты на фронтонах храма Митры в Тарантии.

Лицо Ясмелы, нисколько не потеряв своей красоты и привлекательности, лишь стало намного выразительнее, чем прежде. Да, горе, печали и тревоги оставили на нем свой след — в меланхолическом изгибе губ и мягкой сеточке у уголков глаз. Но и умение радоваться жизни, пришедшая с возрастом и опытом мудрость тоже наложили свою печать на прекрасное, словно ожившее лицо королевы.

Отчаяние, ожидание худшего и в то же время — надежда отразились на этом лице. Темные глаза жадно, с волнением вглядывались в глаза мужчины, ожидая прочесть в них свой приговор. Видимо, почувствовав что-то, Ясмела чуть распрямила плечи, подняла подбородок, уголки ее губ тронула легкая улыбка.

В ответ, сделав шаг ей навстречу, Конан протянул к ней руки со словами:

— Ну, королева, давай, иди же ко мне... Будь снова моей! И забудь о своей заколдованной побрякушке. Ты не нуждаешься в услугах колдовства.

Золотой цветок звонко ударился о мрамор и откатился с балкона в комнату, сверкнув огненной искрой в лучах заходящего солнца.

Глава 10

НОЧНОЕ НАПАДЕНИЕ

Каждый вечер, когда уставший за день бог-Солнце уходит на отдых за море, как гласят легенды Южной Стигии, — он выпускает голодную черную пантеру — ночь, которая охраняет его земные владения. Большинство смертных в это время лишь съеживается от страха во сне, в то время как некоторые, в основном — воры и влюбленные, — осмеливаются воспользоваться тенью огромного черного зверя, чтобы достичь того, что им нужно.

Но как бы ни подгоняла человека жадность или страсть, как бы ни подбадривали его ласки любимого или веселящее вино, — все равно к утру любители любви

и менее возвышенных благ стремятся найти уютное и безопасное место, чтобы хоть на несколько часов, уже в предрассветных сумерках, забыться сном.

Именно из такого предрассветного сладкого забытья вынырнули Конан и Ясмела, разбуженные чьим-то криком. В следующую секунду стало ясно, что кричала — из соседней комнаты — Ватесса. Крик оборвался внезапно. Сталь или кулак оборвали его — было не ясно, но, судя по всему, удар оказался смертельным.

Конан, скатившись с кровати, схватил стоявший у изголовья бронзовый подсвечник в форме статуи какого-то божества. В тот момент, когда распахнулась дверь и на пороге появился одетый в черное незнакомец, бронзовая статуя разможила ему голову. Короткий меч, выпавший из руки чужака, не успел удариться об пол, подхваченный на лету киммерийцем.

Топот в соседней комнате подтвердил, что бой еще не окончен. Тотчас же, тесня Конана, в спальню ворвались с полдюжины воинов в черном. С яркой масляной лампы был сорван колпак, и острый луч света, слепя киммерийца, уперся ему в лицо.

— Ну что ж, Ясмела, — хрипло прозвучал знакомый Конану голос, — очень мило. Теперь ты в открытую встречаешься с моими врагами и даже недурно проводишь с ними время. Весьма болезненный удар кинжалом в мою неприкрытую спину...

— Королева невиновна, — перебил Конан. — Она не может отвечать за чужеземного воина, ворвавшегося в ее покои без приглашения. А о моем визите не было ничего заранее известно, как, впрочем, и о твоём, Амиро... Я ведь не ошибся, определив тебя по голосу, принц? Хотя, по правде говоря, мне не совсем понятно, каким колдовством ты узнал, что я здесь, и каким чудом сам перенесся сюда...

— Колдовство? Чудо? — Голос Амиро сорвался на презрительный смешок. — Неужели ты думаешь, о Конан Аквилонский, что у меня нет шпионов ни в охваченном войной Офире, ни в самих твоих легионах? Неужели ты полагаешь, что у меня не хватит рабов, паланкинов, сменных лошадей, чтобы добраться сюда быстрее, чем одинокий всадник, которому все же нужно отдыхать

по дороге. Странно еще, что я все-таки опоздал к моменту твоего появления в замке, которое, в свою очередь, кажется мне весьма загадочным, если, конечно, ты не лжешь и у тебя не было предварительного договора с Ясмелой.

— Хватит болтать, шакал! — рявкнул Конан. — Ты уже доказал, что поединок тебе не по зубам. Прикажи же своим псам наброситься на меня. Посмотрим, для скольких из них этот бой станет последним!

— Я не стану просить столь достойных воинов обнажать их клинки из-за какого-то пустяка, — высокомерно ответил Амиро. — Эй, ребята, разоидись. Этот парень — мой!

Два воина сошлись в отчаянной схватке. Лязгнули короткие, остро отточенные мечи — идеальное оружие для боя в небольшом помещении. На Конане были лишь короткие — чуть ниже колен — шелковые шаровары, и по сравнению с ним Амиро в своих плотных кожаных доспехах имел преимущество. Но это не остановило повелителя Аквилонии, который, яростно атакуя, смог прижать противника к стене.

Но Амиро сумел найти выход из этого положения. Поняв, что проигрывает сопернику в чистом фехтовании, он в какой-то момент молниеносным движением сорвал с себя наброшенный на плечи кожаный дорожный плащ и, умело взмахнув рукой, быстро и ловко намотал его на предплечье левой руки. Плотная кожаная крага, плюс несколько слоев тонкой кожи плаща — такая защита позволяла принимать на руку, как на щит, не самые сильные удары противника. Воспользовавшись полученным преимуществом, принц, в свою очередь, оттеснил Конана к центру комнаты и продолжал наступать дальше.

Киммериец отступал, хладнокровно выжидая момента, когда Амиро либо раскроется, подставив под удар незащищенный бок, либо слишком понадеется на свой импровизированный щит и рискнет отразить им нанесенный с полного замаха удар, который, по опыту Конана, пробил бы несколько слоев кожи и отсек саму руку.

Ясмела сидела на кровати, прижавшись спиной к стене и поджав под себя ноги. Королева явно сопереживала каждому моменту поединка, но кому именно

она симпатизировала, чьей победы желала — сказать было бы затруднительно.

Неожиданно ход поединка вновь резко переломился. Это Конан, схватив стоявший возле кровати мозаичный столик, изо всех сил обрушил его на подставленную левую руку Амиро, пробив эту защиту и основательно огрев принца по голове. Соперник киммерийца отлетел на середину спальни, где упал на одно колено, явно еще не придя в себя после такого удара. Нетвердой рукой он, защищаясь от бросившегося на него Конана, поднял и выставил перед собой меч.

Перешагнув через обломки расколовшейся при падении столешницы, Конан занес меч для последнего удара.

— Нет! Пощади его, Конан! Пощади его — он мой сын!

Сам по себе крик Ясмелы ни на миг не остановил киммерийца. Но, к его несчастью, прежде чем меч опустился на голову Амиро, до Конана дошел смысл этих слов. Короткий кофийский клинок застыл в воздухе, затем опустился к полу... В этот момент, воспользовавшись замешательством аквилонского короля, охранники Амиро набросились на противника их повелителя. В последний момент Конан успел дважды взмахнуть клинком, ранив одного и нанеся смертельный удар другому стражнику. Но вторая жертва, падая, вывернула из рук киммерийца его оружие. Оставшиеся в живых шестеро телохранителей сумели одолеть безоружного Конана, повалив его на пол и приставив к его горлу и груди по мечу.

— Премного признателен тебе, мамочка, — сказал Амиро Ясмеле, поднимаясь на ноги. — Твое вмешательство в бой на моей стороне смягчило мое сердце, и, пожалуй, я не буду слишком сурово наказывать тебя за... некоторые проступки, заслуживающие в другом случае жесточайшей кары. Согласись — вряд ли ты не знала, кто этот человек, ожидающий сейчас смерти, но никак не желающий смириться с неизбежным.

Амиро ткнул пальцем в сторону Конана, попытавшегося дернуться, но ощутившего, как острый клинок сильнее надавил на его горло.

— Пощади его, Амиро, — крикнула Ясмела. — Прояви такое же великодушие, какое он продемонстрировал, сохранив тебе жизнь. Сделай это ради меня.

Она умоляюще прижала к груди руки и встала на колени перед Амиро.

— Пойми, сынок: мы с Конаном — давние друзья; когда-то мы любили друг друга...

Принц усмехнулся:

— Невелика новость, мамочка. Все! Хватит мне соплей! Неужели ты еще не привыкла к тому, что я не всегда бываю великодушен и милосерден по отношению к твоим бесчисленным мужикам... извини — увлечениям юности.

Амиро посмотрел на лежащего Конана, сдавленного со всех сторон телохранителями принца, которые благо-разумно не отреагировали на его шуточки по отношению к матери. Впрочем, им было не до смеха. Всем вместе, им едва удавалось удержать пленника неподвижным.

Потянув паузу, принц сообщил:

— Впрочем, этот твой «друг», мамочка, слишком важная птица, чтобы взять и убить его. Он еще вполне сгодится кое на что — например, послужит живцом, ценным заложником, а то и, как знать, станет когда-нибудь марионеточным правителем в какой-либо захудалой провинции. Мариус, веревочки для нашей марионетки, — приказал принц, щелкнув пальцами.

Один из солдат, державший свой меч у сердца Конана, достал одной рукой из-за пазухи кожаные шнурки с уже заготовленными петлями со скользящим узлом. Немалых усилий стоило стражникам перевернуть киммерийца и свести за спиной его запястья.

— Что же касается твоего пребывания здесь, мама, — продолжил Амиро, — я полагаю, что оно закончено. Мне кажется, что продолжать воздержание от участия в политических делах Кораджи, а также воздержание иного рода тебе придется в другой, более уединенной и безопасной крепости. Я постараюсь сделать так, чтобы это не слишком отразилось на комфорте твоего существования. Тарнхолд же с этого дня будет значительно лучше охраняться. Он станет местом заключения для нашего пленника и ловушкой для всякого глупца, который рискнет попытаться освободить его. Мариус, когда свяжешь его

понадежней, спустишься вниз и присмотришь там камеру для него. Пусть слуги принесут туда факелы и подготовят все необходимое для дежурных и надзирателя. Вы же, мамочка, можете одеться, но потрудитесь сделать это не при моих людях. Я распоряджусь, чтобы слуги собрали ваши вещи. И не задерживайся, мама. Ясно?

Амиро еще раз скривил губы в усмешке, убрал меч в ножны и, резко развернувшись, вышел из спальни.

— Прости меня, Конан! Я не хотела... Я не знала, поверь!..

Голос Ясмелы сорвался в рыдания, которые стали тише, когда она направилась в соседнюю комнату. Вскоре оттуда донесся короткий крик — видимо, Ясмела увидела, что случилось с Ватессой. Затем дверь захлопнулась, и голоса в соседней комнате превратились в невнятное бормотание.

Сам же король Аквилонии остался лежать связанный по рукам и ногам. Профессионально наложенные кожаные шнуры стягивали вместе его запястья за спиной и ступни; оба узла крепились, словно к якорю, к тяжелой доске, выломанной из основания кровати. Умело завязанные узлы полностью лишали пленника возможности двигаться, не угрожая при этом перекрыть доступ крови к конечностям и сделать его инвалидом.

Когда задача обездвигнуть опасного пленника была наконец выполнена, Мариус вышел из комнаты и вместе с тремя своими товарищами отправился на поиски слуг и на разведку состояния подвальной темницы и приведение ее в порядок. Оставшиеся два стражника, еще раз убедившись в надежности узлов, вышли на балкон, чтобы перевести дух и подышать свежим предрассветным воздухом.

Конан, лежа в полумраке спальни, безуспешно пытался ослабить свои путы, напрягая и расслабляя мышцы. При этом он шепотом отчаянно ругался, рассыпая вереницы самых нецензурных ругательств двух десятков разных народов. Он недобрым словом поминал Ясмелу, проклинал Тарнхолд, костерил Амиро и его стражников, но с наибольшим рвением крыл себя самого за дурость и доверчивость. Надо же так попасться: довериться принцессе-регентше, которая и в лучшие-то годы не смогла

оторваться от вязавших ее по рукам и ногам представлений о семейной чести и порядке в отношениях с родственниками. А тут тебе не седьмая вода на киселе, а ее собственный, прижитый от кого-то из придворных сыночек, в которого, судя по всему, Ясмела вложила все, что могла, все качества, которые в ней были, и те, которых ей очень не доставало, но в необходимости которых ее убедила жизнь. Воля к власти, жестокость, настойчивость в достижении цели любыми, самыми бесчестными средствами, казалось, не имели пределов в душе Амиро.

Даже владение мечом, признал про себя Конан, давало многолетние и настойчивые тренировки. Далеко не каждый аристократ, воспитывавшийся без отца, достигал такого уровня мастерства.

И чем же отплатил Амиро своей матери за все это, за вложенное в него в течение долгих лет и за спасенную ему этой ночью жизнь? Презрением и оскорблением при своих телохранителях, не говоря уже о решении отправить ее в настоящую ссылку. Нет, бормотал про себя Конан, только бы вырваться, только бы найти меч, кинжал, любое оружие — он прикончил бы этого мерзавца, несмотря на все умоляющие просьбы его мамочки.

Заставив себя успокоиться, Конан решил более здраво посмотреть на положение вещей. Ненависти к Амиро, видимо, предстояло еще созреть, настояться, как доброму вину, а не излиться попусту, как свежей кислотине. В данный же момент киммерийцу ясно было одно: освободись он от связывающих его веревок — и никакая сила уже не сможет удержать его от того, чтобы, добежав до балкона, броситься с него в воды озера Тарн. В сумерках он сумеет затеряться в окрестных лесах, а там... там видно будет. Главной проблемой оставалось справиться с веревками.

Чем перерезать, перетереть проклятые кожаные шнуры? Ничего острого в пределах досягаемости. А начать двигаться — значит поднять шум, привлечь внимание стражников и повеселить их своими бесплодными попытками обрести спасение.

Единственный предмет, оставшийся в досягаемости Конана, был тот самый омолаживающий талисман, который он снял с Ясмелы. Золотой цветок лежал у кро-

вати, и, перевернувшись на бок, киммериец, не стукнув об пол доской, дотянулся до цепочки амулета. В какой-то момент Конан в нерешительности задумался, прикидывая, чем сможет помочь ему колдовское украшение. В самом деле — не предлагать же его стражникам в качестве взятки. Не тот вариант. Измениться до неузнаваемости, превратившись в юнца — ровесника Амиро? Тоже чушь. И все же... А не действует ли амулет не только на живую, но и на умерщвленную плоть? С сомнением киммериец, изловчившись, набросил цепочку на запястья, словно надев таким образом амулет себе на руки.

Некоторое время все оставалось без изменений, и Конан уже стал ругать себя за то, что в отчаянии пошел на полную глупость, связавшись с магией, в которой ни черта не смыслил. Вдруг он почувствовал, как его руки чуть свободнее шевельнулись относительно друг друга. Видимо, амулет возымел свое действие, превратив обработанную, выделанную кожу в сыромятную, упругую полоску коровьей шкуры. Несколько отчаянных рывков, и вот, освободив руки, киммериец уже склонился над ногами, распутывая узлы и срывая со ступней путы.

Глава 11

ПРИЗРАК ИЗ БЕЗДНЫ

— Бессмертный Ктантос, я здесь, — стоя на краю черного бассейна, под чужим, незнакомым небом, Делвин обратился к незримому собеседнику. — И нечего ждать от меня подтверждения прибытия. Сам прекрасно видишь. Ну что, божок, что ты от меня хочешь на этот раз?

Поверхность черной жидкости подернулась рябью без малейшего ветерка. Булькнули первые пузырьки.

— Не хочу, а требую, — донесся из глубины бестелесный голос. — Требую, во-первых, чтобы ты обращался ко мне более почтительно, как подобает в соответствии с моей божественностью и безграничным могуществом.

— Договорились, Полубог. Так пойдет? Надеюсь, это не единственное, ради чего ты меня вызвал.

Оглядевшись, карлик заметил:

— Я смотрю, ты и вправду набираешься сил. Обстановочку сменил, надо сказать — весьма со вкусом. — Эти слова относились к появившимся вокруг бассейна высоким, устремленным в небо колоннам и арочной галерее, появившимся вместо древних руин. — И все же, — пожал плечами Делвин, — я поостерегся бы провозглашать твое могущество безграничным.

— Что ты понимаешь в безграничном, смертный? — забулькал бассейн. — То, что для тебя — непреодолимый предел, для божественного существа — лишь призрачная линия.

— На себя посмотри, призрачная линия, — огрызнулся карлик. — Учти, если ты ожидаешь уважения многих почитателей твоего могущества, потрудись воплотить свою божественную сущность во что-либо более осязаемое, нежели булькающий пудинг.

— Опять вам, людям, подавай форму, — раздалось старческое брюзжание Ктантоса. — Какой-нибудь символ, идол, чтобы беспрепятственно восприниматься вашими ограниченными мозгами. Что с вас взять — смертные, вы и есть смертные. Выше себя не прыгнешь.

В бассейне замелькали какие-то тени, и Делвин спокойно поежился. Хриплый бас продолжил:

— Говоришь, что-нибудь такое, с чего можно снимать бесчисленные копии и изображать где угодно? Чтобы таскать на шее или в сумке, или помещать в жалкие будки, именуемые храмами? Ну что — такое пойдет?

В центре бассейна вздулся огромный пузырь; лопнув, он издал оглушительный хлопок, и над поверхностью черной жижи быстро выросла человеческая фигура из какого-то придонного ила. Нависшее над карликом угрожающего вида создание превышало рост Делвина в несколько раз.

— Впечатляет ли тебя это воплощение? — с издевкой спросил скелетоподобный призрак, двигая нижней челюстью в некоем подобии соответствия с речью.

Делвин чуть не скатился с бортика, но, попытавшись бежать, увидел, что длинные, изогнутые дугой руки чудовища окружили его широким кольцом, отрезав путь к отступлению.

Вынужденный обозреть конечности призрака с нежелательно близкого расстояния, Делвин обнаружил, что его руки состоят из примерно дюжины или больше перемазанных черной жижей обычных человеческих костей, в основном двойных — с предплечьев. Кое-где, видимо, по ошибке, Ктантос сунул берцовые кости или позвонки. Каждый палец чудовищного скелета состоял из полутора-двух десятков фаланг. Тут уж кости стоп и кистей были перемешаны безо всякого порядка. Судя по всему, суставы этого устрашающего организма могли поворачиваться, сгибаться и разгибаться в любую сторону и под любым углом.

— Ну, что скажешь? — давась от смеха, спросил Ктантос. — Эмблема достойна моей божественной сущности?

— Впечатляет, Бессмертный, — осторожно ответил Делвин. — Особенно в качестве устрашения для врагов или кары за грехи. Сдается мне, такую рожу лучше показывать безнадежным еретикам, чем пугать так добропорядочных верующих.

— Ладно, это же все так — шутки. Я сохранил кое-какие игрушки из тел смертных, принесенных мне некогда в жертву.

Стремительно и беззвучно огромный скелет втянулся обратно в жижу бассейна, и на поверхности опять забубнили пузырьки:

— Сам понимаешь, последнюю тысячу лет мне особо нечем было заняться. Вот и впал в детство. Гляди, чего могу.

Над поверхностью бассейна вновь показались страшные сооружения: черепа, насаженные на тазобедренные суставы и с ладонями прямо под ними, позвоночники с тремя ногами и двумя черепами, но без рук, и множество других уродцев... Отдельные белые кости — похоже, что ребра — запрыгали дельфинами над черной жижей.

— Ничего, — успокоившись, пробубльнул Ктантос, — сам понимаешь, во всем этом цирке отпадет нужда, как только я начну править миром из этого бассейна. Тогда сомнений в моей божественной сущности не возникнет ни у кого. Кстати, об этом: как продвигаются наши дела?

— Неплохо, о Бессмертный, — несколько более почтительно произнес Делвин. — Выбранный мной король

оказался сильным, умелым воином, хорошим командиром и при этом — доверчивым к моим словам, как ребенок. Он уже захватил половину одного государства, послал войска на захват другого, уничтожив при этом правителей обоих...

— О каком короле ты ведешь речь: о дикаре и невежде Конане или о высокородном и хитром Амиро?

— Разумеется, о Конане Аквилонском, о Бессмертный! Разумеется, если Конан погибнет, втянув полмира или даже большую его часть в войну, мы обратим наши усилия на принца Амиро. Я не сомневаюсь, что сумею стать ему рупором твоих мыслей, но не уверен, что этот хитрец будет столь же управляем и восприимчив, как Конан.

Помолчав немного, карлик, словно невзначай, заинтересовался:

— Скажи мне, о Бессмертный: если ты так хорошо осведомлен о том, что я тебе еще не докладывал, то нет ли у тебя иных источников информации о нашем мире?

— Разумеется, есть. И их вполне достаточно, например, чтобы сообщить тебе, что выбранный тобой претендент на мировой престол несколько отклонился от нужного курса и исчез из поля зрения своих подданных. Застигнут, схвачен и — если верить всепроникающей молве — мертв, что, как мне кажется, идет вразрез с вашими мечтаниями о мировой империи.

— Нет, Бессмертный Ктантос! — убежденно запротестовал карлик. — Король Конан жив! Если бы он погиб — я узнал бы об этом так или иначе. Он — настоящий лидер, такой, какой нам нужен. И именно сейчас он стоит на пороге большого скачка, резкого движения вперед, к намеченной мной — и тобой — цели: мировому господству. А если он порой и исчезает... — карлик всячески старался принизить значение отсутствия Конана, — ничего страшного. Государственные дела он поручает неглупым и верным ему исполнителям. Все это было предусмотрено и входит в мой общий стратегический план. Вспомни, как столица могучего Офира, готовая обороняться против целой армии, рухнула к его ногам, залитая кровью своих аристократов.

— Лживый смертный! — булькнул Ктантос. — Можешь ли ты поклясться, что долгое отсутствие твоего любимчика на поле боя и нахождение его вне твоей досягаемости не подвергает опасности наше дело?

Из глубины бассейна вынырнули десятки костяных рук, сжавших кулаки или угрожающе покачивающих пальцами.

— Если он ищет приключений, то почему ты не с ним? — вновь забулькали пузыри. — А если он погибнет или окажется в плену? Как ты сможешь защитить его или вовремя предать, переметнувшись к победителю?

Делвин явно несколько сник.

— Вынужден признать, о Великий Ктантос, что мой контроль за ним далек от совершенства. Разумеется, Конан — верный раб своей собственной гордости, своего тщеславия, как и подобает королю. Он не меньше влюблен в светлые цели, которые я вбил ему в голову. Обычно его неожиданные выходы оказываются нам только на руку. Но если я все правильно понимаю, изрядная часть его жизненного пути идет, извиваясь, петляя, возвращаясь назад, — и все это из-за женщин. Самая реальная опасность сейчас — это королева Зенобия, чье влияние, я надеюсь, должно нейтрализовать вполне подходящая нам по духу Амлуния. Быть может, впоследствии мы сможем приставить ее к делу уже более сознательно. Но в последнее время перед нами замаячила другая опасность — одна королева из лагеря противника, некая Ясмела. Насколько велика ее роль — я сказать наверняка не могу, но что-то мне в этой женщине не нравится, что-то пугает меня... Это ведь ради ее спасения Конан укачал из Янты...

— Поможет ли тебе, если я сообщу, что эта Ясмела — родная мать принца Амиро?

— Что? Тогда все хуже, чем я предполагал. Но главное — прости меня, Бессмертный Повелитель, — я действительно недооценил твою необозримую мудрость. — Помолчав, Делвин продолжил: — Молю тебя, Ктантос, если ты так хорошо знаешь обо всем, что происходит в мире смертных, не сможешь ли ты вмешаться в ход событий, предотвратить неминуемое крушение всех наших надежд? Ибо, предполагая, что наш избранник все еще жив, мы могли бы...

— Конан жив, тут ты был прав. И королева Ясмела действительно может очень помешать нам, будучи любящей матерью и в то же время привязанной крепчайшими, крепче, чем ее воля и разум, нитями к Конану. А что касается твоей мольбы... да, я действительно могу вмешиваться в жизнь смертных. Очень простым и довольно грубым способом: я могу убивать, отнимать у них жизнь.

— Молю тебя, воспользуйся своей силой, о Великий Бессмертный! Эта женщина — Ясмела — она действительно непредсказуемо опасна, она может поставить под угрозу все — наши планы, нашу империю, твое обновленное господство над миром...

— Хватит! Это будет сделано — как исполнение твоей мольбы. Но не сейчас. Мне еще очень нелегко приходится в твой мир и отнимать жизнь у смертных. Но, как ты уже убедился, мое могущество растет с каждым днем, и скоро ему не будет границ.

— А еще Зенобия, господин Ктантос! Ее бы тоже — того... Я как-то сразу забыл попросить. Но одна смерть может лишь нарушить равновесие, оказаться половиной дела... Не лучше ли сразу — для симметрии — раз, два, и готово!

— Как же ты жаден, маленький человечек, жаден до смерти! Хотя я и милосердное к своим почитателям божество, исполнять слишком много желаний сразу — это только портит людей, развращает их, отучает действовать самостоятельно. Ясно тебе? То, что обещано, — будет выполнено. Ясмела умрет. А со второй просьбой тебе придется подождать, а нам обоим — вместе подумывать.

Глава 12

ДОРОГАМИ ЗАВОЕВАНИЙ

В последующие дни и недели по всем королевским дворам Хайбореи прокатились слухи о падениях и возвышениях королей, о передвижениях войск. От деревни к деревне, от замка к замку все шире и шире разбегалось пугающее, леденящее душу слово «война».

Тревожные вести стали распространяться с тех пор, как Аквилония и Коф сошлись в схватке над истерзанным воюющими армиями Офиром, словно лев и гиена, оспаривающие тушу поверженной антилопы. Затем нетерпеливый аквилонский лев замахнулся лапой на север, послав легионы в лишившуюся короля Немедию. А постоянные столкновения в Западном Офире не могли не озаботить даже Аргос, в столице которого — Мессантии — советники короля подготовили указ о наборе ополченцев для усиления охраны границ.

Вокруг самой столицы Офира обстановка оставалась более-менее спокойной, видимо, потому, что командиры обеих армий на время своего отсутствия передали бразды правления войсками своим менее воинственным сподвижникам. Умело маневрируя, Черные Драконы Эгилруда и пехота графа Тросеро сумели воспрепятствовать дальнейшей переправе кофийцев на западный берег. Те же, в свою очередь, маневрируя не менее умело, отступили за мост без больших потерь, не позволив аквилонцам развить наступление.

На следующее утро мощный контрудар кофийцев был направлен на стены и ворота левобережной части Янты. Действуя с осадных башен и работая подвесными, спрятанными под передвижными крышами, таранами, войска Амиро сумели прорвать оборону защитников города. Лишь несколько дней спустя аквилонские и офирские части смогли выдавить неприятеля за городские стены. Почти вся восточная Янта была сожжена и разрушена, как и мост кофийцев. Теперь пепелище немалой части города и обгорелые сваи моста над рекой стояли словно памятники бессмысленной жестокой войны.

Аквилонский король вернулся в Янту, изрядно измученный долгой дорогой и попутными приключениями. Его долгое отсутствие каждый из придворных объяснял по-своему: кто — желанием исполнить долг перед каким-то языческим божеством, кто — быстро развивающимся безумием, кто — секретными переговорами с возможными союзниками. Некоторые офицеры уже строили предположения об очередной вражеской столице, рухнувшей к ногам неистового киммерийца. Впрочем, дурное настроение Конана и мрачное выражение на его лице, не

сходившее с него с момента возвращения, быстро развеяли радужные иллюзии.

Когда Тросеро в разговоре один на один спросил киммерийца, не выяснил ли тот, в чем слабое место Амиро, тот выругался и сообщил:

— Я выяснил только то, что победить Амиро будет еще труднее, чем я думал.

Не вдаваясь в дальнейшие расспросы, граф стал прикидывать, сколько же легионов потребуется отозвать со всех концов Аквилонии, чтобы все-таки придавить кофийцев, если уж не разделаться с ними окончательно.

В Янте король пробыл недолго. Два дня пиров и две ночи в утехах с куртизанкой Амлунией, — и Конан покинул офирский фронт, оставив его под командованием Тросеро и Оттобранда. Сам же он, в сопровождении Делвина, Амлунии и солидного отряда Черных Драконов во главе с их новым командиром Эгилрудом, отправился на север. Перед отъездом киммериец напомнил графу:

— Главное, удержи здесь кофийцев. Заставь их легионы увязнуть в мелких стычках, засылай им в тыл диверсантов и штурмовые группы. Пусть противник выставляет больше часовых, организует мощные патрули и дозоры. Время работает на нас... Подожди еще: придет время — и мы даже не заметим, как поглотим Офир, Коф и Кораджу. Это ведь мелочи на нашем пути к завоеванию всего мира.

Путь в Немедию лежал через захваченные в последней кампании территории. Районы, лежащие ближе к границам Аквилонии, пострадали от войны меньше всего, но по мере приближения к немедийской столице — Бельверусу — королевскому кортежу все чаще попадались разрушенные замки, выжженные деревни, разграбленные городки. В некоторых селениях стоял погребальный плач — рыдали вдовы и дети погибших. В других же оплакать погибших было некому, и вороны сами справляли свой похоронный обряд, сопровождая его своими криками.

Конан воспользовался дорогой, чтобы отдохнуть от пережитых в предыдущих путешествиях потрясений. Часть дня он проводил в седле верхом на Шалманесере, а часть — на платформе шикарной, отделанной бронзой,

влекомой четверкой могучих замбулийских меринов колесницы, вместе с Делвином и Амлунией.

Сам Конан куда серьезнее, чем его спутники — карлик и куртизанка, — воспринимал картины опустошения, принесенного войной на немедийскую землю. Быть может, он просто чувствовал свою личную ответственность за пережитое местными жителями горе. Пытаясь заглушить укоры совести, он старательно раздавал пострадавшим где монеты, где мешки с мукой из королевского каравана. К его огорчению и к веселью карлика и рыжей девицы, большинство вдов и сирот вовсе не жаждало быть благодетельствованными чужеземным королем-завоевателем, предпочитая отсидеться в лесах или оврагах подальше от дороги.

При подъезде к Бельверусу стало ясно, что столица Немедии почти не пострадала при осаде. На шпилях ее внутренней крепости развевались черно-золотые флаги Аквилонии с оскаленными львиными мордами. Черные Драконы приветствовали свои знамена оглушительным боевым кличем. Выяснилось, что ворота города были открыты осаждавшим отрядами сторонников барона Халька, аквилонского ставленника, взошедшего на немедийский трон.

Конан приказал своей страже вести себя в городе корректно, как подобает не мародерам-захватчикам, а благородным, могучим союзникам. С Амлунией он изрядно переругался, заставив ее отказаться от шальной идеи — прокатиться на колеснице по центральному улицам и рыночной площади с ветерком, рискуя и даже намереваясь покалечить кого-нибудь из горожан.

Главный дворец пострадал больше других зданий города — скорее всего, в нем и произошло наиболее кровопролитное сражение между сторонниками погибшего Балта и отрядами Халька, поддерживаемого аквилонскими войсками. Самого барона в столице не оказалось — вместе с Просперо он отправился на восток, усмирять не покорившуюся новому правителю Нумалию, второй по величине город Немедии. Судя по донесениям, непокорный город был осажден, но пока что не взят.

Хальк и поддерживающие его аристократы были родом из северных районов страны. Хозяева небольших

замков и малонаселенных земель, эти бароны изрядно закалили свои тела и дух в постоянном противостоянии набегам киммерийцев и вечно агрессивных, полуголодных отрядов властителей Приграничного Королевства. Уже давно северные немедийцы имели зуб на, по их мнению, утонувшую в роскоши и погрязшую в пороках вырождающуюся аристократию Бельверуса.

Вот почему Хальк и многие другие бароны из Северной Немедии предпочли встать на сторону захватчиков, инстинктивно чувствуя, что под аквилонским ярмом они смогут ощущать себя свободнее и скорее обогатятся в новых походах, чем при своих же немедийских правителях.

Дня отдыха для эскорта и одного вечернего совещания с новыми хозяевами Бельверусской крепости, перешедшего в заурядную попойку, Конану показалось достаточно. На следующее же утро, когда все Черные Драконы наконец вернулись из значных мест города и привели себя в надлежащий вид, королевский кортеж отправился в дальнейший путь по Дороге Королей.

Здесь раны войны были свежее и выразительней, чем до Бельверуса. Кое-где еще поднимался дым над пепелищами, порой даже не ограбленные трупы валялись в придорожных канавах. Пойманные шпионы и перебежчики, по немедийскому обычаю, были распяты на стоявших неподалеку от дорогих крестах; возможно, это делалось по приказу самого Халька.

Амлуния, сидевшая на перилах колесницы, при виде первого же креста явно обрадовалась возможности развеять дорожную скуку.

— Конан! — крикнула она. — Предлагаю посоревноваться в меткости. Стрелы или дротики — на твой выбор. Каждое меткое попадание в сердце — кружка эля, идет? Или — так даже интереснее — стреляем по рукам, ногам... а потом — в глаза, в живот, в пах... — Амлуния явно все больше воодушевлялась своей идеей.

— Заткнись! — оборвал ее Конан. — Этим несчастным и без тебя мучений хватит.

— Ну, пожалуйста, — словно избалованный ребенок, захныкала Амлуния. — Между прочим, так мы избавим их от долгих мучений. Я согласна на то, чтобы соревноваться в том, кто с одной стрелы прикончит беднягу.

— И то верно, ваше величество — Головорез, — вмешался в разговор Делвин, который, облаченный в доспехи, стоя на специально сооруженной подставке, правил колесницей. — Вы ведь, право дело, известный знаток оказания последней милости умирающим. Знаешь ли ты, Амлуния, как я познакомился с нашим обожаемым королем? Не убеди я его в том, что меня вовсе не размазало по земле поручнем колесницы, он, довольный тем, что делает доброе дело, благодетельствовал бы и меня, отрубив мою светлую голову или пронзив столь сладкозвучное в песнопениях горло...

— Хватит! — В голосе Конана послышался уже нешуточный гнев, что заставило и Делвина, и Амлунию оборвать обмен смешками и шуточками.

Сам же киммериец приказал Эгилруду:

— Пошли нескольких человек из отряда — пусть снимут распятых с крестов, да поаккуратнее. Тем, кто еще жив, — оставить воды и хлеба. Не забудьте оттащить их поближе к дороге. Пусть живут, если смогут выжить. Местным жителям виднее, как к ним относиться. Захотят — выходят и помогут вернуться к родственникам, а если действительно сочтут их предателями, то расправятся с ними, как только мы скроемся за поворотом дороги.

Так прошло несколько дней. Наконец на горизонте показались башни и шпили дворцов Нумалии, а затем — дымы лагерных костров, а еще позднее и сам лагерь — ряды палаток, сторожевые вышки и осадные укрепления — частоколы на расстоянии полета стрелы от стен города. По главным воротам, выходящим к Великой Дороге Королей, и защищающим их башням непрерывно молотили катапульты. Однако, судя по всему, помимо грохота и облаков поднятой пыли, их снаряды не производили никакого иного эффекта.

Выслав вперед одного из своих охранников, Конан передал войскам приказ не встречать главнокомандующего фанфарами и боевым кличем, чтобы, на всякий случай, скрыть от противника факт своего появления. Проскакав мимо молча салютующих ему солдат, киммериец направил коня к штабному шатру, где его встретили офицеры.

— Приветствую тебя, о король Конан, — поздоровался с ним Просперо, опустившись на одно колено. — Мы счастливы, что вы прибыли к нам, ваше величество. Причем ваш приезд — как никогда своевременен. — Обернувшись к стоящему рядом с ним немедийцу, Просперо представил его королю: — Это барон Хальк — наш верный союзник и неустрашимый в бою воин.

При этом Просперо пришлось помочь барону, который, вознамерившись поклониться Конану, чуть было не ткнулся носом в землю. С первого же взгляда становилось ясно, что Хальк изрядно пьян и не в состоянии поддерживать в равновесии отягощенное доспехами тело.

— Мои приветствия благородному королю Конану! — расплывшись в пьяной улыбке, нетвердо произнес барон и заплетающимся языком продолжил: — А вы ведь и вправду родом из Киммерии. Я ваши рожи за версту узнаю — лихие налетчики на наши земли. Ну да ладно, ради нашей дружбы я готов все простить соплеменникам Конана — королю Аквилонии. Ничего, теперь мы — северяне — дадим жару этим зарвавшимся южанам...

— Я не вижу большой разницы между кровью человека, рожденного в ледяной тундре или в тропических джунглях. Как и мой меч, который рубит и тех и других одинаково бесстрастно.

Конан не особо старался соблюсти дипломатические приличия, понимая, что, проспавшись, барон вряд ли сможет восстановить в памяти подробности этой встречи. Видя, что Хальку и сейчас не под силу осмыслить столь неожиданное приветствие, он облегчил его мучения, добавив:

— Впрочем, я вижу, что вы с Просперо, действуя в единстве севера и юга, достигли больших успехов. А теперь вы, уважаемый граф, — обратился он к Просперо, — раз уж господин Хальк не в состоянии членораздельно доложить обстановку, потрудитесь сделать это сами. Просперо, как я вижу, войска готовы к штурму, но не выдвинуты на передовые рубежи.

— Так точно, ваше величество. — Губы графа чуть изогнулись в едва заметной улыбке. — Ваши наблюдения абсолютно верны.

— Я полагаю, что вы передали противнику достойные условия сдачи города?

— Да, ваше величество. Но наш парламентар был отправлен назад привязанным за волосы к хвосту его лошади, весь в синяках и ушибах.

— Все ясно. Это оскорбление будет дорого стоить городским властям. Скажи мне теперь, Просперо, неужели ты действительно думаешь разрушить или повредить башни и ворота города снарядами катапульт? Помоему, эти булыжники лишь царапают камень и бронзу укреплений...

— Вы правы, повелитель, — кивнул Просперо. — Стрельба из катапульт не наносит противнику никакого ущерба.

— И что же, мой верный граф? — поинтересовался Конан. — Вы в компании нашего трезвомыслящего союзника решили изобразить дело там, где ничто не сдвигается с мертвой точки? Просперо, я полагаю, тебе известно, что долгая осада не способствует повышению морального духа армии, причем не только осажденной, но и осаждающей. А кроме того, у нас ведь нет времени ждать, когда защитники города оголодают до того, чтобы согласиться сдаться. Самое важное для нас в этой кампании — это скорость, темп наступления. — Резко оборвав свою тираду, король внимательно поглядел на графа и явно напряженным голосом спросил: — Что ты на это скажешь, Просперо?

На мгновение в шатре воцарилось молчание. Где-то поодаль раздалась очередная команда, резкий удар — и в воздухе просвистел пущенный из катапульты камень. Затем Просперо с самым невинным видом показал пальцем на штабной стол и сказал:

— Когда догорит эта свеча — ворота Нумалии рухнут.

— Что? — Конан взглядом проследил за жестом графа.

Рядом с картой на столе стоял бронзовый подсвечник. Восковые наплывы покрывали его верхнюю часть, и лишь слабый огонек дрожал в прозрачной лужице на макушке крохотного огарка тонкой свечи. Рядом со столом, напряженно глядя на свечу, стоял немолодой седовласый человек, одетый в черное.

— Это еще что, Просперо? — искренне удивился Конан. — Ты рискнул обратиться к колдунам? Неужели тебе не известно мое отношение к таким штучкам! Впрочем, победителей не судят, и если это поможет нам сократить осаду...

— Ваше величество, колдовство здесь ни при чем. — Просперо явно был доволен произведенным его шуткой эффектом и поспешил ввести короля в курс дела: — Этот господин — капитан саперной роты Миниас. Его отряд был любезно предоставлен в наше распоряжение бароном Хальком. Обратите внимание на частокол: за ним с нашей стороны свалены груды свежевыкопанной земли. Вся она извлечена из подкопа, проделанного под северной надвратной башней. Постоянный обстрел стены и ворот из катапульт служит лишь для прикрытия работы саперов капитана Миниаса, отвлекая внимание защитников.

— Тогда ладно. — Конан явно почувствовал себя уверенней, выяснив, что осада ведется без помощи колдунов; Впрочем, далеко не все стало ему от этого понятно. — Чем-то мне это напоминает метод кое-кого из заморийских воров... Ну, да сейчас не время об этом. Скажите-ка лучше, господин капитан, как затухание свечи связано с падением башни? Это что — какой-то сигнал? Но почему тогда он подается из шатра?

Просперо фыркнул в кулак, а Миниас, опасаясь прогневать известного своей вспыльчивостью киммерийца, терпеливо пояснил:

— Ваше величество, точно такая же свеча была зажжена одновременно с этой и отправлена вместе с саперами в подземный туннель. Сейчас под башней убраны последние земляные опоры и привязаны веревки к последним деревянным сваям. Все готово, чтобы в один миг обрушить северную надвратную башню. Чтобы не выдать наши намерения, граф Просперо отвел готовые к штурму войска за лагерный городок, оставив еще ночью штурмовые лестницы за частоколом.

Просперо кивнул:

— Все так, Конан. Войска готовы, отведены за палатки и только ждут сигнала. Небольшой отряд ведет разведку боем у противоположных ворот, отвлекая

внимание стражи. Надеюсь, что если ваше прибытие и было замечено со стен города, то вряд ли гарнизон тотчас же будет поднят по полной тревоге.

Конан с уважением поглядел на графа, капитана саперов и остальных офицеров. Затем Эгилруду был отдан приказ, не вводя ожидавших команды Черных Драконов в лагерь, готовить их к штурму, быть может — в пешем строю. Потом киммериец, не в силах оторвать взгляд от слабого вздрагивающего огонька, уставился на свечу, словно забыв обо всем остальном.

Вот язычок пламени последний раз взметнулся вверх, раздалось легкое потрескивание догорающего фитиля, в воздух поднялась струйка белого дыма — и свеча погасла. Воцарилось молчание. Взгляды всех присутствующих обратились к воротам и надвратным башням. С минуту все оставалось без изменений.

Затем посередине между городской стеной и частоколом осаждающей армии в земле открылась яма, из которой, словно подземные божества или демоны, стали вылезать полуголые, с ног до головы грязные люди, которые со всех ног бросились бежать в сторону лагеря. Это было замечено часовыми на башнях; раздалась крики, и над стеной показалось несколько шлемов нумалийских арбалетчиков.

Катапульты смолкли, и в неожиданно наступившей тишине стало слышно, как вдруг задрожала земля под ногами. Из провала на нейтральной полосе в небо взметнулся фонтан пыли, словно выдавливая из шахты последних саперов. Что-то неуловимо изменилось в кладке северной надвратной башни, затем по ней пробежали трещины, в стыках между камнями заскрипел осыпавшийся раствор, и вдруг внушительное, казавшееся воплощением надежности и непоколебимости сооружение обрушилось само в себя. Когда пыль рассеялась, стало видно, что одна из городских башен превратилась в грудку булыжника. Но эта радость тотчас же сменилась разочарованием.

— Проклятие Геенны! — взвыл Конан. — Ворота целы!

Просперо резко обернулся к Миннасу:

— В чем дело, капитан?

— Я уверен, что они держатся на соплях, а именно — на засовах и петлях, да придавлены осыпью. Один удар тараном — и они рухнут.

— Таран заготовлен далеко отсюда — в лесу! — Просперо стукнул кулаком по столу. — Мы же не хотели, чтобы противник догадался о готовящемся штурме. Пока мы его подтащим, они успеют организовать оборону...

— Не успеют! — воскликнул Конан. — Давай сигнал. Сейчас в суматохе мы в два счета возьмем стену! Лестницы, веревки с крючьями, все готово? Арбалетчики для прикрытия — быстро к частоколу! Кавалерию — вперед!

— Но... — Просперо явно колебался. — Боюсь, кавалерии пока что делать нечего. Лошади не смогут взобраться по крутому склону осыпи.

— Шалманесер сможет! — ответил король, взлетая в седло. — За мной!

Эгилруд и Хальк передали в отряды сигнал к атаке. Словно споря с только что отзвучавшим грохотом обвала башни, взревели сигнальные трубы. Вслед за ними воздух был разорван боевыми кличами ринувшихся в атаку отрядов.

— Вперед, псы войны! Вперед за добычей и во имя империи! — воодушевлял солдат громоподобный голос Конана.

Король одиноким всадником возглавил пошедшую на штурм пехоту, оцетинившуюся крюками лестниц, остриями пик и направленными к гребню стены луками. Подлетев к груде камня, еще недавно стоявшего вертикальной стеной, вороной жеребец на миг остановился и с громким ржанием встал на дыбы, словно не только выражая благоговение перед таким препятствием, но и высматривая наиболее приемлемый путь наверх. Одно движение поводьями — и Шалманесер, понимая, чего от него хочет всадник, с мрачной уверенностью вскочил на ближайшие камни.

Удержаться в седле при такой скачке было не легче, чем усмирить неоседланного и необузданного гирканийского мустанга. Камни скрежетали под тяжелыми копытами коня и сползали вниз по склону. Киммериец мертвой хваткой вцепился в вороную гриву Шалманесера и

сжал коленями его бешено вздымающуюся грудную клетку. Могучий конь рвался вперед, спотыкаясь, обдирая ноги, перепрыгивая преграждавшие путь трещины, находя себе путь среди каменных глыб в рост человека. С каждой секундой скакун и его наездник приближались к вершине насыпи.

Даже в еще не совсем осевшей пыли внушительная фигура Конана и его коня не могли остаться незамеченными для часовых на стене. Несколько неприцельно пущенных стрел и брошенных камней просвистели рядом с киммерийцем. Пока что аквилонские арбалетчики не давали нумалийцам особой свободы на стене, но чем выше поднимался Конан, тем дальше переносили они заградительную стрельбу, опасаясь задеть своего короля.

— Живее, живее, за мной! — прорычал Конан, обращаясь к достигнувшим подножия осыпи всадникам передового отряда Черных Драконов и штабным офицерам.

Медленно, но верно они стали взбираться вверх по склону: одни — верхом, другие — ведя своих скакунов в поводу. В те же секунды первая волна пехоты, добежав до стен, начала штурм. На головы осаждающих обрушился град камней, стрел и горшков с кипящей смолой. Судя по всему, противник, не отчаиваясь из-за разрушения башни и возникшей угрозы для ворот, намеревался отчаянно защищать город.

— Волкодавы Крома! — чертыхнулся Конан.

Поднявшись на вершину осыпи, киммериец обнаружил, что тыльная стена башни не обрушилась, что означало отсутствие прямого пути в город. Отвесная стена в четыре-пять человеческих ростов высотой не оставляла возможности безопасного спуска в город. Ни лестницы, ни подъездного пандуса к этой части башни не подходило. В добавление к этому разочарованию, со стороны города в Конана было выпущено несколько стрел, часть из которых, достигнув цели, звякнула о его доспехи или застряла в войлоке и коже защитной попоны Шалманесера.

К счастью, и всадник и конь были хорошо защищены; к тому же неравномерное, стремительное передвижение делали их обоих трудной для поражения целью. Повинуясь движению поводьев, Шалманесер повернулся и

стал столь же настойчиво взбираться по груде камней на парапет городской стены.

— Великий Кром — Повелитель Ледяной Горы! — прокатился над стеной варварский боевой клич киммерийца.

Очередная стая пущенных второпях стрел не смогла найти слабого места в доспехах Конана или его скакуна, и стрелки бросились к своим алебардам, чтобы в ближнем бою остановить у гребня стены стремительно приближающегося всадника.

Стражники опоздали на какой-то миг, но этого мгновения Шалманесеру оказалось достаточно, чтобы каким-то пантерьим движением, изогнув спину, взлететь на осыпавшийся под ногами край парапета. Один из стражников был просто сметен со стены массой коня, еще двое упали без чувств под ударами его закованных в стальные обручи копыт. Следующий стрелок погиб под ударом безжалостного меча Конана, который был выхвачен всадником из ножен в тот же миг, как только под ногами его скакуна оказалась ровная поверхность. Из дозорных, находившихся на стене около башни, в живых осталось только двое. Они побросали алебарды и бросились бежать, потеряв голову сначала фигурально, от страха, а затем и буквально — под ударами меча короля Аквилонии.

Так, по легенде, началось кровавое шествие Конана по стенам Нумалии. Боевой парапет был широк и гладок — опьяненный, обезумевший от крови Шалманесер рвался вперед. Оказавшись на ровной площадке, Конан отпустил поводья и, управляя лошадью, как научился в Туране, одними коленями, сжал в обеих руках разящую сталь — меч и огромный боевой топор. Клинки киммерийца собрали в тот день богатый кровавый урожай. Отсеченные руки, головы, разрубленные надвое тела остались там, где пронесся дьявольский всадник. Немало постарался и его скакун — многие нумалийцы нашли свой конец под копытами Шалманесера или были изуродованы его огромными зубами.

Занятые отражением штурма с внешней стороны стены, нумалийские солдаты не успевали сориентироваться и подготовиться к отражению атаки несущегося

по парпету всадника. Защитники города гибли под ударами меча, топора, под копытами коня, падали со стены в город или оказывались раздавленными о зубцы на ее внешней стороне. Тем, кому удавалось остаться в живых, отсидевшись за грудями булыжников или на уходящих вниз лестницах, даже не приходило в голову преследовать страшного великана.

Эта гонка аквилонского короля по стене Нумалии резко изменила соотношение сил штурмующих и защитников города, склонив чашу весов в пользу обнадеженных таким примером атакующих.

Конан, поглощенный боем, не замечал ничего вокруг, кроме оказывавшихся на его пути вражеских солдат. Киммериец, словно заведенный, взмахивал то левой, то правой рукой — меч, топор, меч, топор, — собирая кровавую жатву. Сейчас он не был королем Аквилонии. Нет, он был лишь воином Крома, приносящим богатую, обильную жертву своему безжалостному, бесстрашному божеству. Он был готов объехать весь город по периметру стен и пойти на второй круг, если это понадобится для поддержания атаки его подданных.

Вот очередной солдат занес алебарду, но оказался остановлен ударом меча; вот стрелок, отбросив лук и уворачиваясь от топора, рухнул со стены с отчаянным криком, оборвавшимся при падении на камни мостовой внизу. Еще один солдат, отвлекшись от поединка со штурмующими стену аквилонцами, остался без головы, срубленной, словно кочан капусты, мечом киммерийца. Очередной нумалиец, не веря в то, что ему удастся победить всадника, распластался на парпете, прикинувшись мертвым и надеясь, что конь инстинктивно перешагнет через человека. Любой другой конь — но не Шалманесер, упоенный битвой, о чем возвестили истошный крик и хруст костей из-под его копыт.

Впереди на стене сошлись в бою сумевшие ворваться с лестниц на парпет аквилонцы и пытающиеся сбросить их обратно нумалийцы. Ближайшие к месту прорыва защитники бросились на подмогу своим товарищам, оставив часть стены незащищенной, а парпет — пустым. Шалманесер, не видя препятствий, стал набирать скорость, приближаясь к месту боя.

Навстречу ему из-за спин дерущихся солдат шагнул, судя по форме, капитан пехотной роты нумалийцев. Длинный тонкий наконечник его копья сверкнул в воздухе, древко уперлось в трещину между камнями, и офицер, держа оружие обеими руками, сжался, как пружина, готовясь контратаковать. Грамотно выставленное вперед копыте опасно зависло в воздухе невысоко над поверхностью парпета.

Времени, чтобы остановить разогнавшегося коня, не оставалось, как и на то, чтобы увести скакуна в сторону. Словно черная тень, Шалманесер неслся на неподвижно застывшего противника. Конь отчаянно заржал, его мускулы конвульсивно напряглись в тот момент, когда сверкающее лезвие вонзилось ему в брюхо. Но нумалийскому капитану не суждено было насладиться своей победой: в последнем рывке агонизирующий Шалманесер обрушил тяжелые копыта на его грудь и впился окровавленными зубами в лицо.

В следующий миг Конан почувствовал, что умирающий конь валится на бок прямо к вертикальному обрыву стены в сторону города. За собой животное повлекло свою последнюю жертву и всадника. Помянув Крома, Конан, не имея времени выпрыгнуть из седла, поплотнее прижался к шее скакуна и, отпустив меч, обеими руками впился в шкуру и гриву Шалманесера.

Видимо, Кром или просто случай в очередной раз оказались на стороне киммерийца. Перекувырнувшись вместе с Шалманесером в воздухе, он рухнул на землю, оказавшись поверх конской туши, а не под нею.

Далеко не сразу Конану удалось восстановить нормальное дыхание. Падение в доспехах покрыло его тело множеством ушибов, но в то же время латы спасли его от куда более тяжких, а скорее всего, и смертельных увечий.

Ожидая в любой момент атаки ополченцев-горожан или солдат гарнизона, Конан, придя в себя, первым делом схватил упавший неподалеку от него меч и, встав на одно колено, огляделся. Узкий мощный переулочек был пуст, лишь сверху доносился шум шедшего на стене ожесточенного боя. Шалманесер лежал мертвый в луже крови, как и его геройский победитель, упавший на камни в нескольких шагах от коня.

Не убирая меч в ножны, Конан направился вдоль стены в обратную сторону — к штурмуемым воротам. Переулки на окраинах города были пустынные. Видимо, жители либо перебрались подальше от стен к центру города, либо заперлись в домах, надеясь переждать опасность. Редкие патрули ополченцев, по два-три кое-как вооруженных человека, предпочитали не связываться с устрашающе выглядящим киммерийцем и поспешно исчезали во дворах и проходах между домами. Время от времени со стены вниз падали участники шедшего наверху сражения, в основном — нумалийские стражники.

Подойдя к широкому пандусу, ведущему на стену, Конан увидел, как группа нумалийцев, даже не пытаясь создать видимость организованного сопротивления, почти скатилась по спуску и бросилась враспынную по переулкам и улицам города. Почти на их плечах по пандусу стали спускаться аквилонские солдаты и их немедийские союзники. Увидев Конана, они, пораженные, замерли, но король Аквилонии привел их в чувство своим громкоподобным голосом:

— За мной, солдаты! К воротам!

На глазах увеличивающаяся толпа солдат последовала за своим королем. Офицеры и сержанты стали наскоро оставлять посты у пройденных улиц и спусков со стены.

К тому моменту, когда Конан и его солдаты достигли обрушенной саперами башни, ворота уже были открыты. Реабилитируя себя за не совсем удачный подкоп, саперы, действуя вместе с пехотой, сумели обрушить оставшуюся стену башни, превратив ее в пусть не гладкий, но все же проходимый склон каменного холма. Перебравшиеся по этой осыпи солдаты сумели захватить вторую надвратную башню атакой с тыла и, вынув из петель медные балки и толстые бревна засовов, распахнуть ворота, через которые в город черным потоком устремился отряд королевской аквилонской конницы. Скорее всего, во главе несущихся к центральной площади и замку всадников скакал и Просперо.

Конан вскочил на один из каменных блоков и огляделся в поисках подходящего для себя коня. Первая лошадь, попавшаяся ему на глаза, была слишком изящна и легка для тяжеловесного киммерийца, хотя и несла на

своей спине уже двух седоков — затянутую в кожу и сверкающую бронзой доспехов Амлунию, размахивающую флягой с нумалийским вином — видимо, боевым трофеем, и потешно устроившегося на лошадином крупе, закованного в латунные латы Делвина.

Киммериец, выглядев в толпе двух офицеров, приказал им выстроить прорвавшуюся в город пехоту в боевые колонны и вести их на центральную площадь города. Затем Конан жестом подозвал своих приятелей.

— Приветствую тебя, Конан Неуязвимый, одинокий покоритель стен Нумалии! — завопил Делвин, чуть не свалившись с резко затормозившей лошади. — Видимо, не родился еще тот смертный, который смог бы противостать тебе в бою.

Конан мрачно поглядел на карлика и серьезно сказал:

— Если бы я был неуязвим, я предпочел бы, чтобы копье моего последнего противника вонзилось в меня, а не в моего скакуна. Бедняга Шалманесер, нелегко будет найти ему достойную замену.

— Еще бы, — согласилась Амлуния, наклоняясь в седле и приставляя к губам Конана флягу. — Но что тебе за дело до какого-то коня, будущий Повелитель Мира? Придет время — и в твоём распоряжении будут все лошади, верблюды, слоны, даже драконы и другие неведомые твари! — Захочет, Амлуния откинулась в седле, чуть не уронив на землю Делвина, а затем добавила: — Пока же — Нумалия твоя, Конан! Ты рассказывал мне, что некогда тебе довелось пожить здесь, добывая себе хлеб насущный воровством и грабежами. Что ж — настало твоё время, и ты украл весь город!

— Ага, — рассеянно кивнул Конан. — И теперь я готов променять всю эту жалкую дыру на одного доброго коня, чтобы не перетягивать пешком к замку и не опоздать к бою в его стенах.

— Опять сражение? — восхищенно воскликнула Амлуния. — Разве тебе не достаточно на сегодня? Башня разрушена, ворота открыты, стены взяты — город наш! Настало время для веселья — резни, грабежа, погромов, — настоящего, истинно варварского праздника победы.

— И то дело, хозяин, — вновь подал голос карлик. — Зов к разрушению уже разбудил сердца солдат. Впереди

ночь — и к утру этот гордый город, вернее, то, что от него останется, упадет на колени, моля о прощении за столь дерзкое сопротивление тебе, Король Мира.

— Да, со стороны горожан было непростительной ошибкой не подчиниться мне по-хорошему, — пробурчал Конан и вдруг, заметив кого-то в толпе, позвал: — Эй, Эгилруд! Барон Хальк!

Оба всадника, натянув поводья, остановились рядом с киммерийцем.

— Ваше величество! Мы счастливы видеть вас не вредным... Я вижу, вы без коня...

Эгилруд поспешил спрыгнуть со своего скакуна:

— Конан, мой конь к твоим услугам. Докладываю: северная и западная стены очищены от противника, благодаря вашей неоценимой личной поддержке, а гарнизоны двух южных фортов, охраняющие оставшиеся стены, приняли наши условия сдачи в плен.

Капитана неожиданно перебил широко улыбающийся барон:

— Ну и герой наш король-киммериец! Каков пример обеим нашим армиям! — Вытащив из седельной сумки флягу, Хальк приложился к ней и протянул сосуд с вином Конану: — Отведайте немедийского вина, ваше величество. В честь захвата этого вражеского гнезда. Эх, как я сегодня развлекаюсь! Все мои солдаты давно ждали этого дня...

— Держите своих солдат в строю, не разрешая им напиваться и грабить город до тех пор, пока не будет захвачен замок, особняки центрального квартала и не сдастся гарнизон фортов.

К вину Конан не притронулся, и Хальк сунул флягу Эгилруду. Тот тоже отвел его руки и сказал:

— Конан, вокруг замка уже достаточно войск. Больше там не понадобится. Пусть солдаты барона займутся охраной и конвоированием пленных из фортов.

Конан кивнул, и Хальк воскликнул:

— Мои люди готовы выполнить любой приказ могучего Конана Киммерийца. Но, умоляю, не лишайте их законного права разграбить город. Впрочем, ваши солдаты заслужили эту потеху не меньше, чем мои. Яйцо разбито, и бессмысленно пытаться собрать его заново.

— Вы так считаете, барон? А ты, Эгилруд, что скажешь? — Не дождавшись ответа, Конан нахмурился и сурово сказал: — Что ж, значит, так тому и быть. К Нумалии у меня никогда не было теплых чувств.

Взяв из рук Халька флягу, он припал к ее горлышку, осушил до дна и, отбросив посудину на камни, махнул рукой:

— Как только победа будет окончательной, назначьте караул и конвой для пленных, а остальные солдаты — пусть делают, что хотят!

Глава 13

КОЛЫБЕЛЬ ИМПЕРИИ

За высокими, ярко освещенными стрельчатыми окнами королевского дворца аквилонской столицы Тарантии мелькали тени танцующих. Из-за стен дворца доносились музыка, смех и веселые возгласы. Придворные и аквилонская знать собрались на торжественный бал, посвященный проводам офицеров, возглавляющих очередные набранные для военных действий легионы. На следующее утро молодым воинам предстояло отправиться в долгий поход, из которого далеко не всем из них суждено будет вернуться. Сегодня же праздник был организован для них, для них плясали красивые девушки, для них играла музыка, для них разливали в кубки лучшее вино.

В глубине дворцового сада, на пристроенной к одной из бесчисленных галерей веранде сидела королева Зенобия, одетая в расшитый золотом и драгоценными камнями хитон. Застекленные двери отделяли ее от дворцового зала, где кружились в танце придворные и гости. У дверей в каждом углу веранды стояли, словно тени, неотлучные телохранители королевы — Черные Драконы, одетые в свои вороненные кольчуги. Рядом с Зенобией в помпезном кресле устроился ее обычный собеседник — лысеющий, не слабеющий, но лишь набирающий с годами мудрости канцлер Аквилонии Публиус.

— Бал идет спокойно и размеренно, ваше величество, — сообщил канцлер королеве. — Дворцовые слуги

знают свое дело и легко справляются с ним, не утомляя приглашенных чрезмерным весельем и излишними развлечениями.

— Это хорошо, — с легкой улыбкой отозвалась королева. — Я рада, что мы нашли достойное применение части присылаемых королем денег, захваченных в качестве трофеев и полученных в виде контрибуций. Хотелось бы, чтобы эти молодые люди запомнили на прощание что-то приятное, связанное с родным городом и королевским дворцом, перед тем как они отправятся в далекий поход.

При этих словах улыбка слетела с лица королевы, вспомнившей о своем вечно отсутствующем супруге.

Публиус же невозмутимо продолжал развивать свою мысль:

— Ваши празднества, госпожа, куда более спокойны и цивилизованны, чем те, что устраивает наш глубокуважаемый король. В последнее время во дворце не происходят ни турниры, ни потешные баталии, никто не упражняется в рассказывании публике фривольных или кровавых историй, никто, наконец, не напивается до полусмерти. Да и без обнаженных танцовщиц, по моему мнению, празднества куда приличнее и спокойнее... В общем, ваше величество, организованные вами балы мне куда больше по вкусу.

— Неужели, Публиус? — Королева слегка нахмурилась. — Я, безусловно, стараюсь внести свой вклад в сохранение славы аквилонского двора, как столицы самой высокочивилизованной и культурной страны в Хайборее. Но не стоит и умалять величие варварского духа, неиспорченность души человека, рожденного дикарем. Подчас голос с грубым акцентом может оказаться самым звучным во всем придворном хоре и объявить то, что как божественную истину воспримет весь народ.

Королева помолчала, провожая глазами удаляющихся по садовой тропинке молодого офицера и льнущую к нему девушку из приглашенных на бал дочерей тарантийских аристократов. Затем, вздохнув, она добавила:

— В конце концов, именно безудержным варваром и бесстрашным воином-дикарем, а вовсе не повелителем Аквилонии был Конан, когда я полюбила его с первой встречи, с первого взгляда.

Решив переменить тему, канцлер обратился к последним политическим и военным событиям:

— Какой приятный поворот судьбы, госпожа: покорение нашим королем Немедии дает вам возможность править Бельверусом, вашим родным городом...

— Да, и какая в этом ирония! Я, некогда проданная в рабство на рынке Бельверуса... А теперь вся Немедия присягает на верность моему супругу... Иногда я спрашиваю себя: не захочет ли Конан когда-нибудь покорить и его родную Киммерию? Сомнительно, чтобы даже он сумел подчинить такой гордый и свободолюбивый народ. — Покачивая головой, королева словно невзначай поинтересовалась: — Как вы думаете, Публиус, Конан действительно твердо решил покорить весь мир?

Канцлер пожал плечами:

— Кто знает... Во время наших последних встреч я предупреждал его, что не следует, по крайней мере, провозглашать эту цель открыто. Может статься так, что все короли Хайбореи объединятся против него. Но, к моему удивлению, видя военные успехи Конана, некоторые из них уже устремились к нему, желая стать васалами повелителя Аквилонии.

Зенобия наклонилась к канцлеру и спросила:

— А разубедить его вы не можете?

— Наш король, — вздохнул Публиус, — не из тех, кто легко отказывается от своих планов, о чем вы и сами прекрасно знаете, ваше величество. А эта идея, похоже, крепко засела у него в голове. Трудно предположить, что могло бы заставить его отказаться от нее, кроме... — Помолчав, Публиус заставил себя произнести вертящиеся у него на языке слова: — ...Кроме поражения. Впрочем, надеюсь, что если королю удастся победить Амиро, то это на некоторое время насытит его жажду захватчика. А там, глядишь, нам удастся надолго занять его делами обустройства новой, изрядно расширившейся империи.

Тут канцлер осекся, опасаясь, не наговорил ли он лишнего. К его удивлению, королева поддержала разговор на эту тему:

— Я понимаю: Конан будет очень доволен победой над Кофом. Ведь до сих пор он присоединил к своим

владениям территории лишь двух королевств, напавших на нашу страну первыми. А Амиро перешел ему дорогу...

— Так что теперь, если Конан и захватит королевство своего новоявленного врага-соперника, то никто не сможет поставить ему это в вину. — Публиус оживился, чувствуя себя в разговоре о политике и дипломатии как рыба в воде. — Что касается резни, учиненной нашими ставленниками в Немедии — это, можно сказать, их внутреннее дело. Мы лишь помогли одной из сторон морально, будем так считать. Куда важнее присутствие там аквилонских легионов, угрожающих Северному Офиру и самому Кофу. С сегодняшним курьером я получил указание короля начать переговоры с коринтийским посланником на предмет пропуска нашей армии на юг через территорию Коринтии, с целью удара по кофийским землям. Такое соглашение было бы весьма выгодно для Конана, независимо от того, собирается он учитывать нейтралитет Коринтии или нет.

— Все ясно. — При известии о скором продолжении и даже расширении войны королева снова погрузилась. — Видимо, настало время Конану сойтись с Амиро в смертельной схватке. Я вообще удивляюсь, как они смогли так долго просуществовать рядом без войны. — Королева вздохнула.

— Оба правителя известны как выдающиеся военачальники, — заметил канцлер. — Во всей Хайборее, пожалуй, лишь армия Кофа может противостоять аквилонским войскам. Но если два могучих противника сойдутся в изматывающих сражениях, то, ослабевшие, они оба могут стать жертвой других соседей, как это и произошло с Офиром. Вот почему и Конан, и Амиро сейчас затаились, выжидая момент для одного решающего удара, который не потребует много крови своих войск.

— Я понимаю, — кивнула Зенобия. — Они ходят друг за другом кругами, словно два соперничающих льва в окружении стаи гиен. Война — грязное дело, да и политика — не лучше. Что же касается нас, то здесь, в Тарангии, мы видим только выгоды войны. Для нашей молодежи это возможность отличиться, получить звание, титул, захватить большую добычу. Война превращает их в героев. На полудюжину погибших в бою деревенских парней

один становится хозяином большого земельного надела, порой — с уже построенным домом и налаженным хозяйством. При таких шансах выиграть их родители не ропщут против войны. Мой муж стал главным героем Аквилонии всех времен. Вопрос — надолго ли? И как тяжело заплатит сам аквилонский народ за свое величие?

— В других странах, — сказал Публиус, — Конана вовсе не причисляют к сонму героев. Наоборот, судя по донесениям наших шпионов, власти Бритунии и Коринтии серьезно настраивают население против Конана-грабителя и Конана-завоевателя. Эти королевства не удастся заставить врасплох, как Немедию, и вряд ли они с распростертыми объятиями примут такого освободителя... Но — тсс! — вот идет еще один великий вождь!

Публиус обернулся, чтобы поприветствовать ворвавшегося на веранду принца Конна. Тот, в глиняном горшке вместо шлема, с деревянным мечом в руке, вел в бой свою армию, состоящую из одной-единственной придворной няньки.

— Ваше величество, — обратилась женщина к Зенобии, — я пыталась уложить юного Конна в постель, чтобы он отправился на завоевание царства сновидений, но перед столь дальней дорогой ему потребовалось ваше благословение.

— Ну, сынок, — королева ласково обняла принца, — вот тебе мое благословение, а также пожелание доброй дороги и удачи. Укладывайся спать и завоюй для меня великие сны.

— Достойное будущего короля напутствие! — раздался низкий голос. — Я теперь понимаю, почему его отец с такой легкостью покоряет целые королевства.

— Тросеро, это вы?! — удивленный, воскликнул канцлер.

— Граф, добрый вечер, — поздоровалась Зенобия, глядя, как Тросеро наскоро обменивается воинскими приветствиями и прощаниями с уводимым нянькой принцем. — Мы вас даже не ждали так быстро. Как добрались? Рассказывайте же скорее, нам не терпится узнать новости из Офира из первых рук.

— Положение там я бы назвал стабильным, — повоенному ответил граф, поцеловав руку королеве и

поздоровавшись с канцлером. Сев на принесенный ему слугой стул, Тросеро продолжил: — По нашему берегу Красной реки теперь расставлена цепочка фортов, что делает прорыв кофийцев маловероятным. По согласованию с королем я позволил себе покинуть Янту, чтобы разобраться с положением дел на юге.

— На юге Аквилонии?! — чуть не подпрыгнул на месте Публиус.

— Да, господин канцлер, и, судя по вашему удивлению, я полагаю, что вы еще не информированы... Как?! Королева, и вы до сих пор не в курсе?

Зенобия развела руками, и граф продолжил:

— Принц Амиро, решив увеличить линию нашего противостояния, нанес удар по Аргосу в районе княжества Аронд на нашей южной границе. Аргосийцы просто не успели переслать туда свои основные силы. Все это не несло бы большой угрозы нашим границам, если бы не сведения о тайном союзе Кофа с Зингарой. На всякий случай я лично займусь мобилизацией и подготовкой к возможному нападению на наши южные провинции.

— Угроза на юге! — покачала головой Зенобия. — Похоже, Амиро затеял там то же самое, что Конан готовит на севере. Воистину, все мои худшие опасения сбываются... Но, Публиус, ведь Зингара, с тех пор как в Аквилонии правит Конан, была нашим союзником. А Аргос — большое, сильное королевство — нешуточный противник для Кофа.

— Все относительно, ваше величество, — пожал плечами канцлер. — Аргос — преимущественно морская держава; на суше аргосийцы не так уж сильны. Кстати, с Зингарой у них постоянные трения и стычки по поводу отдельных островов, проливов и прибрежной торговли. Зингарийский двор не упустит случая свести счеты с давним соперником, пусть даже ценой разрыва союза с нами. Что касается меня, госпожа, я могу вас уверить, что я предприму все возможные усилия на дипломатическом фронте для отведения или смягчения этой угрозы.

На террасе воцарилось молчание, нарушаемое лишь льющей из дворца музыкой продолжающегося бала. После паузы первой заговорила Зенобия.

— Ну а теперь, любезный граф, — обратилась она к Тросеро, — расскажите мне немного о том, какживает мой супруг. О том риске, которому он себя подвергает ежедневно, я могу лишь догадываться. Но, скажите... он хотя бы скучает по семье, по дому?

Тросеро, не вставая, чуть поклонился:

— Ваше величество, готов поклясться, что все победы, все свои успехи в войне ваш супруг посвящает вам и маленькому Конну.

— Понятно... — Королева спокойно приняла эту ни о чем не говорящую информацию и спросила: — А как поживает этот его уродец, Делвин? Шут все еще в фаворе у моего мужа?

— Да, госпожа, — бесстрастно ответил Тросеро. — Более того, шут выпросил у него доспехи и теперь подчас мелькает на поле боя, сверкая латунью, как котелок, и потрясая кинжалом.

— Разумеется, он по-прежнему поет и играет на пирах по случаю побед, — продолжила за графа Зенобия. — Я уже в курсе по поводу пьяных застолий и безумных пиршеств, которые устраивает Конан в захваченных городах. Впрочем, вам, граф, видимо, не до веселья, если уж король порой перекладывает на вас то, что положено делать ему самому и никому другому!

— Я не совсем понимаю, о чем вы, ваше величество, — с напускным недоумением отозвался граф.

— Неужели? А я вот узнала, что вам пришлось командовать армией, пока мой муж в порыве страсти странствовал в поисках и попытках спасения своей старой пассии — некоей Ясмелы. Что же вы молчите, граф? Я полагаю, что имею право знать о столь рискованных, но, как всегда, столь же благородных приключениях своего супруга. О шлюхе по имени Амлуния мне тоже известно, ибо у меня есть собственные шпионы и собственные ясновидцы. Так что, граф, не стесняйтесь — выкладывайте все как есть!

— Ваше величество! — Публиус был явно шокирован. — Как же так? Я ведь предлагал вам услуги своих осведомителей и астрологов. А вы, призвав на помощь лжецов и шарлатанов, попали в столь неловкое положение!

— Замолчите, Публиус! — почти прошептала Зенобия. — Уж ваши-то игры я насквозь вижу. Вы боитесь, что если я буду слишком много знать, то смогу надавить на Конана и чем-то повредить вашей будущей империи! Но я... Я стою больше всех империй, вместе взятых! Я могла бы перегрызть горло всем этим девкам, подослать к ним убийц, наслат на них порчу... Но я люблю Конана, останусь ему верна и не буду противиться его делам. Потому что он не только мой супруг, но и мой король!

— Ватесса! Ватесса, дорогая моя! Тебе лучше? Давай я подложу тебе подушку под голову.

Принцесса Ясмела, склонившись над неподвижно лежащей служанкой, влила ей несколько капель жидкости из кубка прямо в рот. Подождав, она опустила голову женщины на подушку. Та лежала, не отвечая, устремив неподвижные глаза куда-то вдаль.

— Тебе так удобно, Ватесса? Полежи так. Скоро все пройдет, ты поправишься, вот увидишь.

Встав с колен, Ясмела отодвинула свечу подальше от изголовья кровати Ватессы, чтобы свет не падал ей на лицо. Служанка не приходила в себя с того дня, когда один из телохранителей Амиро оглушил ее ударом дубины по голове. С тех пор Ясмела заботливо ухаживала за ней. Госпожа и служанка поменялись ролями, но принцесса понимала, что при всем старании ей не удастся возместить Ватессе и десятой доли той заботы, которой окружала ее служанка в течение долгих лет.

Подойдя к окну, принцесса приоткрыла ставни. Луна еще не взошла, и в темноте виднелась лишь россыпь звезд на небе да черный контур вонзавшихся в небосвод незнакомых горных вершин. Впрочем, и днем вид был неамного лучше: мрачные склоны, поросшие дремучим темным лесом, да гранитные скалы — все это не вызывало у Ясмелы радостных чувств. Ночной воздух был свеж, в комнату потянуло холодом, и принцесса поспешила захлопнуть ставни и задернуть шторы.

Эта уединенная, затерянная в глуши безымянная башня стала для нее не только местом заточения, но и символом наказания. Наказания за безумную материнскую

любовь, за одностороннее воспитание сына, который, повзрослев, оказался прекрасно подготовлен к схватке за власть, но считал честь, достоинство и благородство не чем иным, как красивыми словами. Не меньше, чем отношение Амиро к ней самой, поразило Ясмелу и то, как он обошелся с Ватессой, которая была ему почти второй матерью, воспитывавшей его и ухаживавшей за ним с колыбели.

И все же для Ясмелы Амиро был сыном. Единственным и любимым сыном. Она ничего не могла с собой поделать и по-прежнему слепо любила его, желала ему удачи и побед.

Неприязнь Амиро ко всем ее бывшим любовникам была вполне объяснима — слишком рано и близко познакомился принц с нравами мужчин при кораджанском дворе. Но чтобы так получилось с Конаном — этого Ясмела не могла себе простить. Теперь два близких ей человека стали заклятыми врагами и будут ими до тех пор, пока один из них не убьет или не возьмет в плен другого. И это те единственные двое мужчин, судьба которых заботила ее!

В глазах Ясмелы уже не осталось слез. Здесь, в затерянной в дебрях Кораджи башне, под охраной бесчувственных, верных лишь Амиро стражников, она не могла ничего изменить, не могла попытаться спасти короля или принца, страну или мир. Оставалось лишь одно — день за днем ухаживать за несчастной служанкой и тем самым попытаться спасти хотя бы свою душу.

Погруженная в тяжелые раздумья, принцесса стояла у кровати лежащей без сознания служанки. Неожиданно с лестницы, ведущей вниз — в общий зал, комнату караула и кухню, — донесся какой-то звук.

«Наверное, часовой», — подумала Ясмела, — поднимается на верхнюю площадку башни, чтобы сменить товарища.

Впрочем, это объяснение пришлось отбросить. За дверью что-то зашуршало, и тут чувство неизвестности сменилось в душе Ясмелы тревогой. Дверь была заперта изнутри, но сейчас тяжелая стальная пластина засова вдруг медленно заскользила в пазам. Следом, слегка скрипнув старыми петлями, приоткрылась дубовая дверь.

В комнату принцессы скользнула непонятная фигура — высокая, узкая тень, силуэт человека в длинном, до пола, плаще с капюшоном. Длинные рукава, скрывая руки, доставали почти до колен этой странной тени. Казалось, что плащ был брошен на пустоту, быть может — на шест с перекладной, на манер чучела в огороде, а не на человеческие плечи.

— Кто это? — словно в пространство обратилась Ясмела. — Уходите. Я устала, хочу спать и не намерена принимать гостей.

Неожиданно в ее голове мелькнула мысль: а что, если это Конан?

Нет, невозможно, заставила признаться себе самой принцесса. Слишком узка в плечах и худощава была неведомая тень. Не мог незнакомец быть и принцем. Амиро был лишь чуть выше матери ростом, а незнакомец возвышался над Ясмелой на целую голову.

Наконец принцесса взяла себя в руки и спросила:

— Вы посланец от Амиро? Или... нет, не может быть — неужели с моим сыном что-то случилось?! Он жив? Ранен? Говорите же, или я вызову охрану! А если это выходка караульных, то вы все понесете суровое наказание.

— Никто не умер, не погиб... — Голос незнакомца был низок и одновременно скрипуч; от скрипа дверных петель его отличала лишь некоторая плавность и текучесть. — ...Я не несу вестей о чьей-либо смерти. Наоборот, я пришел известить тебя о рождении...

— Что вы мелете?

Испуганная, Ясмела попятилась к столу, где среди ее расчесок, косметики, благовоний и прочих женских безделушек лежал оставленный ей с разрешения Амиро длинный, остро отточенный кинжал.

— Вы не из гарнизона башни, — сказала она. — И вы не посланец Амиро. Если вы тотчас же не покинете мою комнату, я закричу!

— Ну что ж, кричи. Кричи! Ибо что еще, кроме женского крика, может так органично аккомпанировать радости рождения?

Набрав дыхание, незнакомец излил на Ясмелу поток красноречия:

— Я говорю о твоём собственном рождении, Благородная Дама. О твоём новом рождении под покровительством и защитой всезнающего и всемогущего бога, который решил восстановить своё правление здесь, на этой земле...

Легкие Ясмелы наполнились воздухом, но крик был остановлен в её груди. Черная тень стремительно скользнула к принцессе, взлетели вверх длинные рукава, из которых показались белые кости, сложившиеся в когтистые лапы, сжавшиеся на горле женщины.

Незнакомец не был человеком. Более того, принцесса вдруг осознала, что он даже не какое-то земное создание. Почувствовав прикосновение костяных лап к своему горлу, Ясмела гораздо больше испугалась не этого, а той угрозы, что нависла над её душой.

Резко мотнув головой, Ясмела вырвалась из ледяных объятий. Шаг назад — и её руки нащупали за спиной задвижку ставней. Страшная опасность продолжала грозить её беззащитной душе.

Ещё одно усилие — и ставни распахнулись. Чуть-чуть податься назад — и ночной ветер охладил её разгоряченный лоб. Ещё чуть-чуть назад — и вот костлявые пальцы опять промахнулись. Из груди Ясмелы наконец вырвался отчаянный крик. Но в тот же миг её душа почувствовала себя абсолютно свободной, радостно поющей в пустоте.

А тело... тело принцессы рухнуло на камни у подножия башни, где, изломанное, разбитое, осталось лежать неподвижно.

Глава 14

ДА ЗДРАВСТВУЕТ МОГУЩЕСТВО!

— Делвин, запевай! Заводи свою шарманку! — весело проорал Конан.

Король-победитель восседал на походившем на трон кресле, ещё недавно предназначенном Первому Магистру Нумалии. Откинувшийся на спинку в полурастегнутых доспехах, в сбившейся набекрень короне —

киммериец был зримым воплощением празднующего победу варвара.

Зал городского совета, в котором и проходило празднование, пребывал в полнейшем беспорядке. Перевернутая и сломанная мебель, следы костра, разложенного прямо на мозаичном полу, разбросанные повсюду объедки и посуда — все свидетельствовало о славном, понастоящему веселом пире в честь взятия города. Тяжелые бронзовые двери зала были выбиты из косяков и лежали на полу. Изрядно расширившийся дверной проем неровной дырой открывался во двор замка, где, судя по живописным следам, празднование продолжалось столь же оживленно.

Солнце садилось, и над стенами замка можно было рассмотреть в вечернем небе поднимающиеся столбы дыма — в городе догорало то, что могло гореть.

Делвин восседал, поджав ноги, в пещероподобной топке незажженного камина. По команде короля карлик тотчас же начал бренчать на своей лютне. Слушатели — около двух дюжин аквилонских и немедийских офицеров, — проявляя живейший интерес к музыке, стали хлопать ладонями в такт мелодии.

От группы пирующих отделился и направился к Конану человек, явно чувствовавший себя не в своей тарелке посреди этого дикарского праздника. Это был не кто иной, как Публиус — канцлер Аквилонии, только что прибывший из Тарантии.

— Позволю себе заметить, — попытался урезонить короля седовласый канцлер, — что сейчас не время предаваться разгулу и веселью. Есть безотлагательные дела государственной важности...

— Публиус, Публиус, — перебил его размахивающий кубком Конан, — сдается мне, что, убегая от ваших вездесущих умных советов, я быстрее завоюю мир, чем прислушиваясь к ним.

Взрыв хохота встретил королевскую шутку, а сам Конан добавил:

— Нет, почтенный канцлер, сейчас я требую песню! И я ее получу! Эй, шут!

Не прекращавшееся все это время бренчание лютни Делвина дополнилось голосом карлика. Незнакомая,

торжественно-маршевая мелодия заставила присутствующих обратиться в слух.

Кипящая кровь и душа киммерийца;
И пятна крови на полях и равнинах.
Рожденный для битвы врагов не боится,
Нет края таинственным землям, равнинам...

Вслед за первым куплетом умелые пальцы Делвина выдали несколько зажигательных аккордов. Казалось, Амлуния, сидевшая на полу у ног киммерийца, только этого и ждала. Легко выскочив на середину зала, она, подчиняясь музыке, начала танцевать.

Выватив из ножен саблю и кинжал, Амлуния отбросила тяжелую портупею, следом полетел подбитый мехом плащ. Исполненный с двумя клинками танец, изображающий поединок, привел присутствующих в восторг.

Неожиданно, услышав чуть заметное изменение мелодии, Амлуния упала на колени и замерла. В наступившей тишине вновь зазвучал голос карлика:

Пусть сталь подтвердит славу предков великих,
Пусть к небу взметнутся воителей стяги.
Падут в битве орды кочевников диких,
Империи молча склонят свои флаги.

Финальные слова были встречены бурной овацией. Сам король, плеснув через плечо остатки эля, с грохотом поставил кружку на стол и крикнул:

— Отлично спето, малыш! И отлично станцовано, моя малышка!

Амлуния подмигнула Делвину, и тот продолжил играть. Сама же рыжеволосая девушка, грациозно покачиваясь и соблазнительно изгибаясь, направилась к Публиусу. Старик, явно не жаждавший поучаствовать в разгульном танце, стал, неловко отмахиваясь, отступать к стене, чем вызвал бурю хохота у присутствующих.

Неожиданно лихой немедийский офицер из свиты Халька выскочил на середину зала и, зажав между ног

короткий меч, стал, потрясая этим символом фаллоса, мелкими прыжками приближаться к Амлунии. Веселью пирующих, казалось, не будет предела, но настоящую бурю восторга вызвала у всех очередная выходка Амлунии. Девушка, воспользовавшись скованностью движений своего непрошеного партнера, быстро увернулась от торчащего между его ног клинка, а в следующий миг чувствительно уколола немедийца кинжалом чуть пониже спины. Офицер охнул, поднял с пола упавший меч и, чуть прихрамывая и держась за пострадавшее место, направился к своему столу под бурные овации гостей.

Хохотавший чуть ли не громче всех остальных Конан наконец прокричал:

— Все! Хватит музыки и танцев, а то у меня не останется ни одного боеспособного офицера. Амлуния, маленькая потаскушка! Иди-ка сюда, поближе ко мне. Эй, слуги! Зажечь факелы! И не экономить — все запасы города все равно принадлежат победителям.

Пока уцелевшая в бою прислуга дворца, суется, устанавливала в держателях просмоленные факелы, Публиус воспользовался паузой в веселье, чтобы вновь обратиться к Конану, «пока его величество не сконцентрировал все свое внимание на скорейшем достижении дна очередного кубка», — пояснил канцлер.

— Есть вопросы, решение которых едва ли терпит отлагательства, — негромко сказал он. — В первую очередь — положение в только что завоеванных городах. Проезжая по улицам Нумалии, я увидел, что дома разрушены или сожжены, собственность жителей разворована, солдаты избивают горожан, насилюют женщин... Дело даже не в морали, ваше величество, но ведь город и его жители — это ваши новые владения и ваши новые подданные. Не стоило бы так преступно-небрежно относиться к своей собственности...

— Рога Эрлика! — воскликнул Конан. — А что ты, старик, ожидал увидеть в покоренном городе, взятом к тому же после жестокого штурма? Если уж на то пошло, то по дороге ты не встретил процессий закованных в цепи рабов, а в городе не наткнулся на груды срубленных голов на рыночной площади. Так что упрекнуть

меня в неверном отношении к захваченному городу могла бы только поистине кровожадная Амлуния. А если спросить кого-нибудь, кто порассудительнее, например — Делвина, то я думаю, он вполне одобрит мой подход к делу.

— Увы, ваше величество в последнее время огорчает меня своим безукоризненным правлением, — отозвался карлик. — Мне, как шуту, которому почти нечего высмеивать, становится даже как-то не по себе...

— Слова, достойные записного дурака, — буркнул Публиус, — но я, как государственный канцлер, должен говорить серьезно и по существу. Повелитель, я уверен, что хаос в этом городе — не что иное, как отражение беспорядка во всем вашем королевстве, в государственных делах. И хотя граф Просперо изо всех сил пытается наладить нормальную политическую жизнь в столице новой провинции — Бельверусе, а придворные в Тарантии, возглавляемые ее величеством, стремятся к укреплению позиций нашей страны на дипломатическом поприще, — здесь, в Нумалии, происходит...

— Хватит! — резко оборвал канцлера Конан. — В некоторых делах, Публиус, я обойдусь без ваших советов. Я не седой старикашка, чтобы по сто раз примериваться и оглядываться перед каждым следующим шагом. И я не скряга, который ради своей казны лишит солдата радостей победителя. Кроме того, аквилонцам приказано обходиться с побежденными достойно: так, как поступал бы в таких случаях я. И если где-то в городе и были злоупотребления силой, то спишите их на личные счета людей барона Халька к жителям южных немедийских городов.

Сам Хальк никак не прокомментировал это замечание, слишком поглощенный содержимым очередной кружки эля.

Публиус же терпеливо, но настойчиво продолжал говорить с королем:

— И все же, ваше величество, следует остановить грабежи и насилие. Иначе мы рискуем получить в лице немедийцев не полноценных союзников, а не заслуживающих доверия, затаивших злобу и обиду васалов.

— Союзников?! — презрительно переспросил Конан. — Какие у нас могут быть достойные союзники, Публиус? Эти предатели и марионетки типа Лионарда и Халька? Нет, уважаемый канцлер, у великой империи нет достойных союзников. Посудите сами: хоть один из хайборейских правителей предложил мне свою помощь в борьбе против прославившегося своим бесчестьем Амиро Кофийского? Нет, наоборот — Зингара готова переметнуться под его знамена, Аргос не мычал — не телился, пока его самого не ужалила кофийская змея. Даже коринтийские бароны отказываются предоставить мне право беспрепятственно пройти через их земли, чтобы ударить по Кофу с севера. Они заявили, что, забыв все междоусобицы, готовы объединить все герцогства и княжества Коринтии, чтобы противостоять моим войскам.

Нетерпеливым движением руки Конан отодвинул, почти отшвырнул протянутую ему Амлунией кружку с элем, расплескав по полу и кожаной куртке куртизанки большую часть напитка.

— Видите, Публиус, — продолжал киммериец, — короли и правители Хайбореи — просто кучка трусов и предателей. Ничего, придет день — и они на коленях присягнут мне на верность, провозгласив меня своим повелителем.

— Разумеется, так оно и будет, если вы того пожелаете, ваше величество. — Опытный придворный, Публиус знал, как вести разговор с монархом. — И все же, пока это не произошло, не лучше ли будет заручиться их дружбой? Простите меня, господин, но едва ли шут, горланящий про мировое господство, привлечет на сторону Аквилонии новых друзей.

— Чуть все это, — отмахнулся король. — Я вам не хитрая лиса — дипломат, чтобы скрывать свои истинные намерения. — Погладив свернувшуюся у него на коленях, словно большая стигийская кошка, Амлунию, Конан добавил: — Когда я рвусь к цели, ничто — ни человек, ни боги — не смогут остановить меня!

— Неужели вы полагаете возможным атаковать всех соседей открыто и сразу, не перессорив их предварительно между собой?

Это предположение показалось Публиусу настолько диким, что он даже забыл добавить к своим словам вежливую форму обращения к королю. Впрочем, киммериец не обратил внимания на столь мелкое нарушение этикета. Его куда больше занимало другое:

— Когда я решусь на великий поход, королевства будут снопами ложиться под моим мечом, как пшеница под острым серпом! Подумай сам, старик: ради чего судьба и боги провели меня через столько трудностей и опасностей, возвысив безродного варвара до королевского трона? Они явно выбрали меня для чего-то особого. В скольких сражениях, поединках и драках я участвовал — и до сих пор отделялся лишь царапинами. Кром, а затем и Митра хранили меня и собираются хранить в будущем, гарантируя мне удачу и победы! Впрочем, тут я могу согласиться с Делвином: во мне самом уже есть, наверное, нечто божественное. Скольких жрецов, божков и демонов я самолично сразил в бою — не перечесать! Не может быть, чтобы часть их сверхъестественной сущности не перешла ко мне. — Помолчав и подумав, Конан подвел итог: — Пока никто не смог одолеть меня в бою, доказав ограниченность моей силы, почему я должен отказываться от признания своей божественной сущности? Кто сказал, что нужно умереть, чтобы оказаться причисленным к сонму богов?!

От камина донесся голос обращающегося к канцлеру Делвина:

— Эй, ты, старикашка, не забывай, с кем имеешь дело. Где это видано, чтобы могучий лев прислушивался к советам пусть даже самой умной крысы. Великие люди творят великие дела и — великие преступления. И их не карают, а превозносят за то, что они смеют нарушать и переделывать законы, писанные для простых смертных!

В тоне шута не было и намека на иронию. Наоборот, с каждой фразой он становился все более сильным и уверенным; все новые и новые образы слетали с языка маленького человечка:

— Единственная обязанность короля — осуществлять власть, пользоваться ею. Ибо без употребления власть съезживается, ссыхается и становится ломкой и

непрочной, как старый пергамент. Задача короля — найти новые силы, новую власть и приложить ее к своим подданным. А если этому могуществу окажется мало своего королевства — что ж, самое время охватить им другие страны. Нет предела росту могущества. Властитель должен стремиться стать божеством!..

— Слушай, слушай, — кивнул Конан Публиусу. — Не забывай, устами шута говорит истина.

Старый канцлер выглядел совершенно растерянным и не нашел что ответить королю.

Пир продолжился, празднество отвлекло внимание гостей от серьезных разговоров. Подали очередное блюдо, и слуги, засуетившись у королевского стола, отгеснили Публиуса от монарха. Сев по соседству с Хальком, канцлер попытался по привычке завести с ним дипломатическую беседу, но, встретив лишь пьяные выкрики и глупые шутки в свой адрес, замолчал и сидел на своем месте, даже не притрагиваясь к еде. Пир шел своим чередом; на небе, кусочек которого был виден через изуродованный при штурме дверной проем, появились первые звезды.

Еще трижды совершалась перемена блюд, и тут в зал в сопровождении двух Черных Драконов вошел покрытый дорожной пылью гонец. С трудом передвигая ноги после долгой скачки, он все же приблизился к королю и обратился к нему:

— Ваше величество, у меня для вас сообщение из Кораджи, переданное по цепочке через Офир и Бельверус. Мне его приказал передать вам граф Просперо.

— Отлично, — кивнул Конан и подозвал одного из слуг: — Налей-ка парню эля, чтобы он смог промочить пересохшее горло... Ну, так что за новости ты мне принес?

— До вас до сих пор не доходили новости из Кораджи? — удивленно переспросил гонец, принимая у слуги кружку с пенистым напитком, но явно не решаясь пить.

— Нет, конечно. Откуда мне знать, что там творится, если ты молчишь? — Конан в нетерпении наклонился над столом: — Ну давай, гончий пес, выкладывай же скорее!

— Ваше величество... Поступили сведения... стало известно, что принцесса Кораджи... госпожа Ясмела мертва.

Воцарилось гробовое молчание. На лице Конана отразилась целая буря чувств и эмоций. Все присутствующие, включая Амлунию, затаившуюся на коленях короля, словно отсчитывали, насколько какая-то давно забытая любовница могла иметь власть над, казалось бы, негибимым мужчиной. Видя, что такое положение правителю ни к чему, канцлер Публиус поспешил отвлечь общее внимание, приступив к более подробным расспросам гонца:

— Ее высочество принцесса Ясмела мертва? Скажи мне, была ли ее смерть насильственной?

Гонец пожал плечами:

— Точно не известно. Говорят, что она выбросилась из окна башни, куда ее перевели из Тарихолда.

— Вряд ли нам суждено когда-то узнать правду, — вздохнул канцлер. — Каково же мнение графа Тросеро по поводу дальнейшего развития политической ситуации в Кофе и Корадже?

— Он полагает, что власть принца Амиро как в Корадже, так и в самом Кофе укрепитя, — отпартовал посланник, почувствовав, что, скорее всего, горькая чаша гонца, принесшего дурную весть, его миновала.

— Выбросилась из окна?.. — негромко пробормотал Конан. — Ну-ну... Я думаю, Амиро это будет стоить дорого.

— Ваше величество видит в этой смерти злой умысел? — спросил канцлер.

— Я слишком хорошо знаю Ямелу. Эта женщина не из тех, кто может пойти на самоубийство из отчаяния. Нет, это Амиро приказал убить ее. Убить собственную мать! Видите, Публиус, — это еще одно подтверждение тому, что нравы хайборейских правителей больше всего напоминают мораль змеиного гнезда. Но ничего, придет час расплаты и для кофийского мерзавца!

Конан вскочил с кресла, чуть придерживав одной рукой падающую к его ногам Амлунию. Все рыцари, участвовавшие в праздничном пиршестве, тоже встали из-за

столов и громким криком приветствовали клятву своего короля.

— Я отомщу Амиро! Клянусь Кромом и Митрой, Кубалом и Сетом; клянусь всеми богами Хайбореи! Клянусь!

Следующий день был ознаменован новыми разговорами о войне, подготовкой к войне и известиями о войне. Последние отряды сторонников погибшего короля Балта отступили к восточным границам страны, где, по слухам, воссоединились с нанятыми на последние деньги иностранными наемниками в отчаянной попытке прервать триумфальное шествие Конана по Немедии. В самой Нумалии бароном Хальком был назначен военный комендант, а городские склады окончательно вычистили интенданты аквилонской армии.

Слух о непобедимом аквилонском короле обошел всю Немедию. Недовольные вторжением бароны распространяли среди крестьян и горожан самые страшные сведения, представляя киммерийца чудовищем, чуть ли не пожирающим живьем немедийских младенцев. В ответ, вместо того чтобы готовиться к восстанию, крестьяне побросали свои обычные дела и стали рыть в лесах землянки, закапывать в ямы зерно, прятать в далеких оврагах скот, чтобы, уйдя из придорожных деревень, спрятаться с семьями от наступающих аквилонцев.

Через несколько дней Конан сумел искусным маневром завлечь противника в ловушку. Непокорные немедийские бароны, полагающие, что преследуют небольшой отряд сторонников Халька, оказались вдруг в кольце вышедших из лесов аквилонских легионов. Исход сражения был предопределен. С организованным сопротивлением немедийцев было покончено.

Долгие годы после этого сражения его уцелевшие участники рассказывали, как легенду, о сверкающей бронзой колеснице, пронесшейся по полю боя. Шестеркой коней правил привязанный к спине коренного жеребца гном в латунных доспехах, а на платформе застыли в страстном объятии Конан с Амлунией. Словно сошедшее на землю божество, киммериец прижимал к своим губам губы своей рыжеволосой смертной возлюбленной,

даже не обращая внимания на свистящие стрелы и грохот боя. Ликующие крики союзников и полные ужаса возгласы противников провожали несущуюся на полной скорости колесницу могучего правителя Аквилонской империи.

Глава 15

ЧЕРНОЕ ПРИЧАСТИЕ

Амиро, Верховный Правитель Кораджи и Сиятельный Принц Кофа, пробудился от беспокойного сна в чужой, враждебной темноте.

По крайней мере, Амиро показалось, что он проснулся. Придя в себя, принц обнаружил, что стоит на свежем воздухе, одетый в черную рубаху и брюки (этот шелковый костюм обычно заменял ему ночное белье, чтобы затруднить действия возможных наемных убийц). На его ногах были те самые мягкие сапоги, которые вечером он поставил у своей кровати. Но кинжала, всегда лежавшего под подушкой принца, при нем не оказалось.

Тьма, окружавшая Амиро, была не совсем крошечной. В просвете между тучами показался лунный полумесяц, осветивший окрестности. Оказалось, что принц стоит посреди мощенной каменными плитами площади, на которой возвышаются внушительные колонны и своды галерей. Это место было абсолютно незнакомо принцу.

Амиро осторожно сделал шаг и убедился, что в мире снов полированный камень остается твердым и прочным, как ему и положено. Черное небо и рассыпанные по нему звезды почему-то вызвали у принца какое-то неясное беспокойство. Словно отвлекая его от этого, вокруг него широким кругом вспыхнули между колоннами невысокие металлические жаровни-светильники. При этом ни единой человеческой тени не промелькнуло под сводами галереи. На каменной площади не было никого, кроме самого принца.

Второе кольцо языков пламени пролегло вокруг центра площади, осветив находящийся там фонтан или бассейн, заполненный какой-то черной маслянистой жидкостью.

Амиро заставил себя сделать шаг по направлению к пылающему бортику бассейна, но застыл на месте, услышав доносящийся из-под поверхности жидкости громкий, явно не человеческий голос с каким-то булькающим акцентом:

— Добро пожаловать, принц Амиро, повелитель великого Кофа, стремящийся к еще большему могуществу. Мне приятно и лестно почувствовать поступь столь благородных ног по камням моего древнего храма.

— Кто ты такой, — с вызовом в голосе ответил Амиро, — чтобы уносить меня сюда без моего ведома, разрушать во внеурочный час мои спокойные, привычные сновидения?

— Не смей меня, принц, — пробуждал в ответ тот же голос. — Неужели я прервал спокойный, скотский сон жалкого ничтожества? Никогда не поверю, чтобы жаждущий столь многого в своей жизни человек спал спокойно.

Амиро криво усмехнулся:

— Ты неплохо меня знаешь, призрак! Действительно, мои сны всегда полны боев, схваток, подосланных ко мне убийц, пыток и палачей. Бывают в них и веселые пиры, и упоение победы... Но вот до бестелесных голосов из булькающей жижи я еще не докатывался.

— Что ж, лишь сегодня ты смог настроиться и откликнуться на импульс моего возросшего могущества. Каких-то несколько дней назад я не смог бы даже проникнуть в твои сны, не то что рассчитывать обратить столь сильную личность в свою веру.

— Кто ты? Я повторяю свой вопрос. И что это за странное место? — Ощущая ползущий по спине холодок и инстинктивно опасаясь подойти ближе к бассейну, Амиро все же старался держаться с подобающими ему величием и уверенностью. — Тот ли это мир, в котором я живу? Если это так, то ты обладаешь немалой силой, раз смог так передвинуть все небесные сферы. Я не узнаю ни единого созвездия... Нет! Нет, это не земля, я понял! На нашем небе не может быть двух лун! — Амиро, не сдержавшись, перешел на взволнованно-повышенный тон, показывая пальцем на выплывающий из-за горизонта второй полумесяц.

— Если ты не боишься показаться безумным, говоря о других мирах и передвинутых звездах, — произнес

голос из бассейна, — то потрудись согласиться с тем, как я объясню тебе это, принц. Просто я предпочитаю вызывать смертных к себе в то далекое время, когда над твоей землей еще всходили каждую ночь две луны. Что же касается меня, — продолжали лопаться черные пузыри, — то мое имя — Ктантос. Я — бог. Некогда я был самым могучим из... нет, единственным богом всей земли. Мое могущество ослабло благодаря тупости, жадности и предательству жрецов, спровоцировавших ненависть людей. Да и сам я слишком мало внимания уделял жалким, но очень важным для них страстишкам и желаниям моих смертных почитателей.

— Кто поклонялся тебе — люди?

— Люди... Почти люди, что, впрочем, сейчас уже неважно. За многие тысячелетия ваша раса изменилась куда меньше, чем положение звезд на небе.

Лопающиеся пузыри издали какие-то нечленораздельные звуки, по поверхности жидкости в бассейне прошли волны, свидетельствующие о каком-то движении в его глубине. Затем бесплотный голос снова заговорил:

— Итак, я решил восстановить свое положение властителя мира. Божественного властителя. А между мной и этим миром должно находиться связующее звено — монарх, наделенный невиданной для других смертных властью. Сейчас я занимаюсь тем, что подыскиваю для себя верных последователей, достойных столь великого замысла. Я проникаю в их мысли, сны, подчас являюсь им в виде призраков. И хотя бога куда меньше, чем смертного, тяготит время, я признаюсь, что провел достаточно веков в этом сосуде, чтобы мне осточертели черные глубины.

— Так ты все время тут и торчишь? — как бы невзначай спросил Амиро.

— Лишь очень редко я покидаю пределы этого бассейна. Некогда он был святилищем моего главного храма, бьющимся, трепещущим сердцем огромной империи. Подчас мне очень не хватает чего-нибудь тепленького, какой-нибудь заваливающей души. Эти игрушки мне уже надоели.

Над поверхностью бассейна в воздух взлетели кости, черепа, ржавые клинки, доспехи и щиты. Через секунду все это рухнуло обратно в черную жидкость.

— Из этих вещей уже давно высосана последняя капля жизни... Не так давно я уже было нашел для себя подходящую душу — отзывчивую, чувствительную. Она уже почти принадлежала мне, но в последний момент отдалась какому-то другому жалкому, но знакомому ей божеству. Весьма печальная история.

— Предупреждаю тебя, Ктантос, — голос Амиро эхом отразился от поверхности бассейна, — моя душа вовсе не чувствительна и не отзывчива. Не вздумай и пытаться заполнить ее без моего согласия.

— Нет, принц, что ты! Для тебя у меня есть другое предложение. Мне известны твои далеко простирающиеся амбиции, а также то, что ты не стесняешь себя... некоторыми дурацкими ограничениями, которым почему-то следуют многие другие правители, кичащиеся честью и благородством. Да и вообще, судьбы других людей, похоже, мало волнуют тебя.

— Мало волнуют, говоришь? — усмехнулся Амиро. — А с чего бы это меня заботили чужие судьбы? Лично обо мне никто никогда не заботился. Я всего достиг сам, все выгрыз зубами...

— Да, да, принц, именно так! Я теперь еще лучше понимаю тебя. Признаюсь, не хотел бы я получить твою душу в качестве утешительницы. Ее сила в другом — в независимости, дерзости, готовности к действию.

— Точно! Именно этим я всего и добивался в жизни.

— Но скажи, не чувствуешь ли ты, что в последнее время с тебя спадают последние путы того, что люди называют моралью, гуманностью и благородством? Чего стоит, например, одно нападение без объявления войны на нейтральный Аргос, чьи земли сейчас опустошаются и выжигаются твоими войсками.

— Да, с годами во мне крепнет вера в правоту моих догадок о бесполезности моральных ценностей, о бесцельности, а значит, и отсутствии ценности человеческой жизни. Эта вера помогает мне добиваться поставленной цели моей, несравнимо более ценной, жизни!

— Немало упорства, наверно, требует осуществление этой цели, учитывая силу и ярость твоих противников.

— Сила? Ярость? — На этот раз смех Амиро громко прокатился по площади и стих между колонн. — Нет,

это всего лишь их везение и удача. Мой главный противник сейчас — настолько низок по рождению, настолько дик и невежествен, что я не могу вызвать в себе ни капли уважения к нему, как к монарху, правителю большой страны. Он даже не человек в полном смысле этого слова. Так — варвар, ставший боевым символом цивилизованной страны. Он ничего не смыслит ни в дипломатии, ни в стратегии управления страной, ни в искусстве военачальника. Махать мечом самому — вот его удел. А все его победы — это лишь миф, созданный кликой генералов и советников, реально правящих его страной. И все же этот боров, этот идол в короне, шатающийся на глиняных ногах, осмелился встать на моем пути! Это непростительно, особенно в свете моих последних открытий по поводу моего предназначения. Многие уже пожалели, что попытались помешать мне. Теперь я считаю своим долгом покарать этого дикаря-самозванца. И клянусь, я найду ему достойную кару, обеспечу ему долгую и мучительную смерть!

— Весьма завлекательная схватка, — пробурлил Ктантос. — Даже при моем опыте любопытно поглядеть, как сражаются два, что бы ты там ни говорил, пусть и смертных, но весьма необычных в своем могуществе и в своих амбициях властителя. Что интересно — в этой войне ты ведешь себя не так, как обычно, показывая умение выжидать и не рисковать поспешными действиями.

— К чему спешить, когда моя цель — втянуть его в конфликт с другими врагами, которых я ему навяжу, а затем... — Амиро вдруг оборвал свою фразу. — Я никогда не отличался болтливостью и сейчас не собираюсь раскрывать мои планы кому бы то ни было — даже богу, даже во сне.

— Дело твое, — пробурлила череда пузырей. — Но у меня есть к тебе предложение. Обдумай его. Любому смертному правителю нужен божественный покровитель. Доверься мне, посвяти себя мне как своему богу, и я поведу тебя в бой с твоим заклятым врагом. Докажи мне один раз свою верность и покажи себя достойным быть правителем мира — и ты не пожалеешь. Уж я сделаю так, чтобы твой триумф был полным и окончательным.

— В то, что это в твоих силах, я готов поверить, — спокойно сказал Амиро.

Принц стоял, скрестив руки на груди, глядя в незнакомое небо с двумя лунами и чужими звездами, и обдумывал предложение Ктантоса. Чуть склонив голову, Амиро добавил:

— И все же твои обещания для меня — пустой звук. Сдается мне, ты и с этим дикарем — Конаном — такие же торги ведешь. Правда, судя по всему, мое видение мира больше совпадает с твоим, чем варварские принципы киммерийца.

Словно не услышав сомнений Амиро, Ктантос продолжил:

— Вопрос в том, готов ли ты признать меня Единственным Истинным Богом? И готов ли ты признать моего Верховного Жреца, каким бы странным он тебе ни показался.

Несколько мгновений поверхность бассейна оставалась гладкой, как зеркало. Затем на ней вновь вздулись пузыри:

— Подумай об этом, принц Амиро. Я не прошу ответа прямо сейчас. Хорошенько подумай.

Двойное кольцо огней вокруг бассейна и площади с колоннами померкло. Воцарилась полная темнота, которую вдруг разорвал нестерпимо яркий свет...

Принц Амиро открыл глаза, которые больно резанули пробивающиеся сквозь парусину шатра лучи яркого аргосийского солнца.

Проморгавшись и сев на край походной кровати, Амиро крикнул:

— Эй, стража!

В тот же миг в дверном проеме встал во весь рост закованный в кольчугу начальник дежурной смены личного караула принца:

— Какие будут приказания, ваше высочество?

— Какого черта меня не разбудили с рассветом?

— Дворецкий не смог разбудить вас. А потом... вы что-то говорили во сне, и мы, не желая подслушивать, покинули шатер.

— Все? Это правильно, — кивнул Амиро и, нагнувшись, чтобы застегнуть пряжки на сапогах, приказал: — Собрать офицеров!

Спустя несколько минут верховный главнокомандующий кофийской армией, откинув полог, вышел из шатра и ступил на расстеленный перед дверью толстый аграпурский ковер. Молча обведя взглядом стоявших плотным строем офицеров, он громким голосом обратился к ним:

— Слушайте меня, мои верные вассалы! Сегодня ночью мне было божественное видение!

Королева Зенобия, супруга величайшего короля мира, женщина, чьему состоянию не было равных на земле, сидела в своих покоях одна и молча глотала слезы.

Огромная комната — спальня королевы, обставленная со вкусом самыми дорогими и редкими вещами и украшениями со всего света, — была ярко освещена десятками свечей. Даже в печали Зенобия могла себе позволить не скрывать красоты своего прекрасного лица.

Не Конаном была обижена прекрасная королева, и не на него она злилась. Ее супруг был мужчиной, понять которого до конца не смогла бы ни одна женщина, не говоря уже о том, чтобы удержать его при себе. Какие-то неведомые силы влекли его по жизни, наделяя его силой и энергией, сопоставимыми по мощи с вулканами зингарийского побережья. К этим силам примешивалось какое-то особое, выстраданное Конаном отношение к неписаному кодексу чести, который он чтит свято и романтично, как юноша, впервые взявший в руки оружие и еще не столкнувшийся с грязью мира.

Нет, не на киммерийца были направлены гнев и раздражение королевы. Личной угрозой себе, своему счастью она считала других женщин, которые, по ее мнению, заставляли Конана расплыть свои силы, отвлекаясь от главных целей. Этих-то соперниц Зенобия позволяла себе ненавидеть.

Взять хотя бы эту рыжую Амлунию. Этакая романтическая воительница, слепо восхищенная могучим завоевателем. Как бы не так, по всем донесениям шпионов

выходило, что эта хитрая потаскуха, готовая предложить, кому надо, свой капитал — жадное до плотских утех тело, прекрасно понимала, что делала. Во всех действиях куртизанки чувствовался дальний прицел, она знала, куда всадить острие кинжала своей любви.

На миг Зенобия представила, с каким удовольствием вцепилась бы в рыжие волосы Амлунии, выцарапала бы голыми руками ее бесстыжие глаза... Но, чтобы реализовать эти мечты, нужно было бы бросить государственные дела, покинуть Тарантию на много дней... А этого королева позволить себе не могла.

Куда более таинственной и потому более опасной представлялась Зенобии другая соперница — Ясмела, о которой сам Конан, как всегда откровенно и бестактно, рассказал ей. Во власти далекой кораджанской правительницы до сих пор оставалась часть сердца киммерийца. Сейчас она решила использовать все свое влияние на Конана, чтобы заставить, вынудить его бросить свою страну, армию, семью — и заняться спасением ее пошатнувшегося или утраченного трона.

Но страшнее всех женщин угрожало независимости и благополучию Конана влияние отвратительного карлика. Подчас его поведение напоминало женскую хитрость, подчас — изворотливость и расчетливость евнуха. Убогий Делвин умел обернуть себе на пользу свою кажущуюся слабость.

И все же формально карлик был мужчиной, и это позволяло надеяться на то, что министры и военачальники Аквилонии не подпадут под его влияние так же слепо, как подпал Конан. И тогда...

Но могла ли она, мучающаяся, страдающая королева, супруга короля, раскрыть свою душу хоть кому-то? До сих пор она молчала ради спокойствия двора, ради мира в семье, мирясь с безудержным нравом Конана, с постоянным риском, которому он себя подвергал, порой — совершенно бессмысленно, в бесчисленных войнах и сражениях. Но теперь королю грозила опасность совсем иного рода. Сердце королевы, любящей женщины, кричало ей об этом. И все же Зенобия знала, что не может доверять никому в этом полном скрытых интриг и закулисных игр дворце. Оставалось лишь ждать

хоть мимолетного возвращения Конана, чтобы попытаться вразумить его, объяснить ему причину беспокойства.

Вздохнув, королева подошла к зеркалу, распустила волосы и стала готовиться ко сну. Вызванная звонком служанка быстро погасила большую часть свечей, оставив лишь несколько огоньков у изголовья широкого ложа под пышным балдахином. Затем Зенобия вновь осталась одна.

Неожиданный стук в дверь, ведущую в дальние покои и дальше — в служебные помещения для караула, не напугал королеву. Ей и раньше доводилось принимать пришедших через черный ход в поздний час посетителей. Вот и сейчас, скорее всего, это один из ее тайных шпионов, пропущенный капитаном дворцовой стражи, исполняющим ее строгие распоряжения. Набросив на плечи шаль, королева подошла к двери и откинула засов.

В полумраке Зенобия разглядела странную высокую фигуру в болтающемся, словно на вешалке, длинном плаще, с рукавами, волочащимися почти по полу. Тень от низко надвинутого капюшона полностью скрывала лицо незнакомца. И все же что-то в этом силуэте казалось Зенобии знакомым. Не во снах ли она видела эту тень? Но в каких — кошмарных или пророчески мудрых? Помянув про себя имена основных богов Хайбореи, она сказала:

— Итак, ты пришел. Зачем? Чтобы дать мне мудрость или утешение, которые помогут мне найти опору в бушующем море этой жизни? — Сделав шаг назад, она открыла дверь пошире: — Ну что ж, если так, незнакомец, тогда входи!

Глава 16 ГЕРОЙ ИМПЕРИИ

Командующий экспедиционным корпусом, капитан Эгилруд ехал верхом вдоль подножия скальной гряды, поросшей лесом. Большинство высоких деревьев на этих скалах было сожжено дотла или изуродовано молниями

во время многочисленных гроз, бушующих по полгода в этих местах. Найдя удобное место, Эгилруд поднялся в сопровождении двух адъютантов на вершину скалы. Ряд за рядом поросшие зеленью лесов края уходили вдаль — к могучим стенам Карпашского хребта.

Один из адъютантов, остановив коня, молча показал руку куда-то вперед. Проследив направление его жеста, Эгилруд увидел возвышающуюся над одним из проходов между гигантскими скалами каменную башню. Квадратное в плане сооружение выглядело изрядно потрепанным боями или же многими веками гроз, морозов и жары. По верхней площадке башни двигались какие-то тени, сверкнул металл оружия или доспехов.

— Не очень-то серьезная крепость, — заметил Эгилруд. — Но зачем держать гарнизон в отдаленной, полуразрушенной башне? Здесь поблизости и городка-то завалящего нет. Что докладывает разведка? — обратился он к одному из адъютантов.

— Других объектов противника в окрестностях нет. Ни укреплений, ни следов полевого лагеря. Вот только мне кажется, что подобраться незамеченными к башне будет трудно.

— Согласен, — кивнул Эгилруд. — И все же я считаю, что нам стоит ускорить продвижение и если не застать гарнизон врасплох, то по крайней мере не дать ему серьезно подготовиться к обороне. Не думаю, чтобы в этой глуши они ожидали нападения. Мы так долго пробирались по коринтийским горам, расквасив себе столько носов, — не поворачивать же обратно и идти в обход из-за какой-то неизвестно почему охраняемой башни.

Эгилруд впервые совершенно самостоятельно командовал таким большим отрядом и всячески искал повода отличиться. Ведь назначил его на эту должность лично Конан — король великой Аквилонии, а в ближайшем будущем — и Повелитель Мира. Чувствуя, что правитель доверяет ему и в то же время — испытывает, Эгилруд не мог упустить такую возможность.

Молодой офицер всегда смотрел на киммерийца как на героя. Но с тех пор как Конан на его глазах один вошел в полный врагов зал, закрыв за собой дверь, после

той резни, которую он учинил, самолично разделившись с двумя вражескими королями, заложив тем самым основу новой могучей империи, — после того дня уважение и восхищение, испытываемые Эгилрудом по отношению к Конану, переросли в почти поклонение ему как боже-ству. Втайне от всех капитан лелеял надежду, что в один прекрасный день король, положив ему на плечо руку или меч, передаст верному последователю часть своего сверхъестественного могущества.

Эгилруд понимал, что, скорее всего, эти мечты так и останутся мечтами, но и при таком раскладе он не видел повода обходить сегодня башню круглым путем. Как и подобает истинному аквилонскому офицеру, он однажды уже сделал свой выбор в жизни: вместо того чтобы руководить хозяйством в обширных владениях своего отца, он еще почти мальчишкой поступил на службу в один из королевских легионов. С тех пор много раз ему приходилось участвовать в боях при самых разных шансах в его пользу или в пользу противника. Еще одна стычка не могла напугать капитана или заставить его изменить маршрут.

Эгилруд и его адъютанты спустились с гребня к колонне легиона и сменили своих подуставших скакунов на запасных, следовавших в обозе.

День шел своим чередом. От разведки новых донесений не поступало, что, впрочем, пока что не беспокоило офицеров. В полдень, остановившись на привал у лесного ручья, легион отдохнул и пообедал. Полевая кухня быстро, одну за другой, обслужила маршевые роты. На каждом гребне скального края Эгилруд поднимался повыше и посматривал в сторону башни. Становилось ясно, что вот-вот колонна будет замечена часовыми на парапете.

То, что он увидел при очередном подъеме, изрядно нарушало все планы легиона: колонна вражеских войск под знаменами Коринтии и Бритунии шла по такой же узкой тропе наперерез отряду Эгилруда.

Было ясно, что противник не успеет организовать засаду или ловушку. Но в любом случае вражеские солдаты были готовы к бою, легкая коринтийская кавалерия прекрасно действовала на пересеченной местности,

и бой не обещал быть легким. Эгилруд постарался распределить силы своего легиона как можно рациональнее, выслал к фиорду у речушки, где пересекались две дороги, фалангу конных стрелков, бегом подогнав легкую пехоту на склон долины, нависавший над перекрестком, освободив тяжелым пехотным ротам пространство для маневра и дав им время перестроиться в боевой порядок. Дозорным отрядам, шедшим параллельно легиону по соседним долинам, был передан приказ обходить противника с флангов.

Не прошло и нескольких минут, как на противоположном берегу в устье долины показались передовые шеренги коринтийских отрядов. От строя отделились несколько человек и, воткнув копья в землю, давая понять, что идут на переговоры, направились к броду. Эгилруд кивнул своим адъютантам и еще двум офицерам. Впятером они, в свою очередь, подъехали к краю воды.

Командир коринтийцев обратился к ним, используя в качестве нейтрального языка немедийский диалект:

— Чужеземцы, мы отказываем вам в присутствии на нашей земле. У меня с собой копия указа Правящего Совета, — офицер взмахнул свитком с печатью, — в котором предписано аквилонским и союзным с ними войскам покинуть коринтийскую территорию в течение двух дней под страхом уничтожения.

— Это ты так говоришь, — ответил, также на немедийском диалекте, Эгилруд, стараясь перекрыть голосом журчание стремительно перекатывающейся по камням речушки. — Но ведь никто из моих людей не владеет коринтийской письменностью, так что текст указа может быть предметом спекуляции с твоей стороны.

Это заявление было ложью и, кроме того, явным оскорблением. Эгилруд, прекрасно понимая это, продолжал:

— И все же, позволю себе напомнить, что аквилонцы вторглись на вашу территорию, преследуя мятежников, одинаково опасных как для Немедии, так и для Коринтии. Сейчас мы движемся на юг, чтобы разделиться с ними, а не для того, чтобы развязать войну с вами.

— Не так давно вы прошли через Немедию — и эта страна теперь лежит в руинах. Мы не столь глупы, чтобы не учиться на чужих ошибках. В конце концов, желай мы вам действительно смерти — вы были бы пропущены без проводников в Карпашские горы, чтобы стать жертвами бушующих там бурь и поджидающих добычу вампиров. Но нам приказано лишь не пропускать вас на нашу территорию. Поворачивайте назад! Это приказ.

Эгилруд не шелохнулся.

— Твои приказы нас не касаются, — сообщил он. — И поэтому — убирай-ка лучше своих солдат с дороги моего легиона.

Коринтийский офицер побагровел от гнева:

— Я предупреждаю: ты рискуешь развязать открытую войну между нашими странами. — Помахав еще раз свитком, он добавил: — Этот указ подписан и по слом нашего союзника — Бритунии. Бритунские солдаты входят в мой отряд. Спровоцировав столкновение, ты совершишь враждебный акт в отношении обоих государств.

— Чушь! Нам с Бритунией не из-за чего ссориться, — покачал головой Эгилруд. — Но учтите, что мои отряды сейчас продвигаются по нескольким параллельно идущим долинам. Так что, если ваша небольшая колонна надумает вступить в бой с нами, следите внимательнее за флангами.

Коринтийский офицер отвернулся, чтобы перекинуться несколькими словами со своими спутниками, а Эгилруд резким кивком головы захлопнул забрало своего шлема. Лязг металла был условным сигналом. Услышав его, аквилонские офицеры одновременно прищипорили коней и, заноса над головами мечи и палицы, бросили своих скакунов вперед. Несколько мгновений хватило им, чтобы пересечь брод. Офицеры противника не пожелали отступить, но для равного боя им не доставало скорости, набранной аквилонцами. Столкновение оказалось не в пользу коринтийцев. Два офицера из их группы были сброшены с коней ударами аквилонских мечей и палиц. В воду полетел и свиток с золоченой печатью, сверкнувшей в воздухе.

На подмогу командирам бросились оба легиона. Не прошло и нескольких секунд, как воздух наполнился свистом стрел,¹ лязгом металла, ржанием лошадей и воинственными криками. Закипел бой...

В течение часа Эгилруд одержал победу — пусть местного значения, но полную и безоговорочную. Коринтийской колонне не удалось толком развернуться в боевой порядок. Кроме того, ее рассекли на несколько частей ударившие с флангов дозорные отряды аквилонцев. Эгилруд лишь слегка преувеличил, заявив, что его легион идет несколькими колоннами.

Следуя примеру своего кумира, капитан Эгилруд, отдав необходимые распоряжения, лично возглавил несколько лихих кавалерийских налетов на колонну. Этот маневр срабатывал безукоризненно, взламывая оборону противника и позволяя пехоте войти в прорыв. Становилось ясно, что с каждой минутой соотношение потерь обеих сторон становится явно более выгодным для аквилонцев.

Правая рука и плечо Эгилруда ныли от усталости; бока его коня ходили ходуном, но капитан не остановился, чтобы передохнуть, до тех пор пока не загнал в плотные заросли кустарника командира британского отряда, где разделался с ним несколькими ударами палицы. Вражеский офицер с расколотым под изодранным в клочья шлемом черепом упал со своего коня на землю, и только тогда Эгилруд перевел дух.

Аквилонские войска, добывая противника, вышли к устью долины, где впереди, на фоне Карпашского хребта, возвышалась та самая сторожевая башня, которую капитан заметил с вершины скалы еще утром.

Эгилруд решил развить успех, не давая противнику опомниться. Оставив пехоту разбираться с остатками коринтийской колонны и прочесывать лес в поисках отступающих поодиночке вражеских солдат, он возглавил кавалерийскую когорту, которая направилась к башне. Им попытался преградить дорогу отряд коринтийской кавалерии, шедший в арьергарде колонны. Завязалась яростная схватка. Но ничто в тот день, казалось, не могло остановить соратника Конана — капитана Эгилруда.

Командир экспедиционного корпуса преследовал отступающих коринтийцев по пятам. У подножия башни, окруженной рвом и стеной, преследующие уже смешались с отступающими и на их плечах ворвались во двор, не дав защитникам времени, чтобы опомниться и, обрекая на верную смерть оставшихся за воротами товарищей, поднять разводной мост. Стражники у ворот были быстро перебиты, сами ворота — широко распахнуты, а начавшаяся было опускаться защитная решетка — вновь поднята.

Спешившись, Эгилруд оставил охрану у ворот и возглавил ворвавшийся в саму башню отряд, вступив в яростную схватку с гарнизоном.

Итог боя был печален для аквилонцев, потерявших большую часть легиона, но куда более трагичен для головы разбитых и потерявших крепость коринтийцев. Дюжина оставшихся в живых защитников башни была выстроена во дворе под охраной полусотни аквилонцев, участвовавших в штурме. Остальные отряды легиона продолжали добывать противников в долине.

Эгилруд, стараясь не показывать усталости, прохаживался перед шеренгой пленных.

— Итак, — сказал он, — мне нужен человек, знающий аквилонский или немедийский язык. Кто из вас готов сотрудничать со мной?

Большинство коринтийцев продолжали невозмутимо смотреть перед собой, не понимая вопроса или делая вид, что не понимают. Лишь один из них — судя по одежде, крестьянин — не выдержал и испуганно поглядел на вражеского капитана. Эгилруд это заметил и одним сильным движением выволок коринтийца на середину двора, где тот упал на четвереньки, закрыв голову руками.

— Сколько коринтийских солдат находится в этом районе? Отвечай! — сорвался на крик капитан. — Каковы ваши задачи? Что вам приказано? — Не получив ответа, он пнул пленного сапогом в бок и зарычал: — Какого черта охраняется эта башня, стоящая в стороне от всего, что можно себе представить?!

— Господин офицер! — взмолился пленный на ломаном немедийском. — Я ведь всего лишь пастух, я пришел

сюда, чтобы продать несколько овец солдатам. Начался бой, и мне сказали сидеть в башне. Я ничего не понимаю в войнах великих королевств. Отпустите меня, прошу вас, господин офицер!

Эгилруд зло посмотрел на него. Сначала капитану вспомнились такие же крестьяне в деревнях, принадлежащих его отцу, но затем чувство долга и ответственность перед короной затмили все остальные чувства.

— Ах так, значит, ты отказываешься сотрудничать с нами, — прищурившись, сказал капитан. — Учти: эти люди — солдаты, и присяга не позволяет им выдать нужную мне информацию. Но ты... ты же ничто, пустое место, жалкий крестьянин. Не станет тебя — никто и не хватится! А что такое честь — тебе ведь и неведомо. Отвечай! Клянусь Эрликом, я вытяну из тебя все, что мне нужно, пусть даже мне придется медленно резать тебя на куски, чтобы добиться этого! — Эгилруд ткнул пальцем в строй аквилонцев: — Вы двое — отвести этого в башню. Остальных пленных — в погреб, на замок, и приставить охрану. Организовать караул у ворот, на стенах и на смотровой площадке. Выслать дозорных — пусть собирают наших и ведут сюда.

Последние команды капитан отдавал уже под первыми каплями неожиданно начавшегося дождя.

К вечеру дождь так и не прекратился. Сверкали молнии, гремел гром. Тело скончавшегося под пытками коринтийского пастуха было сброшено со стены в ров. Командующий экспедиционным легионом ходил из угла в угол по смотровой площадке башни, прикрытой деревянным навесом. Помимо него на площадке находились часовой и единственный оставшийся в живых адъютант командующего.

— Итак, существует западный перевал, по которому можно перейти хребет. — Эгилруд словно подытоживал вслух свои размышления. — Им никто не пользуется, а башня была построена когда-то давно, чтобы противостоять вторжению из-за гор.

— Так точно, господин капитан, — отозвался адъютант. — Пастух довольно подробно описал маршрут, но

предпочел смерть здесь перспективе провести нас по нему. Похоже, он действительно как черт лаdana боялся этого места. По сравнению с тем, чего он так страшился, мы ему казались просто ангелами. До последнего вздоха он отговаривал нас от попытки пройти по перевалу. Да, крепки у крестьян суеверия!

— Суеверия? — коротко усмехнулся Эгилруд. — С такой погодой и суеверий не понадобится. И все же, обнаружение перевала — весьма приятная новость. Думаю, король порадует и не забудет воздать нам должное.

Глаза капитана обшаривали едва различимые в полумраке горы. Бесполезно, даже при ярких вспышках молний угадать, где проходила дорога на перевал, было невозможно. Вновь повернувшись к адъютанту, Эгилруд спросил:

— А что пастух сказал по поводу численности войск противника в окрестностях?

— Он клялся, что нам на дороге встретился полновесный легион — около двух тысяч бойцов плюс бритунские вспомогательные отряды. Они были посланы, чтобы выйти во фланг любым аквилонским частям, продвигающимся на юг.

— А мы, значит, опередили их и застали врасплох... как, впрочем, и они нас. Полагаю, что теперь соотношение сил будет явно в нашу пользу. Собрать бы только все наши когорты. А противник, оставшись почти без кавалерии, без командиров, вряд ли сможет серьезно противостоять нам.

— Собрать наших, я думаю, удастся быстро. Даже отставшие от подразделений солдаты сообразят выйти по долине к ее устью. А там уже до башни рукой подать.

— Да, только попробуй разгляди ее в грозу. К тому же даже рассеянный по лесу противник может воспрепятствовать подходу отдельных групп наших солдат к башне. — Эгилруд поежился и поплотнее запахнул плащ. — А самое главное — те речушки, которые мы пересекли галопом, преследуя коринтийцев, сейчас превратились в бурные потоки. Прошло несколько часов с тех пор, как с отставшими когортами была потеряна связь. Если погода не изменится, нам придется долго ждать, пока легион соберется вновь.

Адъютант не нашел, что возразить на столь убедительный аргумент.

— Ладно, — сказал Эгилруд. — Здесь, за стенами, нам не следует бояться привлечь к себе внимание отрядов противника. Важнее дать сигнал нашим. Зажигайте сигнальный костер. Поставьте рядом с огнем мой щит и поворачивайте его время от времени в разные стороны. Наши должны узнать его и понять, куда следует пробираться. Я пойду спать, вы тоже найдите себе сменщика из офицеров и после полуночи ложитесь отдыхать. Передайте дежурному, чтобы он разбудил меня на рассвете.

Весь день дождь шел, не переставая, и прекратился лишь следующей ночью. С рассветом в разрывах туч показались вершины хребта, укрытые свежевыпавшим — не по сезону — снегом. Лес на склонах был укутан живописным слоистым туманом.

Впрочем, немногочисленному гарнизону башни было не до восхищения красотами природы. С рассветом неподалеку от башни обнаружился неприятельский батальон, изготовившийся к штурму. Аквилонцы не рискнули отражать атаку в кавалерийском строю и, не опуская мост, ограничились стрельбой из крепостных арбалетов и метанием камней из пращи.

Первый штурм был отбит, но к полудню коринтийцы взялись за дело серьезно. Соорудив временный мост и передвижное укрытие для рамы с подвесным тараном, они подогнали это сооружение к воротам. Не прошло и часа, как дубовые, обитые железом створки не выдержали и рухнули вместе со старой, проржавевшей решеткой. В образовавшуюся брешь хлынула толпа закованных в броню тяжелых коринтийских пехотинцев.

Аквилонские отряды, оставшиеся в долине, не смогли переправиться через вздувшиеся реки, чтобы помочь оказавшимся в западне товарищам.

Король Конан и граф Просперо, двигая основные силы аквилонской армии в глубь Коринтии, не встретили организованного сопротивления. Видимо, Эгилруду

удалось отвлечь на себя и связать большую часть сил противника.

Очень порадовало короля сообщение добравшегося до его лагеря курьера из штаба экспедиционного легиона. Придя в себя после долгой и изматывающей дороги, курьер рассказал подробно об открытом перевале через Карпашский хребет. Набросав на карте приблизительные координаты перевала, гонец сообщил, что, скорее всего, проход не охраняется ни с юга, ни с севера, так как пользуется дурной славой из-за каких-то местных суеверий. Разумеется, передал курьер мнение Эгилруда, никакая нечистая сила не страшна вооруженной, готовой к длительной кампании армии Аквилонии и ее союзников.

Продвигаясь вперед, легионы Конана вышли к сторожевой башне, которая, по донесению курьера, и была крайней точкой, куда проник Эгилруд. Если молодой капитан не ушел из башни дальше в горы, то найти его в укреплении живым шансов было мало — слишком уж разоренным и покинутым выглядело выдержавшее подряд два жестоких штурма укрепление.

Конан и Просперо вместе с ротой солдат вошли через выломанные ворота во двор. Еще на подходе к крепости им в нос ударил запах тления. Двор, конюшня, бревенчатая казарма — все было залито кровью и завалено неубранными трупами аквилонских и коринтийских солдат и разномастных лошадей.

Перешагивая через мертвые тела, ступая по камням, залитым кровью, Конан и Просперо поднялись на смотровую площадку башни, где наткнулась на обезглавленный труп Эгилруда, лежавший в дальнем от люка углу. Голова капитана, вернее, то, что от нее осталось, было обнаружено среди углей и пепла прогоревшего на площади костра.

Конан, оглядев с башни извивающуюся длинной змеей колонну своей армии, вздохнул:

— Не лучшая смерть для храброго воина. Похоже, голову ему отрубили, взяв в плен живым.

— Да, Эгилруд был храбр, настойчив, но и изрядно самонадеян, — отозвался Просперо. — Как знать, не втянул ли он нас своими действиями в открытую войну с Коринтией и с Бритунией.

— Надеюсь, что нет, — заметил Конан. — Сейчас не время распылять силы на войну здесь, в Коринтии. Остается довериться Публиусу, которого я послал на встречу с их эмиссарами. Старый лис наверняка сумеет как-то обойти самые острые углы.

— Да уж, слава этого дипломата летит впереди него, — согласился Просперо. — Ну, а нам — война не война — остается только одно: идти вперед, на юг. Нужно разделаться с кофийцами.

— И лично с Амиро! — в сердцах воскликнул Конан, а затем добавил: — Поблагодарим еще раз Эгилруда за найденный для нас маршрут.

— Если бы он еще сумел это сделать, не нажив себе и нам врагов, — вновь вздохнул Просперо, — тогда этому герою и вправду цены бы не было.

— Не надо упрекать погибшего воина, Просперо, — возразил Конан.

Уже направляясь к люку, ведущему внутрь башни, он добавил:

— Надо будет в торжественной обстановке провозгласить его Героем Империи.

Глава 17

ДРЕВНИЙ ХРАМ

Переход через Карпашские горы Конан воспринимал как каникулы, отдых от тоскливых внутригосударственных дел, дипломатических переговоров, судебных разбирательств... Столица империи оставалась в его отсутствие в надежных руках — Зенобия и Публиус знали толк в управлении страной. В Офире все было более-менее стабильно. Барон Хальк готов был защищать свою немедийскую вотчину от кого угодно, лишь бы сохранить титул правителя. Даже нападения коринтийских отрядов на аквилонские дозоры прекратились. Противник понимал, что было бы глупо задерживать и рисковать обернуть против себя такую мощную армию, явно нацелившуюся уходить с его территории. Таким образом, Конан мог сосредоточиться на обдумывании планов решительного удара в

сердце Кофа, в сердце его правителя, личного врага киммерийца — принца Амиро.

Это, впрочем, не означало для Конана спокойного и беззаботного времяпрепровождения. Киммериец проводил дни, возглавляя расчистку изрядно заросшей дороги для колонны. В этом деле ему очень пригодился опыт, приобретенный на границе с пиктами. Частенько, берясь за топор сам, он на равных соперничал с самыми поднаторевшими в расчистке завалов сержантами саперной роты.

Часть своего времени киммериец посвящал общению с неразлучной парочкой — Делвином и Амлунией, часть — разговорам со сторонившимся их Просперо и другими офицерами. По несколько раз в день король лично объезжал всю колонну, проверяя состояние обоза, готовность караулов, наблюдая за настроением солдат.

Вся эта рутина оставляла голову Конана свободной для раздумий. Он частенько вспоминал свою верную Зенобию и любимого Конна — наследного принца, упрекая себя за то, что их любовь, спокойная, размеренная жизнь главы королевского семейства не могла удовлетворить его. Он, всесильный правитель, мужественный воин, был рабом собственных варварских привычек и инстинктов, душивших его в спокойной, размеренной жизни во дворцах.

Впрочем, и эту жизнь спокойной назвать можно было лишь условно. Вокруг короля постоянно толпились жадные до власти люди, то и дело подвергающие его силу, ум и волю суровым испытаниям. На каждого коронованного льва всегда находился лихой волк вроде Амиро или стая шакалов, готовых в момент его слабости вцепиться ему в глотку.

Видит Кром — тяжело захватить трон, но еще труднее удержаться на нем. А он, Конан, задумал не только сохранить свою власть над могучей, процветающей Аквилонией, но и расширить ее, распространив на огромную империю, а затем — и на весь мир.

До сих пор боги хранили его, вели по жизни и не противились любым его желаниям. Порой киммериец физически ощущал в себе прилив особой, нечеловеческой

силы... что, в сочетании с лестными речами Делвина и Амлунии, натолкнуло его на мысль, что он и вправду не просто человек, а существо, стоящее на пути к божественности. Правда, подчас эту сверхъестественную силу трудно было назвать божественной — фонтан черной, необузданной, идущей словно из-под земли энергии скорее соотносился с мрачным царством Эрлика.

Делвин не упускал возможности поговорить с Конаном на философские темы. Так, в один из дней, когда Конан спешил, чтобы поправить ослабшую подпругу своего скакуна, карлик подъехал к нему поближе и, глядя в пространство, сказал:

— Эй, Конан Отрыватель Голов, послушай-ка меня. В истории уже бывало, что смертный становился богом. Но ни один человек еще не правил всем миром. Не кажется ли тебе, что достижение второго будет автоматически включать в себя первое из вышеперечисленного?

Киммериец усмехнулся:

— Выходит, что так. Хитрый он, однако, парень, этот гномик, — правда, Амлуния? — обратился он к подъехавшей поближе любовнице. — Похож я на бога, а, девочка? И нужно ли мне захватывать весь мир, чтобы доказать это?

— Повелитель, да когда мы оказываемся на ложе вдвоем, я ведь не зря перебираю имена всех знакомых мне богов, не в силах понять, кто из них овладевает мною! Я прошу только об одном: не становись дряхлым, мудрым, но слабосильным божком. Мне куда больше по вкусу джинны, инкубы или огненные демоны!

— Верно подмечено, — задумчиво сказал Конан. — Грань между богами и демонами почти незаметна и легко преодолима.

— Эй, Конан Сокрушитель Ребер, послушай меня еще! — вновь вступил в разговор карлик. — Угадай, что ты обнаружишь, войдя в мир богов? Да все то же самое — ту же маленькую деревушку, только населенную не королями, а божествами. Понял, куда я клоню? Найдется и в этой деревне возмутитель спокойствия, который вознамерится стать во главе остальных, опираясь на свою силу и дерзость...

Так и шли их разговоры, перескакивая с шутливого богохульства на серьезные философствования. Делвин мыслил глубоко и образно, и Конан порой начинал удивляться, как ему раньше удавалось обойтись без советов карлика. Да и Амлуния, несмотря на все ее бурное прошлое, казалось, накрепко прикипела всем сердцем к киммерийцу. В общем, у короля давно не было таких приятных попутчиков в дальнем походе.

С Просперо Конан предпочитал не обсуждать свои самые сокровенные замыслы. Граф олицетворял для него прошлую жизнь — дворцы, замки, захват аквилонского трона, а также верную дружбу надежных соратников, благородных подданных. С трудом скрываемая неприязнь графа к новым фаворитам короля не радовала Конана, но пока дело не дошло до открытого противостояния, обмена взаимными упреками между его приближенными, он, как и Просперо, делал вид, что все в порядке.

День за днем армия Конана забиралась все выше в горы. Поход превратился в бесконечную череду подъемов и спусков, разбитых в ущельях лагерей и дневных переходов. Дорога становилась все труднее. Подчас целый день уходил на то, чтобы при помощи веревок поднять или спустить с высокого уступа лошадей, мулов и всю поклажу обоза. Временами проходимая тропа становилась настолько узкой, что существенно замедляла продвижение произвольно вытянувшейся колонны. Иногда Конану даже приходилось отдавать приказ о ночевке в двух лагерях, при этом сам он, следуя теоретической вероятности столкнуться с противником, скорее всего, впереди по курсу, оставался ночевать в передовом по ходу движения отряде.

Прошло еще несколько дней — и ландшафт вокруг колонны изменился. Обрывистые склоны уступили место каменистому, загроможденному скалами, но все же вполне проходимому плато. Последний хребет впереди уже не казался уходящим к самому небу. Изменилась и погода: бури и ежедневные грозы, порой уносившие молниями жизни то поднявшегося на скалу разведчика, то нагруженной металлом лошади, казалось, не тревожили плато. На небе вместо сплошной пелены туч появилось

солнце, а ночью после восхитительного кроваво-золотого заката — луна и яркие звезды.

Как-то вечером, когда командиры, решив, что солдатам нужно передохнуть, остановили колонну на вечерний привал раньше обычного, Конан прилег вздремнуть, но затем встал и надумал предпринять прогулку по окружающей местности в полном одиночестве. Подчас короля утомляли и навязчивое веселье Делвина, и пышущие плотской чувственностью разговоры Амлунии, и подчеркнутая, безукоризненная вежливость Просперо и других офицеров. Изловчившись и сумев обмануть личную охрану, киммериец незаметно проскользнул сквозь боевые порядки караула и направился в сторону высокой, но казавшейся вполне годной для подъема умелому скалолазу скальной гряды.

Под ногами короля похрустывали крупинки источенного дождями и тысячелетней сменой холода и жары камня. Порой скупо шелестела сухая трава, примостившаяся в трещинах между камнями. Конан понимал, что если он не вернется до тех пор, пока его исчезновение не обнаружат, то разведчикам и Черным Драконам не удастся найти его следы на этой твердой почве. Оглядывая первозданные скалы вокруг, киммериец гадал, ступала ли здесь до него нога человека — одинокого отшельника или охотника — за все тысячелетия существования человеческой расы.

Забравшись на очередную скалу, Конан получил совершенно недвусмысленный ответ на свой вопрос: прямо перед ним, словно выросшее из очередной скальной стены, стояло небольшое, приземистое, квадратное сооружение из камня. Массивные гранитные блоки и плиты были грубо вырублены из монолитов, примитивным образом уложены друг на друга, а затем уже украшены рельефной резбой — неизвестными Конану рунами, символами и фигурами.

Полагая, что здание покинуто уже много веков назад, киммериец довольно спокойно подошел к нему поближе. Среди рельефных картин преобладало изображение бородатого старца с благородной осанкой. Конан приписал это сооружение одному из древнейших храмов Митры.

Итак, эта дикая, первозданная каменная пустыня некогда была обитаема. По крайней мере, даже будучи всего лишь караванной дорогой древних народов, она была достаточно посещаемая людьми, чтобы те решились возвести здесь храм своему божеству. Конан, опасаясь, что помещение храма могло стать логовом какого-нибудь хищного зверя, вынув кинжал из ножен, осторожно приблизился ко входу и попытался заглянуть в темноту за полуобвалившимся дверным проемом.

— Что, сокровища ищем? Удачное местечко. Хотя, честно говоря, паломники не заглядывали сюда уже много-много лет...

Голос донесся откуда-то из-за спины киммерийца. Действуя почти автоматически, Конан одним прыжком отскочил на несколько шагов в сторону, перекатился через плечо и, вскочив на ноги, замер с кинжалом наизготовку.

Теперь он смог наконец разглядеть столь неожиданно зашедшего ему в тыл незнакомца. Судя по всему, тот не представлял собой серьезной угрозы — худощавый седобородый старикашка, к тому же слегка прихрамывающий. Быстро перебирая кривыми ногами, старик довольно сносно пробирался по камням, выдерживая, впрочем, вежливо-безопасную дистанцию от изготовившегося к схватке киммерийца.

Оценив ситуацию, Конан счел возможным убрать кинжал в ножны — скорее из уверенности в себе, чем из доверия к старику. Тот, одетый в засаленную рубаху и истертую меховую шапку, не был вооружен, если не считать ножа для выделки шкур, висевшего у него на ремне, и длинного тонкого шеста с петлей на конце. Несмотря на возраст и хромоту, загорелый жилистый старик производил впечатление человека, способного выжить в одиночку в этой дикой пустыне.

— А тебе-то что за дело, дедуля? — недовольно откликнулся на вопрос старика Конан. — Чего людей пугаешь? Может быть, ты — жрец или отшельник, обитающий в этом древнем святилище?

— Я? Я — жрец Митры? — Старик чуть ухмыльнулся, обнажив сохранившиеся через один желтые зубы. — Нет, незнакомец, никогда я не поклонялся

изнеженным южным богам. Я всего лишь бродяга, как и ты сам, охотник, добывающий себе пропитание в этих местах.

Повернувшись, старик продемонстрировал висевшую у него за спиной клетку из медной проволоки. За прутьями, в серой массе сверкнули красными рубинами маленькие глазки.

— Э, да ты не кто иной, как крысолов, старичок, — заключил Конан. — Видимо, в этих гиблых местах крыса — самая что ни на есть королевская добыча?!

Старик с достоинством возразил:

— Не то чтобы королевская, но самая доступная и многочисленная — это точно. Эти маленькие дьяволы невероятно плодовиты. Если никто не будет охотиться на них — они весьма скоро заполонят весь мир.

— Понятно. Значит, питаешься ты крысами. Так?

— Да. Крысами и другими вредоносными животными да прочими паразитами, — кивнул головой старый охотник. — Все по сезону. Змеелов я тоже умелый.

— Ну да... — сказал Конан, не зная, как продолжить этот странный разговор.

Судя по всему, незнакомец не сообразил, что перед ним король. Сам же Конан не торопился раскрывать себя. Неожиданно вспомнив первые слова старика, киммериец, словно невзначай, спросил:

— А что за сокровища ты имел в виду? Ты сам-то не за ними пришел сюда?

— Я? А что мне делать с сокровищами? — Искреннее удивление крысолова выглядело вполне правдоподобным. — Сам посуди — зачем они мне? Таскать на себе лишнюю тяжесть только затем, чтобы однажды какой-нибудь молодой и крепкий детина вроде тебя отобрал их у меня, скорее всего — сняв с моего трупа? Нет, мне такого счастья не нужно. И так проживем.

— Понятно, — бесстрастно ответил Конан на скрытое оскорбление и не очень убедительное объяснение. — Но если я тебя хорошо расслышал, ты говорил, что скорее всего сокровища здесь есть. — Он махнул рукой в зияющий дверной проем храма.

— А то как же. Наверняка есть, — совершенно серьезно согласился старик. — Только идти за ними придется

далеко... скорее — глубоко. Да и то ведь известно — чем глубже в пещеру, тем сокровище ценнее.

— Да ведь домишко-то небольшой, — с сомнением заметил Конан. — Куда там лезть-то? Или из него есть вход в подземную пещеру?

Старик молча снял с плеча полотняный мешок, откуда аккуратным движением, чтобы не спровоцировать собеседника на защитную реакцию, достал масляную лампу и кожаный конверт, несомненно подходящий для огнива, трута и стального лезвия.

— Я помогу тебе, незнакомец, если ты захочешь, — сказал охотник.

Прислонив шест к стене, он быстро зажег лампу и, обернувшись к Конану, протянул ему светильник:

— Держи и следуй за мной. Я пойду первым.

Подхватив шест, старик уверенно шагнул под свод древнего храма. Конан не нашел повода не последовать за ним. Приподняв лампу повыше, он увидел, что свод сооружения упирается в противоположную стену в нескольких шагах впереди. Зато пол уходит вниз с довольно крутым уклоном.

Конан напрягся, увидев, что старик сделал какое-то резкое движение. В следующий миг все стало ясно — в темноте сверкнули две алые бусинки, проволоочная петля на конце шеста свистнула в воздухе, послышался испуганно-злостный писк — и хлопнула дверца клетки за спиной крысолова.

— Мои поздравления, старик, — буркнул Конан. — По крайней мере, ты свое сокровище уже нашел.

— Невелика заслуга, — отозвался тот. — Брошенные жилища, храмы, гробницы и замки — все они полны крыс. Главное — знать, где искать.

Петля еще раз взвилась в воздух, настигнув цель за углом постамента стоявшей в нише грубо вырезанной из мрамора статуи.

— И еще: очень важно уметь быстро и четко двигаться. Если хочешь быть крысоловом, требуется сноровка и легкий шаг.

Проход вел дальше — вперед и вниз. Был ли это рукотворный туннель или образованная природой пещера — сказать было трудно. Словно угадав мысли Конана,

разглядывающего грубые неровные стены и потолок, старик заметил:

— Так всегда и бывает. Все возведенные человеком храмы воздвигнуты на еще более древних алтарях и святилищах самой земли. Даже храмы великого и всемогущего Митры.

— Почему ты так уверен, что этот храм посвящен именно Митре? — спросил Конан, скорее для того, чтобы отвлечься от созерцания мрачных теней, пляшущих в свете лампы.

— А кому же еще, как не ему? — обернувшись, переспросил старик.

— Ну, если так судить, то почему бы этому храму не оказаться посвященным лично мне? — В голосе Конана почти не было иронии, подобающей такой шутке.

— А ты полагаешь себя одним из бессмертных богов?

Старик явно не был шокирован богохульством Конана; скорее, его обуревали сомнения иного рода. Углубляясь все дальше в пещеру, он поинтересовался:

— А у тебя хватит на это терпения? Сдается мне, что освящать своим незримым присутствием заброшенные храмы типа этого в течение многих тысячелетий — изрядно тоскливое дело.

— Недостатков у меня — пруд пруди, — сказал Конан. — Но избыток терпения в этот список явно не входит. Если я и стану богом, то скорее всего — благодаря неумению терпеть, мириться и сдерживаться. Но хватит об этом, старик! Скажи лучше — далеко ли еще нам идти?

— Далеко... далеко, — вздохнул крысолов. — Я же тебе говорил, что великие сокровища спрятаны очень глубоко. Но вполне возможно, что очень скоро нам придется прервать путь поисков, ибо впереди тебя ждет испытание, которое вполне может отвратить от цели твой нестойкий дух и разум. Иди вперед, но ступай легко.

Конан поравнялся со стариком, остановившимся на краю глубокой ямы. Свет лампы выхватил из темноты противоположную стену, уходящую куда-то вниз, но наличие у чернеющего провала дна подтверждалось лишь эхом плескавшейся далеко внизу жидкости.

Огромная яма казалась тем более пугающей, что занимала полностью сужавшийся впереди проход. На ее противоположном краю угадывались очертания продолжающегося коридора, но попасть туда можно было лишь по узкой арке круто изогнувшегося над бездной каменного моста, установленного здесь в незапамятные времена.

Пролет моста был узок — чуть больше локтя в ширину — и сильно разрушен. На какие-либо перила не было и намека. Если когда-то камни арки и соединял раствор, то за многие века он разохся и мелкой пылью слетел к далекому дну провала. Теперь же перед киммерийцем высилось лишь полукружье камней, удерживающихся на весу только собственной тяжестью.

— Ну, как тебе испытание? — поинтересовался старик у Конана.

Затем крысолов взял у киммерийца лампу и через сливное отверстие вылил немного масла на клочок ткани, оторванный от его же рубахи. Пропитав тряпку маслом, хромой охотник поднес ее к горящему фитилю. Ткань воспламенилась, и старик швырнул пылающий лоскут в черноту пропасти.

Конан и старый охотник — оба наклонились над краем провала, провожая взглядом летящий в темноте язык пламени. Долгие секунды ничего не происходило, затем где-то далеко внизу горящий лоскут отразился в маслянистой поверхности жидкости, заполнявшей колодец.

Горящей тряпке не было суждено долететь до черной, жирно поблескивающей поверхности. Накопившиеся в узком колодце пары воспламенились. Яркоголубая вспышка и смерч обжигающего воздуха, с ревом рванувшийся вверх, заставили обоих наблюдателей отскочить от края пропасти, закрыв лица руками.

Некоторое время неестественно голубой огонь плясал над колодцем, облизывая камни моста; затем пламя чуть опало, не уменьшив, впрочем, ужаса, закрывшегося в душу Конана.

— Ну, незнакомец, прошу вперед, — донесся до него голос старика. — Ты, кажется, был готов причислить себя к бессмертным, а значит — тебе нечего бояться,

если даже мост рухнет. Иди вперед, я пройду за тобой, и мы продолжим наш путь за сокровищами.

Киммериец убежденно запротестовал:

— Э, нет, старик. Я авантюрист, но не безумец. Ни за что я не доверю свою жизнь какой-то груде камней. За кого ты меня принял, если решил, что я так запросто соглашусь на явное самоубийство?

— Ты просто боишься идти, — с едва уловимым презрением и некоторым разочарованием произнес крысолов. — Хорошо, тогда держи лампу. Я пойду первым. Если все обойдется — следуй за мной.

— Не рискуй, старик. Я бы не доверился этому мосту, даже если мне оставалось бы жить столько лет, сколько тебе... — Поняв, что охотник не обращает внимания на его предостережение, Конан сказал: — Ладно, дело твое. Но если мост обвалится, твоя смерть не будет на моей совести!

Сжавшись в комок, Конан следил, как его спутник аккуратно поставил ногу на первый камень моста, перенес на него вес всего тела, сделал следующий шаг... На середине моста старик оглянулся и весьма ловко, учитывая его возраст и хромоту, закончил переход, переведя дух на другом берегу.

— Ну что? — спросил он, обернувшись. — Идешь или нет?

Вздыхнув с облегчением, когда охотник оказался вне опасности, Конан тотчас же почувствовал заливающую его волну стыда за то, что сам он не пошел первым. Ощущение того, что кто-то оказался лучше него в чем-либо, было для Конана в диковинку; пожалуй, короля оно задевало в нем даже больше, чем мужчину.

— Ах ты, крысоед несчастный! — воскликнул он. — Значит, по-твоему, я — трус? Поклянись богами, которым ты поклоняешься, что ты не задумал какую-то ловушку и не собираешься выбить из-под меня камни, пока я буду на мосту! Если это произойдет, то ничто — не боги, ни демоны не спасут тебя от моего гнева!

— Клянусь своей честью, — едва слышно донеслось с того берега.

Но, не дожидаясь ответа, Конан уже шагнул на мост. Камни чуть шевелились и потрескивали под его

весом, но все же до середины киммериец добрался довольно быстро, держа лампу на вытянутой руке, как балансир, и ступая туда, где до того ступал старый охотник.

Где-то далеко внизу по-прежнему полыхало синее пламя. К его реву добавилось бульканье и чавканье жидкости, видимо потревоженной жаром. Но киммерийцу было не до того, чтобы глянуть вниз — он почувствовал, как камни под ним задрожали сильнее и опасно затрещали.

— Эй, старик, что это?..

Но и без ответа охотника Конан понял, что его вес, куда больший, чем у его спутника, оказался слишком велик для еле державшегося на весу моста. Киммериец боялся прыгнуть вперед, понимая, что добавочного усилия каменная кладка не выдержит и, не дав ему дополнительной опоры, наверняка рухнет вниз. Но и стоять на мосту тоже означало верную смерть: вот-вот камни должны были рассыпаться под его ногами.

— Что мне делать?! — крикнул Конан.

— Решай сам, — ответил старик, с безразличным интересом наблюдавший за происходившим. — Решай сам! — повторил он во весь голос.

Словно по команде, с последними словами хромого охотника мост рассыпался и рухнул в огненную бездну. Летя навстречу синему пламени, Конан успел выхватить из ножен кинжал и в последний раз прокричать:

— Кром!

В следующее мгновение он проснулся.

Узкая походная койка короля перевернулась, а сам он лежал на земле, с трудом переводя дух. Судя по всему, последний возглас киммерийца прозвучал не только в его снах. Королевская стража ворвалась в шатер с клинками наизготовку и с зажженными лампами в руках. Черные Драконы были готовы защищать своего короля от любых врагов.

— Все свободны, — буркнул Конан, садясь и сбрасывая с себя одеяло. — Все случившееся не имеет никакого отношения к реальности.

Хлопнул полог шатра, пропуская внутрь карлика, Амлунию и порыв свежего ночного ветра.

— Как знать, — сообщил Делвин. — Порой дурные сны отзываются в реальности сильнее, чем последствия долгой неумелой верховой езды.

Амлуния, бросившаяся к Конану, чтобы обнять его, была остановлена и едва ли не отброшена в сторону сильной рукой киммерийца. Встав на ноги, король сам поднял кровать и наскоро застелил ее. Тут в шатер ворвался Просперо, на котором король и сорвал раздражение:

— Хватит, я сказал! Все ведь ясно — просто кошмарный сон. Даже не кошмарный, а беспокойный, вот и все. Помощь мне не требуется...

— Мне ничего не известно о твоих снах, Конан, — перебил его Просперо. — По правде говоря, я хотел бы, чтобы сном — дурным, болезненным, беспокойным — любым, оказалось то, что я только что узнал и о чем должен доложить тебе. Боюсь, что это невозможно — слишком реален был срочно вернувшийся в лагерь дозорный. — Граф обвел присутствующих тяжелым взглядом и произнес: — Он доложил, что впереди встречным курсом к перевалу приближается большая колонна кофийской армии.

Глава 18

ЗЛОВЕЩИЙ ПЕРЕВАЛ

Луна взошла уже глубокой ночью. К этому времени из лагеря аквилонцев выдвинулись вперед дополнительные разведгруппы, получившие задание присмотреть удобное место для засады, распознать подготовительные маневры противника и приглядеть выгодное для сражения место. Король Конан, ссылаясь на важность знания местности, в столь ответственный момент настоял на своем личном участии в проведении разведки.

В слабом свете звезд идти по камням было достаточно трудно. Поднявшийся из-за Карпашского хребта полумесяц осветил дорогу, облегчив путь, но вместе с тем принес новые трудности — важнейшей задачей разведчиков стало не попасться на глаза вражеским патрулям и дозорам.

До сих пор Карпашские горы никак не оправдывали своей недоброй славы. Тучи вампиров не обрушивались на проходящую армию со скал, привидения не кружились над ночными лагерями, унося жизни спящих. Но высокогорное плато и вершины перевала представляли собой пугающее зрелище даже при свете дня. Сейчас же мертвенный свет луны делал гранитные склоны белыми, как высохшие кости, на которых чудовищной порослью виднелись пятна низкорослых деревьев, кустов и пучков жесткой травы.

Укрытием для разведчиков служили груды камней, тут и там возвышавшиеся на плато. Были ли это природные образования или же руины исчезнувшего города — в темноте сказать было трудно. По мере продвижения дозоров вперед нагромождения гранитных обломков становились ниже, но обширнее. Нетвердая поверхность под ногами, множество булыжников и валунов величиной от кулака до бычьей туши делали невозможным использование в этой местности кавалерии, да и для пехоты представляли изрядное препятствие.

Судя по положению окружающих вершин, плато было верхней точкой перевала. Странное и в то же время — закономерное место для судьбоносной встречи двух армий. Место, где мечты о мировом господстве потерпят крах или обретут свой триумф.

Час за часом разведчики докладывали все новые и новые подробности о дислокации противника. Наконец и сам Конан, забравшись вслед за одним из дозорных на вершину очередной скалы, смог окинуть взглядом россыпь лагерных костров и факелов. Как ни крути, а армия противника была по меньшей мере равна по численности аквилонской — примерно десять тысяч человек, как пехоты, так и кавалерии.

Возвращаясь назад, Конан подумал, что было бы неплохо загнать противника сюда, в эти непролазные скалы и россыпи камней, но, смотря на вещи реально, мало вероятности, что удастся организовать такую ловушку. Разведчики доложили, что вражеские дозорные выдвинулись вперед. Вполне вероятно, что в этот самый момент за самим Конаном, его сопровождающими и за

аквилонской армией уже наблюдали вражеские глаза, прикидывающие и оценивающие их силы.

Скорее всего, подумал Конан, главной задачей станет избежать вражеских ловушек. Кофийские генералы слыли умелыми тактиками. А если и хитрый шакал Амиро тоже здесь? Как ни жаждал Конан встречи с принцем, он не мог не признать, что в этом случае победу можно будет одержать еще большей ценой.

Можно было распрощаться с надеждами на лихой, неожиданный удар в сердце Кофа, набеги на его города и поселки, на то, что удастся заставить армию противника врасплох и управиться с ней в череде явно неравных сражений. Видимо, выбить трон из-под Амиро будет куда более трудной, кровавой, но в то же время — скоротечной задачей. Все решится в одной битве двух примерно равных по силе армий на одинаково чужой и неудобной для обеих местности.

Умение рассчитать время и силы, правильный тактический маневр, а кроме того — упорство и ярость — вот что будет залогом успеха в этом сражении. Потери с обеих сторон будут огромными. Проигравшему придется отступать по пересеченной местности, и победитель не отстанет от него, пока не добьет полностью. Поражение в этом сражении будет окончательным и сокрушительным, а победа... победа — тяжкой и едва ли не иллюзорной.

И все же — это был знак судьбы. Наверное, к такой вот эпохальной битве вели Конана боги всю его жизнь. Ему было суждено вести в бой армию сильнейшей в мире империи против практически не уступающей ей по силе армии противника. Судьбы мира решались в этом бою. Славой будет покрыто в веках имя киммерийца — независимо от исхода сражения. Что ж — достойная перспектива для настоящего воина накануне опасного поединка. И все же что-то беспокоило Конана, заставляло хмуриться его лоб, наполняло неясными предчувствиями сердце...

Во-первых, Конан не мог понять, почему армия Амиро оказалась здесь. Надумай принц ударить по Аквилонии неожиданно — худшее направление трудно было придумать. Ведь и дураку ясно, что в только что

завоеванной Немедии Конан оставит сильные гарнизоны. Не рассчитывал ли Амиро присоединить к своим войскам отряды коринтийцев и бритунцев? Сомнительное приобретение, да и вряд ли правители Коринтии пропустили бы войска Кофа через свою территорию с большей охотой, чем аквилонские части. Самым опасным для своей страны Конан считал мягкое подбрюшье Аквилонии по границе с Аргосом. Но чтобы встретить противника здесь? Это казалось бессмысленным, если, конечно, не допустить, что Амиро разработал какой-то дьявольский план, не понятый пока что киммерийцем.

Во-вторых — что станет с Аквилонией после этого сражения? Проигравшая империя станет жертвой жадных до легкой добычи соседей и междоусобицы скорее, чем попадет под удар победителя. Впрочем, ослабевший, потерявший немалую часть своей армии победитель столкнется в ближайшем же будущем с подобными проблемами. Стоило мыслям киммерийца обратиться к Зенобии, Конну, к цветущему и богатеющему государству, королем которого он являлся, как ставки в этом сражении начинали казаться Конану несоразмерно высокими.

Немало беспокоили короля и воспоминания об увиденном в этот же вечер кошмарном сне. В снах заложено много правды, нужно лишь уметь ее увидеть и понять, это киммериец осознал уже давно. Если не поняв, то, по крайней мере, что-то почувствовав, он с момента пробуждения ощущал себя куда менее заносчивым и уверенным, чем раньше, и был готов идти более осторожно.

Откуда-то с правого фланга к королю подскакал верхом один из Черных Драконов. За ним ехал разведчик из боссонской роты.

— Ваше величество, — обратился к Конану воин в черных доспехах. — Этот солдат только что столкнулся с вражеским патрулем. Он говорит, что его напарник по дозору был убит кофийцами, которые тотчас же поскакали назад к своему лагерю.

Разведчик-боссонец кивнул, подтверждая верность слов Черного Дракона. На его не прикрытой шлемом

щеке сверкнула еще не запекшаяся струйка свежей крови.

— Бел и Эрлик! — чертыхнулся Конан. — Всем офицерам — быстро в лагерь! Все донесения от разведки доложить мне лично. Времени совсем нет! К расвету войска должны быть выведены на исходные позиции.

При лунном свете, погасив костры, армия Аквилонии, позабыв об отдыхе и сне, готовилась к сражению. Слышалось звяканье металла, порой раздавалось конское ржание или короткий окрик сержанта или капитана.

Возле штабного шатра у пепелища наскоро залитого костра собрались офицеры, руководящие подготовкой к бою. Они обсуждали планы, принимали доклады разведки и отдавали через адъютантов приказы ротным и батальонным командирам.

Тросеро, неподвижно стоящий, уперев руки в бока, словно каменное изваяние, настойчиво повторял:

— Противник выстраивается во фронтальный боевой порядок примерно так же, как и мы. Атаки можно ожидать в любую минуту. Но скорее всего, нас ждет глухая, непреодолимая оборона. Атаковать кавалерией здесь, на столь пересеченной местности, равнозначно самоубийству.

— Да что ты заладил! — резко ответил графу Конан. — Не забывай — они защищают Офир и Коф. А мы — захватчики, интервенты! Если сражения не будет — считай, что они победили. — Конан, как обычно, отдавал предпочтение не тактическим аргументам, а духу момента. — Я думаю, что, ударив на рассвете, мы можем опередить их, застать их строй неупорядоченным, опрокинуть его, а затем отступление кофийцев превратится в паническое бегство.

— Но, ваше высочество, большая часть их войск так же зажата на узкой тропе, как и наша. А выход на плато может удерживать небольшой отряд, сдерживая все усилия наших легионов. В этой ситуации ни внезапность, ни скорость, ни превосходство в численности большого

значения не имеют. Нет здесь и пространства для фланговых маневров. В общем, те, кто начнет атаку первыми, окажутся полными глупцами. Так пусть ими станут кофийцы, а не мы.

Конан замешкался с ответом, и его опередил взявший несколько аккордов на своей лютне шут, сидевший на камне неподалеку.

— Дозволь мне заметить, Конан Разрушитель Замков, — сказал карлик, — что вести спор с кем бы то ни было — не в твоём духе. Одно то, что ты снизошел до этого, подтверждает, что и сам ты не считаешь наступление самым мудрым решением.

— Может, ты и прав, — рассеянно ответил король.

Радуясь поводу перевести разговор, он подозвал к себе капитана кавалерийской роты, чтобы выслушать его доклад. Офицер, спешившись, опустился на одно колено перед королем и обратился к нему:

— Ваше величество, один из вернувшихся разведчиков докладывает об обнаружении во вражеском лагере королевского шатра и большого штабного павильона, что позволяет сделать предположение о нахождении в рядах противника лично принца Амиро.

— Вот и отлично, — холодно заметил Конан. — Каковы изменения в строю неприятеля?

— Ваше величество, противник полностью перекрыл выход с перевала на своей стороне. В некоторых местах наши позиции разделяет не больше сотни шагов. Противник пытается, где возможно, занять господствующие высоты и выбрать удобное для себя положение, но почему-то избегает открытого пространства и храма в центре плато.

— Храм? — переспросил Конан. — Какой еще к черту храм? О чем ты?

— Ваше величество, я полагал, что вас уже известили. — Капитан говорил торопливо, прикрывая свою нервозность армейской краткостью. — Посередине плато обнаружены руины древнего здания. Нашим разведчикам удалось разглядеть лишь полуобрушенные колонны; ничего подходящего для организации временного оборонительного сооружения. Судя по всему, кофийцы стараются держаться от этих руин подальше.

— Все ясно, — сказал король. — Пошлите туда пару наблюдателей не из пугливых и впечатлительных. Но отряд к развалинам не выдвигайте. Пока что... Вы свободны, капитан. Ждите приказаний.

Когда офицер, безмолвно отсалютовав, вскочил на коня и скрылся в предрассветных сумерках, Конан обернулся к своим приближенным и негромко выругался:

— Кром и Эрлик! Надо же было какому-то дьявольскому храму оказаться прямо в центре поля боя! Мне как раз приснилось подобное святилище, будь оно неладно! Такие вещи не способствуют спокойствию и уверенности войск, как, впрочем, и командиров. Мне, например, все это очень не нравится.

— Виной тому — вечерний сон, король, — заметил Делвин, тронув пальцами струны.

— Да, а еще — весь мой опыт, который велит мне держаться подальше от всех этих брошенных храмов и разрушенных алтарей. В любом случае, Просперо, возвращаясь к нашему спору, я признаю — ты был прав. Атаковать на рассвете мы не будем. Подождем, что предпримет Амиро. А пока что, пусть хвост нашей колонны подтянется поближе к плато.

— Прекрасно, ваше величество! Отличное решение, — не смог скрыть своей радости Просперо. — Терпение может одержать победу там, где бессильны натиск и скорость.

— Это точно, — согласился Конан. — Чуть позднее я, быть может, и устрою гонку за Амиро. Но не сейчас. Пока что нам остается выжидать, заманивая его в смертельную ловушку. А выжидая, неплохо бы и перекусить. Где, кстати, Амлуния?

Просперо пожал плечами, не выражая особого беспокойства:

— Может быть, она спит в вашем шатре, повелитель?

— Нет, — отмахнулся Конан и, чтобы удостовериться, откинув полог, заглянул в шатер. — Нет ее здесь.

Карлик беспокойно заерзал на своем камне:

— А разве она не встретила тебя раньше, Король Болтун? Она выехала вслед за тобой, когда ты отправился на разведку. Я-то полагал, что ты приказал ей остаться и лечь спать где-нибудь в лагере...

— Волкодавы Крома! — заорал Конан. — Так что — ее никто не видел с самого восхода луны? Женщина — одна в этом гнезде нечисти и чертовщины?

— Она вовсе не столь беззащитна, Конан, — напомнил Просперо. — Если хочешь — пошли пажа на ее поиски.

— Нет! — раздраженно рявкнул Конан. — Делвин, ты будешь моим пажом. Вместе мы ее быстро разыщем. Завтрак подождет.

Пони шута стоял оседланный рядом со скакуном короля, выглядя на его фоне просто гномом.

— Отличная мысль, Конан! — потер ручки карлик. — Вот будет потеха, если мы найдем ее расправляющейся с каким-нибудь бедным, беззащитным копьеносцем или привидением!

— Вашему величеству не стоило бы оставлять штаб надолго, — заметил Просперо. — В случае нападения противника...

— В случае нападения, мой верный друг, — сказал Конан уже с седла, — ты знаешь, что делать. Каждый аквилонский солдат тоже знает свое место и свои обязанности. Если я уж очень понадоблюсь тебе, ищи меня там, где идет самая отчаянная резня!

Глава 19 СУД БОГОВ

В серых предрассветных сумерках король и его шут быстро проехали через беспокойный, уже полупустой лагерь и оказались в боевых порядках аквилонских войск. Солдаты, сидя на земле, жевали сухари, запивая их водой из поясных фляг, дремали, прислонившись спинами друг к другу и к камням.

Малейшего намека было достаточно, чтобы получить четкий ответ, указывающий направление поисков, ибо Амлуния — самая скандальная женщина во всей колонне — не могла нигде остаться не замеченной. Вскоре король оказался в самом центре строя, у груды камней, за которыми готовилась к обороне рота боссонских

егерей. Крепко сложенный, с квадратными плечами кап-
рал провел Конана и Делвина мимо солдат, начищаю-
щих и подтачивающих свои боевые топоры, к тому
месту, где стоял на посту часовой — молодая женщина
с нашивками командира отделения, судя по лицу —
дочь смешанного боссонско-пиктского брака. Женщина
молча кивнула головой вперед, в сторону нейтральной
полосы.

Там, чуть поодаль, пасся среди полуобвалившихся
колонн и каменных блоков, пощипывая редкую жесткую
траву, тот самый жеребец, которого Конан подарил Ам-
лунии.

Звать коня было бессмысленно, а скорее всего, даже
опасно. Можно привлечь внимание неприятельских ча-
совых и передовых отрядов. Устроить здесь маленькую
войну с Амлунией в качестве главного трофея — такого
Конан позволить себе не мог. Поразмыслив немного,
король, а вслед за ним и шут направили своих коней в
сторону нейтральной полосы.

Копыта скакунов звякнули о плиты улиц и площадей
древнего города. Гранитные блоки, тщательно обрабо-
танные и отполированные, порой преграждали всадни-
кам путь, вынуждая их следовать в объезд. Медленно-
медленно приближался Конан к центру древних руин.

Но вот сердце киммерийца забилося чаще — он узнал
круг вонзающихся в небо колонн, обложенный камнем
бассейн с густой, маслянистой черной жидкостью. Нет,
никогда раньше Конан не был здесь, но сколько раз он
видел это место в ночных кошмарах, сколько раз с ужа-
сом просыпался, когда духи сна приводили его спящую
душу сюда.

Чуть дальше, чем оседланный жеребец, стояла, при-
слонившись к одной из колонн, сама Амлуния. Скрес-
тив руки на груди, рыжая девица внимательно разгля-
дывала черное зеркало бассейна. Услышав приближаю-
щиеся шаги, она обернулась и обратилась к Конану и
Делвину:

— Ну вот и вы, наконец-то! Я не знаю, что привело
меня сюда, но я была уверена, что и вы последуете за
мною. Есть что-то... что-то пугающе-притягивающее в
этом месте, правда, Конан?

Подойдя к королю, Амлуния положила руку ему на
плечо и поглядела в глаза. Знакомый чувственный огонек
заплясал в ее взгляде.

Заигрывания Амлунии были прерваны резким шумом
на противоположной стороне развалин. Там, из-за ог-
ромного валуна, показался одинокий воин в полирован-
ных поясных доспехах, ведущий за собой прекрасного,
в богатой сбруе, коня. Конан в тот же миг узнал рос-
кошное одеяние и императорские атрибуты воина: шлем
с плюмажем, кольчужные перчатки, щит с гербом, пере-
сеченным полосой незаконнорожденного.

— Амиро! — С этим выдохом меч словно сам скольз-
нул в руку киммерийцу. — Неужели ты сумел и сны
использовать в своих целях, принц недоделанный? Тебе
бы колдовать в темной пещере, а не империю строить.
Ну, где твои храбрецы — семеро на одного?

Конан бегло окинул взглядом окружающее простран-
ство, прикидывая, откуда ждать опасности. За невысо-
кими каменными изгородями, окружавшими колоннаду,
вряд ли мог спрятаться хоть кто-нибудь. За колоннами
тоже нигде не мелькало ни оружие, ни край одежды
человека. В общем, Конан мог бы показаться сам себе
весьма смешным в своих опасениях, если бы не зловещая
атмосфера этого места.

Амиро, набросив повод коня на металлический дер-
жатель для факела, торчащий из колонны, повернулся
лицом к Конану.

— А вот и он, мой верный враг, — сказал принц,
сделав несколько шагов вперед и остановившись в центре
площадки перед бассейном. — Если ты, как говорит твоя
наряженная в кожу шлюха, и вправду не знаешь, что
привело тебя сюда, то ты, пожалуй, еще более туп и
ничтожен, чем я предполагал.

— И что же я должен знать, щенок? Почему я здесь?

Конан шагнул вперед, выставив перед собой меч. Цеп-
ляясь за королевские ножны, вслед за ним семенил Дел-
вин, бормоча на ходу какие-то советы.

В тот же миг, словно в ответ на гневный окрик
короля, поверхность бассейна заволновалась, покрылась
рябью, несколько пузырей со свистом и хлопками лоп-
нули над черной жижей. Странное явление заставило

аквилонского правителя остановиться. Постепенно бульканье стало более членораздельно:

— Приветствую вас, о смертные короли! Я оказываю божественное гостеприимство двум великим представителям рода человеческого.

С этими словами вокруг бассейна и вдоль колоннады пролегли огненные кольца. Их свет изменил цвет предзвездного неба, сделав его пронзительно синим.

— Моя божественная сила, — продолжил голос, — привела вас обоих сюда. И здесь я — великий бог Ктантос — смогу выбрать одного из вас, того, который достоин быть моим наместником в моих земных владениях.

— Что это за чертовщина? — крикнул Конан.

Сам он обернулся к своим друзьям, чтобы убедиться в том, что все происходящее не совершается лишь в его воспаленном мозгу. Затем он вновь обратился к Амиро:

— Эй, принц, я знал тебя неплохим фехтовальщиком, трусливым бойцом и бесчестным убийцей! Но ты, оказывается, еще и вполне сносный колдун, если тебе по зубам привлечь на свою сторону демонов кошмарного сна, чтобы попытаться напугать противника.

Не обращая внимания на булькающий бассейн, киммериец вновь стал продвигаться к Амиро, вскользь заметив:

— Чего, впрочем, следовало ожидать от тебя. Не мужчина в одном — не мужчина во всем, и ты — лучшее тому подтверждение.

— Хватит болтать, варвар. — Амиро сделал шаг назад. — Дубина невежественная! Я и сам ни в грош не ставлю всяких божков и колдунишек, но это тебе не какой-то демон! Ктантос — это настоящий бог...

— Вот именно! Истинный бог! — подхватил воющий голос из бассейна.

Над поверхностью черной жидкости появилась состоящая из одних костей рука, сжимающая кривое копье. Описав несколько кругов по бассейну, рука метнула свое оружие, которое на полпути превратилось в огненную стрелу. Ударив в одну из колонн, молния озарила все вокруг яркой вспышкой. Когда к людям вернулось зрение, в колонне оказалось пробито сквозное отверстие,

вокруг которого, словно сухие ветки, пробежали трещины. В воздухе запахло жженым камнем.

— Это всего лишь скромная демонстрация моей силы, растущей с каждым часом, — объявил из бассейна Ктантос. — Колонна останется стоять лишь как напоминание вам. Я думаю, это будет достаточным предупреждением тому из вас, кто вздумает усомниться в моем могуществе. Что же касается верного последователя... что ж — он будет вознагражден по достоинству.

Усилием воли сбросив оцепенение, Конан вновь крепче сжал меч и с вызовом ответил:

— Мне уже доводилось расправляться с богами. Чего ради я должен поклоняться тому, которого в свои союзники записывает такой бесчестный негодяй, как Амиро?

— Не в союзники, а в верховные судьи, — донесся в ответ голос Ктантоса из центра бассейна. — Только один из вас, по моему решению, покинет это место живым; только один будет насаждать на земле веру в меня — единственного бога!

— Я так понял, что этот один будет избран тобой по результатам поединка между нами, — кивнул Конан. — Что ж — я готов. Я жду противника с распростертыми объятиями. Однако позволю себе напомнить бессмертному богу, что нам уже доводилось встречаться с ним в бою. Он был вызван мною на честный поединок, но ответил на вызов подлой западней. Как противника в честном бою, он меня боится. Так что ему не с руки выходить биться один на один. Кто даст гарантию, что тебя он не привлек на свою сторону, оставив нас без честного судьи? Он явно больше понимает в грязных тайных переговорах, чем я.

Конан тряхнул головой, поправляя выбившуюся из-под золотого обода короны прядь черных волос.

— А кроме того, — добавил он, — даже если ему с помощью хитрости удастся заманить меня в какую-то ловушку, мои аквилонские легионы намного превосходят его армию, и исход битвы можно предсказать заранее!

— Конан, Король Сокрушитель Челюстей и Крепостей, — неожиданно взмолился Делвин за спиной киммерийца. — Божественный Ктантос не торгуется и не

вступает в сделки. Он ищет лишь того, кто будет лучшим правителем, его наместником на земле, проповедником его веры. Но что бы ни случилось, я последую за тобой, а мой клинок будет рядом с твоим клинком в любом состязании королей или их армий. Король Конан, ты — сильнейший из воинов и величайший из монархов, как это известно всем и каждому!

— Ах, вот в чем дело, Делвин! Ты, оказывается, тоже являешься частью всего этого! — Конан, что-то поняв, по-новому взглянул на карлика. — Как, впрочем, и Амлуния, в чью роль входило заманить меня сюда. — Оглянувшись, Конан увидел загадочную улыбку на лице женщины. — Пожалуй, мне стоило раньше догадаться, что все мои беспредельные амбиции — это лишь телега, влекомая вашей славной парочкой волов.

— Нет, господин, я всего лишь клоун, шут... — Карлик, невинно моргая, смотрел на короля. — Карикатура, огтяющая величие монарха. Но учти, Конан: для тебя победа в поединке с Амиро обернется суровым и горьким поражением. После того как твои легионы истребят кофийские войска, ты останешься лишь с горсткой израненных воинов. Здесь, у древнего храма, встретились не только два великих короля, но и две могучие армии, объединенной силе которых не сможет противостоять никто во всей Хайборее.

Шут говорил, обращаясь к Конану, но достаточно громко для того, чтобы Амиро тоже его слышал. Видимо, слова карлика произвели на него впечатление, ибо принц Кофа, забыв обо всем, внимательно вслушивался в его слова. Делвин же продолжал:

— Я вижу дело так: нужен договор между двумя монархами, соглашение о том, что, независимо от того, кто победит в поединке, — а это будешь, несомненно, ты, Конан, — так вот, кто бы ни победил, армия поверженного должна присоединиться к войскам триумфатора и во всем подчиняться ему. И более того, империя проигравшего должна подчиниться победителю, который станет, таким образом, императором Аквилонии и Кофа одновременно! — Делвин на торжественной ноте прервал свою речь, а затем уже более деловито добавил: — Я полагаю, принять такое решение вполне

входит в компетенцию обоих правителей. Учтите, победитель получает все. Я думаю, стоит рискнуть!

— Рискнуть... пожалуй, я бы согласился, — задумчиво отозвался Конан. — Можно было бы вызвать сюда старших офицеров обеих армий, чтобы они были свидетелями поединка, и приказать им не оспаривать между собой его результат. Но меня куда больше волнует проблема выбора: невелика разница, кто останется победителем — этот убийца собственной матери или я, подчинившийся его же покровителю — чавкающему жижей демону...

— Убийца матери?! — закричал Амиро. — Ты лжешь, клеветешь! Это ты убил ее.

Принц, выхватив меч, шагнул навстречу киммерийцу. Тот, сделав ответный шаг вперед, возразил:

— Зачем мне лгать тебе. И без того всем ясно, что только по твоему приказу Ясмелу могли выбросить из окна ее башни, выдав это за самоубийство. Да, принцесса безумно любила тебя и однажды убедила меня пощадить твою шкуру. Но даже светлая память о ее материнских чувствах не удержит меня от того, чтобы выпотрошить тебя сегодня!

— Лжец! Негодяй, ты еще смеешь... — Неожиданно принц взял себя в руки и более спокойно продолжил: — Нет, подожди, варвар. Я еще успею содрать с тебя шкуру. Но сначала — что ты скажешь по поводу предложения этого урода?

— Я согласен, что без достойных свидетелей я не могу начать поединок, рискуя подставить судьбу империи под очередной предательский удар человека, не знающего, что такое честь. И кроме того, не нравится мне наш самозванный арбитр...

Конан бросил взгляд на небо, на котором, помимо знакомого полумесяца, появилась еще одна — теперь уже полная — луна, осветившая ставший темно-синим купол небосвода. Опустив глаза, киммериец обнаружил, что ни одно из ночных светил не отражается в черном пруду. Конан задумчиво сказал:

— Я не знаю, где именно мы находимся, Ктантос, но сдается мне, что куда ближе к аду, чем к раю. И если твои способности к разрушению и к угрозам я уже

могу засвидетельствовать, то теперь хотелось бы узнать, какова твоя мощь в добрых делах. И еще: каков твой истинный облик, какую форму ты принимаешь, чтобы предстать перед поклоняющимися тебе?

— Истинные боги, в отличие от жалких демонов и мелких божков, — пробудькал Ктантос, — не очень охотно показывают себя смертным. Ты, поклоняющийся суровым северным божествам, должен знать это. Вера истинных последователей не должна зависеть от внешней формы божества. Вот почему я предпочитаю оставаться в своем священном бассейне. А моя мощь... она почти беспредельна, как в отношении зла, так и добра, если, конечно, возможно судить божество, подходя к нему с убогими рамками, созданными жалкими в своей немощи людьми.

Бульканье, напоминающее усмешку, прокатилось над площадью.

— Я могу проникать в сны смертных, как ты уже мог убедиться, — продолжил Ктантос. — Скоро моя власть над умами людей будет полной и совершенной. Как видишь, я смог свести в это место две могучие армии и их командиров, а значит, я могу творить историю и политику мира. Силы и возможности моих главных последователей практически безграничны... как бы уродливы ни были их физические тела...

При этих словах карлик беспокойно затоптался на месте, а Амлуния, сообразив, что к чему, довольно рассмеялась.

Ктантос же продолжал гулко булькать:

— Есть у меня и посланники, гонцы в мир людей, которые исполняют мою волю на земле. Как видишь, смертный, истинный бог — это не безвольный, действующий лишь намеками да видениями нынешний божок. Нет, мне, настоящему божеству, бесполезно и бессмысленно сопротивляться.

— Истинная правда в речах великого Ктантоса. — С этими словами Амлуния вдруг быстро пересекла площадь и, пройдя между Амиро и Конаном, подошла к гранитному бортику бассейна. — Целую ночь я провела здесь, внимая божественному голосу, который проник в самые дальние уголки моего сердца... Итак, я объявляю себя

верной рабыней и последовательницей всемогущего Ктантоса! Отныне и навеки!

Громкие слова Амлунии эхом прокатились по колоннаде.

— И сейчас я объявляю, — после секундной паузы добавила Амлуния, — что отдаю себя в качестве награды победителю в этом поединке!

Повернувшись к Амиро, она сказала:

— Знай же, о великий тиран, моим талантам и умениям нет числа. Я — отчаянная воительница, умелая куртизанка и страстная любовница. Победи ты — и я обещаю, что все мои способности будут отданы тебе целиком и полностью. — Видя недоверие на лице принца, Амлуния усмехнулась: — А Конан... если честно, то я изрядно подустала от его покрытого шрамами тела и от однообразных историй о его давних подвигах. Слишком уж он ограничен рамками традиций — понятиями чести, благородства. Недостойно это правителя империи, не умеет он радоваться жизни, не любит пролитой ради веселья крови... Нет, в тебе, Амиро, я вижу куда более могучего человека, достойного быть властителем мира. В тебя я верю, за тебя молю бога Ктантоса!

Амиро расхохотался:

— Смело говоришь, девочка! И главное — правильно. Ничего, будь уверена, что я сумею использовать доставшуюся мне награду, оценив ее по достоинству.

— Какое низкое, грязное предательство! — завопил Делвин, косясь на Конана, лицо которого оставалось совершенно холодным и бесстрастным. — Ничего, мой повелитель, одержав победу, рассчитается и с тобой... Впрочем, в данный момент в таком раскладе есть свое преимущество: Амлуния сможет вызвать сюда офицеров Амиро, а я, с позволения Конана, вызову аквилонских командиров. Полагаю, что если такая красотка сядет на прекрасного скакуна принца, то ей не страшны стрелы кофийских часовых. — Карлик направился к своему пони, приговаривая: — Как бы ни закончился этот поединок, судьба мира уже предопределена...

— Эй, ты, придурок, стой! Я еще не решил...

Фраза Конана была прервана приближающимся стуком копыт и скрипом колес. Вскоре из темноты вынырнула колесница, которую влекли за собой две из полуженных шести лошадей. Роскошный, но сильно пропыленный и изрядно пообтрепавшийся в дороге экипаж двигался в сопровождении нескольких Черных Драконов и старших офицеров, включая Просперо. Среди всадников Конан с удивлением заметил канцлера Публиуса.

Увидев же пассажиров колесницы, Конан и вовсе застыл, раскрыв рот. За спиной чуть живого возницы, поддерживая закутанную в плащ сгорбленную фигуру незнакомой королю женщины, сидела королева Зенобия собственной персоной.

Охрана поприветствовала Конана, и граф Просперо, спешившись и встав на одно колено, обратился к нему:

— Ваше величество, королева принесла вам не терпящие отлагательства известия. Я не знаю, какие заклипания витают в этом месте, делая само небо над ним незнакомым и чужим, но я счастлив, что мы все же нашли вас.

Конан подбежал к колеснице и обнял Зенобию. Та, лишь на миг прильнув к его груди, высвободилась из объятий и сказала:

— Конан, любимый... Мы примчались сюда галопом из самой Тарантии. Скольких лошадей мы загнали до смерти! Чего стоил нам путь по этому перевалу... Но ты должен знать правду о... Нет, не я должна сказать тебе это, а она. — Королева показала на свою спутницу, сидевшую, прислонившись к борту колесницы.

Измотанная дорогой, уже немолодая женщина теперь показалась Конану знакомой. Сравнительно свежий шрам пересекал ее лоб, печать страданий делала лицо женщины старше ее возраста...

— Мое известие касается и Амиро, — слабым голосом произнесла она.

Конан, уверенный в том, что уже слышал где-то этот голос, посмотрел на Зенобию. Королева кивнула, и киммериец обернулся к неподвижно стоящему поодаль принцу:

— Эй, Амиро, подойди ближе! Эта новость касается нас обоих, как утверждает моя жена.

Амиро скривил губы в улыбке:

— Чего захотел! Нет, меня так просто в ловушку не заманишь.

Конан нетерпеливо тряхнул головой:

— В отличие от тебя, я отвечаю за каждое свое слово. Слушайте все! Я, Конан — король Аквилонии, гарантирую принцу Амиро безопасное пребывание среди моих подданных. Ну что, веришь мне?

Поколебавшись, Амиро все же подошел к колеснице, провожаемый внимательными взглядами аквилонской стражи. Увидев сидящую женщину в длинном черном плаще, принц воскликнул:

— Ватесса! Служанка моей матери, нечаянная жертва борьбы против коварного варвара-киммерийца!

— Точно! — вспомнил наконец Конан. — Это же ты, Ватесса! А я думал, что этот мерзавец убил тебя.

Король вежливо склонил голову, да и принц Амиро неподдельно добрым взглядом окинул знакомую ему с детства женщину, ласково погладив ее по руке.

Служанка, облизнув потрескавшиеся губы, хрипло, но достаточно громко сказала:

— Моя госпожа умерла, не открыв вам этого... Но я не могу уйти из этого мира и унести свою тайну с собой в могилу...

Крепко сжав руку принца, Ватесса произнесла:

— Амиро, узнай же: Конан — твой отец!

Затем ее взгляд застыл на суровом лице киммерийца:

— Конан, Амиро — твой сын!

Оба правителя, пораженные, замерли на месте, стараясь не выдать нахлынувших на каждого из них чувств. Их глаза встретились и уже не могли оторваться друг от друга.

— Амиро, возможно ли это?.. — прошептал Конан.

— А что, почему бы и нет... — хрипло ответил Амиро и вдруг воскликнул: — Какой же я был дурак! Сколько я выяснял, шпионил, вынюхивал все обо всех при кораджанском дворе! Сколько я искал своего отца — и все напрасно! Но наконец — свершилось! Свершилось — я наконец-то смогу убить тебя!

Резко размахнувшись, Амиро занес меч над головой Конана. Лишь молниеносная реакция спасла киммерийца — он успел отскочить в сторону. Меч кофийца просвистел в воздухе и ударился о борт колесницы.

Мгновения, потраченного Амиро на то, чтобы освободить застрявший в толстой доске клинок, оказалось достаточно, чтобы Конан тоже обнажил свой меч. В следующую секунду два правителя, два опытных и умелых воина, два заклятых врага закружились по двору древнего храма в смертельном танце под аккомпанемент лязга металла.

Аквилонские придворные, исполняя приказ короля, не вмешивались в бой, хотя и понимали, что противник Конану достался не из легких. Ватесса упала в обморок, увидев, какую ярость вызвали ее слова. Зенобия тоже едва держалась на ногах, опираясь на руку Публиуса.

Амлуния же, наоборот, казалось, была восхищена таким лихим поворотом сюжета. Радостно возбужденная, она всячески подбадривала Амиро, в то время как Делвин восторженными криками встречал каждый удар своего господина.

Амиро сражался не на жизнь, а на смерть. Ему удалось сильно теснить Конана, заставляя того лишь защищаться, и этот успех только воодушевлял принца.

Конан же, к своему удивлению, обнаружил, что не имеет ни малейшего желания убивать своего противника. Инстинкт, древнее, чем чувство мести или понятие чести и королевского величия, сделал свое дело. Отец не мог убить сына. Но, увы, — Конан видел, что Амиро, полный юношеского гнева, не внемлет ни голосу разума, ни зову крови.

— Сынок! — крикнул Конан, отступая на шаг, чтобы избежать очередного режущего удара. — Не подобает так встречаться сыну и отцу. Я предлагаю тебе перемирие!

— Кобель блудливый! Наплодил ублюдков без роду, без племени! — Принц продолжал наступать, но тут Конан удачно отбил его клинок, оставив Амиро на миг беззащитным и открытым.

Осознав это, принц лишь крикнул:

— Ты убил мою мать, так убей же и меня!

— Я клянусь тебе, что не убивал ее, — сказал Конан и, вместо того чтобы нанести смертельный удар, отошел еще на шаг. — Если ты поклянешься мне в том же, нам не в чем будет обвинять друг друга!

— Не в чем обвинять? — Крик Амиро перешел чуть ли не в визг. — Подонок, я сам — твое обвинение! — Амиро вновь перешел в атаку, продолжая говорить: — Почему ты оставил мою мать, оставил меня безотцовщиной? Она оказалась безо всякой защиты, с младенцем на руках. Где, где ты был тогда и потом?!

Конан вдруг почувствовал, что очередной удар кофийца был не настолько точен и вымерен, как предыдущие. С удивлением он обнаружил, что в глазах юноши застыли слезы. Еще несколько мгновений, и, быть может, удастся обезоружить Амиро...

Громоподобные звуки донеслись от бассейна, заставив всех присутствующих вздрогнуть, а обоих бойцов — прервать поединок. Огромные пузыри вздувались и лопались на черном зеркале, оглашая божественное повеление:

— Сражайтесь и убивайте! Могучие правители, не забывайте: победителя ждет награда — власть! Власть над всем миром!

Над поверхностью бассейна появилась черная многорукая фигура, сжимающая в костлявой ладони одной из конечностей меч, которым она ударила о появившийся в другой многосуставной конструкции щит. В месте соприкосновения древнего клинка и щита в воздухе блеснули сверкающие, словно россыпь самоцветов, искры.

Затем над площадью прокатился громкий отчаянный стон. Оба бойца непроизвольно поглядели в сторону, откуда он доносился.

Голос принадлежал пришедшей в себя Ватессе, которая, увидев чудовище в бассейне, сделала несколько шагов вперед и, полубезумная, крикнула:

— Это он! Он! Тот, кто убил мою госпожу! Это он пришел к ней в ту ночь, оставив затем в комнате вот этот самый плащ. — Ватесса показала рукой на свое странное, не по размеру длинное одеяние. — Я лежала без движения, но кошмарное зрелище пробудило меня, вернуло мне способность двигаться. Смерть принцессы Ясмелы погнала меня в путь через полмира...

Не договорив, служанка замертво рухнула на гранитные плиты площади. Зенобия, склонившись над ней, подняла глаза и сквозь слезы выкрикнула:

— Это правда, Конан! В первый же вечер, придя ко мне, она рассказала о страшном, дьявольском создании, пришедшем в башню к Ясмеле. Пытаясь убежать от чудовища, принцесса выбросилась из окна. — Еще раз посмотрев на обоих воинов, сжимающих в руках мечи, Зенобия воскликнула: — Ни Конан, ни Амиро не убивали Ясмелу! Это сделало то чудовище, то исчадие ада, что находится сейчас в этом бассейне!

— Вранье! Все это — чистое вранье! — неожиданно заверещал Делвин. Размахивая ручками, карлик запрыгал перед Зенобией: — Нет, ваше величество, я не подвергаю сомнению вашу искренность. Прошу меня простить, если я неправильно выразился. Я и предположить не могу, что вы вдруг решили бы ввести в заблуждение вашего супруга, но ложь коренится в повторяемых вами словах умершей служанки! Ну никак не стал бы Ктантос убивать Ясмелу! Я, конечно, не знаю, кто это сделал, но уж точно не он! Он — добрый бог, благородный бог, который не станет опускаться так низко. Нет, обвинять его — это богохульство...

Шут, пытающийся что-то доказать всерьез, в своем уродстве был бы еще более смешон, чем обычно, но в такой отчаянно напряженной ситуации никто даже не обратил внимания на комизм его попыток оправдать божество.

Неожиданно в разговор вступила молчавшая до этого Амлуния.

— Да какая, в конце концов, разница?! — воскликнула она и, выхватив из-за пояса кинжал, потрясла им над головой. — Из-за чего идет поединок, забыли? Тут решается судьба мира, а не оспаривается честь какой-то служанки, к тому же — мертвой! Вперед же, воины, вперед! Я лично готова даровать проигравшему последнюю милость — освобождение от мучений и боли. А затем я хочу полностью отдать себя победителю!

— Да, сражайтесь! — пронесся над площадью булькающий голос Ктантоса. — Сражайтесь во имя меня, бросьте в священный бассейн тело проигравшего! И

заканчивайте быстрее, если не хотите испытать мой божественный гнев!

Вновь встретились взгляды Конана и Амиро, но на этот раз не слепая ненависть наполняла их, а новое, еще не совсем оформившееся взаимопонимание. Первым решился подвергнуть это чувство испытанию киммериец. Одним коротким и четким движением он убрал свой меч в ножны. Несколько мгновений спустя Амиро последовал его примеру. В следующий миг отец и сын, обменявшись понимающими взглядами, кивнули друг другу и бросились к ближайшей от них пылающей жаровне из тех, что освещали двойным кольцом колоннаду и площадь вокруг бассейна.

Плотные боевые перчатки хорошо защищали их руки от жара. Два сильных воина легко оторвали массивную бронзовую подставку от пола и, подбежав к бортику бассейна, швырнули ее в черную жидкость.

Пылающие угли и раскаленная жаровня с шипением погрузились в вязкую черноту, из которой донесся голос, выражающий не боль или страх, но ярость:

— Итак, вы объединились против меня! Жалкие смертные царьки! Вы даже не представляете, какие кары обрушатся на вас! Вы еще не знаете, каков в гневе истинный лик всемогущего бога!

Голос становился все более внятным и четким, словно приближался от дна к поверхности бассейна. Аквилонские офицеры и придворные застыли на месте, а Конан с Амиро уже метнулись к изуродованной огненным копьем колонне, о чем-то договариваясь на бегу.

Упершись плечом в гранитный монолит, киммериец надавил на него всем телом. Амиро же, выхватив меч, вставил его в пробитое молнией отверстие и, действуя им как рычагом, тоже стал раскачивать колонну. Посыпались мелкие осколки гранита, послышался скрежет доспехов Конана и клинка Амиро о каменную глыбу.

А над поверхностью бассейна в это время появилась огромная голова, черная, как окружающая ее жидкость, но с мерцающими зеленоватым мертвенным светом прожилками, похожими на вздувшиеся вены.

Вокруг головы зашевелились щупальца — больше дюжины — с подобиями человеческих ладоней на концах.

Огромные руки то сжимались в кулаки, то растопыривали крючковатые, многосуставные пальцы.

Шесть сверкающих, как рубины, глаз зажглись по окружности огромной головы. А в середине того, что можно было бы назвать лицом или звериной мордой, открылась зияющая пасть с несколькими рядами треугольных зубов. Пульсация кошмарных челюстей придавала чудовищу еще более кровожадный вид.

Никто не знал, весь ли бог Ктантос показался на поверхности своего священного бассейна, или же большая часть чудовищного облика еще не предстала перед глазами людей, но и того, что появилось, было достаточно, чтобы до оцепенения напугать большинство присутствующих. Даже бесстрашные Черные Драконы на несколько мгновений в ужасе застыли на месте и лишь затем, опомнившись, бросились на помощь своему королю.

Но даже подбегавший первым Просперо опоздал — Конан и Амиро сумели-таки расшатать колонну, разъять ее на два куска, верхний из которых стал клониться в сторону бассейна, оттуда неслись не приглушенные более толщей черной жижи крики:

— Еретики! Малодушные и слабоверные еретики! Познajte же судьбу тех, кто восстает против своего бога...

Чудовищное щупальце потянулось к одному из солдат, но тут огромный кусок полированного гранита обрушился в бассейн, подняв завесу черных брызг и пугающей жижи.

Верхняя часть колонны упала на бортик бассейна. Послышался хруст разбивающегося камня. Перевернувшись в воздухе, колонна рухнула в центр круглой чаши, потащив на дно оказавшуюся под ней омерзительную голову Ктантоса.

Еще не успел стихнуть гул земли под ногами, но уже стало ясно, что на поверхности бассейна ничего нет. Солдаты при виде этого радостно закричали, а Конан с Амиро как-то неловко обнялись, звякнув друг о друга доспехами. Но в следующее мгновение их взгляды вновь обратились к бассейну. Черная жидкость с бульканьем и хлоппаньем устремилаь через трещину в бортике, образовавшуюся в результате падения колонны,

наружу, в узкие канавки, оставленные между плитами площадки.

Ее уровень понижался на глазах, все больше обнажалось чашевидное дно, покрытое толстым слоем синеватой слизи, но ни самого чудовищного Ктантоса, ни его игрушек — костей, черепов и оружия — видно пока не было.

— Идиоты, неужели вы действительно упустили такой шанс?!

Этот крик испустила Амлуния, которая, заломив руки, подбежала к бассейну и остановилась, вспрыгнув на бортик.

— Да ведь с помощью Ктантоса мы завладели бы всем миром! На вас обоих хватило бы власти, досталось бы и мне... А теперь... Если вы убили его...

— Если они и убили его, потаскуха, то сделали доброе дело, — почти взывала Зенобия, только сейчас оторвавшаяся от тела мертвой Ватессы. Подбегав к Амлунии, королева крикнула: — Если ты так любишь своего булькающего душегуба, то отправляйся же к нему, шлюха!

Прежде чем Амлуния успела выхватить кинжал, Зенобия всем телом толкнула ее. Рыжеволосая девушка не удержалась и упала на скользкое дно. Пытаясь выбраться, она отчаянно хваталась за покрытый слизью гранит — но все без толку. Перемазавшаяся с ног до головы Амлуния сползла по колени в черную жижу, которая вдруг подхватила ее и повлекла, крутя по спирали, к центру бассейна.

Страшный крик боли, раскаяния и отчаяния донесся из бассейна. Вскоре Амлуния исчезла под черной жидкостью, и крик превратился в приглушенный стон. Затем смолк и он.

Все произошло так быстро, что никто из присутствующих не успел толком отреагировать на случившееся. Придя в себя, все посмотрели на Конана. Тот поежился:

— Кром! Страшная смерть. Даже врагу и предателю не пожелаю такой! — Оттащив Зенобию подальше от края бассейна, киммериец почесал в затылке: — Не значит ли это, что мы не убили Ктантоса?

В ответ ему из почти опустевшего бассейна донеслось:

— Убить истинного бога? Жалкая кучка смертных! Разозлить, разгневать, возмутить — это да. Отодвинуть мое пришествие и триумф — пожалуй... Но убить — нет! Никогда! — Голос явно слабел с каждой секундой, но добровольно смолкать не собирался: — Жизнь той, которую вы называли Амлунией, потрачена не напрасно. Я собираюсь отдохнуть, но теперь мое одиночество будет скрашено ее присутствием. Давненько мне не доставалось свеженькой, теплой человеческой души. Смертные, я принимаю вашу жертву. Теплая душа и мягкое тело — тысячу-другую лет я, пожалуй, скоротаю, не соскучившись. Иди же ко мне, моя малышка...

Из бассейна вновь донеслись уже стихшие было стоны. Затем совсем ослабевший голос Ктантоса, словно задыхаясь, с паузами, прохрипел:

— Мой посланник в мир смертных... мой Верховный Жрец подвел меня... Разумеется, он лишается моего покровительства; действие заклинания прекращено... Ему придется самому отвечать за все, вернувшись в свое истинное обличье... Мои проклятия ему и всем смертным... Трепещите и живите в страхе, ожидая моего возвращения...

С этими последними угрозами голос Ктантоса сошел на нет. Куда-то исчезла из бассейна вся черная жижа, обнажив чашу дна, в которой не осталось ни следа ни от чудовищной головы с шестью глазами, ни от упавшей туда всего несколько минут назад Амлунии.

Конан, крепко держа Зенобию одной рукой, пожал плечами:

— Какой Верховный Жрец? Какое еще истинное обличье? — Вдруг, хлопнув себя ладонью по лбу, король обернулся и крикнул: — Эй, Делвин! Чертов клоун, где ты? Эй, карлик, куда ты смылся?

Один из Черных Драконов указал рукой по направлению к привязанным неподалеку лошадям. Пытавшийся добежать до них Делвин упал на полдороге к своему пони.

С карликом что-то происходило, какие-то мучительные изменения происходили в его маленьком теле. Впрочем, не таком уж маленьком, заметил подбежавший к

нему Конан, увидев, что карлик на глазах увеличивается в размерах. Судя по всему, добеги он до лошадей сейчас — и пони ему уже был бы маловат по росту.

На время быстрый рост Делвина был замедлен крепко сжимавшими его тело доспехами. Но вскоре лопнули кожаные ремни, отлетел в сторону разорванный вздувшимся черепом шлем, порвались по швам маленькие сапожки... Через несколько минут перед изумленными наблюдателями оказался почти голый, если не считать узкой полоски ткани вокруг бедер, великан — вполнину выше Конана ростом. Лицо гиганта было искажено злобой, в могучих руках чувствовалась сила, способная лишить жизни не одного человека.

— Это что за чертовщина? — требовательно спросил великана Конан. — Это как понимать: я водил дружбу с человеком, до неузнаваемости изменившим свой облик, да еще и поклоняющимся дьяволу из вонючего бассейна, пожирателю людей...

— О какой дружбе может идти речь, король? — громоподобным голосом перебил Конана Делвин. — Ты взял меня в качестве трофея у старины Балта, нашел на поле боя — помнишь? Ты был моим хозяином, я — слугой, посмешищем, рабом... Но все еще может поменяться.

— Рабом ты был всегда, — ответил ему Конан. — Рабом ты навсегда и останешься, как, впрочем, и посмешищем... Но как, Эрлик тебя подери, тебе удалось так упаковаться?

— Большой тайны в этом нет, — пророкотал басом Делвин. — Я был великаном, сильным, как десять обыкновенных людей, за что они ненавидели меня и боялись. Я вел жизнь одинокого отшельника, ибо где бы я ни искал общества других смертных, меня всюду называли чудовищем и объединялись целой толпой, чтобы убить меня.

Похожий на каменное изваяние, могучий, как скала, Делвин продолжил свой рассказ:

— Однажды я ворвался в библиотеку при одном из храмов, вышвырнув оттуда жрецов-хранителей. Долгие годы я провел, изучая древние фолианты и вскрывая опечатанные магическими печатями свитки. Я искал заклинание, которое помогло бы мне стать меньше ростом.

Однажды я вызвал демона по имени Ктантос; он обещал мне помочь в моем деле. Как видишь, король, я был не дурак! — Делвин как-то дико ухмыльнулся. — Помня, каким проклятием был для меня великанский рост, я потребовал у Ктантоса сделать меня меньше, чем нормальные люди. Ибо я знал, что так мне будет легче втираться в доверие к глупым и тщеславным людям, легче манипулировать ими. Смертные имеют слабость к тем, кто явно уступает им в силе, кто безопасен, над чьим уродством можно безнаказанно издеваться. Пользуясь своим опытом, своим умом и помощью Ктантоса, я очень быстро стал советчиком правителей, направляя их поступки на достижение нужных мне целей. — Делвин покачал огромной головой и расхохотался: — Когда-нибудь я сам стану королем. Королем всего мира! Король Делвин Великий, повелитель мира!

— Врешь, скотина! — грозно крикнул Конан. — Я никогда не издевался над тобой, не потешался над твоим ростом! Почему ты выбрал меня для своего дьявольского плана?

Казалось, что великан лопнет от смеха:

— Я решил поставить на тебя, потому что ты был... богат, любим и... и глуп! Представь себе короля, который так не любит самого себя, что подозревает всех вокруг в ненависти к себе... Короля, повелителя великой страны, который хочет быть в десять раз более великим, а достигнув этого, начинает хотеть еще большего, опасаясь, что кто-то упрекнет его в слабости или малодушии... Нет, Конан, из всех королей Хайбореи ты как никто другой подходил мне. Взять твоё отродье — Амиро: с ним бы мне пришлось изрядно повозиться, подбивая его на то, что мне нужно. А ты — ты принес бы мне мир на блюде... если бы еще не твои верные друзья и подданные. Чем ты их так пленил, почему они так слепо верны тебе — я не знаю, но досаждали они мне изрядно.

Конан сурово спросил:

— Значит, это ты подослал своего демона, чтобы тот убил Ясмелу? Это ты соблазнил меня Амлунией и настроил против Амиро?

— Само собой — я, кто же еще?! — Великана распирало от удовольствия. — И бояться мне было нечего,

ибо я знал, что когда придет время, когда власть над миром будет в твоих руках, известие о том, что в борьбе за нее ты убил собственного сына, уничтожит тебя, превратит в безвольную тряпку, старую развалину...

— Дьявол! Негодяй! — разъярился Конан. — Знай же, что доводилось мне расправляться с чудовищами и страшнее тебя. Я не боюсь встретиться с тобой в поединке лицом к лицу, один на один!

— Ну что ж, неплохо, — осканился Делвин. — Иди же сюда, маленький человечек. Я вскрыю тебя, как устрицу, твоя печень пойдет мне на закуску. — Делвин сделал шаг вперед, не обращая внимания на окружающих его солдат: — А затем я заберу себе в качестве комнатной собачки твою жену и поведу твою армию дальше через горы — завоевывать мир.

Конан, кипя от гнева, уже занес меч, но вдруг остановился. Оглядев готовых броситься ему на помощь стражников, Просперо, Амиро, даже Публиуса, сжимающего в руке кинжал, он опустил оружие и сказал:

— Предатель или нет, но ты был моим другом. Я не хочу убивать тебя! Но, видит Митра, такое исчадие ада нельзя оставлять в живых.

Делвин взвыл, глядя в небо:

— Видит Митра — я и сам не хочу жить!

Он нагнулся, чтобы поднять с земли здоровенный камень. В кого великан хотел швырнуть свое последнее оружие, осталось неизвестным. По знаку Конана стражники бросились на Делвина со всех сторон с копьями наперевес.

Через несколько мгновений все было кончено. В несколько переломов и сильных ушибов у солдат обошлась аквилонской армии смерть королевского шута.

Глава 20

ТУПИК

Когда чуть стихло волнение после происшедшего, Конан приказал своим солдатам вырыть могилу для огромного трупа Делвина и насыпать над ней каменную пирамиду. Сам же король и принц Амиро остались вдвоем

на нейтральной территории разрушенного древнего храма. В обе армии, все еще находившиеся в ожидании скорой битвы, было передано, что командиры ведут переговоры необычайной важности. Группа кофийских офицеров и личная стража принца присоединились к аквилонцам, охранявшим территорию храма. Королева Зенобия приказала привести к развалинам остававшегося в аквилонском лагере маленького Конна.

Расправившись с общим ненавистным врагом, Конан и Амиро снова вспомнили взаимные обиды. Не меньшую важность для каждого из них имели и государственные дела, интересы своих империй. Обоих правителей окружили советники и генералы, разведя отца и сына подалеже. Так они и стояли — разделенные пространством и людьми, недоверчиво глядя друг на друга.

Публиус выдвинул предложение, в котором видел редкий по удаче дипломатический ход, сулящий величайшие выгоды стране.

— Ваше величество, — говорил канцлер, — вы сейчас же можете установить династию, возглавить ее. Да что там, это фактически уже сделано! Публично признав Амиро своим сыном, вы можете требовать себе верховной королевской власти над обеими империями — Аквилонией и Кофом! А затем уже вы имеете право разделить обширное королевство между двумя вашими отпрысками, оставив за собой верховное правление, если будет на то ваша монаршая воля. Посудите сами: и Амиро окажется цел — я имею в виду фактическое сохранение им своей власти, — и вы продвинетесь к своей цели — покорению мира без лишней крови и ненужных войн. К тому же останутся не ослабленными и готовыми к противостоянию с другими королевствами армии обеих империй.

Глядя на беседующего со своими советниками кофийского принца, Конан покачал головой и вздохнул:

— Нет, Публиус. Я не могу рисковать Конном, делая его невольным соперником Амиро, у которого будет немалое преимущество в возрасте, опыте дворцовых интриг и... в умении наносить предательские удары в спину. — Взглянув на Зенобию и отметив ее облегченный вздох, киммериец продолжил: — Да и как вы себе представляете, любезный канцлер, пылающего ко мне сыновей

любовью Амиро, готового уступить мне формальную власть над его империей?

В голосе Конана слышалось скорее уважение к сыну, чем неудовольствие по поводу того, как сложно иметь с ним дело. Усмехнувшись, король положил руку на плечо канцлера:

— Нет, Публиус, в таком странном союзе, боюсь, что верховная власть перешла бы не к одному из монархов, а к вам и вашей дипломатической братии. Вы так и будете держать нас на крючке, все время балансируя на грани гражданской войны.

— Каков же в таком случае ваш план, Повелитель? — По голосу старого придворного было не понять, обиделся ли он или принял шутку короля как должное. — Вы собираетесь выйти из войны? Признаете существующие границы?

— Я полагаюсь на создание союза, основанного на взаимном уважении. Моего — к сыну, и его — ко мне, — уверенно ответил Конан. — Ну, и, разумеется, на надежную оборону. Как гласит пословица: за хорошим забором — хороший сосед. — Наклонившись к Публиусу, Конан сказал ему, понизив голос: — Скорее всего, друг мой, наши границы будут вновь проведены по старым линиям. Немедия и Офир станут буфером, удерживающим горячего юнца на достаточном расстоянии от наших земель. — Король нахмурился и добавил: — Это большая цена. Но таков уж мой сын. Нам придется пойти на все это, если мы хотим от него того же самого.

Просперо, стоявший все это время рядом, удивленно улыбнулся и спросил:

— Не значит ли это, Конан, что ты распрощался со своей мечтой о мировом господстве?

В ответ Конан рассмеялся:

— На свете есть только одно препятствие, которое может помешать мне добиться своего. И Кроме было угодно, чтобы именно оно встало на моем пути. Именно то, через что я переступить не могу.

Публиус с сомнением покачал головой:

— Ваше величество, неужели удовольствоваться весьма, скажем так, скромными победами совпадает с образом того, кто стремится стать богом при жизни?

— Богом?! — отшатнулся Конан. — Ну уж нет! Никаких богов, хватит! Насмотрелся я на таких, кто пытался причислить себя к святым, а уж если начать вспоминать о Ктантосе — нет уж, увольте. Видел я и настоящего бога, но мне до него — как до неба. — Махнув рукой в сторону Амиро, Конан усмехнулся: — И потом, если признавать меня божеством, значит, и этот принц получается по крайней мере полубогом... А вот уж в нем я ничего божественного не вижу.

Отвернувшись от Публиуса и Просперо, Конан подошел к Зенобии и крепко поцеловал ее. Затем, подняв на руки Конна, он сказал:

— Я хотел завоевать для тебя весь мир, сынок. Но, пожалуй, тебе стоит согласиться на ту его часть, которая действительно тебе нужна.

Поставив сына на землю, король потрепал его по голове, улыбнулся королеве и, развернувшись, зашагал по гранитным плитам навстречу Амиро. Вслед ему раздался громогласный клич аквилонских солдат:

— Слава тебе, великий Конан!

Конан и Живой Ветер

роман

Пролог

Охотник принадлежал к клану Леопарда племени Кваньи. Он родился со зрением и слухом почти столь же острыми, как и у тотема клана. Чувства эти он отточил еще больше за годы, проведенные в лесах между рекой Гао на западе и Запретным городом Ксухотлом на востоке.

Ни зрение, ни слух не предупреждали его ни о чем опасном, и было маловероятно, что в этой части леса ему что-либо угрожает. Это происходило у подножия самой Горы Грома. Охотнику были знакомы местные тропы и ручьи, родники и поваленные деревья еще до того, как его посвятили в мужчины.

Однако охотник несся, будто за ним по следу гналась целая стая драконов вроде того, что он нашел в лесу рядом с Ксухотлом.

Охотник не сбавлял темпа ни на мгновение в течение трех дней. Он бежал до тех пор, пока не мог больше ни бежать, ни идти, ни стоять, а лишь упасть замертво на землю и спать, как удав, проглотивший свинью. Затем он просыпался, пил из ближайшего чистого источника и снова бежал.

Такая скорость не далась даром. Темная кожа была так облеплена грязью, что изображение лапы леопарда на правом плече — татуировка охотника — и рисунок копыта на груди — татуировка воина — почти исчезли. Лишь на пятках виднелись ритуальные шрамы, означающие клановую принадлежность и говорящие, что следы оставлены ногами воина племени Кваньи.

Дышал он с трудом. Взгляд его был устремлен только вперед, он ничего не видел вокруг, и свисающие лианы время от времени больно хлестали по телу. Один раз

обломок ветки сорвал с него набедренную повязку, так что дальше охотник бежал обнаженным.

Он мог бы бежать быстрее, если бы не тяжелое копье племени Кваньи — побег железного дерева в рост человека, с треугольным железным наконечником шириной с ладонь. Но расстаться с копьем и в голову не приходило охотнику: пока копье с ним, ни один воин Кваньи не усомнится в его храбрости.

Бег охотника неожиданно прервался: стопа зацепилась за торчащий корень, и охотник услышал, как хрустнула кость. Затем его пронзила боль: в голове — от удара о гнилой пенёк и в поврежденной щиколотке.

Охотник лежал неподвижно до тех пор, пока боль не утихла, а он не убедился, что не потеряет вдруг сознания, — это означало бы смерть. Эта часть леса не представляла опасности для здорового и сообразительного охотника, тем более вооруженного; другое дело — для человека, лежащего без чувств.

Охотник решил наконец пошевелиться, приподнял голову и осмотрел щиколотку. Она уже распухла, и боль снова, будто огненное копье, терзала ногу. Он не сможет передвигаться до того, как придут дожди, или вообще никогда, если только люди с Горы Грома, Посвященные богу, не исцелят его. Примочки, слабительное и руки деревенских знахарок мало чем помогут ему.

В следующее мгновение охотник уже сомневался, что вообще доживет до того времени, когда Посвященные богу соизволят уделить ему внимание: там, где он до этого видел лишь лианы и толстые стволы деревьев, стояли четверо. У каждого было копье, один имел также и лук. Набедренные повязки, головные украшения, браслеты на ногах и татуировки — все говорило о том, что это воины клана Обезьяны.

Это ничуть не обрадовало охотника. Чабано, Верховный вождь Кваньи, сам принадлежал к клану Обезьяны. Он не смог бы оставаться вождем в течение двенадцати лет, если бы позволял членам своего клана вступать в междоусобицы с людьми из кланов Леопарда, Паука или Кобры. Однако было известно, что он смотрел сквозь пальцы, когда эти кланы несли незначительный урон —

вроде исчезнувшего охотника, о судьбе которого ни люди, ни боги ничего не могли узнать.

Охотник снова пошевелился и, не обращая внимания на боль в затылке и щиколотке, подтянул ноги и поднял копье.

— Ха, ну-ка что у нас тут? — спросил самый высокий из четверых. — Кажется, один из «котятков».

Охотник сдержался и не бросил столь же резкий ответ вроде: «Не твоё дело, бабуин кастрированный». Еще будет время умереть с честью, когда он расскажет этим четверым о том, где он был и что видел там.

— Братья... — начал охотник.

Древки копий ударили в поросшую мхом землю.

— Здесь нет для тебя братьев, — прорычал один из воинов.

— Чабано говорит иначе, — ответил охотник, затем начал свой рассказ, не дав им времени оскорбиться. Он начал с того, как нашел мертвого дракона рядом с Ксухотлом, убитого, но что причинило смерть, охотнику осталось непонятным.

Этим он добился внимания самого высокого из Обезьян:

— По слухам, в тех лесах водятся драконы. Но еще больше историй о том, что ничто не может убить дракона. Возможно, непонятная тебе причина была старость или понос!

— Выслушай мой рассказ до конца, затем думай так, если хочешь, — произнес охотник. — Я опишу только то, что видел, и быстро, как только смогу.

Намек помолчать не остался незамеченным предводителем Обезьян. В следующий раз, когда один из воинов попытался прервать рассказ, древко копья, с силой опустившееся на пальцы его ног, восстановило тишину. Строгий взгляд оборвал ропот подчиненного и позволил охотнику продолжать.

Он рассказал, что хотел узнать, можно ли безопасно приблизиться к проклятому Ксухотлу теперь, когда охранявший его дракон мертв. Жизнь, казалось, покинула город, люди по крайней мере. Он рассказал о запахах в воротах, через которые уже наползают джунгли, чтобы предъявить свои права на проклятый Ксухотл.

— Как далеко ты прошел? — спросил предводитель.

— Не так далеко, как хотел, — ответил охотник. — Я также слышал рассказы об огненных камнях внутри города. Я искал их и обнаружил... — он проглотил слюну, — обнаружил, что проклятие Ксухотла наконец уничтожило его собственный народ.

Он говорил о телах мужчин и женщин, убитых всего несколько дней назад. Одни из них были умерщвлены оружием — мечами, копьями и ножами, были следы даже зубов и ногтей. Других, казалось, поразила молния, и это в подземном зале, куда никакая молния не проникнет, если только не при помощи колдовской силы.

— И тогда я понял, что Ксухотл все еще проклят и что я могу тоже погибнуть, если останусь дольше в его стенах, — заключил охотник. — Я побежал из этого зала и из города. Однако я успел заметить, что недавно этим путем ушли и другие.

— Те, кто перебил народ Ксухотла? — Это спросил тот, кого прежде заставили замолчать ударом дровка. Сейчас в его тоне слышались уважение и любопытство, а также и немалый страх.

От удовлетворения, что ему удалось завоевать внимание слушателей, охотник почти забыл о боли в щиколотке:

— Этого я не знаю. Могу лишь сказать, что один из них гигант, другой ростом со среднего воина Кваньи. Оба, кажется, снаряженные и обуты в сапоги.

Воины пристально посмотрели друг на друга, затем вокруг себя. Охотнику казалось, что во время рассказа он угадывал их мысли.

— Думаю, поэтому говорящие барабаны ничего не сказали. У колдунов, погубивших Ксухотл, могут быть и другие враги в нашей земле. Узнав о том, что их обнаружили...

Предводитель кивнул, и охотник подумал, не пересохло ли у него в горле тоже. Один из Обезьян отвязал свою флягу из тыквы и передал охотнику.

Охотник налил ритуальные капли на ладонь и окропил ими землю, затем попил. Когда горло вновь было в порядке, он отдал тыкву.

— Брат, я слышал правду в твоих словах, — сказал предводитель охотнику, затем обратился к своим

товарищам: — Сделайте носилки. Мы отнесем его к Посвященным богу. Если промолчали барабаны — он должен с нашей помощью выполнить их работу.

— Если Посвященные богу такие, как говорят... — начал один из воинов.

— Последи за своим языком, а то доболтаешься до того, что окажешься в пещере Живого ветра, — прорычал предводитель.

— Если Посвященные богу такие, как говорят, — все же настаивал тот, — то они уже знают.

— В таком случае мы не сделаем никакого вреда, — ответил предводитель. — Может, даже будет немного пользы, если покажем, что и мы, рядовые воины, понимаем, какое зло может причинить колдовство.

— А если... — снова начал воин.

— В таком случае им необходима наша помощь в борьбе против колдунов, которые могут убивать драконов и уничтожать все живое в проклятом Ксухотле.

Эта мысль заставила воина замолчать, но, казалось, отнюдь не понравилась ни ему, ни его товарищам. Немного подумав, охотник решил, однако, что это ничуть не ущемляет достоинства воинов Обезьяны. Ему тоже не доставляла удовольствия мысль о колдунах более могущественных, чем Посвященные богу с Горы Грома.

Глава 1

В лесу между мертвым Ксухотлом и подножием Горы Грома звериной тропой шли те, следы чьих сапог видел охотник.

Одни следы принадлежали женщине, белая кожа и светлые волосы которой свидетельствовали, что южные леса и холмы — не ее родина. На женщине были рубашка и шелковые штаны, когда-то целые и чистые, но теперь не обладавшие ни одним из этих качеств. Дыры в обеих частях туалета позволяли видеть белизну ее кожи; волосы были повязаны куском красного шелка. Одежда, хотя и изорванная, все же достаточно хорошо сидела, подчеркивая роскошную грудь и бедра.

Сапоги ее были морского фасона. Сделанные из мягкой кожи, с широкими раструбами, они легко снимались, если окажешься в воде. То, что они не годились для ходьбы по звериной тропе в Черных королевствах, было видно по тому, как часто женщина скрежетала зубами.

Шелковый пояс вокруг ее стройной талии держал побитый меч, морской кортик и острый кинжал с рукояткой, украшенной изображениями тварей.

Женщина была высокой и крепко сложенной, однако спутник превосходил ее ростом более чем на голову, а мускулатура свидетельствовала, что он обладает не только ростом, но и силой великана. Одет он был так же, с той лишь разницей, что, поскольку меч его был крупнее, держался он на широком кожаном поясе, на котором также висели три кинжала. Его черные волосы свободно спадали на широкие плечи, глаза цвета голубого льда заставляли вспомнить о Севере.

Глаза эти уже многие годы для немалого числа людей были последним увиденным ими в жизни. Великаном этим был Конан-киммериец, спутницей его — Валерия из Красного братства. Своим одеянием они были обязаны тому, что когда-то были пиратами в Барахе, а своим союзом — многим необычным обстоятельствам, последним из которых была смертельная битва в стенах Ксухотла. Врагами были и люди, и животные, вооруженные и сталью, и заклинаниями. В конце концов бой этот очистил проклятый город от последних остатков нечисти.

Бой этот дал также каждому из них по кинжалу. Ничего больше не хотели они брать из Ксухотла, слишком много зная о секретах города, чтобы с доверием относиться к предметам, захваченным в залах его строений. Залы эти были полны зловония от пролившейся в течение многих веков крови, и произнесенных заклинаний, и страха, который эхом отдавался в освещенных зеленоватым светом огромных помещениях, где пол из полированного камня устилала пыль рассыпавшихся скелетов.

Конан и раньше путешествовал по Черным Королевствам, если и не в этих джунглях, то почти в столь же дружелюбных. Он не боялся ни зверей, ни людей.

Однако если бы воин Кваньи видел киммерийского странника, он бы рассмеялся, поскольку Конан так же часто оглядывался, чтобы посмотреть, не преследуют ли его какие-нибудь остатки зла из Ксухотла.

У племени Кваньи было табу, запрещающее оставлять покойников на месте их смерти, какого бы труда ни стоило перенести тело. Оставленное там, где дух покинул его, тело может быть снова найдено тем же духом и стать йаквеле, одним из ходячих мертвецов.

Так что как только люди Кваньи становились достаточно взрослыми, чтобы носить тяжести, они учились делать из подручных средств носилки. Молодые деревца, лианы, даже большие листья шли в дело.

Носилки для переноски трупов могли также сойти и для живых, которые не могли ходить. Охотник не успел бы выпить и тыкву пива, как все уже было готово, и он снова двигался. Двое Обезьян несли его, третий шел следом, в то время как предводитель шагал впереди.

Охотник заметил, что предводитель несет свое копье обеими руками, держа поперек груди, готовый ударить им или бросить его. Это была охотничья экспедиция, так что воины не имели с собой щитов, но, похоже, предводитель не ожидал, что их посещение Горы Грома будет абсолютно мирным.

Более того, казалось, он желает, чтобы их присутствие не было замеченным. Дважды предводитель поднимал руку с копьем, чтобы остановить движение. Однажды он воспользовался охотничьим языком жестов, чтобы заставить всех укрыться в кустарнике.

Охотник понятия не имел, от чего они прячутся и почему, хотя во время первой остановки он слышал женские голоса и стук кувшинов в сетках из лиан, перекинутых за спину. Без сомнения, это была группа сестер-пивоварок, несущих кувшины с зерном в пивоварню либо, может быть, возвращающихся с пивом. Но что же заставило предводителя скрываться от них, будто они военный отряд племени Ичирибу?

У охотника не было ответа, по крайней мере такого, который поднял бы настроение. Он даже хотел напомнить

предводителю, что Посвященные богу могут знать, что охотник просил позволения прийти к ним.

Посмеют ли воины противиться желанию Посвященных богу? Или они выполняют желание Посвященных богу, неся его на гору втайне?

Валерия прислонилась к дереву, каких Конан еще не видел. Пупырчатая кора располагалась на нем красными и белыми полосами, а из трещин между ними лезли лишайники и грибы. На вид оно показалось киммерийцу ядовитым, но он напомнил себе, что это может быть просто из-за того, что оно незнакомое.

Он знал кое-что о Черных Королевствах. На самом деле он даже сидел там на троне и назывался почетным именем Лев-Амра. Но это было дальше на юго-восток отсюда, а не в двух днях пути от Ксухотла. Со временем они доберутся до знакомых Конану земель либо до царств, где он известен, но предстоит еще долгий путь.

Пока же киммериец знал меньше, чем ему бы хотелось, об этой земле и ее опасностях. Конечно, никакая опасность в джунглях не может сравниться с тем, с чем он и Валерия столкнулись и что преодолели в Ксухотле. Да и не было у Конана недостатка в знании леса и охотничьим искусстве, в том, что позволит человеку выжить, будь он заброшен голым в необитаемые края.

Но Валерия в этих джунглях была как рыба, вынутая из воды, или, скорее, моряк на суше. Она, несомненно, предпочла бы болтаться на дыбе, чем признаться в этом, но она доверила Конану снова вывести их обоих к морю.

Валерия вздохнула и сбросила сначала один сапог, затем другой. Растирая сбитые ноги, она поискала взглядом ручей. Поблизости его не было, но лужа, оставшаяся от последнего дождя, давала некоторую надежду.

Одна стройная нога уже готова была погрузиться в воду, когда Конан положил руку на плечо Валерии:

— Лучше оставь в покое стоячую воду. Эти волдыри могут воспалиться или привлекут пиявок.

— Это мои волдыри, Конан.

— Твои, но моя спина потащит твой вес, если ты не сможешь идти. Или, может, предпочтешь, чтобы я тебя бросил?

Это была грубая шутка киммерийца. По тому, как рука Валерии метнулась к кинжалу, взятому из Ксухотла, было видно, что шутки она не поняла.

— Спокойно, женщина, я пошутил.

— Шутки твои пахнут не лучше, чем ты весь.

— Себя понюхай, женщина, прежде чем жаловаться на запах другого. Любой из нас, войдя в Золотой якорь в Мессантии, мгновенно распугал бы всех посетителей.

Валерия натянуто улыбнулась и убрала ногу от лужи. Вместо этого она сорвала с низко повисшей ветки пучок листьев и обмакнула их в воду.

— Этого тоже лучше не делать, — сказал Конан. — И слепой, посмотрев на ветку, скажет, что здесь проходили люди.

— И что этот слепой будет делать с этим знанием? — огрызнулась Валерия. По крайней мере, на этот раз она не потянулась к стали.

— Если бы я это знал, то знал бы также, куда нам следует идти, чтобы сбить его или друзей с нашего следа, — ответил киммериец. — Это может нас немного задержать, но...

— Именем Митры, хотела бы, чтобы задержало! — воскликнула Валерия. Она посмотрела на сапоги, будто те нанесли ей смертельное оскорбление. — Любой, увидев, как ты гонишь нас, решил бы, что за нами по следу идет целое племя этих черномазых головорезов и заклинателей.

— Не могу поклясться, что не идет, — ответил Конан, затем спешно добавил, заметив, как сверкнули глаза Валерии: — Но я бы поспорил, что этого нет. Если бы ты не настаивала тогда на том, чтобы отыскать свою одежду, мы выбрали бы из Ксухотла...

— Если бы я «не настаивала тогда на том, чтобы отыскать свою одежду»... Ты же знаешь, во что я тогда была одета.

Киммериец ухмыльнулся:

— Полегче, чем сейчас, клянусь. Конечно...

Валерия закатила голубые глаза к пологу джунглей с видом женщины, у которой не хватает ни слов, ни терпения. Затем она, вздохнув, произнесла:

— Конечно, это совсем не подходило для путешествия сквозь джунгли. — В ее словах определенно была доля правды, ибо одежда состояла из полоски шелка вокруг бедер, и ни лоскутка больше. — А в гардеробах Ксухотла одежда была не многим лучше, — добавила она. — Что еще мы могли сделать?

— Ничего, согласен. Но на это ушло время, которое мы могли бы употребить на то, чтобы подальше отойти от города. Нам еще предстоит это сделать, и чем раньше, тем лучше.

— Это намек на то, что снова надо идти?

— Тебе, Валерия, я смею только намекать. Лишь Крому известно, что бы ты сделала, прикажи я тебе!

Валерия снова закатила глаза и на этот раз еще и высунула язык, но все-таки поднялась на ноги и надела сапоги. Ей не удалось полностью подавить возглас боли, но Конан выразил свой комплимент Валерии тем, что позволил проделать эту операцию до конца самой.

Киммериец прибавил к проклятиям, уже вылитым им на головы жителей Ксухотла, еще одно за их убогую обувь. Лишь сандалии — пригодные для их полированных полов — использовались в течение стольких лет, сколько Конан еще и не прожил. Морские сапоги, которые были на нем и на Валерии, когда они отправлялись в Ксухотл, оказались самым лучшим, что можно было снова взять оттуда.

Но нельзя отрицать того, что сапоги эти не предназначены для быстрых и далеких передвижений. Еще день или два, и киммерийцу придется думать, где взять более подходящую обувь, где найти укрытие, чтобы переждать преследование, либо тропу, по которой Валерия могла бы идти босиком.

Подошвы ног киммерийца были как из дубленой кожи и уже испытали на себе горячие пески пустыни Иранистана, но Валерия из Красного братства чувствовала себя увереннее на палубе. Еще несколько дней пути по этим тропам в такой обуви, и ее действительно придется нести.

Но не только это беспокоило киммерийца. Они не взяли из Ксухотла пищу, опасаясь яда или колдовства. Скоро им придется отыскивать себе пропитание. Трехдневный пост не следует допускать даже киммерийцу, когда впереди тяжелый путь, возможно, битвы.

По крайней мере, он может доверять женщине рядом с ним. Свою храбрость и искусство владения оружием она вполне продемонстрировала, и не только в Ксухотле. То, что она вообще смогла остаться в живых, будучи в течение стольких лет в Красном братстве, доказывает, что она незаурядный воин. У нее может не хватать опыта поведения в лесу, как, скажем, у киммерийца, но этому можно научиться, и опять же то, что Валерия вообще жива, доказывает — когда надо, она учится быстро.

Достаточно ли быстро она научится? Лишь боги знают, но Конан уже давно оставил всякую надежду получить от них своевременные ответы. Острый меч — надежный спутник — и крепкие сапоги стоили всех молитв священников, какие только слышал Конан.

Впереди сквозь полог леса пробился луч солнца, окрасив пятно мертвой листвы цветом старого золота. Конан приставил ладонь ко лбу и взглянул вверх. Насколько он мог судить, полдень миновал недавно.

— О привале позаботимся задолго до сумерек, — сказал он не оборачиваясь. — И еще раньше, если найдем хорошее укрытие с чистой водой. Я поставлю силки, и мы сможем поискать фрукты и ягоды, пока дичь не попадется в ловушку. Ты, я думаю, умеешь вязать узлы?

— Столько времени в море — и не уметь вязать узлы? Конан, у тебя помет чаек там, где у других людей мозги!

Однако он слышал, что за возмущением скрывается облегчение и благодарность: Валерия скорее погибнет, чем признается в том или другом, конечно, так что лучше и не заставлять ее.

А что касается киммерийца, то он скорее погибнет, чем оставит Валерию. Он выхватил Валерию из кошмарных залов Ксухотла, спас ее, не дав престарелой ведьме Тасцеле принести Валерию в жертву. Он не отступит, пока они не просто достигнут берега, но пока не увидят хайборейского судна. Но сейчас между ними и тем счастливым мгновением лежат лишь Кром знает какие опасности.

Лишь Кром знает, а из всех богов, о каких когда-либо слышал Конан, холодный, суровый повелитель киммерийцев менее всех настроен отвечать на вопросы хнычущих людишек.

Теперь носилки с охотником несли все четверо воинов. Они уже высоко поднялись по склону Горы Грома, однако по тропе, не знакомой охотнику. Это мало что доказывало, так как он поднимался так высоко лишь четыре раза за всю жизнь — для ордалий и церемоний, которые требовали присутствия Посвященных богу.

Он предпочел бы все же идти, даже с помощью палки или с листом тыквы, чтобы облегчить боль в щиколотке. Ему было мало дела до пота и ноющих мышц воинов из клана Обезьяны, но он очень не хотел быть беспомощным. Он уже собирался попросить палку и снимающих боль листьев, но один взгляд на суровое лицо предводителя Обезьян остановил его. Этот воин вполне мог бы быть йаквеле, если бы только не струившийся по нему пот.

Охотник также знал, что не сможет много пройти, не рискуя повредить свою щиколотку так, что и Посвященные богу не будут иметь сил помочь. Племени Кваньи не много будет пользы в охотнике, который не сможет больше охотиться. Он станет как ребенок, который еще ни на что не имеет права — даже на пищу, если ее мало. Самое худшее, что могут с ним сделать Посвященные богу либо вождь Обезьян — даже сам Чабано, — было бы и быстрее, и менее болезненно, и более почетно, чем такая судьба.

Охотник откинулся на спину и закрыл глаза. Вскоре он почувствовал щекой нежное холодное прикосновение тумана и услышал крик парящего в мрачном небе горного орла, который обитает выше той черты, где уже не растут деревья.

Конан раскрутил пращу. В высшей точке окружности камень отделился и, перелетев через ручей, попал в дерево, полное обезьян, — галдеж сменился криками ярости и страха. Они бросились врассыпную, роняя за собой листья, ветки и птичьи гнезда.

Одна обезьяна не кричала и не убегала. Получив смертельный удар камнем, она свалилась с ветви, отскочила от другой и плотно застряла в развилке третьей. От земли обезьяну отделяло такое расстояние, что не достали бы и шесть человек выше Конана, если бы встали на плечи друг другу.

Киммериец проклял весь обезьяний род, а также и изобретателя пращи. Но тут он заметил, что Валерия скидывает сапоги.

— Подстрахуй меня, Конан. Сейчас я достану наш обед.

Помня о пиявках, Валерия перескочила через ручей, хотя Конан видел, что она поморщилась от боли. Затем она уже лезла по дереву с обезьяньей ловкостью, карабкаясь способом, какой видел Конан на Черном Берегу, — ноги и корпус под прямым углом по отношению друг к другу, руки охватывают ствол, как любовника, полные ягодицы в воздухе.

Двигалась она уверенно, отыскивая пальцами рук и ног мельчайшие неровности коры. Наклон ствола был как раз достаточен, чтобы ей карабкаться таким образом, и вскоре она добралась до обезьяны. Удар по ветке не дал результатов: ветка была слишком толстой. Валерия поднялась еще, проползла по ветке и столкнула обезьяну.

Обезьяна свалилась в высокую траву. Конан перешел через ручей, пошарил мечом в траве, насадил на него обезьяну и достал ее.

— Чего ты боишься? — крикнула Валерия.

— В этих джунглях могут прятаться змеи. Укус аспиды действует не так быстро, как яблоки Деркеты, но результат будет тот же.

— Ты, киммериец, успокоил, будто жрец бога Сета, готовящий меня к жертвоприношению.

— Не убивай гонца, принесшего дурную весть. Это не я домогался тебя так, что тебе пришлось бежать из Сухмета, а также не я решил, чтобы ты бежала в джунгли.

Там, где Валерия сидела, ей было не вынуть кинжал. Вместо этого она состроила страшную гримасу и стала искать чем бы кинуть. Ничего не найдя, она пожелала киммерийцу, чтобы тот испытал предосудительную страсть к овцам, затем начала спускаться.

Спускалась она осторожнее и согнулась ниже — слишком низко, как она поняла, для ее штанов. Понесся треск, и вот уже ничто не укрывает ее округлый зад от воздуха джунглей.

Она закончила спуск с таким чувством собственного достоинства, на какое только была способна, и спешно прижалась спиной к стволу. Она глядела на Конана так, что было ясно — она не позволит ему даже и улыбнуться. Киммериец с трудом сдержал желание расхохотаться.

— Спасибо, Валерия, — сказал он, когда уже снова мог доверять своему голосу.

— Не за что, я полагаю, — ответила она. — Дерево мало чем отличается от мачты, а по ним я начала лазить, еще когда не стала женщиной. — Она сверкнула глазами: — Или ты думаешь, что я дура, которая может лишь приносить дичь, чтобы этим заработать себе долю?

— Я ничего не сказал.

— Ты, Конан, можешь больше сказать промолчав, чем многие, болтая с утра до ночи. — Она посмотрела на обезьяну. Встретив ответный взгляд мертвых глаз, Валерия отвернулась. — Ты разводи огонь, а я ее разделаю. Не думаю, что она очень отличается от рыбы.

— Отличается, но огня не будет.

— Огня... не будет? — Валерия произнесла эти слова так, будто они были страшным проклятием.

Конан помотал головой:

— Мне нечем выбить искру, нечем зажечь, а если и выбью искру, то еще неизвестно, кто может увидеть огонь или почувствовать дым.

— Есть обезьяну сырой?

— Довольно обычно в этих краях. Обезьяны питаются почти тем же, чем и мы, так что мясо их, обыкновенно, здорово.

— Но... сырой?

— Сырой.

Валерия поперхнулась, но в желудке было пусто, и рвота отпустила. Она прислонилась к дереву и обхватила его рукой.

— Если бы я знала это, Конан, я бы оставила твою проклятую обезьяну коршунам и муравьям!

— Неразумно, Валерия. Поголодай слишком долго, и коршуны и муравьи будут есть тебя.

На этот раз ее все-таки согнуло и стало рвать до тех пор, пока лицо не побледнело. После этого она осталась стоять на коленях, длинные пропитанные потом волосы скрывали лицо. Конан осторожно поднял ее на ноги.

— Давай, Валерия. Присядь где-нибудь, а обезьяной займусь я. Я знаю, какие части в невареном виде вкуснее, и шкуру я сдеру лучше.

— Шкуру? А, чтобы носить.

К облегчению Конана, рассудок ее, кажется, начал проясняться.

— Именно так, если, конечно, не предпочитаешь ходить по джунглям с голой задницей...

Она бросила в него палку.

Охотник знал, что голоса, которые он слышит, принадлежат Посвященным богу. В дальнем уголке сознания, который еще оставался незамутненным, была мысль, что ему следует бояться.

Охотник не боялся, хотя помнил, что испытывал страх, когда воины подносили его к Дому Посвященных богу. Дверь Дома была из бревен железного дерева, обшитых пластинами красного дерева, а на пластинах была изображена пунцовым и сапфировым спиралью Посвященных богу.

Страх тут же исчез, когда дверь открылась и вышли лишь обычные люди, в набедренных повязках и головных украшениях, на которых тоже была изображена спираль. Они подняли носилки и внесли охотника в Дом Посвященных богу, оставив воинов Обезьяны стоять под вечерним дождем.

Затем охотник не только перестал бояться — он готов был расхохотаться... увидев разочарование на лицах воинов. Без сомнения, они мечтали, что их будут приветствовать как героев.

Лишь когда он увидел первого из Посвященных богу, он почувствовал снова страх, но ненадолго. Глаза Посвященного богу были совершенно белые, как у тех, кого поразила глазная гниль и кто обречен быть выгнанным

в лес на съедение зверям, если никто не пожелает дать ему кров и пищу.

Однако Посвященный богу двигался так уверенно, будто мог сосчитать все лапки у муравья в самом темном углу зала, в котором лежал охотник. На Посвященном богу была лишь набедренная повязка, вполне возможно из змеиной кожи, с рисунком из оттенков розового и киновари.

В одной руке он держал посох длиннее его роста, увенчанный золотой спиралью, а в другой руке — сосуд из тыквы. От тыквы исходил едкий запах, кислый, сладкий и острый одновременно.

Не выпуская из рук посоха, Посвященный богу стал на колени рядом с охотником и жестом приказал ему сесть. Охотник повиновался, и тут же к губам его была приставлена тыква. Вкус напитка был столь мерзок, что поначалу он хотел выплюнуть его; когда обнаружил, что проглотил, его стало тошнить; когда питье достигло желудка, охотника чуть не вывернуло наизнанку.

Но затем ему стало казаться, что он пьет не что-то мерзкое и нечистое, а искуснейшим образом приготовленное пиво, сделанное из отборного зерна. Оно тут же ударило в голову, и охотник больше не чувствовал боли, даже в щиколотке.

Это не совсем его успокоило: щиколотка отекала, вокруг образовалась опухоль, а из нее сочилась отвратительная жидкость. Щиколотке следовало болеть, будто ее жгут раскаленным железом.

И все же она не болела, и вскоре он уже ходил, целый и невредимый, по полным кошмаров залам Ксухотла. Он не боялся, ибо с ним был Посвященный богу, и колдовство, заключенное в посохе, защитит от любого зла, живого или мертвого. Находясь там, он рассказывал Посвященному богу обо всем, что видел или подумал, и казалось, Посвященный богу слышит каждое слово и берет его и помещает в свою память, будто зерно в грядку. Через некоторое время они вышли из Ксухотла тем же путем, что и вошли, и углубились в джунгли. Стены злого города растворились в зеленой дымке, и когда дымка рассеялась, охотник понял, что все так же лежит в Доме Посвященных богу.

Но щиколотка не болела по-прежнему.

Она не заболела, даже когда Посвященный богу стал производить над телом охотника сложные манипуляции. Это горячечный бред или же золотая спираль на посохе действительно вращается, будто омут в потоке?

Неважно. Когда Посвященный богу закончил, охотник обнаружил, что может встать и ходить. Он так и сделал и последовал за Посвященным богу туда, куда приказали, — вон из зала и вдоль по длинному коридору, который, казалось, пробит в монолитной скале. Стены были плотно увешаны головами тотемических животных всех кланов Кваньи. Охотник заметил, что там, где стена проступала, она окрашена оттенками, которым ему не хотелось подбирать названия, не говоря уже о том, чтобы произнести их вслух.

Затем они прошли мимо стены, сложенной из глыб, которую скрепляло, казалось, скорее колдовство, чем глина. Дальше находился зал, столь обширный, что охотник едва разглядел потолок, а дальней стены не увидел вообще.

А то, что лежало внизу... Лишь взглянув, охотник тут же отвернулся. Это не был страх перед клубящимся дымом или перед тем, что он может скрывать. Просто он сердцем чувствовал, что для него табу смотреть на этот дым и тем более видеть то, что этот дым скрывает.

Посвященный богу указал на сиденье, вырезанное в скале на самом краю уступа рядом с тем местом, где стоял охотник. Охотник сел, свесив ноги над бездной. Наверху он слышал голоса, и вот охотник остался один, а голос Посвященного богу, приведшего его сюда, присоединился к голосам других Посвященных.

Они пели на незнакомом охотнику языке и били в барабан, не похожий звуком ни на один барабан, слышанный им прежде. Или это не барабан, а звук их жезлов, стучащих об пол? Если те жезлы обиты железом, они могут звучать так, когда ими бьют по монолитной скале...

Стена дыма взметнулась перед ним и зависла, как кобра, готовая ужалить. Действительно, вершина так походила на голову кобры, что охотник чуть не вскрикнул: «Я не член клана Кобры. Я Леопард. Пришлите за моим духом леопарда».

в лес на съедение зверям, если никто не пожелает дать ему кров и пищу.

Однако Посвященный богу двигался так уверенно, будто мог сосчитать все лапки у муравья в самом темном углу зала, в котором лежал охотник. На Посвященном богу была лишь набедренная повязка, вполне возможно из змеиной кожи, с рисунком из оттенков розового и киновари.

В одной руке он держал посох длиннее его роста, увенчанный золотой спиралью, а в другой руке — сосуд из тыквы. От тыквы исходил едкий запах, кислый, сладкий и острый одновременно.

Не выпуская из рук посоха, Посвященный богу стал на колени рядом с охотником и жестом приказал ему сесть. Охотник повиновался, и тут же к губам его была приставлена тыква. Вкус напитка был столь мерзок, что поначалу он хотел выплюнуть его; когда обнаружил, что проглотил, его стало тошнить; когда питье достигло желудка, охотника чуть не вывернуло наизнанку.

Но затем ему стало казаться, что он пьет не что-то мерзкое и нечистое, а искуснейшим образом приготовленное пиво, сделанное из отборного зерна. Оно тут же ударило в голову, и охотник больше не чувствовал боли, даже в щиколотке.

Это не совсем его успокоило: щиколотка отекала, вокруг образовалась опухоль, а из нее сочилась отвратительная жидкость. Щиколотке следовало болеть, будто ее жгут раскаленным железом.

И все же она не болела, и вскоре он уже ходил, целый и невредимый, по полным кошмаров залам Ксухотла. Он не боялся, ибо с ним был Посвященный богу, и колдовство, заключенное в посохе, защитит от любого зла, живого или мертвого. Находясь там, он рассказывал Посвященному богу обо всем, что видел или подумал, и казалось, Посвященный богу слышит каждое слово и берет его и помещает в свою память, будто зерно в грядку. Через некоторое время они вышли из Ксухотла тем же путем, что и вошли, и углубились в джунгли. Стены злого города растворились в зеленой дымке, и когда дымка рассеялась, охотник понял, что все так же лежит в Доме Посвященных богу.

Но щиколотка не болела по-прежнему.

Она не заболела, даже когда Посвященный богу стал производить над телом охотника сложные манипуляции. Это горячечный бред или же золотая спираль на посохе действительно вращается, будто омут в потоке?

Неважно. Когда Посвященный богу закончил, охотник обнаружил, что может встать и ходить. Он так и сделал и последовал за Посвященным богу туда, куда приказали, — вон из зала и вдоль по длинному коридору, который, казалось, пробит в монолитной скале. Стены были плотно увешаны головами тотемических животных всех кланов Кваньи. Охотник заметил, что там, где стена проступала, она окрашена оттенками, которым ему не хотелось подбирать названия, не говоря уже о том, чтобы произнести их вслух.

Затем они прошли мимо стены, сложенной из глыб, которую скрепляло, казалось, скорее колдовство, чем глина. Дальше находился зал, столь обширный, что охотник едва разглядел потолок, а дальней стены не увидел вообще.

А то, что лежало внизу... Лишь взглянув, охотник тут же отвернулся. Это не был страх перед клубящимся дымом или перед тем, что он может скрывать. Просто он сердцем чувствовал, что для него табу смотреть на этот дым и тем более видеть то, что этот дым скрывает.

Посвященный богу указал на сиденье, вырезанное в скале на самом краю уступа рядом с тем местом, где стоял охотник. Охотник сел, свесив ноги над бездной. Наверху он слышал голоса, и вот охотник остался один, а голос Посвященного богу, приведшего его сюда, присоединился к голосам других Посвященных.

Они пели на незнакомом охотнику языке и били в барабан, не похожий звуком ни на один барабан, слышанный им прежде. Или это не барабан, а звук их жезлов, стучащих об пол? Если те жезлы обиты железом, они могут звучать так, когда ими бьют по монолитной скале...

Стена дыма взметнулась перед ним и зависла, как кобра, готовая ужалить. Действительно, вершина так походила на голову кобры, что охотник чуть не вскрикнул: «Я не член клана Кобры. Я Леопард. Пришлите за моим духом леопарда».

Он понял, что не произнес этих слов и что это не поможет, даже если он будет взывать ко всем богам своего народа. Это место, где простые смертные бессильны перед лицом более древних сил, управляемых Посвященными богу.

И охотник не испугался. Не испугался он и тогда, когда дым окутал его и раздался вой могучего ветра, рвущего верхушки деревьев. Охотник почувствовал, что его поднимают и несут нежно, как ребенка, привязанного к груди матери.

Затем дым отступил. Перед охотником было пунцово-сапфировое сияние, клубящееся как дым. Он видел, как сияние поднимается вокруг, лишая его зрения, а также и всех других чувств. Охотник так и не понял, в какое мгновение жизнь была высосана из его тела, так что на каменном сиденье осталась лишь пустая оболочка.

— Что это было? — пробормотал Конан. Он думал, что говорит лишь с собой, но Валерия спала не так крепко.

— Я ничего не слышала, — ответила она. Она перекатилась на другой бок и в десятый раз попыталась найти место, где бы корень куста, под которым они укрылись, не впивался ей в тело.

— Эх, — сказала она. — Корабельные нары — просто пуховая перина по сравнению с этими джунглями.

Конан поднял руку, требуя тишины, и хотя Валерия бросила грозный взгляд, но все-таки повиновалась. Киммериец подождал, пока не убедился — то, что донес до него ночной бриз, не появится снова.

— Может быть, ничего и не было. Но мне показалось, я слышал... да, если бы заклинание или злое колдовство могло издать звук, он был бы как раз таким.

Валерия села, и рубашка соскользнула с ее плеч. Она не обратила внимания, что обнажились ее роскошные груди, и сделала несколько оградительных жестов.

— Ты что, ведун, как мы называем их у себя дома? — спросила она.

Конан видел, что ей не очень нужен ответ. Действительно, он тоже был бы сейчас счастлив, не откройся вдруг у него способность чувствовать колдовство. Это и

само было почти что колдовством, и Конану очень не нравилось, что он обнаружил это у себя.

Конан сражался со столькими волшебниками и колдуньями, что не хватило бы пальцев на руках и ногах пересчитать их. Но всегда, когда у него был достойный выбор, он старался обходить стороной их проклятую породу.

— Никогда им раньше не был, — ответил Конан. — И предпочел бы им не быть. Вполне возможно, это ветер сыграл шутку. Я так давно не был в этих краях, что, может быть, позабыл что-нибудь.

По лицу Валерии было видно: она сомневается, что слышит правду; но голубые глаза киммерийца были спокойны, и он улыбался. Мгновение спустя аквилонка улыбнулась в ответ, повернулась спиной и легла. Вместо груди можно было лицезреть прекрасной формы ягодницы, но Конан не смотрел на них. Он сидел скрестив ноги, положив перед собой меч, и ждал так же терпеливо, как тогда, когда следил в течение трех дней за сокровищами в Замбуле, чтобы разузнать повадки стражников. Ждал, потому что знал о джунглях больше, чем признался в этом Валерии. Ничто в природе не могло издать такой звук, а то, чего нет в природе, довольно часто оказывается опасным.

Через некоторое время дыхание Валерии сделалось ровным, и она крепко заснула. Дыхание Конана также замедлилось, так что он мог показаться железной статуей в ночных джунглях. Лишь непрерывное движение глаз выдавало в нем жизнь.

Кто бы ни выслеживал их, Конан ничем не поможет своему врагу обнаружить себя и Валерию; врага ждет лишь острая сталь.

Глава 2

Сейганко, сын Байу, не был ни самым быстрым, ни самым сильным, ни самым высоким из воинов Ичирибу. Он был лучшим пловцом, что оказалось весьма полезным в борьбе его народа против Кваньи.

Он также был сообразительным воином, несмотря на молодость лет. Он думал, прежде чем использовать свою

скорость, силу или рост. Таким образом, Сейганко искуснее использовал их, чем его более щедро одаренные товарищи.

Это служило источником зависти, а однажды даже стало причиной дуэли насмерть, из которой он вышел не только победителем, но и без единой раны. Но в еще большей степени это послужило источником уважения, которое он снискал себе со дней посвящения в мужчины до того дня, как Добанпу Говорящий с духами прочитал приметы и заявил, что Сейганко достоин того, чтобы за ним следовали в бою.

С того дня Сейганко командовал. Он всегда командовал на войне, когда призывали всех мужчин Ичирибу. Он также довольно часто командовал во время набегов и стычек, когда обычай или табу не требовали, чтобы командовал кто-либо другой.

Не все бои были для Сейганко столь же безобидными, как та дуэль. Да и не могло быть иначе в борьбе против такого врага, как Кваньи. Их Верховный Вождь Чабано сделал бы своих воинов грозными и без помощи Посвященных богу, благодаря лишь своему искусству владения копьем и мечом. С их помощью вождь мог бы очистить берега и острова Озера смерти от всех других племен и затем направить свое завоевание вниз по реке.

Сейганко повезло, что Посвященные богу и Чабано редко могли долго действовать сообща, а часто едва ли разговаривали друг с другом. В любое время для Ичирибу было важно знать о планах Чабано и о том, в каких он отношениях с Посвященными богу.

Вот почему Сейганко подошел к западному берегу Озера смерти в ту ночь, когда Конан сидел, охраняя под кустом Валерию.

Он и еще четыре воина тихо, как привидения, гребли на каноэ. Они продвигали каноэ сильными, уверенными гребками, так умело вынимая весла, что ни один всплеск не выдавал их присутствия. Облака заволакивали луну, и в это время года рыба-лампа, чей свет, если ее потревожить, часто выдавал гребцов, здесь не водилась.

В сотне шагов от берега все пятеро гребцов как один вынули весла из воды. Каноэ по инерции проскользило еще пятьдесят шагов. Наконец нос его уткнулся в

тростник, который местами рос так густо, что по нему вполне мог ходить ребенок.

Сейганко и его товарищи перелезли через борт лодки, производя столь же мало шума, как и на воде. Держась за борта, они беззвучно работали ногами, пока не нащупали илистое дно.

Каждый воин имел на себе лишь головное украшение и набедренную повязку из змеиной кожи, а из оружия — дубинку или трезубец, нож из обсидиановых пластин, вставленных в дерево, и сеть. Каждый был обильно смазан зловонным рыбьим жиром. От его вони всех, кроме Ичирибу, рвало. Жир скрывал запах живой плоти от рыбок, прозванных кастратками, которыми кишели воды вдоль берегов Озера смерти.

— Помните, — прошептал Сейганко, — нам не нужны пленницы. Если женщины побегут, не преследуйте их.

— А если останутся? — спросил один из воинов, осклаившись так, что это было заметно даже в темноте.

— Помните, что мужчина, берущий женщину, поворачивается к остальным спиной, — сказал Сейганко.

— Эй... — начал самый крупный из воинов. — Тебе не надо думать, где раздобыть следующую женщину, Сейганко. Теперь, когда...

— Попридержи язык, Аондо, — оборвал его третий воин, — или если Сейганко не вызовет тебя на дуэль, то вызову я. Ты ревнив так же, как и глуп.

Сейганко ничего не мог добавить к этим мудрым словам, хотя и знал, что его помолвка с дочерью шамана Эмвайей действительно возбудила много ревности. Эмвайя была самой красивой женщиной Ичирибу и заслуживала самого лучшего воина, но не все мужчины понимали это так же ясно, как она. Молодой вождь поклялся, что будет остерегаться удара в спину, пока огромный Аондо рядом. Он отполз влево к выбранному им укрытию. Остальные воины поползли следом, еле слышно шурша травой, так что движение их можно было проследить лишь по тихому жужжанию беспокоенных насекомых.

Не успела еще примятая трава подняться, как на тропе послышались голоса. Как часто и бывает, голоса принадлежали и женщинам, и мужчинам-воинам, охраняющим группу женщин, доставляющих пищу и прочие

удовольствия воинам в лагере, там, где река Гао вытекает из Озера смерти.

Кваньи держали своих воинов также и на юге, охраняя пастбища и поля со злаками на другой стороне озера. Чабано с удовольствием держал бы там намного больше силы, чтобы совершать через перевал набеги на речную долину по другую сторону гор. То, что Ичирибу со своими каноэ имели власть над озером, мешало Чабано и лишь распаляло его ненависть к ним.

Вот кто-то из идущих по тропе Кваньи, более умный, чем его товарищи, призвал к тишине. Но призвал голосом столь же громким, как голоса остальных. Острый слух Сейганко позволил ему определить расстояние до говорившего, будто он протянул лиану. Если враг пройдет еще двадцать шагов — он обречен, как собака в зубах леопарда.

Кваньи прошли это расстояние, и Сейганко дал им пройти еще двадцать шагов и лишь тогда приложил к губам костяной свисток и свистнул. Если женщины сумеют убежать по тропе, неважно в каком направлении, это меньше будет отвлекать таких воинов, как Аондо.

Пронзительный звук свистка заставил на мгновение затихнуть и воинов врага, и зверей в джунглях. И в это мгновение все пятеро воинов Ичирибу выскочили из укрытия и набросились на противника.

Сейганко едва успел убедиться, что никто из его товарищей не задержался, как оказался перед лицом двух воинов. У обоих были тяжелые кожаные щиты и по три копья, которые Чабано выдавал каждому Кваньи. На открытой местности при дневном свете они могли бы устоять против воинов Ичирибу, и даже сейчас такого врага нельзя недооценивать. У Сейганко не было привычки недооценивать любого врага, поэтому-то он и жив до сих пор, в то время как его враги большей частью мертвы.

Он сделал обманное движение дубинкой, заставив одного противника поднять щит, накрыл сетью щит другого и резко дернул. Грузики с шипами по краям сети впились в тело воина и в кожу щита. Противник взвыл и неловко шагнул вперед, опустив щит так, что он перестал быть защитой.

На этот раз Сейганко ударил дубинкой по-настоящему. Удар расколол деревянное головное украшение и

череп под ним. Тут же Сейганко развернулся, отвел ногой книзу копьё, которым бил его другой воин, и сократил расстояние так, что плотно прижался грудью к щиту нападавшего.

Воин оказался крепким: он с силой толкнул Сейганко, отбросив его назад. Сейганко сделал вид, что потерял равновесие, и упал на спину. Противник ринулся вперед, занеся в воздухе второе копьё.

Копьё вонзилось лишь в траву. Сейганко откатился в сторону и, перекатываясь, выбросил обе ноги. Противник споткнулся, бросил копьё, стараясь сохранить равновесие, и не заметил дубинки Сейганко. Описав внизу коварную дугу, дубинка прошла под щитом и раздробила ему колено.

Противник снова качнулся, но на этот раз не смог сохранить равновесие. Его щит уже не мешал Сейганко, и в следующее мгновение он упал, так как рука, державшая его, была перебита еще одним ударом дубинки.

Поскольку поблизости не было врагов, Сейганко мог уделить внимание своим товарищам. Трудно было различить их среди массы орущих и убегающих женщин и носильщиков Кваньи. Большинство из них, как он и предполагал, бежали прочь от берега. И сейчас вслед за ними направлялись и воины Кваньи.

Сейганко призвал духов предков, чтобы те прокляли этих трусов Кваньи. Но трусы ли они? Не могут ли они подчиняться приказам Чабано, который вполне мог догадаться, что цель таких набегов — захват пленных?

Сейганко добавил и Чабано к тем, кого проклинал. Этот вражеский вождь так хитер, что опасен даже тогда, когда его секреты раскрываются. Если он смог научить воинов предпочитать бегство плену, он вполне может сохранить много тайн, и каждая из них означает гибель Ичирибу.

Звук, похожий на любовный крик леопардов, возвратил внимание Сейганко к тропе. На расстоянии длины копья Аондо припер к стволу дерева женщину. Он уже сорвал с нее набедренную повязку и сейчас запихивал ее женщине в рот. И именно так, как не следовало делать, он повернулся спиной ко всему остальному, кроме женщины. Один воин Кваньи, лежа на окровавленной траве, перекатился, схватил копьё и ударил.

Удар оказался не смертельным, потому что в последнее мгновение Сейганко несильно щелкнул воина дубинкой. Наконечник копья погрузился в зад Аондо всего лишь на толщину большого пальца. Аондо с криком подскочил больше от неожиданности, чем от боли, зажав рану рукой.

Одной рукой женщину было не удержать. Даже и не вспомнив о своей одежде, она исчезла в ночи. Аондо бросился вдогонку, налетел на щит воина Кваньи, который от неожиданности даже не поднял копья, и вступил в рукопашную схватку.

Сейганко подхватил упавшее копье, единственное оружие, которым можно было успеть достать до места, где дрались эти двое. Оружие это было мало приспособлено для метания, для этого больше подошел бы рыболовный трезубец. Но рука Сейганко была сильна и глаз верен. Ему и не нужно было поражать насмерть.

Копье прошло сквозь бедро Кваньи с такой силой, что наконечник показался с другой стороны. Воин взвыл, будто ужаленный огненными муравьями, и оттолкнул от себя Аондо. Сейганко подскочил к противнику, схватился одной рукой за древко и взмахнул дубинкой. Воин повалился, Сейганко выдернул копье, а Аондо оправился настолько, чтобы начать перевязывать рану пленника потерянной набедренной повязкой.

Имея двух пленников, которые не умрут до того, как с ними будет говорить Добанпу, набег можно считать удачным. Сейганко снова свистнул и, увидев, что все члены отряда откликнулись, обещал духам щедрую жертву.

Они не только откликнулись, но и быстро явились, ведя еще двоих пленных, одним из которых была женщина, шедшая не без желания. Она была почти девочкой, рубцы женской татуировки на руках и шее едва зажили. На женщине ничего не было, кроме этой татуировки и пера, вплетенного в волосы за ухом.

Аондо уже залез в воду — подогнать каноэ поближе, чтобы легче было грузить лежавших без сознания пленных. Казалось, он желает быть как можно дальше от Сейганко.

Каноэ заметно погрузилось в воду, когда уложили последнего пленного. Сейганко оглядел судно, стараясь

не показать сомнения. Он поклялся, что в следующий раз, когда будет руководить набегом, на озере их будет ждать второе каноэ, чтобы при необходимости оказать помощь и вывезти пленных. А то...

— Ты нам не нужна, — сказал он девушке. — Возьми одежду у любого из убитых и возвращайся к своему народу.

Лицо девушки исказили ужас и ярость, и только сейчас Сейганко смог ясно разглядеть татуировку: таких он не видел на женщинах Кваньи.

— Ты не из племени Кваньи? — спросил он.

Девушка, казалось, ничего не поняла, кроме последнего слова, но, услышав его, она сделала жест, понятный любому: если у всех Кваньи леопарды выедят сердца, а мужские члены у всех воинов отгрызут шакалы, она будет лишь радоваться.

Сейганко решил, что девушку все-таки можно взять с собой. Он не позволит себе мучиться оттого, что оставил девушку на растерзание Кваньи.

Кроме того, она была симпатичнее, чем многие, хотя и не может сравниться с Эмвайей. Эмвайе не понравится, если он оставит девушку при себе, но дочь Говорящего с духами упоминала, что ей нужна новая служанка. Девушка вполне подойдет для этого, а со временем ее можно будет снабдить приданым и выдать замуж за воина, который не может уплатить за невесту.

Он указал рукой на каноэ. Девушка посмотрела на воду, без сомнения страшась того, что там может скрываться. Затем оглянулась и посмотрела на землю, и лицо ее выразило еще больший страх от того, что может ее ждать там. Она вошла в воду и залезла в каноэ с таким рвением, что чуть не опрокинула судно.

Каноэ, однако, не перевернулось. Оно даже осталось на плаву и после того, как на борт забрался Сейганко с осторожностью, с какой женщины сшивают кору для головного украшения. За тишиной следить теперь не было необходимости, так что весла тут же заработали, и груженная лодка скоро была далеко от берега.

Теперь воины начали болтать от облегчения и радости. Все, кроме Аондо. Он сидел посредине, орудуя веслом не хуже остальных, но разговаривая не

больше пленников, лежащих без сознания в воде на дне лодки.

Это встревожило Сейганко, и, чтобы скрыть беспокойство, он давал своим товарищам лишь краткие ответы. Только когда они прошли больше половины пути назад к острову, он смог заставить себя принять участие в обмене шутками. И даже тогда он делал это больше из благоразумия: промолчи он слишком долго, и его воины подумают, что он недоволен их работой этой ночью. Они могут начать чувствовать стыд и обиду, и у них будет меньше желания следовать за ним. Оставь верных воинов без награды слишком долго, и их больше не будет. Тогда такие, как Аондо, подберут подходящий момент и ударят в спину — чести у них не хватит, чтобы бросить вызов открыто.

— Эй, — сказал Сейганко. — Я никогда не видел, чтобы женщины так разбегались. Как вы думаете, может, они разбежались, увидев Аондо?

— Если это так, то в следующий раз я пойду без набедренной повязки. Тогда они побегут ко мне, а не от меня, — ответил Вобеку Быстрый. Он похлопал девушку по плечу и не заметил, кажется, как она напряглась от его прикосновения.

Сейганко надеялся, что время, проведенное девушкой среди Кваньи, не сделало ее сумасшедшей. Эмвайе хватает забот, когда она ухаживает за своим отцом, после того как он произведет свою магическую операцию над пленниками. Она не поблагодарит обрученного с ней за то, что тот подбросит к дверям ее хижины девушку, как ненужного щенка, — а когда Эмвайя была недовольна, Сейганко и половина племени чувствовали это!

Валерия пробудилась от приятного сна, ей снилось, что она снова в море на борту судна. Ей мешало прикосновение могучей руки киммерийца. Она хотела стряхнуть его руку со своего плеча, заснуть и снова отыскать тот сон.

Вместо этого она оттолкнула от себя воспоминание о солнечных бликах на воде и соленом бризе и села. Увидев, что Конан старается не смотреть на нее, Валерия поняла — она все еще не одета.

Проведя рукой по волосам, она убедилась, что гребень был бы бесполезен, даже если бы он у нее имелся. Крепкий нож или даже небольшой топор — вот что нужно, чтобы привести волосы в порядок.

— Все нормально, Валерия?

— Проснулась и готова к вахте, Конан. Разве этого недостаточно?

— Если ты сомневаешься...

— Я не сомневаюсь в своей способности нести караул. У меня есть сомнения относительно причин, по которым ты хочешь, чтобы я была сонная и беззащитная.

Даже в темноте ей было видно, как трясутся массивные плечи Конана, который еле сдерживает смех. Она поняла, что дала волю своему язвительному языку без всякого основания... и это в ответ на вопрос, заданный из добрых побуждений.

Но были ли побуждения добрыми? Валерия заняла столь высокое положение в рядах Красного братства не без знания, что представляют собой интриги между мужчинами и женщинами, даже когда наградой является просто удовольствие в постели. Когда наградой могло стать столько золота, что на него можно было купить корабль или пятьдесят женщин, такие интриги скоро становились кровавыми, и те, кто учился этому недостаточно быстро, находили смерть — и очень часто какую угодно, только не быструю.

Одно она знала точно, что мужчина, предложивший женщине выполнить за нее работу, может пожелать плату за свою услугу. Такую плату киммерийцу она давать не собиралась.

Если только он не такой, как остальные мужчины. Она действительно не встречала никого, похожего на него, — так далеко от родины, и все же готовый встретить любую опасность, будто он всюду как дома. Что, вероятно, недалеко от истины, если хотя бы половина того, что он рассказывает, правда.

Нет. В таком деле киммериец будет как и остальные мужчины. Если только он не евнух, а Валерия была уверена, что нет. Ведьма Тасцела дала это понять достаточно ясно: она бы никогда не преследовала евнуха так, как преследовала Конана.

Валерия встала, что еще больше повредило ее штанам. Она оглядела себя с отвращением, затем сморщила нос от запаха обезьяньей шкуры.

— Как скоро ее можно будет носить?

— Здесь жарко и сыро, так что подсыхает она медленно. Возможно, нам придется взять ее с собой и допустить в дороге. Если только мы не найдем соли...

Валерия плюнула, не попав, однако, в растянутую кольпашками шкуру. Затем сняла штаны и рубашку и мгновение стояла обнаженной, пока превращала рубашку в набедренную повязку.

— Вот, — сказала она. — Если почти все время будем в лесу, то деревья защитят мою кожу.

Она не могла не заметить восхищения во взгляде и в голосе Конана.

— Кроме солнца, есть еще и насекомые, Валерия.

— А как же куст каликантуса? Мне казалось, ты говорил, что его ягоды отгоняют и мошек, и червей.

— Если ими натереть кожу, то да. Но некоторые покрываются волдырями.

— Лучше волдыри, чем всей быть искусанной насекомыми, — ответила она.

Конан пожал плечами:

— Тебе выбирать, женщина. По мне, так можешь помазать себя любой вонью. Только лучше сделай это поскорее. Я бы хотел еще немного поспать.

Валерии было жалко, что Конан абсолютно не собирается ее обнять. Она вспомнила мгновения их окончательной победы в Ксухотле, когда объятие его могучих рук было не только вполне уместным, но и приятным.

Если и придет снова такое время, то определенно не сегодня ночью. Она начала рвать ягоды, раздавливая их и втирая сок в кожу, не исключая и тех участков тела, которые будут защищены, как она надеялась, рубашкой, превращенной в набедренную повязку.

Соприкоснувшись с воздухом, сок ягод каликантуса вонял, как навозная куча. Однако он наверняка не подпустит ни насекомых, ни червей. Сок обжег, будто укусы пчел, волдыри на ногах, но затем, напротив, успокоил боль.

Когда она оделась, как только смогла, и села, Конан уже лежал под кустом. Киммериец едва там помещался, ноги его торчали наружу.

Крик, похожий на то, будто несчастного приносят в жертву, заставил Валерию вскочить на ноги. Она чуть не рассталась с набедренной повязкой. Женщина не обратила на это внимания и вынула меч.

Крик раздался снова, на этот раз его сопровождало тихое бормотание и писк. Какая-нибудь ночная тварь нашла себе добычу либо пару? Ни то ни другое не представляет для Валерии опасности... она уже раньше видела, как киммериец мгновенно просыпается и в следующий момент уже готов к бою. Даже сейчас рука его лежала на рукояти меча, хотя он вложил меч в ножны, чтобы защитить его от сырого воздуха джунглей.

Она поглядела некоторое время на массивную руку, пока мечты о солнце и корабле в море не уступили образу покрытой шелком постели в благоухающей спальне: уже приготовлено вино... только руки ее и Конана заняты более приятным делом.

Желудок ее свело, и она испугалась, что обезьянье мясо все-таки собирается отомстить. Затем головокружение прошло, и вернулась ее прежняя гордость.

Ведь она Валерия из Красного братства, она ела еду и похуже, чем мясо обезьяны, и не блевала. Она не позволит, чтобы эти жалкие джунгли одолели ее, тем более когда рядом этот проклятый киммериец, который может над ней смеяться!

Добанпу Говорящий с духами имел в своем распоряжении помещение, которого хватило бы для полудюжины семей Ичирибу. Мало кто из членов племени завидовал этому, несмотря на то что свободной земли на острове становилось все меньше.

Никто не трудился, чтобы построить дом Добанпу: это была пещера, глубоко уходящая в гору на южной стороне острова. Никто не сомневался, что ему для работы с духами — и другими существами, если и упоминаемыми, то лишь шепотом, — нужно было больше места, чем корзинщику или изготовителю трезубцев. Никто также

не хотел ни посмотреть на то, что делает Добанпу, ни послушать это.

Не хотел и Сейганко, несмотря на долгий путь, который уже уставшие люди должны были проделать к южному концу острова, чтобы доставить пленников. И хорошо, что мало кто знал, сколь многому он уже научился у Добанпу.

Среди народа уже поговаривали, что такой женщине, как Эмвайя, не следует обучаться Разговору с духами, что это, говорили люди, мужское занятие. А если она обучается, то ей не следует еще и выходить замуж за военного вождя, так как она может передать ему свое знание, как и любая женщина, которая спит с мужчиной.

Что скажут эти болтуны, если узнают, что Сейганко обучается у самого Добанпу? Воин понимал, что тогда еще труднее будет избегать дуэлей насмерть или яда, подсыпанного в кашу.

Сейганко сидел в пещере с Добанпу и Эмвайей. На всех троих были головные украшения из перьев и крокодильих зубов и амулеты из огненных камней. Огненные камни пульсировали, как бьющиеся сердца, накапливая силу, в то время как Добанпу и Эмвайя пением загоняли в них духов.

Все трое не были ничем покрыты, кроме слоя ароматного масла. По мнению Сейганко, такая «одежда» больше всего шла Эмвайе. В ее возрасте она могла бы родить по крайней мере двух детей и, без сомнения, родит много прекрасных сыновей, когда она и воин Сейганко наконец поженятся. Сейчас, однако, талия ее оставалась гибкой, грудь высокой, а длинные ноги с хорошо развитыми мышцами имели силу, чтобы обвиться вокруг мужчины...

Сейганко подумал: «Время ли сейчас для этого?»

В этой мысли было скорее лукавство, чем гнев. Даже если бы Сейганко и не видел улыбки на лице Эмвайи, он бы догадался, от кого пришла эта мысль.

Он ответил так, как уже умел, — не шевеля губами, лишь улыбнувшись: «Уже прошло много времени».

«Сохраняйте достоинство перед духами!»

Никто не мог сомневаться в источнике этой мысли, хотя лицо Добанпу имело выражение резной маски. Двое влюбленных тут же выпрямили спины, сделали серьезные

лица и стали слушать пение Добанпу, которое становилось все громче.

Пение уже отдавалось эхом в темных уголках пещеры, далеко, там, куда не достигает свет лампы, когда Добанпу дал знак своей дочери, щелкнув пальцами. Гибкая как лань, она быстро подбежала к нише за спиной отца и принесла корзину с глиняными горшочками. Корзина была сплетена из тростника, пропитанного соком каликантуса, чтобы запах его отгонял насекомых от трав, сушеных плодов и масел в горшочках. Сейганко не сомневался в действии сока, он и сам чуть не сбежал от костра.

Ему пришлось призвать на помощь храбрость воина, чтобы сидеть скрестив ноги и смотреть, как Эмвайя вынимает горшочки, в том числе и один пустой. Смешав щепотки трав, плодов и несколько капель масла, она приготовила зелье и передала его отцу. Он обмакнул палец и облизал его, в точности как сестра-пивоварка, пробуя свое пиво. Эмвайя улыбнулась, и на этот раз, не сбивая ритма песни, Добанпу улыбнулся в ответ.

Для остальных членов племени Ичирibu Добанпу был фигурой, внушающей благоговейный страх, даже ужас. Но дочь знала своего отца слишком хорошо, чтобы так бояться, — и он знал об этом. Это было одной из многих причин, почему Сейганко благодарил судьбу за то, что она назначила ему и Эмвайе соединиться. Ему необходимо не испытывать страха перед отцом жены.

Вот Добанпу встал и широко развел руки, затем высоко поднял их над головой. Из горшка начал течь дым, зловонный и полный пляшущих кошмарных образов, едва различимых для Сейганко. Эмвайя подняла горшочек, и воин чуть не вскрикнул, когда эти образы, казалось, окружили ее, словно колючие кусты, огораживающие загон для скота. На какое-то мгновение она вообще пропала из виду, и Сейганко показалось, что даже лицо ее отца напряглось.

Сейганко повторял про себя, что самые зловещие духи не имеют видимой формы, что это лишь мелкие духи лесов и вод, которых вызвал Добанпу, чтобы достичь сознания пленных. Он знал, что даже сможет поверить в это, но только после того, как увидит Эмвайю целой и невредимой.

В следующее мгновение она вырвалась из дыма и опустилась на колени рядом с отцом. Грудь ее начала вздыматься от учатившегося дыхания, когда она схватилась за плечо Добанпу, чтобы присоединить всю свою силу к силе отца. Образы покинули дым, теперь они плясали в воздухе над расprostертым на черном камне пленным Кваньи.

Этот пленный был слишком близок к смерти, чтобы говорить, но другой захваченный воин, не так тяжело раненный, уже сказал, что служит Посвященным богу и что те узнали нечто повергшее в страх даже их слуг.

Многое из этого он рассказал не совсем добровольно, но у Ичирибу были мужчины и женщины, умеющие убедить человека. Силы Добанпу и его дочери можно поберечь и для более важных обстоятельств.

В пещере раздался гром. Дым смело порывом ветра. До этого дым, окутывавший Сейганко, был таким густым, что воин едва сдерживал порыв схватиться за него. Сейганко задержал дыхание, чтобы не побеспокоить духов кашлем, и у него свело грудь.

Дым исчез до того, как Сейганко должен был снова сделать вдох. Исчезли и образы. Воин видел, как они заползают в пленного Кваньи. Затем Сейганко плотно сцепил руки, чтобы не сделать охранительный жест, когда умирающий пленник сел и начал говорить.

Так как своим голосом он уже не мог пользоваться, говорил он на языке духов, который Сейганко еще не понимал. Что бы духи там ни говорили, но лицо Добанпу исказилось от ужаса, несмотря на все его усилия сохранить самообладание. Глаза Эмвайи широко раскрылись, и рука, лежавшая на плече отца, сжалась так сильно, что ногти впились в кожу Добанпу и пальцы побелели.

Снова раздался гром, на этот раз отдаленным раскатом. Сейганко поднял глаза к потолку пещеры, так как не мог больше смотреть на пленника. Он видел, как сверху упала капля воды и подняла столбик пыли на полу пещеры. Последовала другая капля, затем еще несколько, затем целый поток.

К этому грому духи не имели отношения. Сейчас не сезон дождей, но редко проходило более двух или трех ночей на Озере смерти без того, чтобы не шел дождь.

Сейганко подавил порыв вскочить и встать под поток, льющийся сквозь дымовое отверстие.

А вполне бы мог. Работа Добанпу еще не была закончена. Действительно, Сейганко мог бы выследить и убить дикую свинью за то время, пока Говорящий с духами не закончит с пленником.

Воин понял, однако, что конец наступил. Пленник медленно повернулся к Добанпу, сделал один нетвердый шаг вперед, затем два более уверенных шага и бросился на Добанпу, как леопард на жертву.

Он не закончил прыжка. Добанпу стоял как столб хижины, но Эмвайя бросилась к отцу. Она двигалась так быстро, что Сейганко едва успел подняться на ноги, как она и умирающий пленник, движимый местью, сцепились.

Это была короткая схватка, несмотря на то что в жизни воин Кваньи в полтора раза превосходил Эмвайю размерами и силой. Боли он не чувствовал, но его можно было сбить на землю. Эмвайя повалила его и захватила руку. Он протянул другую, стараясь уцепиться за волосы, но встретил лишь головное украшение.

Он все еще шарил рукой, когда Сейганко опустил свою дубинку на его разбитую голову. Остатки данной духами жизни улетучились, а за ними и духи. Гром снова прогремел, когда они выпрыгнули из тела и умчались сквозь дымовое отверстие, не обращая внимания на дождь.

Сейганко разглядел нечто, что вполне могло быть птицей с четырьмя крыльями и головой змеи или чем-либо еще более сверхъестественным. Затем он увидел, как Эмвайя обернулась, глаза ее расширились, и она едва успела подхватить своего отца, который падал и на вид был столь же безжизненным, как и Кваньи.

Они положили Добанпу на тростниковый матрас, приподнятая часть пола не давала прибывающей дождевой воде замочить его. Эмвайя накрыла отца сплетенным из коры одеялом и знаком дала Сейганко понять, что он должен их оставить.

Сейганко очень хотелось спросить почему, но ответ он тут же нашел сам. В воина Кваньи было вложено не обычное колдовство. Теперь же лишь искусство, каким Сейганко еще не владел, могло исцелить Добанпу и сохранить его знание для народа. Обязанностью же Сейганко было

находиться с воинами, руководить ими, если будет необходимость, или, по крайней мере, держать их в спокойствии, пока Добанпу снова не заговорит.

Сейганко направился к выходу, но затем обернулся, чтобы убедиться, что воин Кваньи мертв, либо перевязать его, если жизнь еще осталась в нем, но тут же начал бороться с желанием сделать охранительный жест или даже бежать без оглядки на свежий воздух.

Воина Кваньи нигде не было. Остался лишь отпечаток его тела в мокрой пыли. Никакие следы не говорили о том, что он ушел, будто он и сам превратился в пыль.

Сейганко посмотрел на Эмвайю, но та, оторвав взгляд от отца, пожала плечами. «Когда узнаю, скажу», — заключалось в этом жесте. «Приду, когда буду нужен», — ответил Сейганко.

Ему показалось, что она улыбнулась, когда он уходил из пещеры. Он предпочел бы остаться. Оставить Эмвайю наедине с тем, что унесло тело Кваньи, было тяжелее, чем оставить ее перед голодным леопардом.

Сейганко понимал, что воину, ухаживающему за дочерью Говорящего с духами, следует больше, чем другим, научиться искусству сохранять мир со своей женщиной.

Конан проснулся оттого, что острый корень впился в ребро. Он решил, что, вероятно, перекатился во сне.

Но когда сон развеялся полностью, он понял, что корень теплый и не такой острый, как ему показалось. Он повернулся и посмотрел на сильную красивую щиколотку рядом с ним, на стройную ногу, на округлые бедра под рубашкой, служащей набедренной повязкой, — словом, на Валерию.

Она перестала пинать его босой ногой и, казалось, собиралась улыбнуться. Затем пожала плечами:

— Если ты думаешь, что я разбудила тебя для того, чтобы...

Конана подмывало дернуть за щиколотку и посмотреть, переживет ли набедренная повязка падение на землю. Он оставил это желание: Валерия надела поверх одежды пояс с мечом и кинжалами и была готова, как всегда, ответить на грубую шутку сталью.

Сейчас и еще несколько дней Конану больше нужен надежный товарищ за спиной, чем женщина на руках.

— Ты разбудила меня, потому что уже рассвет и время отправляться в путь. Правильно?

Движение головы вполне могло быть кивком.

— Какие-нибудь посетители?

— Никаких, с которыми я не могла бы разделаться и сама, киммериец.

— А, значит, ты не убила семерых воинов. Ты просто истощила их силы своей женской...

Нога с силой пнула в ребра, и Конан уже был готов откатиться от удара меча. Но вот рука выпустила рукоять, губы дернулись — Валерия усмехнулась и расхохоталась. Она села и стала вычесывать из волос листья и обломки мелких веток.

— Я убивала людей и за более мелкие шутки, Конан. Помни об этом.

— О, обещаю. Но если ты убиваешь людей и за более мелкие шутки, то почему бы не умереть за телянку так же, как и за быка?

Она построила ему рожу и стала дальше расчесывать волосы. Еще через несколько мгновений она сделала все, что только возможно, не имея гребня и не срезая волосы под корень.

— Как ты и сказал, нам лучше отправиться в путь. — Она облила губы: — Однако я бы не отказалась от глотка воды...

— Мы остановимся у первого же чистого ручья и вдоволь напьемся. Если найдем тыквы, их можно вычистить изнутри и наполнить водой. А сейчас нам лучше убраться отсюда.

— Думаешь, нас преследуют?

— Точно не знаю, но зачем превращать себя в легкую добычу? Джунгли во многом похожи на море — живет дольше тот, кто никогда не находится там, где враги ждут его.

— Такой опытный в военных делах, киммериец?

Конан уже готов был дать грубый ответ, когда вдруг понял, что в голосе Валерии меньше издевки, чем обычно. Он посмотрел на нее, а она покраснела до самых

грудей и начала бормотать проклятия в адрес изнеженных недоумков из Ксухотла, которые держали у себя обилие украшений и драгоценностей, но не имели ни одной порядочной фляги для воды!

Глава 3

— Ге-ква!

Сейганко выкрикнул ритуальное слово Ичирибу, означающее смерть, и кинул трезубец. Трезубец рассек утренний воздух, а затем вонзился в сине-зеленые воды Озера смерти.

Веревка, сплетенная из лиан и прикрепляющая оружие к поясу Сейганко, разматалась на два человеческих роста, и трезубец вонзился в рыбу-льва прямо под каноэ, после чего на поверхности, покрытой рябью, появилась кровь и пузыри.

Рыба-лев поднялась из воды, длинная и толстая, как каноэ, с челюстями, которые могли проглотить ребенка. Поток крови и жидкости цвета старого золота бил из раны, в которой торчал трезубец.

Массивные челюсти по-прежнему лязгали, и зубы, длиной с палец, издавали звук, подобный удару копы о деревянный щит. Жаберные крышки — похожие на львиную гриву, что и дало рыбе ее название, — хлопали.

Сейганко подождал, пока в рыбе не пробудится инстинкт нападать на первый попавшийся предмет. Этим предметом оказалось каноэ, и длинные зубы вонзились в твердое дерево долбленки. Они так глубоко вошли, что воин понял — каноэ придется латать после сегодняшней рыбалки.

Яростно бьющаяся рыба дергала за веревку, и рукоять трезубца моталась вокруг. Сейганко, не думая о возможных ушибах, взял дубинку, перехватил обеими руками и с силой ударил между двух чешуйчатых пластин над левым глазом рыбы.

— Ге-ква!

Слово оказалось правдой. Удар в самую уязвимую точку означал для рыбы-льва смерть. Дрожь пробежала по ней от зубов до хвоста, и зубы выпустили каноэ. Будь

Сейганко настолько глуп, что пожелал бы выдернуть трезубец, рыба погрузилась бы в озеро навсегда.

А так у него будет прекрасный трофей, и десяток Ичирибу попируют. Рыба-лев такого размера — не особый деликатес, но она враг людей; поедание ее передает людям часть силы этой рыбы и является мексикой за убитых ею.

Сейганко веревкой от трезубца привязал рыбу за кормой, сел и начал грести к берегу. Даже его силы не хватит, чтобы затащить этот улов на борт, но там, где мелко, другие рыбы-львы не набросятся на его добычу и не растерзают ее, так что он успеет позвать себе помощников.

Сейганко греб прямо к берегу, хотя это означало, что причалит он недалеко от пещеры Добанпу. Он уже три дня ничего не слышал о Говорящем с духами, кроме того, что тот жив и что духи, посланные Посвященными богу, могут по-прежнему представлять для него опасность. Вследствие этих причин — а также, Сейганко полагал, из гордости — Эмвайя ухаживала за ним сама, а любопытных отсылала заниматься своими делами.

То, что она не желала говорить любопытным, решил Сейганко, она может сказать своему будущему мужу. Да если и ничего не узнает от Эмвайи, стоит сохранить рыбу-льва. Если грести вокруг мыса, то, почуяв кровь, успеют собраться другие рыбы-львы. В большом количестве они, бывало, нападали и на каноэ.

И хорошо еще, что рыба-лев по большей части ведет одиночный образ жизни: каждая забирает себе часть озера и изгоняет оттуда остальных, кроме самок в брачный сезон. Если бы они охотились косяками, как делали это рыбки-кастратки, они бы очистили озеро от всего живого, не исключая, возможно, и людей.

Каноэ с рыбой-львом за кормой было тяжелым и неуклюжим, но сильные руки Сейганко и хорошее весло уверенно вели судно к берегу. Когда встало солнце, оно прогнало утреннюю дымку, и Сейганко увидел гору, поднимающуюся из остатков тумана. Наконец он увидел бухту, образованную тростником, защищенную от рыб-львов и крокодилов; оттуда Эмвайя обычно брала воду и купалась там, если ей это приходило в голову.

Сейганко улыбнулся. Если у Эмвайи хорошее настроение, он сможет присоединиться к ней. Совместное купание, как правило, завершалось лежанием в траве.

Затем кроме головы показались плечи и руки, и Сейганко увидел фигуру женщины, но не Эмвайи. Это бывшая пленница Кваньи, голая, как младенец, пользовалась купальней. При дневном свете и не перепуганная почти до безумия, она была еще более приятна на вид, чем в ночь набега.

— Где твоя хозяйка? — спросил он на Настоящем языке. Она может ненавидеть своих бывших хозяев, но вряд ли она, живя с ними, не выучилась хотя бы немного их речи.

Девушка вышла из воды, отряхнулась, как собака, и указала на пещеру. Капли, посеребренные утренним солнцем, сверкали в ее волосах и стекали по груди. Сейганко подумал бы, что она не знает о достоинствах своей внешности, если бы не поймал взгляд, брошенный украдкой из-под ресниц.

Он ухмыльнулся. Если даже не считать данных Эмвайе клятв, что у него не будет других женщин, кроме как с ее разрешения, он сомневался, разумно ли завалить сейчас служанку своей невесты. Он знал также, как наверняка положить конец ее уловкам.

— Эй! Женщина Эмвайи, у меня есть для тебя работа. — Сейганко тянул за веревку, пока над водой не показался хвост рыбы-льва. — Иди сюда и помоги вытащить эту тварь на берег!

Девушка бросила взгляд на рыбу, потом на Сейганко и тут же убежала в пещеру, так и не одевшись. Сейганко вытащил каноэ на берег, сел на набедренную повязку, оставленную девушкой, и принялся точить трезубец, за этим занятием его и застала Эмвайя.

Когда он наконец смог высвободиться из ее объятий и сам отпустить ее, он оглядел Эмвайю. Сейганко заметил, что она стала бледной и похудела так, как не случилось бы и после трех дней ордалий или ритуальных мук. Или, по крайней мере, любых мук, кроме одной.

— Твой отец...

— Добанпу Говорящий с духами жив. Он спит сейчас здоровым сном и видит хорошие сновидения. Я подала ему каши и воды, желудок его принял их.

Она говорила, будто ритуал все еще не кончился, но Сейганко увидел непривычную влагу в уголках ее глаз. Он протянул руку, чтобы смахнуть слезы, и она схватила его за запястье, словно утопающий.

— Сейганко, прости мне мою слабость. Я не хотела, чтобы ты видел меня такой...

— Нет, ты не такая, как та девка, что ты взяла себе в служанки. Та хотела, чтобы я видел, как она купается.

— Я так и подумала, когда она поднялась ко мне голой. Что ты ей сказал?

Сейганко рассказал правду, и Эмвайя вознаградила его смехом, в котором слышались нотки ее обычной веселости.

— Я помогу тебе с этой рыбой, а потом поговорю с Мокоссой.

— Это ее имя?

— Думаю, это имя ее племени, одного из тех, что живут за землями Кваньи. Она не дура, но жизнь среди Кваньи лишила ее почти всего разума, что у нее был.

— Не настолько, чтобы ей не нравились воины, предупреждаю тебя.

— Ты понравишься любой женщине, способной соображать, Сейганко. Я только что сказала тебе, что Мокосса женщина сообразительная.

— Ты хочешь мне польстить, Эмвайя?

— Я это делала так часто, что мне нет нужды пытаться делать это снова.

Если она способна сейчас шутить, вряд ли у нее есть страшные новости. У Сейганко мелькнула мысль запустить руки под ее набедренную повязку, развязать на ней узел, и пусть духи возьмут эту рыбу-льва!

Однако что-то в ее голосе...

— Твой отец узнал что-нибудь у слуги Посвященных богу?

— Думаю, я могу тебе помочь вытащить рыбу на берег не хуже Мокоссы. Поскольку я не хочу, чтобы намочла набедренную повязку...

— Эмвайя. — Он взял ее за плечи так крепко, что подумал, не ударит ли она его. — Отец твой вызвал

сильных духов, а он не настолько крепок, чтобы легко это переносить. Что он узнал?

Эмвайя содрогнулась, но не разрыдалась и не попыталась вырваться. Через некоторое время она пошевелилась и мягко убрала руки Сейганко со своих плеч.

— Духи были сердиты из-за того, что им пришлось бороться с защитой, установленной Посвященными богу вокруг своих слуг. Я также думаю, некоторые из них были ранены.

Духов можно ранить, хотя и не так легко и не таким образом, как людей. Сейганко достаточно изучил искусство Добанпу, чтобы знать это. Если у Посвященных богу есть сила установить такую защиту вокруг тех, кто им служит...

— Посвященным богу стало известно, что проклятый Ксухотл пал.

Слова эти звучали так, будто Эмвайя очищает себя от какой-то скверны. Действительно, лицо ее казалось теперь более сосредоточенным, она склонилась к Сейганко и прижала лицо к его плечу. Он положил руку ей на спину, ощущая гладкую кожу и чувствуя силу под ней, но не ища сейчас ничего более.

— Как он пал?

— Трудно было понять. Похоже, один из воинов Кваньи охотился далеко на востоке в то время, когда пал город. Он вошел туда беспрепятственно, исследовал его, увидел, что все внутри мертво, затем бежал, опасаясь, что разрушившие город явятся и за ним. Посвященные богу выведали этот рассказ и отдали охотника Живому ветру. Они стараются утаить это знание до тех пор, пока не придумают, какую пользу можно извлечь из этого.

Если бы у Посвященных богу ума было чуть больше, чем у пиявки, они бы просили сейчас Добанпу объединить их знания с его знанием, чтобы вместе бороться с тем, что смогло победить проклятый город. Любое существо такой мощи может покорить все племена леса так же легко, как рыба-лев поедает форель.

Посвященным богу, однако, недоставало такой мудрости. Даже если бы они набрались ее сейчас, Чабано из племени Кваньи не позволил бы им испортить его мечты о завоевании. И Добанпу скорее всего откажется

поверить Посвященным богу, даже если они и Чабано вместе попросят его о помощи. Сейганко надеялся, что ему не придется высказывать последнюю мысль там, где его может услышать Эмвайя. Она знала, что отец ее может быть и гордым, и упрямым, но она не дала помолвленному с ней права говорить это вслух.

— Кто еще знает об этом из рядовых членов обоих племен?

— Этого отец мой узнать не смог. Ты думаешь, Посвященные богу попытаются скрыть это от Чабано?

— Если это им удастся, то может оказаться полезным для них, — отвечал Сейганко. — Говорят, Чабано завидует власти Посвященных богу и хочет вести свои войны без них. Если Посвященные богу объединятся с той силой, что разрушила Ксухотл, Чабано будет ребенком против них.

— Только сумасшедшие могут думать, что такая сила станет служить им!

— Я знаю, что власть шамана ограничена. Ты также это знаешь. Оба мы узнали это от твоего отца, который был рожден с этим знанием. — Сейганко пожал плечами: — Посвященным богу повезло меньше.

— Пусть будут прокляты Посвященные богу! — произнесла Эмвайя яростно. Затем ее рука поскользнулась вниз по спине Сейганко и дальше под его одежду, так что не Эмвайя первой оказалась без одежды.

Чтобы обезьянью шкуру можно было носить, необходимо высушить ее на солнце. Конан не надеялся, что у них появится возможность сделать это, и предложил Валерии свою рубаху.

Она приложила ее к себе и рассмеялась:

— Как ночной халат я еще могу ее взять.

— Моя шкура прочнее твоей, Валерия, и не изнежена в Аквилонии.

— Я пережила солнце и ветер на море, так что не изжарюсь, пока эта обезьяна не высохнет.

— Или пока не сгниет.

— Тебе Кром говорит, чтобы ты всегда надеялся на худшее?

— Кром не такой бог, который кому-нибудь что-нибудь говорит, по крайней мере он не отвечает на вопросы, — сказал Конан. Суровый киммерийский бог не был для него предметом шуток, так же как и для любого рожденного в Северных землях, где имя этого бога звучало грозно.

— Значит, поэтому у тебя рот тоже почти всегда закрыт? — спросила Валерия. Видя, что ответа не следует, она пошла следом за киммерийцем.

Не успели они далеко уйти от места своей ночной стоянки, как недолгий, но сильный дождь промочил их обоих и оставил всюду после себя лужи с чистой водой. Они напились, затем отрезали зеленые ветки от упавшего дерева и сделали палки. С их помощью — особенно нужна была палка для Валерии, с ее сбитыми ногами, — они прошли значительное расстояние за оставшуюся часть утра.

В полдень, голодные, они вышли на берег реки, слишком глубокой, чтобы переправиться вброд. Конан оглядел поверхность реки, обращая внимание на омуты. Столь же внимательно он оглядел берега реки, включая места, где звериные тропы кончались площадками растоптанной грязи с разбросанными по ней листьями.

— Крокодилы, — сказал он коротко.

Валерия со страхом посмотрела на воду.

— Я думаю, мы смогли бы сделать плот и предоставить остальную работу реке.

— Она течет на юго-запад, куда мы и собираемся направиться. Но у нас нет инструментов, а с бревна крокодилы быстро нас стащат.

Конан посмотрел на лес, растущий по берегам, и увидел упавшие деревья. Они мало подходили для плота, а некоторые из них были так велики, что даже с его силой их не скатить в воду.

— Нет, я не думаю, но нам в любом случае следует заняться охотой, чтобы поесть. Поделись добычей с крокодилами, и они могут позволить спокойно переправиться.

Валерия пожала плечами:

— Если это удастся с акулами, может, удастся и с крокодилами. Но я бы продала свою душу в обмен на каноз.

— Продай еще тело в обмен на топор, и я сделаю каноз, — сказал Конан и увернулся от палки, брошенной Валерией.

Голод и необходимость сохранять тишину заставили прекратить словесную перепалку. Они отыскиали укрытия, из которых были видны спуски к реке, куда звери приходят на водопой. Конан подозревал, что им, вероятно, придется ждать долго, поскольку лужи с дождевой водой утолят жажду животных. Уже может стемнеть, когда явятся звери, а Конану не очень хотелось в темноте тягаться с крокодилами и соревноваться с ними в сообразительности.

Пророк из Конана не получился. Еще не настал вечер, когда сквозь кусты, сопя и пыхтя, начало продираться семейство свиной. Их было всего пять: старый боров, свинья и вслед за родителями семенили три поросенка.

Пользуясь языком жестов барахских пиратов, Конан сказал Валерии, чтобы она брала свинью, а если не получится — поросенка. Этого хватит для их собственного пропитания. Сам же он встретится с бором — и если крокодил не будет сыт от такой горы ветчины, то он наверняка существо неживого мира.

Конан отбросил эту мысль с отвращением, какое испытывал ко всякому колдовству. Однако он не мог забыть прошлой ночи. Не почувствовал ли он все-таки, что где-то недалеко действовала мощная колдовская сила?

Киммериец не удивился бы, узнай он о такой силе. Из рассказов, которые он слышал в Ксукотле, следовало, что строители города вполне могли оставить после себя не только камни, но и колдовские силы. Древняя, злая, нечистая магия, вероятно берущая свое начало от знаний, дошедших из Ахерона, империи кошмаров. Даже легенды разнились между собой в рассказах о том, как далеко расплозились эти знания, сколько времени они существуют и как глубоко пустили они корни в умах людей.

Также не сходятся между собой легенды и рассказы о том, как человек становится ведун — имя, даваемое на Севере тем, кто имеет еще чувства, кроме обычных пяти, которые позволяют ему обнаруживать действие колдовства. Легенды не согласны даже в том, существуют ли такие люди вообще. Некоторые утверждают, что человек просто обретает способность чувствовать мельчайшие

изменения в природном мире, которые всегда вызывает любое заклинание.

Конан мало придавал значения подобным спорам, и меньше всего спорам по последнему вопросу. Если бы эти разговоры могли заставить колдунов бросить свое ремесло и стать честными людьми, он с удовольствием присоединился бы к обсуждению и говорил, пока не пересохнет горло. Но в действительности дела обстоят так, что Конан предпочитал, чтобы горло его вообще не пересыхало!

А сейчас боров нюхал воздух с тщательностью вражеского разведчика, отыскивающего засаду. Он ничего не почуял. Легкий бриз дул от него в сторону охотников, да и Конан с Валерией провели в джунглях достаточно много времени, так что их собственный запах частично заглушался запахом леса.

Конан кивнул, и Валерия обнажила меч. Он слегка застрял в ножнах, и тихий скрежет заставил борова поднять голову. Он снова понюхал воздух, и на этот раз свинья стала так, чтобы загородить своих поросят от возможной опасности.

Первая опасность, обрушившаяся на них, исходила не от людей. Конан не видел ряби на воде, но он увидел, как мокрые, утыканные зубами челюсти вырвались из воды и захлопнулись, ухватив свинью.

Визг ее отдалился эхом — птицы взмыли в воздух, и на расстоянии полета стрелы с дерева посыпались обезьяны. Валерия выскочила из укрытия, не замечая борова, замахиывая мечом на одного из бегущих врассыпную поросят.

Вначале боров, пригнувший голову и пытавшийся пропороть крокодила, не обратил на нее внимания. Рептилия, патриарх в своей породе, выбросила себя так далеко на берег, что не могла тут же вернуться в воду. Когти рыли грязь, а хвост бил из стороны в сторону, пока крокодил пытался отогнать борова, удержать умирающую свинью и вернуться в свое речное убежище.

Наконец все три действия ему удалось. Кровавый бурун отметил его отход. Валерия как раз вогнала меч в шею второго поросенка, когда боров повернулся к ней.

Если бы боров оказался немного проворнее, то песни, сложенные впоследствии о Валерии из Красного братства,

были бы значительно короче. Но она обернулась, выхватила меч, затем кинжал и отскочила, увернувшись от борова, несущегося со скоростью, сравнимой со скоростью Конана. Киммериец вспомнил, сколь страшна была Валерия в битве в Ксукотле, когда кинжал ее полоснул борова по рылу.

Огромный боров завизжал от боли и ярости и отступил. Его копыта месили грязь почти так же сильно, как лапы крокодила до этого. Он пытался найти опору на скользком берегу, чтобы ринуться в атаку, но опять был недостаточно быстр. Боров не успел еще подготовиться к нападению, когда Конан был от него уже на расстоянии меча. Не было никакого изящества или искусства в том, как меч опустился на толстую шею борова. Мастера меча от Зингары до Ванаксейма в страхе отшатнулись бы при виде грубой силы удара, пристойной более палачу, чем мастеру фехтования.

Но на это было наплевать и Конану, нанесшему удар, и борову, замертво повалившемуся, и Валерии, обнаружившей борова лежащим у своих ног.

Валерия обернулась, в глазах ее сверкали боевые огоньки, она откинула волосы с лица. Движение ее рук кольнуло груди. Весь ее вид заставил бы кровь кипеть в венах у мужчины: охотница рядом со своей добычей на фоне залитой солнцем реки.

Она стояла так, что опять Конан не заметил на воде ряби, предупреждавшей об опасности. Второй крокодил был такой же большой, как и первый, но не столь быстрый. Кроме того, он громко, мерзко, с шипением, дышал, когда скользил вверх на берег.

Валерия отскочила, когда челюсти сомкнулись на расстоянии руки от ее ноги. Не посмотрев, куда она прыгает, Валерия приземлилась на скользкий участок, пошатнулась, потеряла равновесие и повалилась на киммерийца. Он удержал ее и отдернул в сторону.

Спина его с силой ударилась о ствол дерева, покрытый красной корой. Дерево задрожало и отозвалось гулом, похожим на звук мельничного колеса. Тут же, чувствуя новую опасность, Конан сделал шаг от дерева, отпустив Валерию.

В следующее мгновение земля исчезла у него из-под ног. Он полетел в пустоту, взяв с собой лишь память и надежду. Память об искаженном ужасом лице Валерии, провожавшей его взглядом. Надежду, что она вспомнит о крокодиле у себя за спиной, а не будет беспокоиться о нем.

Гейрус, главный из Посвященных богу — или Первый Говорящий с Живым ветром, как обращались к нему во время ритуала, — потрясал посохом. Этого было недостаточно, чтобы умерить его ярость, так что он с силой ударил посохом о камень, отливающий серебром и лежащий у его ног.

Трое воинов клана Кобры попятились, будто ожидали, что камень раскроется по команде Гейруса и проглотит их. В их глазах были видны только белки, а дрожащими руками воины зажимали себе рты, что было ритуальным жестом, означающим нижайшую просьбу.

Не будет им от Гейруса пощады, и не заслуживают они ее.

— Шестеро убиты, трое захвачены, в их числе одна из моих наложниц! — бушевал Гейрус. Он мог сделать свой рык подобным львиному, если бы захотел, хотя уже не с такой легкостью, как в молодости. В те времена он мог бы поставить на колени самого Чабано силой колдовства голоса!

— Прости... — пролепетал один из воинов.

— Нет прощения такому легкомыслию! — ревел Гейрус. — Легкомысленно было брать ее с собой в такой путь. В десять раз легкомысленнее отдавать девушку жителям озера!

Гейрус не использовал в этот раз львиный голос. Ему надо было беречь силы, к тому же он не желал, чтобы все сказанное было подслушано.

Даже в самом доме Говорящего с Живым ветром были те, чьи сердца лежали ближе к Чабано из племени Кваньи. Они не преминут поведать ему о любых секретах Служителей, если решат, что это может снискать им симпатию вождя.

— Вы покойники, — сказал Гейрус чуть тише. — Однако я расположен даровать вам столько милости, сколько

вы заслуживаете. Вы можете избрать себе вид смерти. Отдать мне вас Живому ветру? Или предать вас иной смерти на мое усмотрение?

Простое упоминание о Живом ветре заставило одного из воинов упасть на колени, чего он никогда бы не сделал ни перед одним человеком, предпочтя смерть. Гейрус напряженно улыбнулся, так что показал лишь те зубы, которые были еще белыми и здоровыми.

Гейрус понимал ужас воина. Живой ветер забавлялся с теми, кто попадал к нему с незамутненным сознанием, играя с ними как кошка с мышкой. Безумие и агония длились так долго, что смерть становилась желанным избавлением.

— Пусть будет так. Вас постигнет судьба, какая ждет любую кобру, подползшую слишком близко к детенышам леопарда.

Заклятие, произнесенное Гейрусом, не вызвало грома. Первым звуком, какой услышали воины, было рычание вызванных колдовством леопардов, почуявших добычу. Когти высекали из камня золотые искры, когда леопарды набросились на воинов.

Гейрус сдержал обещание. Леопарды убили жертв быстрее, чем это обычно делал Живой ветер. Клыки вырвали горло, когти вспороли животы, и крики ужаса и агонии не долго разносились по туннелям. Леопарды все еще жадно пожирали трупы, когда Гейрус опустил прочную решетку, перегородив туннель.

Было время, когда он мог воздвигнуть преграду перед леопардами одним лишь колдовством. То время молодой силы прошло и больше не вернется.

А сейчас он только мог вызывать, когда нужно, леопардов и возвращать их назад, когда они уснут, насытившись человеческой плотью.

Гейрус не молился ни одному из богов, известных по имени среди людей. Не молился он также и Живому ветру — он не бог; это было ясно с той поры, как появились Служители.

Вместо этого он надеялся, что невозможность удерживать в секрете известие о падении Ксухотла не принесет вреда. Вероятно, это было тщетной надеждой, поскольку ни Чабано, ни Добанпу не дураки. Гейрус успокоил себя,

решив, что, будь они таковыми, не было бы никакой необходимости бороться с ними и он не испытывал бы никакой гордости от победы. И первый, и последний бой следует вести с достойным противником.

Но потерять... девушку! Одна она будет стоять Сейганко самой медленной смерти, какая только может быть, но только после того, как он посмотрит, как так же медленно умирает Эмвайя. Или, может, лучше пусть вначале дочь Добанпу посмотрит на смерть своего жениха, перед тем как умереть самой?

Будет время решить, когда они оба окажутся в его руках. В обоих случаях будет обеспечена покорность девушки до конца его дней. Первый Говорящий с Живым ветром будет спать в хорошо согретой постели, как и подобает победителю.

Исчезновение товарища Валерии произошло быстро и беззвучно. Мгновение она чувствовала его у себя за спиной, в следующее же — отточенный боевой инстинкт сказал ей, что позади никого нет.

Она снова прыгнула, почти потеряв последнюю одежду. Крокодил шипел как котелок с убежавшей похлебкой, и переваливаясь, полз вперед. Его пасть — длиной в рост двенадцатилетнего ребенка — зияла и затем захлопнулась со звуком, изданным скорее сталью, чем костью.

Валерия кое-что знала о морских крокодилах, поскольку однажды бросала якорь в устье реки, которая кишела ими. Она никогда не была в землях вдали от моря, где реки также рождали этих тварей, но решила, что эти рептилии, должно быть, во многом походят на своих морских сородичей. Этот крокодил будет быстрым в воде, медлительным на суше, живучим и медленно соображающим. Без сомнения, сейчас он ломает мозги над тем, что ему делать теперь, когда первый его бросок не удался.

Она могла давно уже убраться с берега реки подальше от всех крокодилов, если бы была готова оставить Конана перед лицом опасности, которая выпала ему. «Или в той, в которую он сам свалился», — заключила Валерия, поскольку видела, как, казалось, сама земля поглотила его.

Мысль эта заставила ее в следующий раз прыгнуть осторожнее, и она возблагодарила Митру, когда приземлилась на твердую почву. Затем Валерия сбросила сапоги. Неважно, какие там волдыри, но босиком она лучше чувствует поверхность — речной ли берег в джунглях или палубу.

Она вынула кинжал, занесла меч и внимательно оглядела противника. Для нее было немыслимо искать безопасности, покинув Конана, — это против ее природы и всего, чем она жила еще до того, как стала женщиной.

Аквилонка и киммериец были связаны боевыми узами так же прочно, как если бы их соединяло кровное родство или клятва, произнесенная перед десятком священников и столькими же богами. Она скорее вернется на службу к парикмахеру или даже будет танцевать в таверне, чем нарушит такой союз, какой связывает ее с Конаном.

То, что он желает ее, конечно, помеха, подобно мухе, жужжащей вокруг головы. Но не бьют же себя по голове молотком, чтобы избавиться от мухи!

Крокодил снова зашипел и пополз вперед. Валерия переместилась так, чтобы видеть весь берег, а не только своего врага. Больше всего она боялась, что появится его брат. Первый крокодил скорее всего будет жрать свинью, но там, где есть два чудовища, может появиться и третье.

Валерия не видела никаких признаков еще одной рептилии, но заметила небольшое углубление в земле, где мох и спутанные мертвые лианы, казалось, проседали. Если это место поглотило Конана, возможно, его можно уговорить поглотить и крокодила.

Вдруг монстр бросился вперед со скоростью, удивившей Валерию. Неожиданность не замедлила действий Валерии и не заставила позабыть, что глаза у всех тварей находятся недалеко от мозга.

Пока крокодил совершал свой бросок, Валерия отскочила — более того, она развернулась в воздухе с изяществом, заставлявшим не одного воина кидать серебро, даже золото, в прежние годы. Приземлилась она верхом на неровную спину крокодила, как раз пониже массивной шеи.

Прежде чем крокодил успел сообразить, что жертва исчезла из виду, Валерия ударила. Кинжал с силой

опустился на покрытую чешуей шкуру, отыскивая щель, и вошел достаточно глубоко, чтобы за него можно было держаться. Затем Валерия подняла меч, направила концом вниз и глубоко вогнала в правый глаз крокодила.

Клинок был неудобен для того, чтобы им колоть, и ни в какую другую часть тела животного он бы не смог войти. Но нанесенный в это место удар стоил крокодилу жизни.

Шипение переросло в пронзительный вой, когда Валерия прыгнула с твари с таким отчаянием, будто запрыгивала из кипящей акулами воды в лодку. Хвост крокодила бешено колотил, ломая кусты, сдирая кору с толстых деревьев и осыпая Валерию землей и листьями. Затем животное последний раз дернулось, перекачилось и ударилось головой о дно того самого углубления.

В таинственной тишине земля разверзлась. Раздался звук рвущихся лиан и ломающихся корней, и крокодил начал заваливаться в отверстие. На какое-то мгновение хвост его снова взмахнул, будто последней конвульсией чудовище слало прощальный привет своему победителю. Затем крокодил исчез.

Но земля не сомкнулась над ним. У того устройства или заклатья, что захлопнуло ее перед этим, казалось, истощились силы. Дыра у ног Валерии зияла шириной в рост человека. Она вгляделась в полумрак и дальше в темноту, столь же непроглядную, как морская бездна.

Валерия проглотила слюну. Она не могла прогнать мысль, что даже Конан не способен пережить такое падение... если вдруг остался в живых, то крокодил уж непременно прикончит его.

Однако ей не убедиться в этом, если только самой не спуститься и не отыскать киммерийца или его тело. Она не хотела думать о том, с чем столкнется, если найдет его живым, но беспомощным от ударов, полученных во время падения.

— Конан, — проговорила она, — жизнь моя была бы проще, если бы ты никогда не покидал своей Киммерии.

«Да и, без сомнения, также и короче».

Голос, прозвучавший в ее сознании, не был голосом Конана, но довольно близко напоминал его, что заставило Валерию вздрогнуть.

Что ж, пусть так и будет. Она лазит с самого детства, а однажды один матрос сказал, что у нее глаза на всех пальцах рук и ног. Это поможет, а также прочный кусок лианы или несколько кусков, связанных в длину и сплетенных вместе, чтобы удержать ее вес.

Мертвые лианы слишком гнилые для этого, но вокруг полно живых. Не успели солнечные блики на реке измениться, как Валерия имела уже при себе веревку. Она закончила свои старания тем, что привязала один конец веревки скользящей петлей, перекинула сапоги, связанные тесемкой, через шею и привязала к мечу тонкую лиану вместо ремешка.

Лиана не так хороша в качестве веревки или ремешка, как шемитская кожа, но Валерия привыкла обходиться подручными средствами. Пока будет лезть, она привяжет меч тонкой лианой за спиной, но как только окажется на твердой поверхности, оружие снова понадобится.

Она сделала всю работу при данном самими богами дневном свете здесь, на речном берегу, который теперь, казалось, был даже приятен по сравнению с темнотой у ее ног. Остальная часть ее обязанностей лежала внизу.

Валерия сделала несколько глубоких вдохов, пока не успокоила себя настолько, насколько можно. Затем свесила ноги через край дыры и начала спуск.

Глава 4

Падение Конана началось с неудачи, которая очень скоро сменилась везением. Если бы случилось иначе, истории многих людей и нескольких королевств были бы во многом иными.

Он не был ведун, иначе смог бы почувствовать колдовскую силу, сдерживающую землю при входе в дыру. Хотя, возможно, и нет. Это была древняя земляная колдовская сила, и имена открывших ее были потеряны для людской памяти задолго до того, как был построен Атлантис и затем поглощен океаном.

Искусство это, однако, не было утеряно. Волшебство, известное строителям Ксукхотла, восприняло часть его. Не был обреченный город и единственным их созданием,

где использовали они свои колдовские приемы. Глубоко в джунглях они возвели огромные постройки, в то время как Черные Королевства представляли собой банды воюющих между собой дикарей.

И то, куда попал Конан, было одним из остатков этих построек. Земля разверзлась у него под ногами, и он полетел в темноту, на миг освещенную светом сверху, и продолжал полет в еще более глубокой темноте, когда отверстие закрылось над его головой.

Трижды он ударялся о земляные стены, которые тем не менее казались слишком твердыми и гладкими, чтобы полностью иметь природное происхождение. Удары эти несколько замедлили падение Конана, но вышибли дух из его груди. Только он восстановил дыхание, как ударился в последний раз там, где стена дыры осыпалась под неумолимым давлением корней какого-то лесного гиганта. Удар пришелся поперек груди и сломал бы ребра любому более слабому человеку.

В случае же с киммерийцем это лишь вышибло из него вновь обретенный дух и швырнуло его, как детский мячик, в туннель, открывающийся на другой стороне ямы. Киммериец ударился, прокатился, отскакивая от неровностей, шагов десять и остался лежать, в то время как земля дрожала, слышался рокот, а от входа в туннель осыпались куски.

Он с удовольствием полежал бы, пока не восстановится дыхание, но инстинкт подсказал ему, что вход в туннель очень непрочен держится той магической силой, которая правит здесь. Краткий отдых может оказаться последним пристанищем.

Когда Конан пытался ползти, казалось, что железные пальцы сжимают грудь, но звук падающей земли подгонял его. Киммериец весь вспотел, и не только от усилий, когда снова наступила тишина, нарушаемая лишь его тяжелым дыханием.

Ощупав ребра пальцами, он не нашел переломов, хотя поспорил бы на цену хорошей гостиницы, что завтра он будет сплошным синяком. Дыхание Конана успокоилось, и он сел.

Со стороны входа в туннель слышался гул и глухие удары. Звук достиг силы грома и стих так же внезапно,

как и появился. Что-то большое упало, как и киммериец, в яму и полетело до самого дна, чего Конану удалось избежать.

Он сказал себе, что звук слишком тяжел, чтобы это могла быть Валерия. Такое предположение избавило Конана от мысли, что Валерия наверняка последует за ним, если одолеет крокодила. В ней есть та верность боевого товарища, что противоречит здравому смыслу и которой живет сам Конан.

Вход в туннель был сейчас на две трети завален землей, и Конан был как молнией поражен, поняв, что видит это. Он больше не находится в абсолютной темноте, достоянием тюрем Стигии.

Конан оглянулся и посмотрел в глубь туннеля. Туннель плавно шел вниз и терялся в тени, но ясно был различим на расстоянии пятидесяти шагов или более. В самом дальнем конце, какой видел киммериец, стены, казалось, превращались из земляных в каменные, к тому же резные.

На всем играл тонко окрашенный свет, оттенок которого в одно мгновение казался сапфировым, а в следующее — алым, как прозрачный рубин. От попыток проследить за изменением цвета у Конана стала кружиться голова, и через некоторое время он бросил это занятие. Свет колдовской, без сомнения, а он всегда чувствовал себя неуютно в присутствии колдовства. Но еще более неуютно в совершенной темноте, к тому же этот свет может помочь выбраться отсюда, и Валерии не придется рисковать сломать себе шею, спускаясь сюда!

Теперь, будь у него какая-нибудь возможность сказать ей, что...

Валерия знала, что так глубоко под землей воздух должен быть прохладнее. Что это лишь кажется, что он горячее, будто она спускается в жерло вулкана, туда, где глубоко внизу кипит раскаленная лава, готовая испепелить ее, в случае если захват на мгновение ослабеет.

— Во имя мускулов Эрлика! — проговорила она. — Только дай своим фантазиям куда-нибудь улететь, глупая девка, и ты грохнешься.

Это была не фантазия, что пот покрывал всю открытую часть тела, превращаясь в жидкую грязь там, где попала земля, осыпавшаяся со стен.

Набедренная повязка прилипла к ней, мокрая, как медуза, и казалось, что даже сапоги стали тяжелее от сырости в воздухе.

Сказать правду, она никогда не лезла так долго и с такой ненадежной опорой для ног и рук. По сравнению с этим тот случай, когда она, поспорив с товарищем по судну, наперегонки перебиралась по верхушкам мачт от носа до кормы, был детской игрой. К тому же в той игре ее жизнь не была ставкой.

Ноги коснулись горизонтальной поверхности. Карниз? Что-то кроме голой стены во всяком случае... но вначале хорошенько проверить, прежде чем перенести туда вес, не говоря уже о том, чтобы отвязать веревку от крепления наверху.

— Э-э-э-й-й-й! — Голос, долетевший из глубины, скорее, казалось, принадлежал привидению, чем человеку. Валерия ощупала карниз ногой, пока не нащарила, где можно стать. Не выпуская, однако, веревки, она посмотрела вниз.

Верхние края ямы были так высоко теперь, что свет едва позволял Валерии пересчитать пальцы на руке, поднесенной к лицу. Внизу все было черно. Или нет? Глубоко внизу, у противоположной стены ямы, с темнотой, казалось, боролось слабое мерцание, будто далекие светлячки в безлунную ночь.

Только никакие светлячки не мерцают такими оттенками синего и красного, никакие природные светлячки, по крайней мере. Но законы природы могут и не относиться к тому, что живет здесь в глубине.

Валерия содрогнулась. Колдовство ей нравится не больше, чем киммерийцу, если сказать правду, и по тем же самым причинам. Колдовство делало честное боевое искусство бесполезным, да и те, кто пользуется этой силой, искажаются зачастую так, что становятся кривее самой извилистой улочки в ее родной аквилонской деревушке! Тасцела была самой страшной колдуньей, какую Валерия встречала, и она благодарила богов за то, что не видела колдунов, с которыми, если верить Конану, он сражался.

Еще будет время разобраться, насочинял ли Конан про это, после того как она убедится, что голос внизу действительно принадлежит ему... и после того как она доберется туда.

— Море делает нас свободными, — крикнула она. Это был пароль Красного братства. В этих джунглях ответ может знать только Конан.

— Земля нас связывает, — донесся ответ. Колени Валерии задрожали от чувства облегчения, но больше никаких движений она не делала.

— Конан! Где ты?

— В туннеле — там, где ты видишь свет. Я...

Комок земли отскочил из-за головы Валерии и полетел дальше в бездну. Она взглянула вверх. Была ли это ее фантазия, или отверстие наверху стало действительно меньше, свет из него тусклее?

Свет определенно мерк: рука теперь казалась лишь расплывчатым очертанием, где нельзя было различить пальцев. Свечение внизу было прежним, но оно не могло заменить капли света, поступавшие сверху.

— Конан! Что-то происходит со светом. Я попытаюсь спуститься на глубину, где и ты, потом переброшу веревку. Какова ширина ямы в том месте, где ты находишься?

— Достаточно широкая. Такая, что твой ручной крокодилчик не застрял в ее горле, когда ты послала его ко мне, — послышался ответ. — Тебе лучше поторопиться, однако, если свет исчезает.

Она почувствовала в его голосе намек на еще большую опасность, чем гаснущий свет, и вспыхнула гневом из-за того, что он скрывает от нее правду. Рассудок возобладал над гневом и сказал ей, что, вероятно, киммериец и сам не знает всей правды. А если знает, он всегда скажет ее, будь то женщина, царь или бог!

Веревка уже почти кончилась, когда Валерия нащупала ногой огромный кривой корень на противоположной стороне от входа в туннель, по крайней мере, она чувствовала ногой кору; свет, поступавший снаружи, почти исчез. Голова Конана и его массивные плечи почти заслоняли весь свет, идущий из туннеля. Она заметила теперь, что вход в туннель был завален свежесошедшей землей, и поняла, чего так боялся Конан.

Валерия никогда так отчаянно не старалась соблюдать тишину, с тех самых дней, когда она недолгое время была карманницей. Даже тихое шуршание, слышавшееся, когда скользящая петля развязалась и отпустила веревку, казалось, колотило по ушам подобно грому. Конец веревки пролетел мимо Валерии вниз, в яму. Затем Валерия начала вытаскивать веревку за свой конец. Она быстро наматывала ее, как вдруг веревка натянулась в руках. Зацепилась за какой-нибудь корень, подумала Валерия. Затем веревка начала дергаться. Действительно зацепилась, но за что-то живое в глубине ямы — Валерия была готова поспорить, за что-то далеко не столь безобидное, как крокодил.

Валерия предпочла бы встретиться с двумя десятками крокодилов, чем с тем, что, может быть, уже сейчас выбирается из глубины. Она, однако, не допустила дрожи ни в пальцах, ни в голосе, которая могла бы свидетельствовать о ее страхе. Валерия перебросила свой конец веревки через яму, увидела, что Конан крепко схватил его, и потянула изо всех сил.

Борьба длилась довольно долго, равный спор о том, что будет разорвано первым — веревка или захват того, что скрывается внизу. Затем неожиданно веревка взмыла вверх, как летучая рыба. Валерия поймала свободный конец и спешно обвязала его вокруг талии.

Веревка была покрыта мерзкой слизью, которая вполне могла натесть из огромного гнойника, и сейчас до Валерии донеслось снизу влажное чавканье и хлоппанье. И не с такой большой глубины, а ведь ей придется качнуться на веревке, чтобы переправиться через яму. Корень не давал достаточной опоры для прыжка.

— Конан! — крикнула она.

— Я тоже это слышу. Прыгай, Валерия!

Она, если не допрыгнет, упадет не на большую глубину, чем если бы она качнулась на веревке, как на трапеции, а затем вскарабкалась. Даже не на такую же глубину, так как Конан подобрал веревку так, что она плотно натянулась.

Валерия собралась с силами, согнула ноги, плотно прижала руки к стене и в результате осыпала еще

несколько комьев земли. Они упали в темноту, и чавканье и хлоппанье стали еще громче.

Пиратка сделала самый глубокий вдох в своей жизни, будто набранный в легкие кислород перенесет ее через кошмарную пропасть. Затем прыгнула.

В воздухе она была лишь мгновение, но и того было достаточно, чтобы это нечто внизу дотянулось и коснулось ее. Прикосновение было нежным, будто лапка котенка, и все же оно обожгло, как раскаленное железо.

Затем Валерия была на другой стороне, карабкаясь по осыпавшейся земле, слушая, как вой охотника, упустившего добычу, раздается по всей яме и туннелю. Со стен осыпалось еще больше земли. Конан протащил Валерию остаток расстояния, ухватив ее за руку и волосы.

Во время этих действий набедренная повязка наконец покинула ее, и Валерия повалилась к ногам киммерийца голой, если не считать оружия и сапог. На этот раз, вставая, она, кажется, не обратила внимания на свой вид.

— Ты можешь идти?

— Я могу бежать, лишь бы обратиться отсюда!

Вой не стал тише, и теперь Валерия слышала, что к нему присоединился не менее ужасный звук. Стены ямы задрожали, что очень хотелось сделать и Валерии, и она увидела, как комья земли размером с человека пролетают вниз. Она также услышала, как они падают на что-то внизу с отвратительным звуком, будто тонут в слизи.

Затем потолок у входа в туннель тоже задрожал, и ни киммерийцу, ни аквилонке предупреждения более не потребовалось. Они помчались вдоль туннеля, замедлив темп, лишь когда почувствовали под ногами камень, и остановились только после того, как услышали, что позади них обрушились огромные массы земли.

Со стороны входа в туннель повеяло зловонным испарением или, точнее, с той стороны, где раньше был вход в туннель. Обрушилась ли вся яма, сказать они не могли. Но путь назад теперь был завален плотной массой земли, которая, казалось, глядела на них, бросая вызов, чтобы они попытались употребить все свои жалкие силы на то, чтобы сдвинуть ее и выйти на свободу.

Не то чтобы у Валерии было желание выбраться через яму, когда ее обитатели могут оказаться все еще живыми

и голодными. Вероятно, эта земляная стена между ней и ими не такой уж злой удел, как ей до этого казалось, — если только твари из ямы не могут прокопать себе путь и если здесь в туннеле нет им подобных.

Что касается первого, то лучше скорее бежать. А что касается второго — придется обходиться острым глазом и острой сталью — этим и парой молитв, если только какой-нибудь бог услышит их из такой глубины.

Валерия указала рукой в конец туннеля. Конан кивнул и пошел, следуя у нее за спиной, — на этот раз наиболее опасный пост. Валерия чувствовала это, а также и то, что Конан оглядывает всю ее, чтобы убедиться в ее невредимости.

Она многое бы отдала сейчас, чтобы забраться в горячую ванну!

Конан шел сзади, пока они не дошли до места, где туннель раздваивался; не было слышно ни звука погони позади, ни звука жизни впереди. То, что это не природный туннель, стало теперь ясно по невероятно древним следам инструментов и пятнам зеленого и ржавого цвета, где раньше были, вероятно, бронза и железо.

В месте развилки Конан осмотрел щиколотку Валерии. На ней виднелась отвратительная темная отметина, как при самом тяжелом ожоге, но боль утихла, и щиколотка сможет держать вес Валерии. Это не скажется ни на владении оружием, ни на быстроте ног, если придется встретить опасность.

— Теперь ты, может быть, все-таки возьмешь мою рубашку, — сказал он. — В такой одежде, как сейчас, ты бы украсила королевский дворец, но не думаю, что мы здесь найдем много дворцов. Подвалы, возможно, и кости тех, кого в них держали, и мало что еще.

— Не надо меня успокаивать, ты, сын козла.

— Ха! К тебе вернулось твое обычное настроение. Вероятно, в таком случае тебе вообще не нужна одежда, поскольку без нее у тебя вдвое больше оружия: сталь и женские прелести!

— Давай сюда рубашку, — буркнула она, затем расмеялась так, что раздалось эхо. Она оглядывалась по

сторонам, пока утихло эхо, затем почти выхватила у киммерийца поданную им рубашку.

Рубашка доходила Валерии до середины бедра. Конан распорол рукава на полоски и обмотал ими ноги Валерии, чтобы предохранить волдыри, пока кожа не загрубеет во время дальнейшего пути. В таком наряде, с волосами, спутанными так, что порядочная птица постеснялась бы там свить гнездо, с сапогами, болтающимися на шее, Валерию вышвырнули бы на улицу из самой дешевой таверны.

Вышвырнули бы, если бы не меч и кинжал и также взгляд, говоривший, что ни одна рука, коснувшаяся Валерии против ее желания, не вернется своему владельцу невредимой, если вообще вернется.

Конану не надо было напоминать об этом. Действительно, он был благодарен искусству и удаче, которые позволили Валерии сохранить оружие. Им придется еще сразиться, прежде чем они увидят дневной свет, даже если это будет битва с врагом, где сталь способна принести человеку лишь достойную смерть.

Валерии доставляло мало удовольствия ее положение, радовало лишь то, что она жива. А также и то, что благодаря присутствию киммерийца жизнь ее продлится дольше. Он был столь же грозен в борьбе с естественными врагами, как и с врагами колдовскими, и опыт битв у него гораздо больше, чем у нее.

После развилки одна ветвь туннеля шла вверх, другая уходила вниз. Боевые товарищи остановились; Валерия стала спиной к стене и начала смотреть туда, откуда они пришли, а Конан отправился разведать оба направления.

Валерии не нравилось оставаться одной — даже на короткий срок — здесь, в чреве земли. Но сейчас она могла побороть свои фантазии: прежде чем поддаться страху, она подождет, пока на нее из тени не бросится настоящий монстр. Аквилонка заняла это краткое время ожидания тем, что смотала с пояса тонкую лиану и прочно соединила ею меч с запястьем. Валерия надеялась, что ей не придется больше карабкаться и что сырой воздух сохранит лиану гибкой на случай, если она все-таки понадобится.

Конан вернулся скоро.

— Путь, ведущий вниз, заполнен водой. Там слишком глубоко, чтобы чувствовать себя уютно, не говоря уже о том, что может в воде скрываться.

Валерия зажала нос:

— Что-то зловонное, как поле битвы после двух недель, если судить по тому, как от тебя несет.

— И еще. Я заметил статуи, похожие на самых древних идолов, каких я видел в Черных Королевствах. Я сейчас более чем когда-либо уверен, что кто-то построил эти норы.

— Но зачем?

— Вероятно, чтобы не ходить через джунгли. Будем надеяться, что они послужат для этого и нам. — Он посмотрел на путь, уходящий вверх: — Если я не совсем запутался, он ведет назад, туда, откуда мы шли.

— Лучше известные нам джунгли, чем поджидающее нас здесь, — произнесла с жаром Валерия. — Если судить по звуку, в яме сидит зверь, способный сожрать на завтрак чудовище Ксукотла и дракона из леса на обед.

Конан ничего не ответил, а просто пошел вперед. Туннель поднимался вверх на протяжении трехсот шагов. Валерия начала надеяться, что он так близко подходит к поверхности, что им удастся выбраться. Если окажется, что еще какое-то дерево пробилось сюда корнем...

Разочарование наступило быстро. Стены туннеля оказались целыми, если не считать одного места, где осыпалась ниша и пол изменил свой наклон; дальше туннель шел вниз так же круто, как поднимался. Он сделался гладким, будто обмазанный маслом.

Свет не мерк, и Валерия начала различать на стенах рисунки. Это вполне могли быть узоры из крошечных драгоценных камней, вправленных в стены, — казалось, они сверкают. Стараясь разобрать, что же это такое, Валерия внимательно пригляделась к одному из узоров и увидела, что он изменился у нее на глазах: изображение одного животного сменилось изображением другого, затем третьего.

Сначала это был лев, затем огромная рыба, и Валерии показалось, что третьим был дракон. Остальные представляли тварей, которых, решила она, ей совсем не хочется рассматривать и тем более встретить.

Хотя свет не изменился, Валерия начала чувствовать, что кожу ее щекочет движение воздуха. Нос ее сморщился

от усиливающейся вони чего-то давно мертвого и совершенно разложившегося. Она оторвала еще одну полоску от рубахи Конана и закрыла нос, киммериец сделал так же.

После поворота, где от стены отвалилась большая плита, почти перегородив туннель, они вышли в пещерный зал размером с тронный. Свет, казалось, жался к полу, так что потолок зала терялся в тени. Дальняя стена на расстоянии полета стрелы также тонула во мраке.

Пол пещеры почти весь был покрыт ковром из грибов. Они поднимались огромными плитами, доставая Валерии до пояса; большей частью они были бледные и дряблые, но с полосами более здорового коричневого цвета. С их ножек капала маслянистая жидкость, которая превращала почву в мерзкую кашу, и многие из этих грибов, казалось, были наполовину объедены.

На этот раз на разведку направились вдвоем. Не надо было выражать словами понятное им обоим: в этой пещере одному ходить опасно.

Проходя вдоль стены, они обнаружили еще обглоданные грибы. Один участок был выеден полностью, и там среди сгнивших остатков уже росли молодые грибы.

— Эти грибы растут быстро, — заметил Конан. — Достаточно быстро, могу поспорить, чтобы кто-то мог ими кормиться.

Обогнув зал наполовину, они нашли место, где грибы росли гуще, запах гнили был сильнее. Валерия сделала шаг вперед и ударила мечом по самой большой шляпке гриба. Она развалилась, рассыпав пыль и споры, и открылось массивное ребро — часть останков какого-то неземного существа.

— Кто-то действительно ими кормился, — сказала она. — А теперь поменялись ролями.

— Если их могут есть звери... — произнес он.

У Валерии скрутило желудок, и последние остатки обезьяны чуть не покинули его.

— Птицы и обезьяны — хорошая примета. Но эта тварь рождена колдовством, оставшимся со времени строителей туннелей. Кто знает, что она может перевернуть из того, что нас убьет?

— Правильно, но мы не нашли никакой другой пищи, ни воды. А в этих грибах, похоже, есть внутри вода.

— А...

— Вначале я попробую. Если пальцы у меня не по-зеленеют и не отвалятся...

— Ха! Киммериец ничем не лучше этого зверя, чтобы проверять на нем пищу для нормальных людей. Я видела, как ты ел то, что подавали в солдатских тавернах в Сухмете.

— Что было лучше, чем паек, я бы сказал.

Валерия вскинула руки, в шутку изображая жест отворачивания.

— Если только у тебя желудок и кишки из железа. Я предпочту три года есть солонину из бочки. Во имя Эрлика, я бы лучше съела саму бочку!

— Слишком жестко, на мой вкус, — сказал Конан.

Валерия с удовольствием заметила, что он все же приближался к грибу, будто это ядовитая змея, потрогав его вначале кинжалом и лишь потом отрезав. Он также постарался поймать отрезанный кусок, прежде чем тот коснется земли. Затем взял в рот кусочек, который мог бы поместиться в наперстке и еще бы осталось место. Пожевав немного, Конан проглотил его.

— Жирный, как волосы у стигийской блудницы, — сказал Конан. — Но в остальном я ел пищу и похуже.

— И сколько времени тебе понадобится, чтобы вспомнить, где и когда?

— Ну, дай мне примерно год...

Конан прервался и приложил руку к уху. Валерия сделала то же самое, положив другую руку на рукоять меча, но ничего не услышала.

— Вероятно, эхо играет шутки в этой могиле, — произнес наконец Конан.

Валерии не понравились сказанные им слова.

Киммериец отрезал еще один кусочек гриба чуть больше и разделался с ним так же, как и с первым. Проглотив, он облизнулся:

— Еще жирнее, чем первый, но ничего не могу сказать против, — проговорил он. — погоди немного, пообедаем, пока он не усидится у меня в желудке...

Раздалось не то рычание, не то крик, но в любом случае нечто жуткое. Пещера подхватила звук и отдала эхом, пока Валерии не стало казаться, что они находятся

внутри огромного барабана, по которому лупит сумасшедший.

Она сама предпочла бы сойти с ума, чем видеть то, что вошло, переваливаясь, в пещеру из другого туннеля. В загравке оно было в человеческий рост, а от глаз начинались торчащие костяные пластины, которые защищали толстую шею. Пунцовые шары размером с дыню глядели на Валерию и киммерийца из-за двух крепких рогов, торчащих вперед из рыла с клювом. С хвостом тварь была больше корабельной шлюпки, а если судить по тому, как ноги ее уходили в землю, она была тяжелая, как слон.

«Еще один дракон, и никаких яблок Деркеты, чтобы убить его», — была первая мысль Валерии. За ней последовала более радостная: «У меня хороший товарищ для последней битвы».

Будто они уже долгие годы сражались вместе, Валерия и Конан разошлись, чтобы тварь не могла напасть на обоих одновременно. Валерия внимательно изучала рога и торчащие пластины. Если те и другие окажутся не слишком острыми, за них можно будет удержаться. Затем хорошего удара мечом или кинжалом может хватить этой твари, так же как и крокодилу.

Вместо того чтобы напасть, зверь снова закричал. Он, казалось, ждал ответа или, возможно, ждал, пока не стихнет эхо. Но и тогда он все еще не нападал. Он грузно подошел к краю участка, заросшего грибами, опустил морду и откусил кусочек.

— Эта скотина не дракон, — сказал Конан. — Это тот, кто ест грибы.

— Тогда что убило другого... — начала Валерия.

В следующее мгновение она уже сама нашла наиболее вероятный ответ на свой вопрос. Хотя и плохо видящее, существо имело достаточно острый слух. Оно повернулось в сторону, откуда исходили голоса, и Конан жестом дал сигнал соблюдать тишину.

Валерии не нужны были команды. Она еще больше увеличила расстояние, отделяющее ее от товарища. Если зрение достаточно плохое, зверь может оказаться не в состоянии разглядеть двух противников, не то что напасть на них. Тогда один из них может погибнуть, но у другого будет возможность расправиться со зверем.

Если тварь и видела их, она ничем это не показала. Валерия подумала, что, вероятно, животное так плохо видит, что может замечать лишь движение. В следующее мгновение тварь опустила морду и снова стала есть.

Ело это существо отнюдь не изысканно. Оно залезло, чавкая и хлюпая, в группу тесно росших грибов размером с аквилонский огород. Чавканье, рыгание и шум шагов зверя отдавались эхом. Внимание твари можно было обратить на себя, лишь протрубив у ней над ухом из ка-валерийского горна, не меньше.

Насытившись, она подняла голову и поковыляла к останкам другого животного — ее жертвы, вероятно павшей в смертельной схватке за обладание пещерой, полной пищи. Тварь подошла к телу, с шумом обнюхала, затем подняла голову и протрубила вызов громче прежнего.

Валерии казалось, что в уши ей вгоняют раскаленные гвозди, но она не сводила с твари глаз. Зверь, может, и плохо видит и не много слышит из-за собственного шума, но он явно чувствует присутствие чужого.

Конан дал знак Валерии подойти поближе. По-прежнему следя за чудовищем, она опустилась на колени и на четвереньках поползла между грибов. Киммериец стоял неподвижно, как идол в храме, наблюдая, как тварь обходит вдоль стен, и ждал, когда к нему подползет Валерия.

— Нам придется сейчас с ним встретиться, — прошептал он. — Зверь почуял на своей территории чужого. Если мы не убьем его, он найдет нас и набросится неожиданно.

Валерия была готова согласиться. Челюсти зверя были гладкими костяными пластинами, зубов там было не больше, чем в клюве у цыпленка. Они были также достаточно большими, чтобы проглотить Валерию целиком, и достаточно сильными, чтобы сломать кости Конана, как ветки.

Конан и Валерия снова разошлись. Они находились в сорока шагах друг от друга, когда из туннеля, через который они вошли в пещеру, повеял легкий порыв ветра. Ветерок пролетел мимо них, и Валерия замерла и даже остановила дыхание, ожидая ответа зверя.

Ответ пришел — опять вызов, подобный грому. Не успело затихнуть эхо, как зверь ринулся. Будто тяжело-грузное судно в бурном море, он продрался сквозь

грибы, топча одни, разбивая другие. Голову он держал низко, выставив рога вперед, как таран галеры. Валерия стояла неподвижно, пока зверь надвигался на них.

В следующее мгновение Конан выскочил вперед, буд-то камень, выпущенный из пращи. Он схватился руками за рог и прыгнул через морду зверя, желая приземлиться на шею животного.

Но каким-то образом стальная хватка подвела его. Вместо того чтобы четко сесть верхом, он упал на живот поперек шеи зверя. Киммериец соскользнул и упал, пере-катившись, потеряв в падении меч.

Валерия наполнила легкие и издала крик — будто душа, терзаемая вечными муками. Голова зверя обратилась к Валерии, — боги, очевидно, решили, что Конану суждено погибнуть, а ей расправиться со зверем, но Валерия из Красного братства не позволит такие вопросы решать за себя ни человеку, ни богу.

Тупое животное не смогло сообразить, что противников двое. Оно снова протрубило вызов и начало пятиться.

— Теперь вместе! — крикнул Конан.

Эти слова заставили зверя повернуться к нему, но киммериец был снова на ногах и вооружен. Валерия уже видела прежде, что киммериец одинаково быстро может передвигаться и вперед и назад; теперь она увидела это вновь. Отступая, он увлекал зверя за собой, и тот позабыл, что вообще чуял второго противника. Вспомни он о Валерии — это было бы смертным приговором.

Пиратка прыгнула, легконогая, как кошка, вскакивая туда, куда Конану не удалось. Она приземлилась верхом на шею, ухватила за край пластины и встала на ноги, готовая к удару.

Когда она ударила, зверь встал на дыбы. С быстротой и ловкостью, приобретенными при лазании по такелажу десятка судов, Валерия доверила свой меч лиане, прикрепленной к кисти, и ухватила за шейные пластины двумя руками. И руки и лиана хорошо выполняли свои функции, пока Валерия, как кукла, болталась на шейных пластинах. Зверь зашипел, зарычал и завыл одновременно, затем стал мотать головой, стараясь избавиться от помехи.

Это дало возможность киммерийцу нанести удар по незащищенному горлу зверя. Меч звенел, рассекая воздух, чешуи размером с ладонь и плоть. Вогнанный двумя крепкими руками, меч нанес смертельную рану.

Крик животного захлебнулся, оно захрипело, и из пасти полилась кровь. Зверь, однако, не упал, и Валерия подтянулась и забралась на пластины. Мгновение она держала там равновесие, будто на вершине мачты в шторм, с изяществом привычного к таким вещам матроса.

Затем ее меч ударил в тонкую кость между пунцовых глаз. В следующее мгновение Валерия летела по воздуху, будто со сломанной мачты. Она приземлилась среди грибов, что смягчило падение и отчего она вся покрылась жиром.

Когда Валерия поднялась на ноги, то увидела, что Конан уводит от нее зверя. Тварь истекала кровью и явно ничего не видела, но все же не падала! Валерия прокляла всех тех незаконных детей, вшивых приматов, которые создали эту колдовскую тварь.

Будто проклятие оказалось магической формулой — животное обрело новую силу. Оно бросилось на Конана, и киммерийцу пришлось побежать, чтобы сохранить дистанцию. Челюсти лязгали, и животное вдруг развернулось в сторону туннеля, через который Конан и Валерия вошли в пещеру.

Зверь развернулся ко входу и кинулся в него с упрямым бешенством, словно ответы на все его несчастья скрывались в этом туннеле. Тварь пронеслась по пещере быстрее, чем смогла бы бежать Валерия; аквилонка успела лишь заметить, что Конану едва удастся не попасть в челюсти.

Затем киммериец и тварь вместе достигли входа в туннель. Боевой клич Конана, последний вызов чудовища и шум осыпающихся камней слились в давящий уши гул. Эхо металось по пещере, многократно отражаясь.

Валерия, упав на колени, видела, как густое облако пыли поднимается из туннеля. Снаружи ничего не было видно, кроме кончика хвоста животного, бессильно мотающегося по сторонам. Затем хвост стал лишь подергиваться и наконец замер.

Валерия отдала команду своим рукам не дрожать, а коленям держать ее и пошла к осыпавшемуся туннелю.

Она не представляла себе ясно, что будет делать там, кроме того, что будет искать тело Конана. Если только его придавило туловищем животного, а не осыпавшимся камнем, она, вероятно, сможет прорубиться сквозь плоть зверя...

Из облака пыли появилась темная массивная фигура.

Валерия зажала рот свободной рукой, чтобы подавить вырвавшийся крик. Другая рука подняла меч, если только он будет полезен против духа...

— Валерия!

Рот Валерии открылся, но она не издала ни звука. Она не опустила меч и не сдвинулась с места, когда Конан подошел к ней.

Его руки, обнявшие ее тело, так успокаивали, что Валерия удивилась, почему она раньше не просила его об этом. Спустя немного времени она перестала дрожать, а еще немного погода обрела голос.

— Ну и хорошо, что мне не придется лезть за тобой второй раз. На мне почти не осталось ни одной тряпки, а шкура этого животного, кажется, слишком груба для одежды.

Конан пожал плечами:

— Я тебе уже говорил, какой наряд тебе больше всего подходит. Если не веришь мне, то это лишь доказывает, что ты не доверяешь мужчинам.

— Я доверяю им настолько, насколько они этого заслуживают, — с достоинством ответила Валерия. Она почти соединила большой и указательный пальцы, оставив между ними расстояние в толщину волоса. — По крайней мере, настолько.

Валерия с облегчением заметила, что рука ее не дрожит.

— Нам лучше двинуться в путь, пока этот шум не привлек сюда всех родственников нашего друга, — сказал Конан. — Но пути назад нет. Он завален камнями и телом животного.

Валерию ничуть не порадовало, что единственный выход из пещеры круто спускается вниз. Но, по крайней мере, там светло, во всяком случае на том отрезке, что виден, и сыро, что указывает на близость воды.

Она обернулась и увидела, что Конан отрезает от гриба кусок размером с охотничью собаку.

— Паск в дорогу? — спросила Валерия. При этой мысли ее желудок хотел вывернуться наизнанку, но был так голоден, что вместо этого лишь проорчал.

— А почему бы и нет? — ответил Конан, кинув Валерии кусок гриба. — Если бы он убивал быстро, я лежал бы мертвым вместе со зверем. Если я буду жив ко времени нашего следующего привала, то я скажу, что он не совсем ядовит.

Валерия взяла кусок гриба под мышку и сунула меч в ножны.

— Конан, ты умеешь заставить женщину пожелать тебе долгой жизни!

Глава 5

Конан шел впереди по туннелю, ведущему вниз. Если и появится какая-нибудь опасность, то она скорее всего будет исходить от другого зверя, пришедшего на шум. Ну и пусть приходит, сказал себе киммериец, пусть только подождет, пока он и Валерия уберутся с дороги!

Туннель ровно шел вниз, и воздух становился совсем влажным. Он не был зловонным, как можно было ожидать на такой глубине, где столько гнили и дохлятины.

Конана это утешало мало. Здесь кругом было опустимо древнее колдовство: оно рождает свет, очищает воздух и дает жизнь неизвестным чудовищам кроме тех, которых они уже повстречали.

Он предпочитал меч и дикие джунгли, но каждый их шаг явно уводил в глубь этих нор.

Было ясно, что и тот зверь, и его сородичи много раз проходили по этому пути. Даже на самых твердых камнях стен и пола были царапины от когтей. В каменных щелях застряла чешуя нескольких оттенков. В одном месте бронзовый столб, толщиной с руку Конана, был согнут почти пополам под натиском чего-то огромного и сильного.

Один раз им встретилось ответвление, и Конану показалось, как очень далеко отходящий туннель начинает подниматься вверх. Это оказалось не иллюзией, но еще через пятьдесят шагов был поворот, а прямо за ним — тупик.

И тупик не был естественным обвалом. Путь преграждали громадные двери из каменных плит, вставленных в то, что казалось позолоченной бронзой. Конан увидел выложенные бронзой канавки, скользя по которым двери могли раздвигаться, уходя в ниши по обеим сторонам туннеля.

Самая меньшая из плит весила больше, чем киммериец, а самый тонкий металлический брус обрамления был толще ноги Валерии. Некоторые брусья были сделаны в форме змеи, змеи вились и по плитам, выложенные мельчайшими драгоценными камнями или искусно вырезанные в камне.

Конану и думать не хотелось о том, какие заклятия могут понадобиться, чтобы сдвинуть эти двери. Заклятия или, возможно, приспособление, которое могло бы сравниться с приспособлениями потонувшего Атлантида, рядом с которым и осадные машины Кхитайа будут детскими игрушками.

— У этих змей зеленые глаза, — прошептала Валерия. Она тоже прониклась благоговением, находясь в месте, где веяло древностью. — Может, это Золотые Змеи?

Конан внимательно рассмотрел изображения. Позолота кое-где стерлась и во многих местах потускнела, но действительно глаза всех змей, вырезанных или выложенных, были из крошечных зеленых камней. Рассмотрев их еще внимательнее, он заметил, что драгоценные камешки как бы светятся изнутри, как огненные камни, виденные им в Ксухотле.

— Ха! Мы, вероятно, нашли место, где в древности было логово Золотых Змей, — сказал он. — Ради них стоило бы построить такую дверь. Она выдержала бы и таран галеры.

— Тогда будем надеяться, что она справится со своей задачей, пока мы не выбрались из этих пещер, — ответила Валерия.

— Женщина, где же сердце истинного пирата? — как бы презрительно спросил Конан. Он ткнул пальцем Валерию в ребра.

Она несильно ударила его по руке:

— Уже давно ушло в пятки, однако я тебя кастрирую, если ты хоть слово об этом скажешь. — Она потеряла

свой живот: — И желудок тоже скоро там будет. — Она посмотрела на кусок гриба у себя под мышкой: — Это действительно можно есть?

— Я еще не отравился.

— Да, только я вдоволь наемся, как ты наверняка начнешь корчиться и тут же сдохнешь.

Бронзовая дверь прекрасно бы защитила их с тыла, но кто может сказать, что лежит по другую сторону? К тому же, если один из зверей почует их след и придет сюда, они окажутся в ловушке.

Поэтому, чтобы поест, они вернулись к месту отвлечения.

— Вкус как у сырых морских слизняков, — сказала Валерия, съев несколько кусочков.

— Ну и как слизняки? Я слышал о них, но говорили, что невареные они ядовиты.

— Яд удаляется не варкой. Там на голове есть точка, которую надо вырезать, иначе слизняк перетравит весь экипаж. Но если ловко орудовать ножом, его быстро можно приготовить, и этот слизняк в некоторых землях считается лакомым угощением. В основном, правда, южнее, чем мы заходили. Но в одно жаркое лето слизняки размножились так, что встречались и севернее, чем обычно.

Они съели гриба столько, сколько посчитали разумным, в тишине, которая даже показалась приятной. Конан поклялся, что, если он и Валерия доживут до того, чтобы добраться до какой-нибудь земли, где есть заведения, в которых можно цивилизованно поест, он угостит Валерию так, что она не скоро забудет.

А пока прошли они уже достаточно долго и много и чувствовали усталость. Они бросили кусочек гриба, чтобы разыграть, кому первому стоять на посту, и честь эта выпала Конану.

— А нужно ли нам вообще стоять на посту? — спросила Валерия. Она плотно прижала руку к побитым ребрам Конана. Он глубоко вздохнул, но не от боли, причиненной прикосновением.

— Я не хочу закончить жизнь в желудке одного из этих зверей или быть растоптанным ими. А здесь могут шататься не только они.

— Ну вот, теперь ты добился того, что я глаз не сомкну из-за кошмаров, которые ты мне описал! — Но слова ее, однако, были притворными.

Конан взял ладонь Валерии и мягко отстранил ее от себя.

— Во всяком случае, не теряй свой сон из-за меня. Я получал травмы и посильнее, когда был мальчиком. Однажды, например, я упал с крыши, которую мы с отцом чинили.

— Как хочешь, Конан, — сказала Валерия. Она отвернулась и устроилась так, чтобы можно было видеть все направления. Конан позволил себе некоторое время повосхищаться прекрасной фигурой девушки. Затем он положил меч рядом с собой, скинул сапоги и лег в надежде заснуть, если это возможно на холодном каменном полу, где все вокруг пропитано колдовством.

Хижина, в которой спал Добанпу Говорящий с духами, когда он посещал самую большую деревню Ичирибу, была местом теней и тонких запахов. Сейганко даже казалось, что там в траве, покрывающей крышу, живет ручной дух и не впускает свет.

Запах был смесью ароматов травы, дыма очага, на котором готовят пищу, дыма сжигаемых трав и масла, которое Эмвайя втирает в свою кожу. Сейганко вспомнил то время, когда она в первый раз предоставила ему честь натереть ее маслом. Тело его напряглось от воспоминания и предвкушения страсти.

В своем углу хижины Эмвайя сидела будто резная фигура. На ней была самая простая набедренная повязка и единственное костяное украшение в волосах. Лицо ее было мрачно, когда она, оторвав свой взгляд от отца, взглянула на своего жениха.

— Ты спросил, что мы должны делать, отец? — сказала она.

— Обычными словами, — ответил Добанпу. Лишь в голосе сохранилась у него сила, хотя он еще не совсем утратил крепкие мускулы и широкие плечи. Он видел, как шестьдесят раз смена времен года совершала свой

круг, и пережил всех детей от своих первых жен, и всех, кроме Эмвайи, из своей второй семьи.

Поговаривали, что эти потери являются платой за то время, что он проводит в пещере духов. Но даже и те, кто говорил так, произносили это шепотом. Говоря же в полный голос, они превозносили мужество, с каким Добанпу переносил эти потери. Вслух они не высказывали сомнений в мудрости его решения обучить дочь искусству Разговора с духами — разве только тогда, когда Эмвайи не было рядом. Некоторые называли ее язык самым смертоносным оружием Ичирибу.

Добанпу поднялся, потягивая конечности, затекшие от долгого сидения.

— Я хочу знать твои мысли относительно того, что мы должны делать, — сказал он. — Я не для того пошел против всех обычаев, обучая тебя своему искусству, чтобы ты сидела немая, как царевна-лягушка в легенде Миоста!

— Ты спросил — я отвечаю, — сказала Эмвайя. — Мы должны следить за Аондо. Или, еще лучше, забрать у него оружие.

— Аондо нужен среди воинов, — отвечал Сейганко.

— Даже у тебя за спиной?

— Если за ним хорошо следить, то даже у меня за спиной, — уверенно ответил вождь. — Мы ничего не можем сделать против него, не теряя чести и не нанося оскорбления.

— Если он почувствует оскорбление, он может бросить тебе вызов. И это будет конец для него.

Добанпу тихо рассмеялся:

— Дочь, ты слишком доверяешь умению своего жениха. Аондо так силен, что неважно, что он двигается как завязший бегемот. Помни, что, когда его огромные челюсти доберутся до жертвы, это верная смерть.

— Конечно, — сказал Сейганко. — А ведь нога любого человека может поскользнуться, если удача отвернулась от него и духи не с ним. Они также могут покинуть меня, если увидят, что я хитростью вынудил проверенного воина, такого как Аондо, участвовать в смертельной дуэли.

— Это ты говоришь о том, что могут сделать духи? — бросила Эмвайя.

— Да, если тебе это не нравится, можешь попросить своего отца, чтобы он перестал меня обучать!

Воин и женщина яростно глядели друг на друга какое-то мгновение, в то время как Добанпу, подняв взгляд к тени под потолком, казалось, просил духов лишить его на несколько мгновений слуха, чтобы он не слышал, как те двое, которых он так любит, выставляют себя дураками. Наконец Эмвайя опустила взгляд. Сейганко знал, что это вся просьба о прощении, которую он получит. Но Эмвайя сейчас была настроена слушать, и он мог говорить более свободно.

— А также я думаю, что Аондо не первый из наших врагов среди воинов. Самый горластый, признаю. Но первый? Нет, я думаю, что больше опасности исходит от того, чье имя я не знаю, но о чем присутствии могу догадаться.

— Шпион Чабано? — спросила Эмвайя.

— Его, или Посвященных богу, или обоих.

— Дерзкий человек, если думает служить обоим, — задумчиво проговорил Добанпу. — Говорят, и говорят многие, что дружба между Верховным Вождем и Посвященными богу непрочна.

— Тем более стоит в таком случае сохранить шпиону жизнь, — сказал Сейганко. — Человека, который доставляет донесения, можно заставить доносить ложные вести, чтобы его хозяева вцепились друг другу в глотки.

— Ты играешь жизнями, как мячом, — произнесла Эмвайя раздраженно.

— А как иначе, дочь? — спросил Добанпу. — Изучишь мое искусство немного лучше — и ты поймешь, почему иногда должно быть так. А если нет, брось изучение Разговора с духами, выйди замуж за Сейганко, роди ему сыновей, веди хозяйство и управляй младшими женами...

— И погибни, когда Кваньи и Посвященные богу нападут, запашут наш прах в землю, прежде чем отправиться дальше на юг, сметая на пути все! — воскликнула Эмвайя. Сейганко показалось, что она готова разрыдаться.

Бури ее были сильными, но быстро проходящими, как и бури на Озере смерти. Она поморгала, затем попыталась улыбнуться.

— Отец, Сейганко! Я знаю цену любому другому выбору. Может быть, цена будет той же, даже если я пойду путем, который ты мне указал. Но я не должна радоваться тому, что боги послали Ичирибу.

— Только глупец будет требовать этого от тебя, — произнес тихо Сейганко. Он хотел обнять ее, но решил, что сейчас не время. — Ты видишь здесь вокруг себя глупцов?

Эмвайя засмеялась:

— Еще нет.

— Тогда продолжим то, что начали, — сказал Добанпу. — На самом деле я думаю, что наличие шпиона заставляет оставить Аондо в живых. Сам Аондо едва ли может быть тем шпионом, но я поспорил бы на целую хижину сорго и новое каноэ, что он знает, кто этот человек. Охотник знает, что след детеныша леопарда может вывести к логову.

Валерия уже потеряла всякое представление о том, как долго они шагают по этим бесконечным подземным переходам. Они попали не просто в подземный город, это было подземное королевство. Они уже трижды прошли путь, равный расстоянию от одного края Ксухотла до другого.

У Валерии не было никакого понятия о том, в какую сторону они идут. По ее представлению, они вполне могли ходить кругами.

Там, где они встречали тупики или лестницы, заканчивающиеся непроходимой преградой, они не поворачивали назад. Они шли вперед, но к какой цели, знали лишь боги.

Место это с хитроумно обработанными камнями, звёрами и заклётиями невероятной древности, казалось, было так же далеко от взора богов, как и от лучей солнца. Если и придется искать ответы на какие-либо вопросы, ей и Конану надо будет искать их без чужой помощи.

Как и всегда, когда Валерия замечала, что мысли ее начинают биться, как птица в клетке, она для успокоения занимала место впереди. Необходимость быть постоянно начеку кое-как приводила ее мозги в порядок. Киммериец,

без сомнения, догадывался об этом, но вежливость в отношении к боевому товарищу сдерживала его язык.

Перед ними открылась другая пещера. Или, скорее, зал. Когда-то это действительно могла быть пещера, образованная в скале за миллиарды лет просачивающейся, каплюющей и льющейся водой. Сейчас подземный поток, проделавший эту работу, тек по желобу, пробитому в полу из бледно-розового камня, отшлифованного так, что он казался шелковистым на ощупь и слегка поблескивал даже в тусклом колдовском свете.

Стены и потолок были из природного камня, но обработаны так, будто все сделано каменщиками. Хотя каменщики это и сделали, пусть даже пользовались они колдовством вместо кувалды и зубила.

Конан опустился на колени рядом с желобом и обмакнул в воду палец:

— Свежая, холодная, как задница гиперборейца, и течет быстро. Кто за то, чтобы искупаться перед тем, как напиться вволю?

Валерия сбросила свою одежду еще до того, как киммериец закончил говорить. Она больше не стеснялась взгляда Конана и даже сочла бы его лестным. С тех пор как они вышли из Ксухотла, она несколько похудела и стала стройнее, но Конан этого, казалось, не заметил. Или можно притворяться, что не замечаешь, и это еще одна форма вежливости между боевыми товарищами?

Они оба весело поплескались в желобе, достаточно глубоко, чтобы можно было сесть, погрузившись по шею, если бы только вода не была такой холодной. Затем они начали пить, пока Валерия не почувствовала, что желудок у нее полон водой.

Валерия стала на колени у желоба и прополоскала свою одежду. Отжав ее, она встала и начала обматывать свои ноги.

— Сколько мы здесь уже пробыли? — спросила она, когда закончила с левой ногой.

— Если считать по тому, сколько раз мы спали, — три дня. В крайнем случае, четыре.

— Во имя клыков Сета, мне казалось, что больше!

— Вполне допускаю, но не спеши с оценкой времени. Это ведет к сумасшествию.

— Лучше скажи мне то, чего я не знаю, Конан! Ты был когда-нибудь столько времени без солнца?

— Да.

Тон его ответа не побудил ее к дальнейшим расспросам. Она оставила это. Она уже поняла, что одними из своих приключений он похвывается в тавернах, другие же он заберет с собой как тайну в могилу. Валерия молила лишь о том, чтобы ни его, ни ее могила не оказались в этом позабытом богами пустынным подземелье.

Он встал и какое-то мгновение держал ее за плечи, вытянув руки перед собой.

— Нас может порадовать следующее: мы не ходили кругами, и мы перебрались далеко за реку. А также мы все чаще встречаем лучше отделанные и обработанные переходы.

— Мы приближаемся к сердцу этого города?

— Если это назвать городом, то я бы поклялся, что да. А там, где сердце города, там сокровища и удовольствия. А возможно, и выход на поверхность!

Он отнял руки с ее плеч, и Валерия ощутила мгновенное желание схватить их и вернуть на прежнее место. Она рассмеялась, представив себе картину, как она и Конан будут валяться на твердом полу, пока не скатятся в желоб и не охладят свой пыл!

— Если ты находишь, над чем можно смеяться в нашем положении, женщина, я возьму тебя куда угодно!

Валерия чуть было не ответила: «А я пойду за тобой». Но она вряд ли может ожидать, что выполнит это обещание. Она принадлежала Красному братству и слишком долго не признавала над собой никого, чтобы измениться сейчас.

— Давай вначале узнаем, куда нам идти, чтобы выбраться отсюда, Конан, — сказала она. Затем села и начала обматывать другую ногу.

— Вперед!

Чабано, Верховный Вождь Кваньи, стоял на краю площадки, устроенной на дереве, и обращался к сотне воинов внизу. Младшие вожди подняли руки, отдавая честь, а воины ударили копьями о щиты.

Затем воины Кваньи бросились на врага. «Врагом» были лишь пни, но атака не была безопасной. Чабано об этом позаботился.

Первый воин упал до того, как отряд достиг пней. Трава, скрывавшая яму, провалилась под его ногами. Он, однако, не упал на самое дно и не наткнулся на кол, обмазанный навозом, чтобы в рану попала зараза. Воин отчаянно взмахнул руками, ухватился за край ямы и выбрался, не упав в нее. В следующее мгновение он был уже на ногах и догонял своих товарищей. Они уже далеко оторвались от него, но Чабано не считал это тяжелой провинностью.

Глаза этого воина, видно, оказались недостаточно зоркими, но ловкость и сообразительность спасли его. Он даже не выронил ни копья, ни щита, за что мог бы заслужить побор.

Еще два воина споткнулись о лианы, натянутые между пней. Один из упавших не смог достаточно быстро подняться. Чабано видел, как младший вождь подбежал к воину и с силой ударил по спине мбокой из змеиной кожи. Воин вскочил, быстро сделал жест повиновения и бежал дальше.

Другой из упавших вообще не поднялся, но, значит, была причина, по которой он остался лежать среди лиан. Пытаясь удержаться на ногах, он ударился головой о пень. Без сомнения, он был сейчас без сознания, может даже умирать, ну и не велика потеря. Если бы меньше думал о позорном наказании мбокой, а побольше о том, как его племени нужны все его воины, с ним бы этого не случилось и он сейчас бы бежал.

Часть воинов добежала до поля, уставленного пнями, фалангой слишком расстроенной, чтобы понравиться Чабано. Младших вождей, решил он, ждет сегодня вечером одна из малых ордалий.

Сейчас воины яростно выполняли упражнения со щитом и копьем, бросая малое копье, захватывая краем щита копье противника, затем атакуя большим копьем открытого противника, потому что его копье захвачено и он выведен из равновесия. Воины знали, что это делается не просто ради удовольствия богов или даже Чабано, который был ближе, чем боги, и поэтому более

достойный того, чтобы его боялись. Это означало победу в тот день, когда Озеро смерти уже не будет закрыто Ичирибу для Кваньи. Победу над всеми племенами, куда они только ни решат направить свой поход.

Тогда всем членам племени Кваньи достанутся и рабы, и пища, и хижины, достойные вождей, и честь в глазах людей и богов. Они будут выглядеть героями в глазах также и Чабано; который сделал их такими, какие они есть, и который будет их вождем, когда они станут еще более великими.

Чабано спрыгнул с площадки. Хотя он уже видел сорок раз, как смена времен года совершает круг, его глаза и его выносливость были как у молодого человека. Он пружинисто шел к воинам, легко ступая ногами, выкрашенными в красный цвет — знак отличия Верховного Вождя.

— Слава Чабано! — выкрикнули младшие вожди. Воины повторили приветствие, затем снова ударили копьями о щиты.

— Молодцы, — сказал Чабано. — Не совершенно, но лишь боги совершенны.

— Так говорят Посвященные богу, — крикнул один из воинов. Нужно принадлежать к племени Кваньи, чтобы слышать издевку, заключенную в этих словах. Посвященные богу — не Кваньи, и для них эти слова показались бы полными почтения.

«Пустого почтения, пустого, как и их головы».

Лишь только если кто-нибудь из воинов Кваньи пал так низко, что шпионит в пользу Посвященных богу, то только тогда узнают они, что над ними издеваются. Чабано отказывался верить, что кто-либо из людей, у кого он принял клятву, кого обучил, кем руководил во время ордалий, битв, ритуалов, может быть столь низок.

Даже если один и предал, Чабано все же имеет преимущество. Он нашел себе глаза и уши среди Посвященных богу до того, как те могли бы найти шпиона среди его воинов.

Положение солнца над деревьями напомнило ему, что сегодняшние военные учения почти закончены, чего еще нельзя сказать о его работе. Он прикрепил свой щит за спиной тремя, как требует ритуал, оборотами ремешка, и взял копье поперек груди двумя руками, согласно обычаю.

— Воины Кваньи, я должен идти говорить с богами. Сегодня вы доставили мне удовольствие. Ночью вы можете доставить удовольствие себе.

Это означало мучение для рабынь, а также, возможно, и для некоторых свободных женщин, кому не повезет. Это будет также мучение для сестер-пивоварок, которым придется тяжело потрудиться, чтобы утолить растущую жажду воинов. Были случаи, когда жаждущий воин не обращал внимание на то, что женщина носит головное украшение свободной Кваньи.

— Мы пойдем с тобой всюду, куда позволят боги, — сказал один из младших вождей.

Сейчас время нагонять страху, а не проливать кровь. Чабано медленно опустил копье, так что его тупой конец погрузился в землю. Без видимого усилия он вогнал тупой конец на половину длины копья в почву джунглей.

Затем он снял со спины щит, выдернул копье и поймал его так, что острый конец уперся в грудь младшего вождя.

Младший вождь знал, что любое внешнее проявление страха, бьющегося внутри, вгонит копье ему в грудь. Он даже не сделал жеста повиновения, хотя не сводил глаз с Чабано.

— Боги требуют, чтобы мы оставались здесь? — спросил младший вождь. Нужно было обладать большой смелостью, чтобы задавать вопрос.

— Требуют, — ответил Чабано. — Ты сомневаешься в их словах?

— Боги говорят, но всегда ли они говорят ясно? — настаивал младший вождь. Чабано решил, что такая храбрость заслуживает, чтобы ее наградили. Надо было прекратить это представление.

— У тебя больше мудрости, чем у тех, кто считает, что послания богов имеют лишь одно значение.

Это был укол в адрес Посвященных богу, который мог грозить неприятностями даже Чабано, если те об этом узнают. Вождь, похоже, был мало этим озабочен.

— Но если боги пожелают, чтобы я был мертв, я буду мертв, даже если все Кваньи пойдут со мной. Если боги хотят моей безопасности, я могу пойти один на сегодняшние переговоры. Идите и найдите себе более хорошую компанию, чем та, в которой я сейчас буду!

Воины ухмылялись, переглядываясь, слыша, как вождь дерзко подшучивает даже над самими богами, а не просто над Посвященными богу. Затем они подняли копья, издали боевой клич и зашагали в джунгли.

Чабано подождал, пока последний из воинов не скрылся из виду, прежде чем встать на тропу, которой он намеревался идти. Даже после этого он переждал еще некоторое время, спрятавшись и прислушиваясь, чтобы окончательно убедиться, что он на этой тропе один. Он не говорил с богами, но его глаза и уши среди Посвященных богу могли сказать ему больше, чем сами боги.

Конану показалось, что он услышал позади шум. Он отстал, отыскивая место, откуда можно наблюдать незамеченным, но нигде было спрятаться даже мыши, не говоря уже о киммерийце. Он прижался к стене и затаился, как кот, подкарауливающий добычу.

Вдруг он услышал, что Валерия подает сигналы, ударяя рукоятью кинжала о стену. Конан прислушался. Он разобрал условный сигнал: «Иди ко мне как можно скорее, но я вне опасности». Любому другому уху, кроме ушей Конана и Валерии, сигнал показался бы естественным звуком этих пещер, или, во всяком случае, он не сказал бы о человеческом присутствии.

Конан подождал примерно столько, сколько уходит времени у опытной танцовщицы в таверне на то, чтобы скинуть одежду, когда зрители готовы ставить серебряные монеты за каждый скинутый лоскут шелка. Затем он решил, что этот город мертвых может выкидывать шутки даже со слухом бывалого воина.

Он тихо, как кот, подкрался к Валерии. Она, однако, не вздрогнула и не вскрикнула: слух ее стал сейчас острее, чем тогда, когда она только спустилась под землю. Молча она указала в конец туннеля. Жест был более красноречив, чем слова, в которых и нужды не было. Конан увидел, что в ста шагах впереди свет делался зеленым.

Теперь оба крались вдоль противоположных стен, будто хищники на охоте, пытающиеся остаться незамеченными. Оба вынули оружие, оба ступали осторожно, будто шли по осколкам стекла или по спящим змеям.

Они дошли до поворота, где свет менялся, и заглянули в угол. Какое-то мгновение Конан думал, что они действительно наткнулись на спящую змею-чудовище, с какими он слишком часто сражался, чтобы желать новой встречи.

В следующее мгновение стало ясно, что это лишь игра света заставляет змею казаться целой. От нее остался только скелет, хотя он вытянулся шагов на двадцать если считать от черепа с острыми зубами до косточек хвоста.

Свет обманул Конана, свет, который заливал пещеру. Свет, который, казалось, поднимался, как дым, от зеленых драгоценных камней, лежащих толстым слоем вокруг скелета. Свет от огромной массы светящихся камней, о существовании которых Конан не мог даже предполагать.

В Черных Королевствах Конан слышал легенды о Гробнице Слонов. Туда, как рассказывали, отправлялись огромные серые животные, чтобы окончить свои дни. Бивни слонов — столько, что можно купить королевство, — лежат там, ожидая смельчака, который найдет их.

Киммериец никогда не слышал подобных легенд о Золотых Змеях. Действительно, он не слышал, чтобы кто-либо встречал Золотых Змей вообще и видел, что светящиеся огненные камни — их глаза; это лишь легенда, что глаза Золотой Змеи и Огненный камень — одно и то же.

Или, точнее, было легендой. Теперь Конан знал, что это правда. В черепе, большом как лошадиный, сверкали два больших зеленых шара. Свет от них был таким же, как и от драгоценных камней на полу.

Конан тихо и осторожно пошел вперед. Ни одно живое существо не могло бы двигаться тише. Бесшумно он подошел к скелету, опустился на колени и стал изучать глаза.

Теперь он понял, почему от таких огромных тварей, как Золотые Змеи, остается так много огненных камней. Каждый глаз был размером с тарелку и состоял более чем из сорока камней. Некоторые камни были размером с желудь, другие величиной с хорошее боссонское яблоко. Все камни светились тем же неприродным светом.

Конан понял также, почему свет этот не имел ничего общего с природой. Ни одно существо в природе не имеет таких глаз: Золотые Змеи — это создание колдунов. Тех

же колдунов, что выстроили этот лабиринт в скале, где он и Валерия — что может случиться — окончат свои дни? Вероятно. Но колдуны уже давно умерли, и их создания также.

Но даже это слабое утешение оставило Конана. Ветерок, холоднее, чем тот, что гуляет по Киммерии, пробежал у него по спине. На костях змей еще висели куски плоти, золотые чешуйки все еще покрывали их, а запах, исходящий от них, говорил о разложении.

Если бы змея лежала здесь со времен ее создателей, кости ее были бы сейчас голыми либо куски плоти мушифицировались бы под действием воздуха подземелья. Это существо еще было живо, когда Конан ходил по земле наверху, может, даже еще тогда, когда сражался и кутил вместе с бараханскими пиратами.

Конан дал знак Валерии, что она может подойти, затем отошел и встал там, откуда можно было смотреть по всем направлениям. Он ждал, держа меч, пока Валерия осмотрит кости и увидит то, что он уже видел.

Зрение и слух у Чабано были как у воина в два раза его младше. Ему не нужно было обладать такой остротой чувств, чтобы определить, что шпион его приближается, ибо Райку заботился так же мало, что его могут увидеть или услышать, как ребенок. Он был первым из младших Посвященных богу, из Безмолвных братьев, однако отсутствие навыка ходить в джунглях делало его приближение отнюдь не безмолвным.

Чабано воспользовался выигранным временем, чтобы забраться на ветку, растущую высоко над тропой. Когда показался молодой Посвященный богу, топающий, как похотливый боров, Чабано закрепил щит и копье, ухватился за крепкую лиану и прыгнул вниз.

Райку в страхе вскинул руки, когда увидел, что на него, будто с неба, падает Чабано. Он прижался спиной к обросшему мхом стволу дерева и начал безмолвно шептать заклинания.

— Хватит, — сказал Чабано. Он приставил кончик копья под подбородок Райку и слегка поднял его, чтобы тот закрыл рот. — Или ты думаешь, что боги слышат

тебя и не услышат твои начальники? — добавил вождь. — Действительно, ты шел так, будто не боишься никого из людей.

— Я не боюсь, — ответил Райку, — я на земле друзей.

Чабано смеялся дольше, чем нужно однако не убрал копья из-под подбородка. Когда вождь закончил, на подбородке Райку выступила капля крови.

— Или дружба лишь шутка? — спросил Райку. Он стоял, не пытаясь вытереть кровь, и глядел в глаза Чабано.

Снова Чабано решил, что и здесь достаточно отваги, достойной вознаграждения.

— Не шутка. Но и не все Кваньи разделяют эту дружбу. Во всяком случае, не почувствовали бы дружеского расположения к тебе, если бы узнали, зачем ты здесь.

— Кто им скажет?

— Ты скажешь, если кто-нибудь раскалит наконец копья и приложит к твоему телу так, чтобы ты ослеп или не был больше мужчиной, — сказал Чабано. — Не отрицай этого.

— Не отрицаю, — ответил Райку твердо, но он был, казалось, немного смущен.

— И еще. Не топай, как слон, когда приходишь со мной на встречу. Если даже у тебя и нет врагов, они есть у меня, а следя за тобой, они могут выйти на меня.

— Как хочешь. — Затем Райку принял более дерзкий тон: — Можно подумать, что ты боишься, что здесь кругом бродят те, кто победил Ксухотл, а не твои воины!

— Вполне возможно, что бродят. Или твои начальники уверены в обратном?

— Я пришел сказать тебе, что им не известно ничего определенного. Они даже не уверены, что для того, чтобы погубить проклятый город, было применено колдовство.

Чабано считал, что вполне могло оказаться и так, что жители города сами сошли с ума от своего колдовства и без чужих заклятий. Если они передрались между собой и очистили город от своей мерзкой и бесполезной жизни, тем лучше.

Народ Ксухотла слишком долго плодился — и без всякой пользы. Теперь же после них остался прекрасный

город, из которого удобно будет править этими землями, когда Кваньи расправятся со всеми своими врагами.

Но он не будет увлекаться этой мечтой. По крайней мере сейчас, вблизи Райку, который носит звание Безмолвного брата, но глубоко проник в знания Посвященных богу, так что неразумно его оскорблять без достаточной на то причины.

— Тогда что Посвященные богу хотят от Кваньи?

— Кто сказал, что они чего-то хотят?

— Я, Верховный Вождь Кваньи, говорю так. Когда ты приходил ко мне без того, чтобы поведать о желаниях своих начальников? Они не знают о том, что именно ты мне говоришь, но тем не менее ты это делаешь.

— Первый Говорящий хочет, как и прежде, знать все, что ты выведешь о том, как был побежден Ксухотл, — сказал Райку. — Он также хочет возвращения рабыни, взятой Ичирибу в ночь набега.

Это последнее требование было новым.

— Ничего больше?

— Первому Говорящему этого достаточно.

Чабано грубо рассмеялся:

— Я бы сказал, что такой молодой девки будет слишком много для старика. Чего он от нее хочет?

У Райку было достаточно храбрости или достаточно страха перед своим начальником, чтобы бросить гневный взгляд на Чабано, что не многим удалось сделать и остаться в живых.

— Ты что, не знаешь, что делает мужчина с женщиной? Люди посмеются, когда узнают, что великий вождь Кваньи...

— ...вышиб мозги Посвященному богу, слишком распустившему язык, — закончил Чабано. Он сурово взглянул на Райку, и тот замолчал. — Я выясню, что возможно сделать для того, чтобы вернуть девушку, и найду людей для этого. В этом можно не сомневаться.

— Я и не сомневаюсь, — ответил Райку. Он был достаточно умен, чтобы не давать обещаний за своих начальников, которые не знали о его двойной игре. — А что о Ксухотле?

— А что о нем? — бросил в ответ Чабано. — Просить меня найти этих могучих колдунов — то же самое, что

просить змею охотиться на леопарда. Лишь по случайной случайности могу я получить знание, которое стоит иметь.

Жесты и мимика Райку сказали Чабано, что в этом вопросе ничего не изменилось. Посвященные богу не дадут в руки Кваньи ни одной из колдовских сил, какими обладают, даже для того, чтобы узнать, как погиб Ксухотл. Они предпочитают оставаться в неведении, чем делиться с другими своим знанием.

В этом было различие между Первым Говорящим с Живым ветром и Верховным Вождем Кваньи. Ради знания Чабано отдал уже много и еще больше может отдать. Было и еще одно различие. Вождь знал, что Посвященные богу воспользуются колдовской силой победителей Ксухотла даже против Кваньи. Он не позволит им, если только сможет, приобрести силу, которая погубит его народ.

Райку исполнил ритуал прощания охотника с вождем и удалился. Слышно его было на безбожно далеком расстоянии, но, по крайней мере, он старался ступать тихо.

Валерия стояла на коленях рядом со скелетом и горой Огненных камней до тех пор, пока не увидела то, что хотел, чтобы она разглядела, Конан. Затем она поднялась. Казалось, каждое ее движение, каждый вздох могли вызвать эхо и разбудить то, что могло таиться в этом кошмарном каменном лабиринте.

Она попыталась прошептать, но не смогла издать ни звука. Тогда она сделала глубокий вдох, решила, что пусть все страхи поцелуют ее в зад, и громко рассмеялась.

— Так, значит, Золотые Змеи все-таки не легенда? Эта скотина потеряла свою чешую уже давно, но глазки как живые.

Конан кивнул:

— И я думаю, что она посвежее, чем тот труп зверя, что мы нашли в пещере с грибами.

— Лучше бы было наоборот, — сказала Валерия. — Даже целая шляпка того гриба показалась бы мне

пирогом. — Она взглянула на киммерийца: — На что ты смотришь? На новую форму моего живота, после того как я почти ничего не ела последние дни?

Киммериец улыбнулся:

— Ты легко восприняла известие, что мы разделяем эти туннели вместе с Золотыми Змеями.

Валерия моргнула — и поняла, что ее глаза не совсем сухие. Она отвернулась, и Конан проявил вежливость, позволив ей постоять так, пока она снова не взяла себя в руки.

— А как я должна была это воспринять? — спросила она наконец. — Сейчас, я думаю, мы уже достигли того, что нам остается либо сойти с ума, либо смеяться. Я буду смеяться, если, конечно, тебе все равно.

От хохота Конана загремело эхо и в куче осыпались камни. Он поцеловал Валерию в обе щеки, затем в губы и завершил это все шлепком по задку.

— Я поставлю тому рябому капитану выпивку, как только встречу его. Откуда бы у меня взялся такой боевой товарищ, если бы он не заставил тебя бежать?

— Лишь боги знают. Я бы лучше отправилась в путь с болотным троллем.

Она опустила на колени и поставила сапоги на пол.

— Что ты собираешься делать?

— Конан, может быть, это наш последний клад с Огненными камнями. Ты что, забыл, что я из Красного братства, что у тебя имя среди бараханцев и что настоящий пират не оставляет сокровище пылиться?

Конан посмеялся и присоединился к ее занятию. Огненные камни были легкими для своей величины, и набитые ими по щиколотку сапоги не представляли большой обузы.

Но, конечно, в камнях может заключаться колдовство, такое же злое, как и колдовство в Ксухотле. Камни могут даже привлечь других Золотых Змей, живых, которые захотят отомстить за похищение сокровища их мертвых сородичей.

Валерии было все равно. И пусть колдовство погубит ее и киммерийца или пощадит, как будет угодно судьбе. Но оно больше не нагонит на нее страха.

А что до Золотых Змей, так пусть приходят. Еще несколько дней, и она будет готова не только насадить одну из них на меч, но и сожрать ее живьем!

Глава 6

— Конан, — шепнула Валерия. — Я чувствую запах жареного. Если только мои мозги совершенно не отчались.

Конан понюхал воздух, последнее время более влажный и спертый, чем раньше. Они уже долго шли по покрытой грязной пленкой воде, которая, казалось, сочилась отовсюду. Он подумал, что они, вероятно, находятся под руслом реки или, что скорее, под озером.

Временами вода была не глубже, чем слой слизи на камнях, который делает шаги даже таких ловких воинов, как Конан и Валерия, неуверенными. В другое время вода поднималась до щиколоток или даже до колен. Валерия перекинула нагруженные сапоги себе через шею. Рост киммерийца позволял ему нести свою долю сокровища привязанной к поясу. Им не нужны были сапоги, чтобы защищать огрубевшие ноги; на самом деле они предпочитали идти босиком, чтобы чувствовать ногами возможную опасность.

В местах, где глубина была по колено, вода казалась густой из-за останков животных и растений, которые не смогла сохранить живыми древняя колдовская сила. На подобных участках вода источала такой мерзкий запах, что даже привычный ко всему киммериец хотел, чтобы было что-нибудь под рукой, чем можно было завязать рот и нос.

Он еще больше хотел узнать, что за существо поднялось тогда из ямы, чтобы напасть на Валерию в тот день, когда они попали в этот лабиринт. Живет ли оно в воде, и не подходят ли они сейчас к логову тварей той же породы? Меч в надежных руках был ответом многим тварям, но, если вода делается глубже, работать мечом станет труднее... не говоря уж о том, что это дерьмо делает с клинками...

Конан понюхал воздух:

— Мозги у тебя в порядке, как всегда. Я тоже чувствую этот запах. Рыбий жир, могу поспорить.

— На что ты еще можешь поспорить, киммериец?

— Ну, у меня осталось не так много, как у тебя, клянусь. Но...

Валерия подняла руку и показала на что-то другой рукой, держащей кинжал:

— Лестница?

Взгляд Конана проследил за жестом.

— Если глаза мне не изменяют.

Валерия поморщилась:

— Здесь темнее.

Даже ее храбрость не помогла при мысли, что свет их оставит. Хотя и происходит он от колдовской силы, они обязаны ему жизнью.

— В таком случае тем более следует пойти по лестнице.

Их отделяло от входа на лестницу место, где вода доходила Валерии до пояса. Они стали продираться сквозь грязь, образуя по обе стороны от себя буруны из жидкого дерьма. Конан вынул сейчас и меч, и кинжал и держал оружие над водой, готовый ударить вниз, в случае если появится какая-нибудь тварь.

Ничто, кроме дерьма и отвратительной вони, не затруднило перехода, хотя они по пояс были черны от мерзкой жижи, когда добрались до сухих камней. Конан прошел по нижним ступеням, добрался до места, где стена треснула и завалилась, сузив и частично завалив проход, и встал на четвереньки.

Киммериец едва пролез под камнями. Десятью шагами дальше он уже еле протискивался, но то, что он увидел впереди, наполнило его сердце надеждой.

Лестница винтом уходила в природную темноту, откуда несло рыбьим жиром, животным салом и горелыми зернами. Местами ступеньки осыпались и были опасны даже при свете. В одном месте ступеньки прерывались, и дальше надо было лезть внутри вертикальной трубы, упираясь в нее спиной и ногами.

Высоко вверх, будто единственная звезда в дождливую ночь, мерцал тусклый желтый огонек. Свет огня, как показалось Конану, без всякого колдовства. Напротив, это говорило о присутствии человека.

Единственным препятствием было то, что киммериец был слишком широк, чтобы пролезть сквозь просвет, оставшийся в завале, и лезть выше. Даже его сил не хватит, чтобы сдвинуть съехавшую плиту, а если это и получится, то на него может обрушиться куча камней.

Слава Митре, что еще один путь или, по крайней мере, еще одна надежда. Пошарив в просвете между камней, Конан дотянулся до лужицы застывшего жира. Он явно накапал откуда-то сверху, где, должно быть, весело горит кухонный очаг.

Конан полез назад. В какое-то мгновение он испугался, что застрял, но тут же почувствовал, как Валерия тащит его за ноги. Конан выскользнул на свободу, прокашлялся от пыли и встал.

— Первой придется идти тебе. Пролезь сквозь завал и принеси мне весь жир, какой сможешь найти...

— Жир?

— Наверху кто-то уже в течение многих лет готовит пищу. Жир, должно быть, стекал...

— Жир?

— Если мне понадобится эхо, женщина, я крикну! Полежай и посмотри, если не веришь.

Валерия быстро встряхнула головой и улыбнулась:

— Действительно, чему удивляться? Это самое сумасшедшее приключение из всех, в каких я была замешана. И я бы была разочарована, если бы оно не осталось таким до конца.

Конан промолчал и ничего не сказал, но подумал, что приключение, возможно, еще совсем не окончилось. Вполне вероятно, что они еще не вышли из джунглей или не добрались даже, по крайней мере, до приграничных земель Черных Королевств, где имя Амра имеет вес. Люди наверху могут оказаться дружелюбными и гостеприимными; они могут даже поприветствовать его и Валерию копьями или изжарить на том самом огне, который кажется сейчас таким маяющим. Людоедов в этих землях не так много, как говорят легенды, но все же они есть.

— Ладно. Не будем ловить друг у друга блох, как пара обезьян. Наверх!

Валерия вскарабкалась по лестнице и исчезла. Конан прошел немного вслед за ней и увидел на камнях сапоги

Валерии и ее одежду. Ее самой нигде не было видно, но с той стороны завала послышался звук, будто кто-то всеми силами пытается сдержать рвоту.

— Ты хочешь, чтобы пролезть сквозь дыру, обмазаться этим?

— Ты что, нигде там не видишь благовонного масла?

— Еще один идиотский вопрос... — пробормотала Валерия. Но тут Конан увидел ее, голую и бледную, в темноте: она стояла на коленях и обмазывала камни в самом узком месте прохода. Лишь закончив эту работу, она начала кидать горсти этого жира киммерийцу.

Вещество это воняло, как выгребная яма, и от прикосновения к нему у Конана высыпали мурашки. Однако он мужественно принялся за работу, растирая жир по коже, по мере того как Валерия кидала новую горсть.

— А что будет, если ты все равно не пролезешь? — спросила Валерия.

— Тогда ты полезешь наверх одна и попросишь людей спуститься и пробить для меня проход. Он мне мал всего лишь на толщину пальца. Это будет нетрудно.

Ему послышалось, что Валерия пробурчала:

— Если только меня не примут за ведьму или сумасшедшую, то конечно.

Затем киммериец передал сквозь дыру свое оружие и одежду, лег и начал протискиваться. Жир помог. На этот раз киммериец застрял почти у самого выхода. Он протянул обе руки Валерии, и она приложила все свои силы и весь свой вес. Конан сидел прочно.

Он пошарил ногами, ища надежную опору, чтобы подключить силу своих ног. Одна нога поболталась в воздухе, другая нащупала стену. Конан сосредоточил всю силу своего тела в этой ноге, почувствовал, что начал двигаться и что камень сдвигает кожу со спины и плеч, затем почувствовал, что начал двигаться сам камень.

Если до этого он приложил все свои силы, то теперь он приложил в полтора раза больше сил. Он лез вперед, не обращая внимания на боль в мышцах и хруст костей. Конан содрал еще больше кожи, а легкие его, казалось, забились докрасна раскаленным песком.

У киммерийца хватило сил. Камень не сместился и не раздавил его. А напротив, камень невероятным образом подался и открыл проход пошире.

Конану показалось, как Валерия проговорила, что это, вероятно, результат молитвы или ругательства. Он почувствовал, что она снова схватила его за запястья и изо всех сил потянула.

Камень задерживал Конана еще одно мгновение, и киммериец не знал, что случится раньше — либо вытащат его, либо руки вытащат из суставов. Но то небольшое увеличение дыры, жир на коже и на камнях, его собственная сила и отчаянные усилия Валерии — все вместе послужило тому, что он вылетел из отверстия как пробка.

Он даже не обращал внимания на боль, потому что снова был свободен. Этот напичканный колдовством лабиринт со своими чудовищами из всех сил старался разделаться с ними или, по крайней мере, стать для него и Валерии могилой. Теперь они выбрались из лабиринта — даже если всего лишь для того, чтобы погибнуть с оружием в руках.

Конан удостоверялся в том, что все его конечности по-прежнему соединены с телом и могут выполнять свои функции. Затем он надел одежду, кроме сапог, которые повесил себе на шею, как несла их Валерия.

Валерия тем временем лежала на спине, подперев голову одной рукой, и рассматривала киммерийца, как казалось, с удовольствием. Конан тоже оглядел ее, хотя не с одним только удовольствием, так как она еще не надела даже свою символическую одежду.

— Если ты уже оглядела меня, как покупатель осла... — произнес Конан наконец.

— Я бы потребовала тебя отмыть, прежде чем купила бы, — ответила Валерия. Она зажала нос. — Или, может быть, прокипятить.

— От тебя самой козлы разбегутся, — сказал Конан. Он подал ей руку: — Вставай, женщина. Ты еще не оделась.

Стоя на площадке по другую сторону завала, он увидел еще два туннеля, выходящие из этой камеры. В одном из них в глубине тускло горел колдовской свет;

другой был темным, и высота его была не выше пояса Конана. Камень у входа в этот туннель был любопытным образом обработан, не столько вырезан, сколько объединен будто кислотой, вроде той, что используют, как рассказывают, оружейники в Кхитае, чтобы вытравлять на клинках узоры.

Конан подумал о кислотах, которые могут разъедать камень, и вспомнил о том, что чуть было не поймало Валерию и оставило метку на ее щиколотке. Метка все еще была там, под грязью. Существо, что сделало метку, вполне могло проделать этот туннель. Нет, ни он, ни Валерия еще не выбрались из этого древнего лабиринта и не могут считать, что выбрались, пока не увидят солнца.

Первым знаком, по которому Сейганко понял, что что-то не так, было то, что Эмвайя споткнулась. Другому человеку это не сказало бы многого, так как Эмвайя танцевала, кружась в центре хижины Сейганко. Тем более это был танец столь быстрый и сложный, что казалось, ее ноги не касаются земли; даже зоркий взгляд воина едва мог уследить за ее движениями.

Она прыгнула и, вместо того чтобы приземлиться на носочки, упала на четвереньки. Сейганко вскочил, чтобы помочь ей подняться. Она отстранила его руку и осталась стоять на коленях, затем вытянулась в полный рост на выстланном тростником полу хижины.

Эмвайя не заболела и ничего себе не повредила. Но если она почувствовала угрозу для Ичирибу, исходящую из глубины мира духов, то это было слабым утешением. Сейганко схватился за дубинку и взглядом измерил расстояние до своих копий, хотя рассудок сказал ему, что простое дерево и железо ничего не могут сделать против той опасности, какую, вероятно, услышала Эмвайя.

Наконец она поднялась, отряхивая частички сухого тростника с груди. Теперь она позволила Сейганко поддерживать себя, помочь добраться до спальной циновки, налить и предложить ей пива. Но она просто сидела, держа в руке деревянную чашку, облизывая губы, устремив взгляд сквозь Сейганко туда, куда, как он понимал, он не сможет ее сопровождать.

— Снизу, — сказала она. — Это доносится снизу.

— Что «это»?

— Ты никогда не слышал о Каменном городе?

— Ту легенду?

— Я начинаю думать, что это не легенда. Он может лежать прямо под этой деревней, полный древних духов.

— Может быть. Но может и не... — Желание шутить оставило Сейганко, когда он увидел, как помрачнело лицо Эмвайи.

— Что-то побеспокоило духов. Не могу сказать, каких духов или где, но я чувствую опасность для Ичирибу.

— Я созову фанду, — сказал Сейганко. В фанду входили по шесть воинов от каждого клана, которые, когда приходила их очередь, брали оружие и раскрашивались для войны. Сейганко не был раскрашен, но его военная удача вошла в пословицу, так что никто и не думал, что ему нужно дополнительное украшение, кроме как во время больших сражений.

— Пошли гонца, — сказала Эмвайя. — Ты должен остаться тут, чтобы я тебя раскрасила.

— Важнее поторопиться, чем раскраситься.

— Только не тогда, когда враг — неизвестные духи.

— Если наступают духи, то нужна ты и твой отец, а не фанда.

— Вскоре и мы понадобится, но для фанды тоже есть работа. Они должны увести народ из опасного места, не допустить паники, следить за ворами, для которых брошенные хижины могут показаться искушением...

— Может быть, тебе заняться моей работой, а я займусь твоей, раз ты все так хорошо знаешь?

Эмвайя, казалось, обиделась, что случалось с ней редко, когда ей напоминали о ее остром языке. Затем она буквально вцепилась в Сейганко:

— У каждого из нас свои обязанности. У тебя с собой твоя боевая краска?

— Да. Ты собираешься всего меня раскрашивать?

Эмвайя опустила глаза:

— Всего. Не надейся, однако, что у нас будет лишнее время.

Сейганко улыбнулся и начал развязывать набедренную повязку. Полная ритуальная боевая раскраска воина

включала в себя и бедра и мужской член. В прежние времена, когда Эмвайя раскрашивала Сейганко, это заканчивалось большим удовольствием для обоих.

Однако что-то сказала Сейганко, что на этот раз будет не так, как в прежние времена. Эмвайя говорила о духах, которых не встречала раньше; Сейганко не сомневался, что она говорит правду.

— Держи, Конан. Я сейчас сорвусь.

Валерия почувствовала, как массивные плечи Конана напряглись у нее под ногами. Теперь, когда она могла освободить одну руку, не рискуя свалиться вниз, она пошарила в поисках места, где можно было бы зацепиться за камень получше. Камень был скользким от ее собственной крови, текущей из того места на руке, что она распоролла, когда захват ее сорвался.

Наконец она решила, что нашла то, что искала. Многие годы фехтования и лазания по такелажу сделали ее руки крепче, чем у простой женщины. Валерия не боялась, что упадет, если у нее был хороший захват.

Аквилонка рассчитала точно, но с нее струился пот, когда она перекатилась на уступ наверху. В десятый раз с начала подъема пришлось ей убирать от глаз свои волосы. Однако она держалась на уступе прочно, как только позволял крошащийся камень. Выше нее была лишь труба, по которой оба они поднимутся без особого труда, а затем крепкие ступени начинались снова.

Она оторвала от своей одежды полоску ткани и перевязала волосы. Это уменьшило уже и без того потрепанное прикрытие до размеров пояса вокруг бедер. Она, однако, совершенно перестала беспокоиться о своей одежде, пока ее боевой пояс и оружие с ней.

Оказав помощь Валерии, Конан передал ей свои сапоги и оружие, затем высоко подпрыгнул и уцепился пальцами рук и ног. Мгновением позже он сидел на уступе рядом с женщиной.

— Лучше бы все это перевязать ремешком или веревкой, — сказал он, указав испаранной и грязной рукой на сапоги, в каждом из которых лежали сокровища. — Тогда мы смогли бы вытянуть их позже.

— Из моей одежды мало что осталось подходящего для ремешка, — сказала Валерия. — Конечно, ты бы всегда мог пожертвовать остатки своих штанов...

— Или мы могли бы забыть об этих...

Валерия прикрыла одной рукой сапоги, а другую положила на рукоять кинжала. Конан отпрянул, изобразив ужас.

— Во имя неутомимого орудия Эрлика, женщина, ты что, не можешь узнать шутку?

— Когда слышу шутку, то могу. А что я только что слышала от тебя, я не знаю.

Конан пожал плечами и ничего не ответил. Валерия надеялась, он понял, что она имела в виду, — она оставит эти огненные камни, только чтобы спасти себе жизнь. То, что мертвому пирату нет пользы от награбленного богатства, Валерия охотно допускала, но сейчас она еще не мертва; с пересохшим от жажды горлом, с пустым животом, грязная, почти голая, вдали от дома, не укрытая от опасностей — все это есть, но не мертвая.

Вдруг сверху им послышался звук, знакомый любому, кто уже путешествовал так далеко на юг, но все же такой чужой и даже неземной в этом окружении.

Кто-то недалеко от очага бил в боевой барабан; когда к первому барабану присоединился второй, теплое желтое сияние огня погасло, и Конана с Валерией окутала тьма.

Один барабан начал созывать Ичирибу из Большой деревни. К нему присоединился еще один барабан, затем еще один.

Сейганко стоял у очага и смотрел, как женщины льют воду из горшков, выдолбленных тыков и кувшинов на огонь. Делали они это, бросая на Сейганко кислый взгляд. Тушение огня было не только грязной работой, это было еще и злым предзнаменованием. Женщины боялись духов... а также того, что скажут их родственники по поводу холодной еды.

К счастью, они также боялись Сейганко и воинов его фанды и не смели ослушаться. Или они боялись Эмвайи? Она стояла у хижины у края площадки, где находился

очаг, скрестив руки на груди, наблюдая за работой без тени улыбки.

Действительно, она ни разу не улыбнулась с тех пор, как споткнулась. С тех пор, как она сказала Сейганко, что площадка с очагом — центр опасности, Эмвайя сама казалась злым духом. Здорово будет, если вид ее лица вызовет панику, которой она сама опасалась, и наживет Сейганко еще больше врагов.

«А неизвестных духов, ты считаешь, бояться не стоит?»

Он услышал этот вопрос у себя в сознании, но для ответа воспользовался телом и покачал головой. Он не хотел отвечать, пользуясь контактом сознаний сейчас, когда столько людей могли потребовать внимания. Аондо, например.

Аондо был воином фанды, а рядом с ним стоял еще один — как его имя? А, Вобеку-Быстрый, тот, кто участвовал с Сейганко в набеге, когда удалось захватить Кваньи, которые поведали такие страшные новости. Вобеку был одним из лучших бегунов Ичирибу, а также другом Аондо.

Сегодня Вобеку не бегал. Он стоял на своих длинных ногах, и Сейганко казалось, что глаза его бегают быстрее, чем обычно. Вот он посмотрел на Сейганко, а вот на очаг — точнее, на нижнюю часть камня, откуда расплавленный жир по канавке стекал в землю, чтобы питать там духов, — а вот на Эмвайю. Нельзя обвинить человека, если он поинтересуется, что так ищет Вобеку.

Сейганко вдруг поймал себя на том, что собрался сделать то, в чем только что упрекнул Эмвайю.

«Ты предупредила отца?»

«Ему не нужно предупреждение. Он знает обо всех действиях духов, так же как и любого человека».

Сейганко широко улыбнулся в ответ. Затем он подождал жестом Вобеку.

— Что желает Достойный?

— К Добанцу Говорящему с духами отправился гонец. Однако он не так быстр, как ты. Не доставишь ли ты другое послание?

Улыбка Вобеку была маской покорности и удовольствия, скрывающей разочарование, заметное и ребенку. Сейганко не улыбнулся в ответ. Что бы там ни было на

уме у Вобеку, это требовало его присутствия здесь — что, конечно, не доказывает противозаконности желания.

Это было частью платы за звание Достойного среди Ичирибу. Подставлять спину предателю, чтобы не обидеть верных воинов, было священной обязанностью. Если пренебречь этим, духи, а также родственники обиженного могут отомстить.

— Хорошо. Эмвайя, дочь Добанцу, скажет тебе, что нужно передать.

Послание Эмвайи было кратким — только-только достаточной длины, решил Сейганко, чтобы Вобеку ничего не заподозрил. Вождь видел, как гонец кивнул, затем снял с ног обмотки, разделся, оставив на себе лишь головное украшение, набедренную повязку и краску, и побежал. Через мгновение он был уже за хижинами, еще несколько мгновений — и он уже за стеной, окружающей деревню, и когда барабаны замолчали, он скрылся из виду.

К этому времени на площадке с очагом не осталось никого, кроме фанды, Сейганко и Эмвайи. Сквозь щели из ближайшей хижины выглядывали дети, у которых любопытство победит страх, даже если земля начнет выплевывать волшебных змей. Еще несколько мальчишек сидели на деревьях и на стене, и Сейганко слышал, как матери зовут их, чтобы они спустились.

В следующее мгновение он ничего не услышал, кроме нарастающего гула под ногами, когда земля затряслась и каменный очаг, который стоял здесь в течение пяти человеческих жизней, начал раскалываться.

Даже глаза Конана не свыклись сразу с внезапно наступившей темнотой. Несколько мгновений он слышал лишь тяжелое сопение Валерии, которая дышала как давно не пившая собака. Она держалась перед лицом этой новой опасности, но не могла полностью скрыть своего беспокойства.

Кром не любит пугливых, да и в Киммерии они долго не живут. Иначе и сам Конан разразился бы бранью. Казалось, будто кто-то играет с ними, отнимая надежду на избавление, как только они начинали верить в нее.

— Корона Митры! — воскликнула Валерия. — Если это работа людей наверху, им лучше быть очень и очень дружелюбными, когда я появлюсь. Иначе им не поздоровится.

Конан лишь проворчал. Она выразила их общую мысль. Народ наверху может оказаться не только недружелюбным, они могут слышать, что происходит внизу.

Конан также опасался, что стены шахты могут обрушиться от сотрясения, вызванного громким голосом. Сотрясения будут, когда он и Валерия продолжают подъем, — назад дорога была закрыта. Но нет смысла рисковать лишний раз.

В следующее мгновение Конан понял, что его осторожность была напрасной. Раздался удар, сверху посыпалась земля, и наверху снова показался свет. Затем мимо пролетел кусок камня размером с хорошую пивную бочку.

Не говоря ни слова, Конан прижал Валерию к груди и бросился к стене. Даже неглубокой ниши будет достаточно, чтобы им спастись и не быть раздавленными, как виноград в прессе, следующим камнем.

Стена, которая только что казалась сырой землей, была такой же неподатливой, как и камень внизу, в туннелях. Конан пошарил свободной рукой и почувствовал под пальцами все то же самое.

Может быть, под слоем земли находился камень. Или, может быть, связь была колдовской и, если заклятие исчезнет, вся шахта рухнет им на голову.

Упал еще один камень, поменьше, потом посыпался крупный гравий. Он сыпался непрерывным потоком, в котором, однако, попадались комья земли. Шахта наполнилась пылью; Конан закрыл лицо свободной рукой, а Валерия попыталась сделать маску из своих волос.

Этого было недостаточно: она отчаянно закашлялась. Ничего больше не падало, и Конан оказался прав, догадавшись, что сверху могут слушать. Показалась голова на фоне благословенного солнечного света, который лился сквозь увеличившуюся дыру.

— Кто там? Назовите себя или зовитесь врагами Ичирибу.

Язык был близок тому, что Конан изучил, будучи в Черных Королевствах, так что смысл он понял. Голос,

похоже, принадлежал вождю и воину, привыкшему, что ему подчиняются. Конан не видел причин вступать в долгие споры, особенно когда шахта по-прежнему грозила рухнуть ему на голову.

Но это будет плохим началом для него и Валерии, если они выставят себя просителями. В этой земле только просители и слабаки называют свое настоящее имя, когда их спрашивают. Умные люди не делятся этим драгоценным знанием с теми, кто может совершить с ними какое-нибудь колдовское действие.

— Мы не враги Ичирибу, каково бы ни было наше имя. Позвольте подняться к вам, и сами все увидите.

Конан не разглядел выражения лица, но ответом было то, что спрашивающий убрал голову от дыры. Более яркий свет осветил верхнюю часть шахты, несмотря на взвешенную пыль. Выход лежал на высоте в десять раз больше роста киммерийца, и не было почти ничего, за что можно было ухватиться.

Когда-то здесь была винтовая лестница, шедшая вдоль стен к поверхности. Конан видел отверстия в стенах, куда раньше были вставлены брусья, и даже остатки нескольких. Но это ничуть не могло помочь ни Конану, ни Валерии, если только заклятие, связывающее стены шахты, не ослабнет. А если ослабнет, то шахта несомненно обрушится им на головы, и здесь будет их могила.

— Конан, — шепнула Валерия, — может, вернемся?

— Как? — спросил Конан. — Если бы мы даже и могли, люди наверху слышали нас, вероятно даже видели. Они подумают, что мы демоны, и завалят шахту. И чем поручишься, что мы найдем другой выход до того, как умрем с голоду?

— А если народ наверху людоеды?..

— Им придется съесть немалое количество стали, прежде чем они доберутся до нас, — сказал Конан. Валерия ухмыльнулась в ответ, затем сунула руку в сапоги и достала горсть огненных камней.

— Поможет, если бросить зрителям? — спросила она.

— Не повредит, — сказал Конан. Он ухмыльнулся в свою очередь: — Но я думал, что это твое сокровище.

— А я думала, что нам не нужна будет помощь этих... Ичирибу, чтобы просто выбраться из этой напичканной демонами дыры!

Конан взял самый большой из драгоценных камней, взвесил его и устроился так, чтобы можно было бросить камень, не свалившись вниз. Расставив ноги, он сделал три круговых взмаха рукой, разжал пальцы, и камень взмыл вверх, вспыхнув зеленой звездой, когда солнечные лучи упали на него.

Камень упал рядом с отверстием шахты неслышно для Конана. По тому крику, какой издали стоявшие рядом с отверстием, киммериец догадался, что они заметили камень. Гиены, дерущиеся из-за падали, ведут себя тише.

Конан не мог разобрать слов в этом гвалте. Он услышал, как один голос, скорее всего голос вождя, поднялся над другими и подавил их. Он расслышал также голос, похожий на женский или юношеский, говоривший с вождем.

Затем Валерия вскрикнула, стряхивая слезы, и даже киммериец почувствовал облегчение: прочная веревка из бычьей кожи с петлей на конце опустилась в шахту.

Нижний конец ее повис на расстоянии копы от кончиков пальцев Конана. Он сложил руки рупором и крикнул:

— Слишком короткая. Длины еще в рост человека будет достаточно.

— Первым лучше поднимусь я, — сказал он Валерии. — Я говорю на их языке, и у некоторых племен считается, что женщина-воин приносит несчастья.

— Если они утыкают тебя копиями...

— То не получают больше огненных камней, — напомнил ей Конан. — Если судить по поднятому ими шуму, они за такую награду готовы не только отложить свои копии.

Ясно было, что Валерии искренне хотелось верить, что с Конаном ничего не случится такого, что оставит ее одну в этой жуткой темноте. Конан не мог дать ей никаких настоящих заверений, а ложными оскорблять не хочет.

Конан продел плечи в петлю и устроился так, что петля проходила у него под мышками.

— Молись, чтобы они не оказались пигмеями, — сказал он. — Иначе я спущусь быстрее, чем поднялся! — Затем людям наверху: — Тяните!

— Кто бы ни был там внизу, он знает Настоящий язык, — сказал Сейганко. — Мне кажется, что там люди.

— Духи могут принимать человеческий облик, разве не так? — произнес Аондо.

По выражению лица Эмвайи было видно, что она предпочла бы солгать, но она кивнула.

— Тогда почему не могут и говорить так же? — спросил Аондо.

Эмвайя нахмурилась. Она уже объяснила Сейганко, почему Разговор с духами не происходит на человеческих языках, так что он уже знал, что внизу должны быть люди. Но она не могла объяснить того же Аондо без того, чтобы всей фанде не выдать слишком много знания о Разговоре с духами.

Человек внизу снова крикнул:

— Так вы собираетесь тянуть или нет?

Сейганко поднял дубинку и ударил ею о щит три раза. При третьем ударе люди у входа в шахту начали тащить.

— Тяжелее человека! — крикнул один из них, отпустив одной рукой веревку, чтобы вытереть пот со лба.

— Либо тяни, либо уступи место другому! — оборвал его Сейганко. Тянувший хотел было вступить в перебранку, но подумал и вернулся к работе.

Если то, что поднялось из зияющей дыры, образовавшейся в том месте, где лежало каменное основание очага, было человеком, то человек этот был больше всех людей, каких видел Сейганко, за исключением лишь Аондо.

Более внимательный взгляд сказал вождю, что кожа вновь пришедшего под слоем грязи была белая, волосы были прямыми, а глаза необычного голубого цвета. Существовали легенды о землях на севере, населенных такими голубоглазыми гигантами, расой, несмотря ни на что считающейся человеческой. Здесь, без сомнения, был один из ее представителей.

— Ты теперь скажешь нам свое имя? — потребовал ответа Сейганко.

— Когда попыю, а вы вытащите наверх мою женщину, — ответил гигант.

— Твою женщину? — спросил кто-то.

— Вы думаете, я путешествую по лесам без удовольствий? — рассмеялся великан. Зубы у него были очень ровными, и ни один из них не был заточен. — И если вам нужно еще этих... — он указал на упавший драгоценный камень, — то они там.

Кто-то сжал руку Сейганко. Это была Эмвайя, которая глядела на камень, будто на кобру, готовую укусить. Сейганко положил руку ей на плечо и отвернул Эмвайю так, чтобы гигант не видел ее лица. Затем он приказал воинам снова опустить веревку и крикнул женщинам из ближайшей хижины, чтобы те принесли воды.

— Что это, женщина? — прошептал Сейганко, когда был уверен, что никто не обращает внимания ни на него, ни на Эмвайю.

— Это Огненные глаза Золотых Змей, — сказала Эмвайя. Она часто дышала, будто только что бежала. — Этот человек говорит, что их у него много.

— Да? Они красивые... не такие красивые, как ты, когда, намазавшись маслом, лежишь на циновке, но...

— Золотые Змеи размножились в Ксухотле. Легенды говорят, что народ города украшал себя Огненными глазами.

— Значит...

— Вполне возможно, что мы видим перед собой разрушителей Ксухотла!

— Этого не может быть, — возразил Сейганко.

— Ты думаешь, мы сможем загнать их обратно в дыру и закрыть там, если ты ошибаешься?

Сейганко оглядел огромные мускулы великана, его железное оружие и то, как свободно и настороженно он стоит.

— Нет. Если они духи, они не пойдут. А если они люди, они могут не захотеть пойти, и будет незаконно принуждать их.

— Тогда что же...

— Пусть твой отец вызовет духов к барабану танцев. Сейчас же, пока эти люди не провели ночь среди нас.

Этот человек знает Настоящий язык. Он может знать и наши обычаи.

Первый раз на памяти Сейганко Эмвайя послушалась его приказа не колеблясь, не говоря уже о пререканиях. Она побежала сама, ибо это было послание, которое нельзя было доверить тому, кто мог его доставить кому-нибудь кроме Добанпу.

Затем Сейганко вышел вперед, чтобы приветствовать женщину, вышедшую из ямы. Она была еще светлее, чем мужчина; волосы ее были цвета зрелого зерна, а фигуре позавидовала бы и богиня.

У нее на шее висела странная обувь и, судя по тому, как она сбросила ее, тяжелая. Затем Сейганко и вся фанда увидели, что в обуви лежат Огненные глаза, и казалось, будто два крошечных вулкана извергают бурлящий зеленый камень.

Воины набрали в легкие воздуха, некоторые схватились за оружие. А женщина, несшая воду, сделала даже больше: она замерла на половине шага и едва поймала кувшин, когда он уже падал у нее с головы. Вода расплескалась у ее ног. Она посмотрела на лужу, развернулась и побежала.

Чужая женщина, казалось, была готова выхватить оружие. Гигант положил на ее голое плечо руку и натянуто улыбнулся:

— Вы выполнили свое обещание до того самого момента, пока женщина не убежала. Теперь я выполню свое. — Затем он повернулся лицом к Сейганко: — Я Конан из Киммерии, свободный воин. — Этими словами обозначался воин, кто клятвой отделялся от любого клана или племени. Это был почетный статус, и ложное его присвоение жестоко каралось. — Эта женщина — Валерия из Красного братства, — продолжал Конан. — Она свободная женщина, связанная со мной клятвой. Она не говорит на Настоящем языке, кроме как в своем сердце, о котором я знаю, что оно доброе. Мы оба просим Ичирибу принять нас гостями и обещаем помогать во всем, что в наших силах.

Сейганко пытался не смотреть на Огненные глаза. Если у этих двух столько силы, что они смогли взять их из Ксухотла... Ее может хватить, чтобы сделать

Ичирибу повелителями всех земель вокруг Озера смерти, даже вплоть до склонов Горы Грома. Эта сила может также повредить им так, как об этом не мечтали ни Чабано, ни Посвященные богу.

Сейганко почувствовал холод, будто от надвигающегося дождя, когда посмотрел в голубые глаза Конана.

Глава 7

Райку всегда хотел быть насекомым, сидящим на стене во время конклава Говорящих с Живым ветром, как Посвященные богу называли себя. Сейчас он почти осуществил свою мечту. Он наконец достиг той степени самообладания, которая позволяла человеку оставаться незамеченным для Говорящих или даже для самого Живого ветра.

Он сидел, как обезьяна, в том месте скалы, где на выступающий камень можно было сесть, а самому спрятаться в небольшой нише, так что спиной можно было прислониться к стене ниши, в то время как выступающий камень скрывал от взглядов снизу.

Восемь Говорящих собрались кольцом вокруг огромного шара из чего-то, что никак не могло быть природным материалом. Шар был размером с человека и прозрачный, как вода, и одновременно казался твердым как камень. Однако он был достаточно легким, чтобы двое слуг Говорящих могли принести его на носилках в эту пещеру и поставить туда, где он сейчас стоял.

Какой силы ожидали Говорящие от этого шара, говорило уже то, что слуги были глухонемыми рабами, используемыми лишь для самых секретных операций. Когда-то, рассказывали, Живой ветер дал Говорящим заклинания, которые могли сковывать языки и закрывать уши, но эти заклинания могли быть сняты, когда надобность в них проходила. Теперь знание это было утрачено, и вместо магического действия использовались раскаленные ножи и иглы.

Это означало, что с каждым годом становилось все меньше таких тайных слуг. Кваньи предоставляли довольно большое число крепких молодых людей и женщин;

одни брались из менее значительных кланов, другие были раньше рабами или пленными — все они служили теперь на Горе Грома Посвященным богу. Кланов ожидали, что им вернут, по крайней мере, свободных соплеменников живыми и здоровыми, и не были щедры, предоставляя даже рабов, чтобы их уродовали или убивали. Они стали менее щедрыми с тех пор, как Чабано стал Верховным Вождем.

Первый Говорящий, который умеет пользоваться древним знанием, сможет завоевать более прочную дружбу Чабано. Или если Верховный Вождь будет по-прежнему настаивать на том, чтобы одному править союзом колдунов и воинов, Первый Говорящий может вынудить Кваньи выбрать себе другого вождя.

Бриз колыхнул сырой воздух пещеры. Райку ощутил кожей прохладу, на лбу высох пот. Райку знал, что Живой ветер может быть вызван из своей пещеры магическими действиями Говорящих. То, что он знал об этом, было незаконно, поскольку он был всего лишь Безмолвным братом, но все же знал, и знал еще многое из искусства Говорящих. Райку, сын Нкубы, никогда не относился к закону строго.

Райку никогда, однако, не видел, как вызывают Живой ветер. Он бы и не узнал, что собираются вызвать Живой ветер, если бы один из Говорящих не оказался неосмотрительным. Даже сейчас он сомневался, нет ли у Говорящих заклинаний, чтобы узнать о присутствии шпионов и подслушивающих.

Вероятно, это тоже было таким древним колдовством, что ни один живущий уже не обладал им. Или, может быть, Живой ветер в такой степени обладает жизнью, что сам может отыскивать врагов и карать их.

Эта мысль так обеспокоила Райку, что он чуть было не грохнулся со своего наблюдательного поста, и пот выступил по всему телу, хотя бриз дул все сильнее. Райку быть здесь не следовало, и, когда Живой ветер появится и исчезнет, Райку здесь и не будет.

Туннель в дальнем конце пещеры начал светиться пунцовыми и сапфировыми тонами Живого ветра. Свет не мерцал, самого клубящегося тела Живого ветра еще не было в туннеле. Хотя он, вероятно, недалеко.

Райку облизал губы, сделавшиеся внезапно сухими, как каша месячной давности, и с трудом вернул себе часть прежнего самообладания.

Прислуживающая девушка протянула Валерии две деревянные миски. В одной была соленая рыба, очищенная, выпотрошенная и обезглавленная так искусно, как только Валерии приходилось видеть в капитанском зале в портовой таверне. В другой было острое варево из рыбы, приготовленной с зерном и орехами, какое Валерия никогда не пробовала. За спиной девушки мальчик держал третью миску с кипящим мясом.

— Больше не надо, спасибо, — сказала Валерия. Она использовала все свое знание языка Черных Королевств. Девушка, казалось, не поняла, улыбнулась, помотав головой, и снова протянула миски.

Валерия нахмурилась. Ичирибу что, прислали клоуна прислуживать ей и киммерийцу? Она попыталась объяснить, похлопав себя по животу и выставив руки вперед. Валерия хотела дать понять девушке, что она нажралась их превосходного кушанья так, что сейчас лопнет.

Девушка улыбнулась и чуть не поставила миски Валерии на колени. Валерия подняла руки, чтобы оттолкнуть девушку, но почувствовала, как запястье ее сжала уже знакомая железная хватка.

— Подожди, Валерия.

Киммериец воспользовался языком Черных Королевств и языком жестов. Девушка посмотрела на Валерию и помотала головой. Конан кивнул. И вдруг девушка и киммериец оба разразились хохотом.

Валерия покраснела и скрыла свой гнев, протянув руку к миске с соленой рыбой. Она, вероятно, действительно лопнет, если съест еще, и уж точно лопнет, если выпьет пива Ичирибу, чтобы запить рыбу. Но будь она проклята, если покажется невоспитанной.

Девушка подала блюдо Валерии, изящно преклонив колена. На ней была набедренная повязка, которая почти не скрывала фигуры с длинными ногами и крепкой грудью, с гибкой талией и сильными руками девушки, лишь недавно ставшей женщиной. Валерия заметила, как

взгляд Конана блуждал по девушке с явным восхищением.

Она ткнула его в ребра, чуть не сломав палец о слой мышц.

— Я думала, что тебе не нравятся черные девки, — шепнула она.

— Помнишь тех, у форта? Те затачивают свои зубы. Этот же народ... их девки похожи больше на женщин, чем на акул.

— Если ты так хорошо разбираешься в женщинах, Конан, скажи, что сейчас делала эта девка. Я думала, что сказала «не надо больше» достаточно ясно.

— Сказала. А затем жестами показала, что ждешь ребенка. Девушка подумала, что тебе нужно больше — для тебя и для твоего малыша.

— Ребенка? — челюсть Валерии отвисла, так что она не была уверена, прозвучали ли эти слова членораздельно. — У меня целые годы не было возможности!

— Тогда не удивительно, что ты так обижена на мужчин. Никто из них не разглядел красивой женщины, так что, конечно, мне придется...

— Ты, олух киммерийский! — или, по крайней мере, Валерия начала это говорить, намереваясь сопроводить слова оплеухой. Вместо этого она согнулась от хохота, перевернув миску. Конан похлопал ее по плечу:

— Успокойся, женщина. Я пошутил.

Она хотела, чтобы это не было шуткой. Она также хотела, чтобы его рука задержалась, поэтому положила на нее обе свои руки. Она понимала, что Конан может разорвать ее захват, как если бы она была ребенком, но надеялась, что он не сделает этого.

Он и не сделал — оставил свою руку лежать на ее обнаженном плече достаточно долго, чтобы прислуживающая девушка подняла брови и затем подмигнула мальчику. В следующее мгновение Валерия и Конан были оставлены одни.

— Они будут подслушивать, — шепнул он. — Если ты придвнешься ближе, они не услышат, о чем мы говорим.

Валерия была готова придвинуться так близко, как только киммериец пожелает, но чувствовала, что сейчас

не время. Она слышала также тревогу в его голосе, и ей хотелось от досады выругаться вслух. Неужели и среди Ичирибу они не нашли безопасности?

Теперь воздух в пещере кружился и стонал, будто хотел бежать от Живого ветра и кричал от страха перед преследователем. Райку вцепился в скалу руками и ногами и пожалел, что у него нет хвоста, как у обезьяны. Все мысли о маскировке давно оставили его.

И это не имело значения, поскольку Говорящие не смотрели ни на что и не думали ни о чем, кроме шара в центре их круга. Они используют шар... и Живой ветер.

Свет Живого ветра превратился теперь в слепящий глаза поток, бьющий из туннеля, будто река в сезон дождей. Но ни одна река не взмывала вверх фонтаном, чтобы исчезнуть в шаре, который остался прозрачным, как горное озерцо, несмотря на весь свет, какой он поглотил.

Затем Райку увидел, что шар дрогнул один раз, два, три раза. Он посмотрел на бронзовое блюдо на восьми ножках, которое поддерживало шар и каждая ножка которого была сделана в виде позолоченной рыбы, и увидел, что блюдо тоже дрожит. Затем Райку моргнул и освободил одну руку, чтобы протереть глаза, поскольку ему показалось, что он увидел, как от блюда поднимается бледно-зеленый дым.

В следующее мгновение почудилось, что ветер стал в два раза сильнее, в возможность чего Райку никогда раньше бы не поверил. Он чуть не свалился со скалы. Он снова схватился обеими руками, закрыл глаза... и открыл их снова, когда почувствовал дым.

Теперь темные тени плясали в прозрачном шаре, который становился сейчас гневно-пунцовым, лишь с намеком на сапфировый. Одни тени можно было вполне принять за фигуры людей, другие были змеями, остальным образам не было имени вне ночного кошмара... где, Райку искренне надеялся, они и останутся.

Но если они даже и выйдут из шара и станут живой плотью, он должен встретить их с открытыми глазами и

не дрогнуть. Как иначе может он достичь власти Говорящего, которая доставит ему то, чего он больше всего хочет?

Дым шел от блюда и от всех восьми ножек. Ножки начали светиться, будто их раскалили в горне, и Райку показалось, что он увидел, как одна из них гнется. Неужели вес шара увеличился сверх всякой меры из-за того, что Живой ветер вошел в него?

Все восемь Говорящих безусловно видели дым, и по их виду было ясно — они понимают, что это означает нечто ужасное. Или это из-за запаха: когда дуновение достигло Райку, его чуть не вырвало.

Едва успел он справиться с желудком, как вдруг все восемь ножек, казалось, одновременно расплавились. Густой дым поднялся от подавшихся опор, от блюда и, как казалось, от самого шара.

Мужество, достойное передовых бойцов, а также преданность делу всей жизни не давали Говорящим оставить свои места вокруг шара. Ни то ни другое не поможет им, если Живой ветер выйдет из повиновения.

Дым исчез, будто гигантский рот втянул его одним вдохом. Блюдо и восемь ножек превратились в бурлящую лужу расплавленной бронзы, на которую глазам больно смотреть от жара, будто на жерло вулкана. Шар колыхался, невероятным образом поддерживаемый в воздухе силой, какую Райку не смел и вообразить.

Затем Говорящие или их колдовские силы, или то и другое, не справились, и их шар упал. Он плюхнулся в расплавленный металл, и капли жидкой бронзы разлетелись по сторонам. Никакая дисциплина не могла удерживать Говорящих против такой боли. Они вскрикнули и вскочили, будто обезьяны, одолеваемые пчелами, или как дикие свиньи, на которых напали муравьи.

Шар снова дрогнул. Тени внутри приняли более определенную форму — два человека, мужчина и женщина, — затем исчезли. Сейчас уже вещество шара плавилось в раскаленном металле, и из шара вырос язык жидкого огня и потянулся к кольцу Говорящих.

Молчание Говорящими было нарушено, теперь поколебалось и их мужество. Но все же они не побежали. Они образовали круг пошире и держали свои жезлы двумя руками на уровне пояса. Пение их сделалось

громче, несмотря на то что оно исходило из глоток, пересохших от боли и страха.

Огненный язык сконцентрировался и прыгнул. Пунцовое пламя, тонкое как воздух, обволокло вокруг жезла одного из Говорящих. Говорящий с криком отбросил жезл, но тот не упал.

Вместо этого пламя подняло жезл к потолку пещеры и держало его там, пожирая, даже пепел не упал на землю. Но когда пламя опустилось вниз, казалось, что оно сыто, как хорошо накормленное животное.

Немного труднее было накормить расплавленный металл. Он тоже прыгнул, приземлившись растекающейся лужей у ног одного из Говорящих. Моментально человек лишился ступней, еще через мгновение — ног.

В следующее мгновение понимание того, что происходит, дошло до мозга Говорящего одновременно с агонией, оттого что его сжигают живьем. Сжигают? Райку хотел бы, чтобы такое невинное слово могло описать то, что происходило с Говорящим.

Но Живой ветер проявил милость: Говорящий умирал недолго. До того как он начал кричать, огонь съел его почти до пояса. Затем он добрался до живота и груди, и, когда съел легкие, человек замолчал.

Голова его недолго проплыла по поверхности жидкого огня, отливающего теперь черным, так же как и пунцовым. Затем и она исчезла, и над бурлящим металлом поднялся дым десятка цветов, скрывая пузырьки.

Как и пламя, жидкий огонь заставил Райку подумать о насытившемся животном, когда он увидел, как тот возвращается в свой туннель. Пунцовое пламя направилось следом, и, когда обе стихии исчезли из пещеры, ветер стих.

Семеро оставшихся в живых Говорящих поковыляли прочь. Некоторые казались ослепшими: они переставляли ноги, держась за плечи идущего впереди. Другие кашляли, будто у них смертельная болезнь легких.

Полуслепой, задыхающийся оттого, что его глаза и легкие поражены невообразимой вонью и дымом, Райку сидел вцепившись в скалу, пока не ушел последний Говорящий. Было бы намного проще отпустить руки, упасть

на пол пещеры и умереть чистой и естественной смертью, проломив себе голову.

Проще, но очень глупо. Теперь существовало нечто, на что он не смел раньше надеяться: вакантное место среди Говорящих. Добавить к этому потерю магического шара, не принесшего никакой пользы, и даже Первый Говорящий поймет, какая опасность грозит Посвященным богу.

Если Райку выступит с предложением не позволить Чабано воспользоваться сложившейся ситуацией, его могут выслушать. Его могут даже посвятить в Говорящие. Тогда у него будет право управлять силой Живого ветра.

Райку не допускал мысли, что, несмотря на все запретные знания, полученные им, он может кончить не лучше, чем тот Говорящий, который только что умер такой жестокой смертью. Если он будет думать об этом, то он точно свалится со скалы и умрет!

Валерия была одной из самых красивых женщин, каких киммерийцу доводилось держать так близко. Но держал ее он так не от страсти, и то, что шептал ей на ухо, явно не имело целью расположить ее к себе.

— Нам предоставили пищу и кров, — говорил он. — Это значит, что нас, скорее всего, не убьют предательски.

— Ты многого недоговариваешь, — ответила Валерия.

— Я лучше знаю язык Ичирибу, чем открыто показал это, так что они трепали языками там, где я мог их слышать. Их не очень радует то, откуда мы пришли, а также колдовство, связанное с нашим появлением.

— Какое колдовство? Ни ты, ни я заклинанием даже ногтей постричь не можем.

— Мы разрушили охранительные заветы при входе в туннель под каменной плитой очага. Затем мы разрушили плиту — мы или заветы, вышедшие из повиновения. Нас окружает слишком много колдовской силы, чтобы Ичирибу сохранили спокойное расположение духа.

— К морским чертям их расположение духа! Мы им не угрожаем. Если только они сами не попытаются убить нас...

Она замолкла, когда рука Конана сжалась, как железные клещи, и он приложил палец к ее пухлым губам.

— Не смей об этом даже думать. Похоже, среди них есть Говорящий с духами.

— Кто?

Конан объяснил. Говорящие с духами ему нравятся не больше, чем остальные колдуны. Когда он раньше бывал в Черных Королевствах, он кое-что разузнал о них, так же как всегда узнавал обо всех, кто может быть другом или врагом. Этой привычке, кроме прочих, он обязан тем, что, будучи правителем, остался в живых, чего не удавалось людям, родившимся и выросшим в этих землях.

— Сейчас, — закончил он, расслабив наконец хватку, — этот человек еще нам не враг. Он, вероятно, надеется сделать нас своими друзьями, друзьями племени или даже и тем и другим. Судя по тому, как они говорят о нем, это, должно быть, умный старик.

— Пусть у него хватит ума понять, что мы не желаем ему зла, и я восхваляю его мудрость в песнях.

— Валерия, я слышал, как ты поешь. Ты что, хочешь ввергнуть нас в кровавую войну с этим народом после того, как падет весь их скот?

Валерия прорычала. Такой звук издает барсучиха, защищающая детенышей. Конан тихо рассмеялся.

— Если я скажу, что ты пристыдишь соловья, ты решишь, что я свихнулся. Но правда то, что наш Говорящий с духами наверняка захочет, чтобы мы помогли ему и его народу в борьбе против врага, которого они зовут Кваньи. Могу поспорить, что эти Кваньи держат берега этого... Озера смерти, — кажется, так они его называют.

— Ты не знаешь почему?

— Нет, и мне будет спокойнее, если узнаю. Но если я начну задавать вопросы прямо, люди решат, что мы шпионы. Если я расскажу им, откуда мы идем, они решат, что мы те самые, кто победил Ксухотл.

— Мы и есть те самые и не стесняемся этого. Или этот народ так глуп, что считает гибель города сумасшедших такой уж большой потерей?

— Кто сказал хоть слово о том, что они жалеют об этом? Нет, он им был не нужен, и они сторонились его, как и мы делали бы на их месте. Но их не может не

интересовать, какое колдовство победило город. Если мы расскажем о том, что мы сделали... Хочешь узнать, что в этих землях делают с ведьмами?

Рот Валерии беззвучно раскрылся, и она помотала головой. Конан снова обнял ее за плечи. Она прислонилась к его груди и закрыла глаза.

— Скорее всего, нас подвергнут какому-нибудь испытанию. Оно может быть и простым, если попросят, например, отыграть тебя перед всем племенем...

— Еще одна такая шутка — и больше ни одной женщины не отымеешь!

— ...или же могут потребовать танцевать на барабане.

— Нет в мире такого барабана, чтобы тебя выдержал, Конан. Ты, конечно, имеешь в виду соревнования в проламывании барабанов?

— В этих землях делают барабаны достаточно большими и прочными, чтобы на нем мог танцевать я и еще один. Каждый пытается сбросить другого, и тот, кто падает, умирает.

Конан почувствовал, как Валерия обмякла в его руках, и он проклял свой болтливый язык за то, что в конце концов все-таки напугал ее до обморока. Но затем он услышал, что дышит она ровно, и осторожно переложил ее так, чтобы видеть лицо.

Глаза ее закрылись, и рот был расслаблен. Он услышал, как полные губы Валерии что-то бормочут. Конан поднял спящую Валерию и положил ее на циновку напротив, сбросил сапоги и потянулся, как кот.

Говорящий с духами не скажет ничего, пока не посчитает нужным. Валерия правильно решила, что нужно делать до этого времени.

Глава 8

Валерия не знала, какой вид обычно имеют Говорящие с духами. Да и не время и не место спрашивать, даже если Конан и знает. Тем более когда киммериец говорит с Добанпу племени Ичирибу, Говорящим с духами.

Добанпу был немолод, но присутствие его заставило Валерию забыть, что занимается он сильным колдовством.

Более того, она не замечала, что находится в пещере, и это после того, как она посчитала, что скорее сядет на кол, чем спустится снова под землю!

По бокам Добанпу находились молодая женщина с чертами, говорящими о кровном родстве, — дочь, весьма вероятно, — и воин Ичирибу. Даже не знакомый с Черными Королевствами сказал бы, что это не рядовой воин. С копья и головного украшения спускались сверкающие перья, а на шее висело ожерелье, казавшееся перламутровым, но которое почти наверняка было из зубов леопарда.

Он не был такого могучего сложения, как киммериец, но это ему и не нужно. Действительно, глядя на то, как он стоит и движется, Конана можно было посчитать громоздким и неуклюжим. Он дал также понять Валерии, что и в Черных королевствах есть красивые люди.

Разговор сейчас, казалось, проходил между Конаном и молодым вождем — Сейганко, так его звали, а у дочери было имя Эмвайя. Валерия заметила в тени пещеры еще одну фигуру и узнала девушку, которая им прислуживала и решила, что Валерия ждет ребенка.

Конан оказался прав, предположив, что за ними следили. Но это едва ли удивляло Валерию. Народ Черных Королевств может вести простую жизнь по сравнению с аквилонцами, но едва ли они простачки!

Она снова обратила внимание на двух воинов. Насколько она могла судить, понимая одно слово из десяти, предлагался вызов. Предлагает, кажется, Конан Сейганко, а Сейганко принимает или отказывается?

Нет, он глядит на Добанпу. Женщина Эмвайя пытается обратить на себя внимание одновременно отца и Сейганко, и Валерия поняла, что Эмвайя помолвлена, обручена или, по крайней мере, любит Сейганко.

Добанпу не отвечал на взгляды, брошенные в его сторону. Действительно, он сидел так тихо, будто сам сделался духом. Затем он произнес слово, которое показало Валерии именем:

— Аондо.

Лицо Сейганко выразило то, что следует назвать недовольством. Эмвайя, напротив, явно пыталась скрыть радость. Валерия отвернулась, чтобы облегчить задачу

этой женщине. Когда-то и она в своей жизни испытала такое же чувство к мужчине, но он давно уже мертв, кости его под далеким рифом, и рядом лишь прибой и морские звезды.

Переговоры, похоже, закончились. Затем Конан сделал пол-оборота и прошептал Валерии:

— Склонись и вытяни вперед руки.

Не понимая, но вполне доверяя Конану, Валерия послушалась. Она склонилась и просидела так достаточно, чтобы сосчитать следы, оставленные змеями. Это были следы маленьких змей, таких, каких предсказатели и знахарки в Аквилонии часто держат дома, чтобы гадать по ним и избавляться от насекомых.

Увидев эту частичку дома так далеко от родины, Валерия почувствовала, как на душе стало легче, несмотря на то что она вспомнила также и о том, как долго она уже не была в Аквилонии. Валерия уже несколько лет была женщиной и путешественницей до того, как встретила того человека, что лежал теперь под рифом, — а это было так давно, что ей потребовались бы пальцы на обеих руках, чтобы сосчитать годы.

Сейчас, когда она стояла на коленях, вытянув руки вперед, ее закаленные мечом мускулы начали гореть, а пальцы дрожать. Колени тоже напомнили ей, что песок жесткий, а под ним находится твердый холодный камень.

Затем она почувствовала легкое прикосновение к затылку и ощутила, как что-то положили ей на плечи. Она почувствовала запах, который вполне мог быть смесью ароматов фиалок и зрелых яблок, если бы здесь росли те и другие.

— Вставай, — сказал Конан.

Она встала, потянувшись, чтобы размять затекшие мышцы. Аквилонка с гордостью заметила, что не трясется и не падает с ног. Валерия также почувствовала себя польщенной, когда заметила, что Сейганко разглядывает ее так же, как она разглядывала его до этого, и затем увидела, как нахмурился лоб Эмвайи, когда та поняла, куда забрел взгляд ее мужчины.

Добанпу заговорил снова, на этот раз назвав другое имя:

— Мокосса.

Девушка вышла из тени, и Добанпу указал на выход из пещеры. Девушка побежала туда, но вдруг остановилась и стала ждать.

Конан положил руку на поясницу Валерии и подтолкнул. Снаружи они заметили, что идет дождь. Они остановились под навесом скалы и стали смотреть, как дождь бьет по воде озера, образуя огромное серое поле плывущих пузырьков.

Валерия оглядела венок, висающий у нее на шее. Цветы казались живыми и сухими одновременно, и даже если бы венок был дан не Добанпу, она почувствовала бы колдовскую силу, исходящую от него. Она начала снимать его через голову, но Мокосса нахмурилась, и Конан положил руку на плечо своего товарища:

— Успокойся, Валерия. Он достаточно безопасен и будет полезен тебе, если я проиграю.

— Я бы поверила тебе, если бы знала, что это такое.

— Он отмечает, что ты связана со мной клятвой, так же как это означает, что я связан с тобой.

«Это» было плотной повязкой, из чего-то похожего на кожу змеи, вокруг левого запястья киммерийца. Благодаря игре света или, возможно, колдовству она была тех же цветов, что и венок Валерии.

— А, вижу. Или по крайней мере вижу то, что у тебя на руке. А не скажешь ли, можешь ты выиграть или проиграть, или предоставишь мне это отгадывать самой?

Конан нахмурился:

— Это нелегко рассказать быстро...

— Тогда можешь взять столько времени, сколько захочешь, и полночи в придачу. Мне все равно нечем больше заняться, кроме как слушать рассказы киммерийца.

— Действительно нечем, — согласился Конан с готовностью, приведшей Валерию в бешенство. Снова желание кастрировать его боролось с желанием рассмеяться, и смех победил.

Они сели на лежащее бревно, которое было когда-то украшено грубой резьбой, а сейчас валялось полустгнившее, почти полностью заросшее мхом и травой. Конан вынул занятый у другого точильный камень из занятой же сумки, привешенной к занятому ремню, и принялся точить меч. Клинок, по крайней мере, был не занят.

Конан, похоже, должен предоставить право богам решать свою судьбу, бросив вызов одному из воинов Ичирibu. Они будут метать копья и трезубцы, биться с дубинкой и щитом, бегать, прыгать, лазить, плавать, грести на каное...

— А девок иметь не придется?

— Сомневаюсь, что они найдут достаточное количество, да и безбожный мужчина табу для местных женщин.

— А безбожная женщина тоже табу для этого мужчины?

— Ты не такая безбожная, как я, кажется.

Валерия не нашла достойного ответа, так что предоставила киммерийцу право продолжать.

— Мне не надо выигрывать в каждом виде соревнований, но я должен в каждом встретиться с лучшим воином и показать свое искусство. В противном случае они могут назвать меня лишенным расположения богов или даже трусом.

— Этого бояться нечего. — У Валерии было ощущение, что многое осталось недосказанным и, вероятно, таковым останется.

Но киммериец был честным, это она должна признать. Он нахмурился:

— Если боги проявят ко мне свое расположение во всех видах соревнований, мы закончим на барабанах для танцев. Там победитель получает окончательное благословение богов, проигравший — умирает. Если я выйду победителем, то все хорошо. Если проиграю... — он пожал плечами, — то, полагаю, не стану царем хайборейского царства, но это не такая уж большая потеря.

— Не быть царем? Может, Добанпу вынул у киммерийца мозги?

— Трон, женщина, это то, на чем сидят. Ты хорошо стреляешь. И ты знаешь, как легко попасть стрелой в сидящую птицу... или сидящего царя.

— У меня не было привычки стрелять в царей, но, вероятно, ты прав. — Затем ее веселый тон исчез. — Значит, Конан, если ты проиграешь...

— Я умру. Ты останешься жить. Если только не будешь сражаться, чтобы спасти меня или чтобы отомстить...

— Я сюда попала не из иранистанского гарема!

— А также и не попадешь в гарем. Ты должна будешь связать себя клятвой с новым мужчиной, но ты можешь выбрать его. Я также думаю, что можешь попросить помощи у Добанпу и его дочери Эмвайи. Сейганко тоже знает воинов Ичирибу, и у него, кажется, хорошая голова и сердце. Я рад, что мне придется биться не с ним. Он будет нужен своему народу в грядущей войне.

— Тогда с кем ты будешь биться?

— С одним крепким парнем по имени Аондо. Говорят, он больше меня.

— Они хотят, чтобы ты дрался с гориллой?

— Гориллу бы я победил, — сказал Конан. Это снова был намек на прежние битвы с необычными противниками, но это ничуть не ободрило Валерию. Она хотела, чтобы ее заверили в том, что она не окажется преданной на милость Ичирибу, если Конан проиграет, а этого заверения, она понимала, никто ей не даст.

Ее больше успокаивала та неоспоримая истина, что Аондо вряд ли превзойдет Конана в честном бою. Может ли она сделать что-нибудь, чтобы бой оставался честным?

Очень мало, понимала она, и остатки утешения смысл начавшийся дождь. Она молча проклинала свою глупость и решение бежать на юг. В следующий раз, когда ей придется бежать из нежеланных объятий, она посмотрит, куда направляется, и постарается не оказаться в стране, где она не знает ни закона, ни языка, ни обычаев... и находится в зависимости от того, кто их знает!

Райку не узнал Первого Говорящего в кольце из тех восьми, что пытались заставить Живой ветер войти в шар. Однако сейчас Первый Говорящий проявлял признаки крайней усталости, когда сидел ссутулясь на своем золоченом стуле. Глаза его были устремлены на львиную шкуру на полу, но они казались пустыми, будто он наконец-то действительно ослеп. Или увидел то, что Посвященным богу не положено видеть.

Обычай требовал, чтобы Безмолвный брат, Райку, распростерся перед Первым Говорящим. Он пролежал

так, пока холод от каменного пола не начал пробираться по членам к сердцу. Это, должно быть, лишь воображение, но камень казался холоднее, чем когда-либо раньше. Будто Живой ветер, как пиявка, вытянул все тепло из земли вокруг. И хорошо, что лицо Райку было обращено к земле, когда у него проскочила эта мысль.

— Поднимись, Райку.

Райку не знал, как ему вскарабкаться на ноги побыстрее. От холодного камня члены у него заоченели, но он сумел подняться, не потеряв ни равновесия, ни достоинства.

— Я вызвал тебя, ибо Говорящим с Живым ветром ты нужен.

— Это честь, на которую я не смел надеяться...

Первый Говорящий поднял руку. Райку заметил, что рука стала тоньше и бледнее, чем в прошлый раз, когда он видел этого человека. Она, казалось, немного дрожала.

— Избавь меня от своей скромности. Ты небезызвестен Чабано, Верховному Вождю племени Кваньи. — Это был не вопрос.

Райку заключил, что ситуация не только открывает возможности, но и таит опасность. Он также заключил, что ему следует придержать язык.

— Обещал ли ты ему что-нибудь от имени Говорящих? — На этот раз вопрос требовал ответа.

— Не обещал. — Что было абсолютной правдой, ибо Райку не дурак.

— Поверит ли он, если ты теперь дашь обещание?

Смущение Райку не было совершенно наигранным.

— Что я должен пообещать? Чабано не глуп, что, я уверен, тебе не надо сообщать, Первый Говорящий.

— Действительно, не надо мне сообщать то, что я и так знаю. Ты можешь обещать ему от моего имени часть того, что он просил, но не получил.

— Что он должен дать нам?

— Ты дерзок, пытаешься торговаться со мной.

— Я говорю так, лишь чтобы напомнить о привычках Чабано, Господин. Он дерзок, как леопард, залезший в стойло, чтобы оторвать новорожденного теленка от вымени матери. Он также алчен и яроsten, когда его лишают того, к чему он стремится.

— Думай я, что Чабано имеет власть над духами, я бы сказал, что он сделался твоим Господином: мастер славословия не сказал бы лучше.

Райку замолчал. Если этот старик и дальше будет тратить время их обоих, говоря загадками...

— Но если бы Чабано имел власть над духами, он бы и сам сделал многое из того, что просил нас исполнить для него за прошедшие годы. Так что не сомневаюсь, что ты говоришь то, что считаешь правдой.

— Никто из людей не может говорить иначе, Господин.

Взгляд, брошенный Первым Говорящим, напомнил Райку, что не один Чабано может подавлять ропот или нагонять страх на непослушных, не повышая голоса. Он почувствовал желание снова упасть ниц. Первый Говорящий скрестил руки поверх бронзового медальона, висящего на груди.

— Ты можешь пойти к Чабано, Безмолвный брат Райку. Обещай ему помощь от нас и попроси его сказать нам, кто появился среди Ичирибу.

— Вероятно, победитель Ксухотла?

Взгляд Первого Говорящего дал ему понять, что об этом не следует говорить вслух. Райку попытался изобразить на лице покорность.

— Мы обладаем... способами... выяснить это, — продолжал Первый Говорящий. — Однако те, кто владеет колдовской силой, узнают, когда мы воспользуемся нашими способами. Они узнают о наших силах и то, что с нашей стороны им может грозить опасность. Глаза, которые видят, и уши, которые слышат, без помощи колдовства нельзя обнаружить.

Райку теперь пытался изображать не только покорность, но и удивление, даже восхищение. Действительно, он вполне мог восхищаться частью тактики Первого Говорящего. Более хитрый способ притвориться, что ничего не случилось с магическим шаром, трудно было вообразить.

«Не следует недооценивать Первого Говорящего, даже во время такого триумфа».

— Действительно, Чабано часто говорил, что ни одна птица яйца не снесет без того, чтобы он об этом не узнал

рано или поздно, — сказал Райку. — Я думаю, он хватает, но он безусловно умеет пользоваться услугами шпионов и имеет своих людей среди Ичирибу.

— В таком случае иди и потребуй воспользоваться ими для нас, — произнес Первый Говорящий. — Иди, и если вернешься со знанием, какое мы ищем, ты можешь быть поднят до ранга Говорящего.

Новый Говорящий избирался из Безмолвных братьев, лишь когда умирал старый Говорящий, а пока ничего не было сказано о такой смерти. И не будет, подозревал Райку, по крайней мере до тех пор, пока не появится необходимость объяснить, почему Безмолвному брату Райку предоставлена такая честь.

А необходимость появится, поклялся он. Он не промахнется теперь, когда было свободно предложено то, ради чего он пролил бы кровь, и не только чужую!

Райку снова распростерся и пролежал до тех пор, пока не позволили подняться, затем быстро вышел из помещения Первого Говорящего.

Чннг!

Копье Конана глубоко вошло в пень, который был мишенью в соревновании в метании копья. Вошло так глубоко, решил киммериец, что ударило в сучок и отскочило. Древко так сильно задрожало, что наконец-ник выскочил из дерева, и копье упало, поднимая пыль.

Конан повернулся к Аондо и приветствовал его взмахом руки. Воин Ичирибу выиграл в метании копья, хотя и с самым небольшим преимуществом. Если бы не этот последний сучок...

Сзади подошла Валерия и остановилась рядом с Конаном. Теперь на ней была набедренная повязка Ичирибу, венки, означающий, что она женщина, давшая клятву, и кожаные обмотки на ногах. Долгий путь, солнце и остров Ичирибу сделали ее светлую кожу жителя Севера темнее, но никак больше не повлияли на ее внешность.

— Что теперь, Конан?

— Сегодня больше ничего. Завтра каноэ, ловля рыбы и затем вечером танцы на барабане.

По лицу Валерии пробежала тень:

— Конан, я умею обращаться с веслом не хуже их. Лучше тебя, я думаю.

— Весьма вероятно. Но от этого не зависит жизнь или смерть, если я проиграю где-нибудь, кроме как во время танцев на барабане. Аондо победил в борьбе...

— Потому что ты позволил ему победить, чтобы смутить его мозги ложными надеждами.

— Женщина! — сказал киммериец, надвигаясь на нее и изображая гнев. — У меня что, не может быть от тебя секретов?

— Нет, — ответила Валерия с озорной улыбкой, что придало ей вид почти девочки. — После того как я столько времени провела с тобой, я была бы душой, будь все иначе.

— Ты не дура, это точно, — сказал Конан. Вдруг тревожная мысль заставила его нахмуриться. — Если только ты не вызвалась грести на каноэ вместо меня.

— А если вызвалась?

— Ответь мне. Ты вызвалась участвовать вместо меня в гребле на каноэ?

— Да.

— Кром! Если бы у них только хватило ума отказаться...

— Они согласились.

Конану хотелось взять Валерию и потрясти так, чтобы она образумилась, но он понял, что этим лишь растрясет вдребезги их дружбу, и удовлетворился тирадой проклятий. От этого разлетелись птицы и заплакали дети. Женщины и даже воины отшатнулись от киммерийца и оставили его с Валерией наедине, так что никто не мог их слышать.

— Это предложила Эмвайя? — прорычал он.

— Что «это»?

Он пытался найти приличные слова.

— Это... чтобы занять мое место.

— Нет. Она была достаточно дружелюбной, но мы еще недостаточно долго пробыли среди этих людей, чтобы прислушиваться к подобным советам кого-либо из них. Особенно к советам дочки колдуна.

— По крайней мере, ты растеряла еще не все мозги.

— Что имеешь в виду, киммериец? — в голосе Валерии слышалось раздражение.

— Если они позволят тебе занять мое место в одном из состязаний — это значит, что они считают тебя воином.

— Ну и что?

— Знатным воином.

— Тем лучше.

Киммерийцу не удалось скрыть раздражения в голосе.

— Воином, связанным со мной клятвой кровного братства. Только такой может заменить другого в соревновании. Таков закон.

— Я знала...

— Женщина! — заорал киммериец. — А ты знала, что, если ты это сделаешь, тебя будут испытывать так же, как и меня? Что твоя судьба идет в ногу с моей? Если я проиграю в танце на барабане, ты умрешь вместе со мной!

Конан ожидал чего угодно, но только не того, что Валерия обнимет его, затем пригнет его голову, потянув за волосы, и крепко поцелует.

— Хвала всем богам! Я не знала, что так легко могла избавиться от необходимости сидеть и ждать, пока меня не бросят какому-нибудь воину, как кость собаке!

Конан решил, что Валерия действительно говорит то, что он слышит, и что ни один из них не сошел с ума. Он очень сомневался, что если танец на барабане окажется не в его пользу, то они покорно предстанут перед смертью. Валерия не такова.

До этого Валерия представляла перед опасностью смерти лишь с единственной целью — самой остаться в живых. Если сейчас она свободно избрала совместный последний бой, то пусть так и будет, и тем хуже для Ичирибу, если они всерьез воспримут приговор, вынесенный барабаном!

Глава 9

Валерия все еще плохо понимала язык Ичирибу. Она, однако, достаточно хорошо могла читать лица, и на всех лицах вокруг было написано, что она сошла с ума.

В десятый раз с того момента, как Валерия села в каноэ, она подняла весло и подержала его так, чтобы

определить центр тяжести. Утреннее солнце золотило капли воды, которые капали с лопасти весла в озеро.

Этим утром название Озера смерти казалось чудовищно неподходящим для такой прекрасной водной глади. Поверхность цвета изумруда со вспышками лазури поблескивала, и легкая рябь пробегала лишь тогда, когда налетал бриз. Солнце сияло сквозь розового и белоснежного цвета крылья целых стай птиц, высоко пролетающих над островом Ичирибу по направлению к далекому берегу.

Валерия положила весло и тоже в десятый раз слегка покачала каноэ, чтобы проверить остойчивость. Это была одна из лучших долбленок из тех, что она видела: обработанная изнутри и снаружи и промасленная до такой степени, что поверхность на ощупь была гладкой, как тыльная сторона ладони Валерии. Даже более гладкой, если учесть, что ей пришлось пережить с тех пор, как она бежала из объятий того капитана.

Конан был прав. Она могла бы потратить годы в том жалком приграничном поселении, дождавшись того, что время забрало бы ее силу и красоту и Красное братство не приняло бы ее назад. Или она могла бы умереть от лихорадки, от падения с лошади, от стрелы или ножа какого-нибудь бандита, недостойного вычищать грязь из трюма на каком-нибудь корабле Красного братства. Умереть, не чувствуя палубы под ногами, не увидев больше, как надувается ветром парус, не услышав, как поют гребцы, когда буксируют корабль из гавани...

Она поморгала и отбросила мысли о прошлом. Сейчас она может жить лишь от одного мгновения до следующего, от одного гребка до другого. Иначе на Конана ляжет пятно: те, кто сомневается в способностях бледных братьев, будут ликовать; получится так, что она зря бросила свою жизнь на весы.

В двадцати шагах справа по борту Аондо, издеваясь, скалил кривые зубы. Затем он поднял весло и поводил вперед-назад, изобразив жест, который ни с чем нельзя спутать.

Валерия ответила таким же образом, прикусив большой палец и сделав вид, что выбрасывает за борт, и

плюнула вслед. Улыбка Аондо поколебалась, затем исчезла, когда зрители на берегу расхохотались. Валерия услышала, как некоторые из них, а не только Конан, выкрикнули ее имя как боевой клич.

В пятидесяти метрах слева по борту два старших воина, судящих гонку, сидели в корме своих каноэ. В каждом каноэ судьи было по четыре гребца, хотя одна из лодок была едва ли больше того крепкого судна, которым Аондо управлял один.

Аондо, решила Валерия, снова был настроен похвально и важничать, как петух на навозной куче, — и пусть, если считает, что это поможет. Она выбрала себе каноэ, с каким, была уверена, она могла справиться на протяжении всей гонки. И не важно, в чем еще ее может превзойти Аондо, если она первой пересечет конечную черту!

На берегу забили барабаны. Барабаны Ичирибу были «говорящими», с их помощью можно передавать сложные послания, но сегодня они служили не для этого. Они здесь были для того, чтобы возбуждать силы ее и Аондо, и их ровный, глубокий рокот уже добрался до ее живота и наполнял будто крепким вином.

Валерия вскинула голову, волосы скользнули по плечам, и судьи подняли трезубцы. Когда трезубцы опустились...

Брызги образовали радугу, когда судьи взмахнули трезубцами. Радуга еще не потускнела, а весло Валерии уже прыгнуло в воду, и каноэ двинулось вперед.

Она гребла так, как научилась еще давно: поднимая голову, чтобы к рукам можно было подключить силу корпуса. Аондо, она видела, сидел согнувшись, будто от этого каноэ пойдет быстрее. Гребки его были не такими ровными, как у Валерии, но могучие мускулы делали его очень серьезным противником.

Лодки не разделяла и длина копья, когда они пересекали первую отметку. Валерия уже чувствовала, как пот струится по лицу и телу и что повязка на лбу намочается. Она поблагодарила Митру за то, что на ней была лишь самая короткая набедренная повязка, если не считать обмоток от мозолей на руках.

Лодки должны были пересечь шесть отметок, расстояние около лиги или чуть больше, как подсчитала Валерия. У второй отметки она отстала больше, чем ей хотелось бы, и к этому времени волосы были такими же мокрыми, как налобная повязка.

У третьей отметки она не сократила отрыв, но и не отстала еще больше. С Аондо тоже лил пот, и каноэ его, казалось, глубже погружилось в воду. Вода от мощных гребков попадает через борт?

Каноэ судей шли рядом, но Валерия многого от судей не ожидала. Много в ней было чуждым для Ичирибу, и когда дело дойдет до решения ее судьбы, честь может быть перевешена невежеством. Она будет действовать так же, как и раньше, — все поставит на свое умение и силу, и остальное предоставит богам.

Гребок, поворот, гребок, поворот, гребок, поворот, гребок, поворот, еще гребок. Мышцы живота присоединились к кричащему протесту мышц рук и плеч. Гребок, поворот, гребок, поворот, гребок, поворот, на этот раз чуть сильнее, чтобы стряхнуть пот с глаз, которые начало резать, будто их залил горячий воск.

Каноэ Аондо уже некоторое время идет неопределенным курсом. Гребки Аондо стали, казалось, отчаянными, но не потеряли своей силы. Каноэ его больше не погружалось. Удалось ли ему как-нибудь вычерпать воду, пока Валерия не смотрела? Или это была лишь желанная фантазия, что его каноэ тонет?

Но не фантазия то, что направление его движения становится все более беспорядочным. Валерия внимательно посмотрела на воина Ичирибу. В одно мгновение, когда он думал, что за ним не следят, она поймала на себе его взгляд. От злобы, которая переполняла этот взгляд, у нее похолодела кровь и, казалось, пот на лбу превратился в лед. Если у него есть какой-то голос в решении ее судьбы, она будет молить о смерти задолго до того, как смерть возьмет ее.

Залитые потом глаза Валерии разглядели и еще кое-что. Аондо шел таким курсом, что постепенно пересекал ее нос. До того, как они достигнут следующей отметки, ей придется либо отстать, либо ударить его лодку, а если Валерия ударит его лодку, ей будет засчитано поражение.

Гнев не затуманил разума Валерии. Она должна заставить противника врасплох. Аондо силен, как бык, но и мысль у него ворочается не быстрее, чем у быка. Ей было интересно, кто научил его этой хитрости, она сомневалась, что узнает это, но в одном была уверена: этого человека сейчас нет в каноэ Аондо.

Валерия слегка изменила силу и направление гребков, так что ее лодка тоже постепенно начала отклоняться вправо. Она ощутила прилив сил, когда увидела, что Аондо действительно замедлил скорость, и поняла, что хитрость ее действует. Он подумал, что у нее кончаются силы, и ей придется ответить согласно его замыслу.

Когда они приближались к четвертой отметке, каноэ разделяла длина меча. Аондо уже наполовину пересекал нос каноэ Валерии и греб лишь так, чтобы сохранить расстояние. Несколько его неверных гребков, и его лодка ляжет поперек пути Валерии, как бревно.

Но неверные гребки сделала Валерия — умышленно, но сделав вид, что это ошибка человека, почти потерявшего силы. Она отстала, но лишь на несколько гребков, затем весло зарылось в воду, и Валерия прошла за кормой Аондо.

Аондо что-то выкрикнул, что, как решила Валерия, вряд ли было похвалой, и бешено ударил веслом по воде. Весло вошло в воду не на той стороне, и он уже закончил гребок, прежде чем понял ошибку. Его каноэ резко развернулось, и Аондо оказался кормой вперед.

Валерия к этому времени прошла мимо и вышла на чистую воду. Ей не было до этого дела, если даже Аондо целый день будет выписывать круги или прыгнет через борт, чтобы его съели там рыбы-львы или крокодилы. Дело ей было лишь до того, что слева по борту виднелась четвертая отметка и настало время выложить все силы. Она не позволила себе ни на мгновение усомниться в том, что у нее эти силы остались.

Теперь весло ныряло, выпрыгивало и снова ныряло на другой стороне. Каждый гребок, казалось, поднимал лодку вверх, а не толкал ее вперед. За кормой бурлила вода, у носа брызги образовывали радугу, и Валерия

увидела, что стоит на коленях на пядь в воде, которая плескалась на дне лодки.

Она также не позволила себе даже на мгновение оглянуться на Аондо. Аквилонка отдала гонке почти всю себя. Аондо не мог уже иметь никакого значения. Мир сократился для нее до бесконечного ритма гребков, воды, бурлящей позади, проходящей за корму пятой отметки, шестой, последней, которая была уже видна...

Аондо снова был здесь, теперь справа по борту. У него, похоже, не осталось больше хитростей, но зато было слишком много сил, чтобы Валерия успокоилась. Спокойствие больше не имело значения. Мир Валерии сжался до одного гребка следом за другим, и ничто другое не имело значения, пока каждый удар весла вел ее к последней отметке.

То, что Аондо сделался больше, не значит ли, что он стал ближе? Валерия не потратит ни мгновения, даже чтобы посмотреть. Это не имеет значения. Ничуть. Она будет опускать весло, вынимать, поворачиваться... и стало казаться, что пояс и бедра сковывает раскаленное добела железо...

— А-а-а-а-а, Валерия!

В мире только один такой голос. Валерия не поняла, поздравляет ли Конан ее с победой или пытается побудить ее к большим усилиям. Валерия думала, что у нее не осталось больше сил, но громopodobный голос киммерийца доказал ей, что она ошибалась.

Она неслась в облаке брызг, весло летало из стороны в сторону и вверх и вниз так быстро, что глаз почти не мог уследить. Валерия была лишь мышцы и связки, кости и дыхание, человеческих чувств в ней больше не осталось.

— Валерия!

Она снова слышала голос Конана, но на этот раз он тут же был поглощен ревом других голосов. Они кричали ее имя с берега, с озера, даже, казалось, с неба.

— Валерия! — Киммериец пробился сквозь рев. — Ты победила!

Валерии хотелось присоединиться к крику. Вместо этого рот ее, как ей показалось, будто наполнен ватой. Она разинула его, но смогла лишь проквкать. Валерия

согнулась вперед осторожно, так как боялась, что глаза выскочат и покатаются по дну каноэ.

Каноэ качнулось и развернулось. Валерия судорожно стала искать кинжал, смутно соображая и решив, что Аондо попытается отомстить за поражение, совершив убийство на виду всего племени.

Затем большая, в мозолях от меча, рука обхватила ее за пояс и развернула. Конан стоял рядом с каноэ по грудь в воде. Свободной рукой он высвободил из ее рук весло и бросил его на дно каноэ. Она увидела, что весло поплыло.

Затем она увидела голубое небо с облачками, когда киммериец вынул ее из лодки и на руках понес к берегу. Валерия чувствовала, как прохладная вода озера успокаивает руки и ноги, и у нее хватило сил, чтобы глубоко вздохнуть.

Они добрались до берега. Служанка Мокосса подбежала, неся в руках тыкву с водой. Валерия хлебнула, опасаясь, что ее горло и желудок никогда больше не станут прежними. Вода, однако, прошла внутрь, и Валерия начала жадно пить.

Среди общего крика она расслышала знакомое ворчание:

— Тебе не нужно было доходить до того, что мне пришлось тащить тебя до берега! У некоторых женщин ума столько, сколько боги дают мухе!

Не хватило сил даже подумать о том, чтобы кастрировать его, а тем более чтобы кусаться или лягаться — надо было подумать о достоинстве победителя.

Мысли о достоинстве также предохранили от того, чтобы упасть без чувств, какой бы заманчивой ни казалась эта идея. Вместо этого она протянула руку за другой тыквой и на этот раз вылила воду на себя.

Вобеку вошел в хижину Аондо осторожно, держа руки перед собой и оставив оружие у двери. Аондо и в самое лучшее время был вспыльчив, а сейчас время было далеко не таким.

Рабыня вскочила и побежала в угол хижины при виде Вобеку. По пути она сделала знак против сглаза.

Аондо непринужденно привстал и протянул руку к девушке. Она завизжала от неподдельного ужаса, когда массивная рука охватила щиколотку. Девушка не посмела сопротивляться, однако, когда Аондо подтянул ее к себе и положил поперек колен.

— У Вобеку нет злого глаза. Повтори десять раз.

— У Вобеку нет... ой-ой-ой!

Ладонь Аондо с силой шлепнула девушку по задку. Она снова завизжала и попыталась вырваться.

Вобеку поднял глаза к прокопченной тени под потолком хижины. Не его дело, как Аондо обращается с женщиной. Однако у него не много времени, даже если заключительная часть дуэли между Аондо и Конаном. Без племени отложена до завтра.

Девушка терла одной рукой зад, а другой глаза, когда Аондо отпустил ее. Она уползла в дальний угол хижины и сжалась там в комок. Вобеку не стал тратить на нее свое сочувствие. Если бы она видела хотя бы нескольких из тех женщин, что вызвали недовольство огромного воина, она назвала бы себя счастливой.

— Она должна уйти, — сказал Вобеку.

— Да кто ты такой... — начал рычать Аондо. Затем нахмурился. — А, только наружу?

— Да. Думаешь, я дурак, чтобы встречать в отношении между тобой и твоими женщинами?

— Ты не можешь знать столько, сколько знаешь, будучи дураком. — Аондо обратился к девушке: — Иди. Я пришлю Вобеку, чтобы позвать тебя.

Девушке явно не понравилась такая перспектива. Вобеку самому едва ли понравилось, что этот придурок посчитал, что он должен передавать его сообщения через этого переросшего младенца, которому боги дали силу двоих человек, а голову набили лишь наполовину. Как и девка, он, однако, послушается, но из-за надежды добиться выгоды, а не от страха.

— Аондо, — сказал Вобек, когда оба воина остались одни, — сегодня ты был опозорен.

— Ты смеешь...

— Я смею повторить то, что все будут говорить до завтрашнего заката.

— Кому какое дело, что там говорят до заката? После восхода ни один против меня ничего не скажет. Они будут заняты сожжением колдуна Конана.

— Ты уверен в себе.

— Я — Аондо.

— То, что ты Аондо, не сделало тебя быстрее, чем женщина Валерия.

— Я знаю, как обуздать любую женщину.

Это было правдой. Аондо знал, как обуздать любую женщину так, чтобы она больше не двигалась, разве только когда родственники несли ее к месту сожжения.

— Я знаю, как обуздать любого мужчину. Более того, мужчину, который завтра вечером будет танцевать с тобой на барабанах.

— Мне не нужна такая помощь.

— Кто сказал о помощи? Ты Аондо, который может побеждать без помощи. Я же предлагаю дружбу.

— Чтобы ты был чьим-нибудь другом? Я расскажу всем Ичирибу, что ты обещал дружбу. Они будут хохотать, пока не задохнутся.

Вобеку разозлился, и руки его сжались в кулаки. Большого гнева он не осмелился показать перед Аондо. Он действительно почти всегда был один, и мало кто подумает о мести, если Аондо прикончит его здесь.

— Если слово «дружба» звучит для тебя подозрительно, назови это сделкой, услугой за услугу.

— Я не отдам Валерию.

— А кто хочет просить могучего Аондо отказаться от возможности отомстить? — Вобеку принял самое невинное выражение лица. — Ей не будет вреда, я клянусь. Но и без вреда для нее я могу сделать твою победу еще более уверенной.

— Предположим, ты окажешь эту услугу? — спросил Аондо. — Что я для тебя сделаю?

Вобеку хотелось плясать от радости. Трезубец сидел прочно. Теперь потянуть за веревку и вытянуть свою рыбу-льва!

— Среди Ичирибу есть многие, кто говорит с тобой, но не со мной.

Вобеку не добавил, что многие говорят не столько с Аондо, сколько в его присутствии, думая, что неуклюжий

воин слишком глуп, чтобы запомнить их слова. Тем не менее Аондо был полезен как еще одна пара глаз и ушей.

— Это так.

— Правда и то, что мне иногда нужно знать о том, о чем люди при мне не говорят. Я скажу тебе, когда возникнет такая ситуация. Ты будешь смотреть и слушать и передавать мне то, что увидишь и услышишь.

— Кто еще будет знать то, что я тебе скажу?

— Лишь боги.

— Но не Добанпу?

— Говорящий с духами — никогда, и никто из его родственников!

И это тоже было правдой. Аондо услышал с таким явным облегчением, что Вобеку не шпионит в пользу Добанпу, что Вобеку понял — толстяк не будет думать дальше. Скорее луна превратится в кашу из сорго, чем Аондо поинтересуется, не может ли Вобеку шпионить в пользу Кваньи.

— Боги! Лучше болтаться на дыбе, чем терпеть это!

Эмвайя издавала успокаивающие звуки, в то время как Мокосса втирала масло в члены Валерии, которые сводило от боли. Конан рассмеялся. Валерия бросила гневный взгляд:

— Завтра вечером в это время тебе будет не до смеха, киммериец. Аондо заставит тебя поплясать.

— Не больше, чем я захочу, могу поспорить...

— На что?

— А на что ты споришь, женщина?

На этот раз гневный голос Валерии сменился хохотом:

— Я знаю, на что ты хочешь, чтобы я поспорила, Конан.

— Тебя Эмвайя научила слышать мысли?

— Конан, некоторые твои мысли создают такой шум, что и ребенок услышит, а я уже вышла из этого возраста!

— Действительно, вышла, — произнес Конан, пробегая взглядом по обнаженным формам Валерии. Хотя она и говорит, что каждый ее мускул болит, будто ее терзают на дыбе, это никак не заметно на чистой коже.

— Жаль, что ты не можешь вместо меня станцевать на барабанах, — продолжал он. — Ты танцуешь лучше меня, а в такой одежде, как сейчас, ты помутитишь разум человеку и получишь Аондо.

— Я уже так и сделала, — ответила Валерия. — Или ты на самом деле забыл, что танец на барабанах у этого народа — только мужской ритуал? Они не воспримут мой танец как шутку, я уверена.

Конан грубо отозвался о том, куда Ичирибу могут засунуть все, что им не нравится. Эмвайя, казалось, поняла интонацию, если и не смысл. Она подняла брови, но не смогла удержать смеха.

Наконец Валерия — скользкая, как угорь, умащенная благовонным маслом — погрузилась на своем матрасе в полусон. Женщины Ичирибу удалились; Конан сел рядом с Валерией и положил руку ей на волосы.

Она сонно перекатилась и, все еще с полузакрытыми глазами, слегка укусила его руку. Он отдернул ее и притворился, что разгневан.

— Как хочешь, женщина. Любой подумал бы, что тебе нравится то, что случится со мной завтра вечером!

Валерия прикусила губу:

— Ты бы поверил, если бы я сказала, что нравится?

— Любой мужчина, который верит женщине, заслуживает, чтобы его укусили сильнее.

— Это нетрудно будет устроить, Конан.

Киммериец сел на свой матрас и скинул сапоги.

— Завтрашней ночью мы можем пить и смеяться над этими опасениями. А сегодня я за то, чтобы хорошо выспаться.

Валерия храпела еще до того, как Конан успел лечь. Когда Конан перевернулся на своем матрасе, он услышал далекое бормотание, перешедшее в сердитую барабанную дробь дождя по крыше хижины.

Небо было скрыто дважды — один раз облаками и второй раз дождем, когда Райку крался сквозь темноту на встречу с Чабано.

Он не боялся, что за ним проследят в такую ночь, разве только при помощи колдовства Говорящих. Дождь

избавит от всех природных врагов, а Первый Говорящий должен защитить от праздного любопытства своих подчиненных. Если не защитит или если Добанпу Говорящий с духами уже проявил любопытство, тогда надежды Райку достичь цели своих устремлений рухнут, еще и не окрепнув.

Райку решил, что своим мрачным настроением он обязан лишь дождю, а не влиянию духов. Вдруг сверкнула молния и осветила фигуру, стоящую у дерева. Вождь Кваньи казался таким крепким, что трудно было сказать, кто кого поддерживает — дерево воина или воин дерево.

— Здравствуй, Чабано. Ты быстро пришел.

— Твое известие поспело вовремя. И вот я здесь. Говори.

— У меня есть новости. Я могу обещать Кваньи большую помощь...

— Ты не добьешься себе места среди нас простыми обещаниями, Райку.

— Я надеюсь не на это. Ты просил меня говорить. Выслушаешь ли, если я буду краток?

— Ты громко поешь для мелкой птички.

— Птица, нашедшая мед, тоже поет громко, и медведю стоит послушать.

Чабано изобразил медвежий рык, но в остальное время молчал, пока Райку объяснял, что Первый Говорящий хочет и что обещает.

— Мои шпионы среди Ичирибу не клялись служить Посвященным богу, — сказал наконец Чабано.

Райку пожелал, чтобы клятвы шпионов пожрали рыбы-львы, но вслух произнес:

— В таком случае не могут ли они дать новые клятвы? Если они достаточно сообразительны, чтобы быть твоими шпионами, они также быстро сообразят, что Посвященные богу не желают зла Кваньи.

— Я и сам этого не понял, — ответил Чабано. — Или ты считаешь, что мне недостает сообразительности?

Райку решил, что любое слово, какое он сейчас скажет, может для него стать последним. Вместо ответа он пожал плечами.

Чабано рассмеялся. Это был смех, который заглушил дождь и спорил даже с громом.

— Я знаю мало о Посвященных богу, — сказал он наконец. — Но ведь ты мне расскажешь о них, правда?

Райку кивнул.

— Я рад. Мои шпионы дали мне клятву, так что они будут повиноваться, даже если это будет на пользу Посвященным богу. Ты этого не знал?

Райку признался в неведении.

— В таком случае тебе столько же предстоит узнать о Кваньи, как и мне о Посвященных богу. Возможно, даже больше. Помни об этом и следи за языком, когда встретимся снова.

Райку был готов поклясться страшными клятвами так и сделать, когда вдруг заметил, что собирается клясться темноте. Чабано исчез тихо, как кобра, несмотря на то что больше походил на ищущего мед медведя.

Глава 10

Зеленые холмы западного берега Озера смерти уже давно поглотили солнце. Теперь посеребренные луной облака глотали звезды. С озера на земли Ичирибу дул ветер, пока слабый, но обещающий усилиться.

На вершине самого высокого холма на острове, у одной стороны барабана танцев, стоял Конан, разглядывая Аондо, стоящего у другой стороны. На обоих были набедренные повязки и кожаные обмотки на запястьях и щиколотках. Вид у обоих был мрачный и решительный.

Или, по крайней мере, Аондо принял такой вид. Конан же просто позволил лицу принять свое обычное выражение, про которое говорили, что оно достаточно мрачно во всех ситуациях.

«Можно подумать, что ты готов бросить вызов самим богам, если они дадут мельчайший повод», — сказала ему одна женщина в далекой земле несколько лет назад. Она сказала это как похвалу, сама будучи из тех, кто сомневается в самом существовании богов. Вера самого Конана не доходила до такого. Он лишь сомневался во всем, что священники говорили о богах, и ждал, пока боги не заявят о себе сами. А поскольку до сих пор они

молчали, он находил в этом достаточное основание, чтобы полагаться на собственное умение и силу.

Конан изобразил некоторое добродушие и оглядел Аондо. Мозгами этот парень похвастаться не мог, но впечатление, что он неповоротлив, как увязший бык, обманчиво. Конан видел его быстроту в предыдущих состязаниях. К тому же Аондо знал искусство танца на барабанах с детства, в то время как жизнь Конана — а теперь и Валерии, будь проклята эта женщина! — зависла от того, сумеет ли он овладеть этим искусством за считанные мгновения.

Об Аондо ничего больше узнать было нельзя. Конан обратил внимание на сам барабан.

Это было чудовищное сооружение: неровный круг двадцати шагов в поперечнике. Рама барабана была из дерева такого толстого, что можно было сделать из него боевую галеру или крышу храма. При свете факелов кожа барабана имела бурый цвет хорошо дубленной бычьей кожи, но блеск будто мелких чешуек указывал на иное происхождение. Зная, сколько необычных зверей скрывают джунгли в этих краях, киммериец не позволил этой мысли расстроить себя. Если только кожа барабана выдержит его вес до тех пор, пока он не завоеует жизнь и свободу для себя и Валерии, ему наплевать, даже если это шкура существа с Луны!

Из-за кольца зрителей вышли вперед Добанпу и Сейганко. Конану показалось, что он где-то в кольце заметил Эмвайю и Валерию, но толпа была слишком плотной, чтобы разглядеть точнее. Было очевидно, что все, кто мог ходить или кого можно было нести, сумели оказаться этой ночью здесь, все — от младенцев на руках до почтенных старцев.

Налетел порыв ветра, и факелы закоптили, дым змеей обвил Конана. Дым имел запах экзотических смол и трав, каких киммериец не встречал в Черных Королевствах. Племена Озера смерти, он мог поспорить, отличались даже от родственного им народа у берега.

Будет время узнать о них побольше, после того как он победит. Конан поднял руки и хлопнул в ладоши над головой в знак того, что готов. Аондо сделал то же самое.

Откуда-то из-за круга факелов донеслась барабанная дробь. Это не был один из огромных говорящих барабанов, всего лишь барабанчик — на нем вполне мог стучать и ребенок. Но это был ритуальный сигнал для танцоров занять свои места.

Конан нашел бревно с зарубками, которое служило вместо лестницы, но не воспользовался им. Вместо этого он схватился за край барабана, согнул колени и одним прыжком запрыгнул наверх.

Барабан загудел, будто барабаны всех галер, всех флотов мира забили одновременно. Конану показалось на мгновение, что даже замерло пламя факелов. И конечно, он видел удивление на всех лицах... включая лицо Аондо.

У представителя Ичирибу, во всяком случае, хватило ума не пытаться повторить подвиг Конана. Он забрался по своему бревну с зарубками и лишь затем прыгнул на середину барабана.

Снова по холмам разнесся громовой рокот и растворился в темноте над озером. Конан переместился по барабану, снова согнув колени, поскольку теперь это искусство казалось не более трудным, чем умение ходить по качающейся палубе; проще, чем умение ходить по качающейся палубе; проще, чем стоять на спине лошади. Он надеялся, что дальше будет так же легко.

Вобеку внимательно наблюдал, как двое танцоров приступили к своей сложной работе. Он сомневался, что опыт Аондо пересилит его природное высокомерие. Ничто не могло уберечь Аондо от недооценки противника, а с этим Конаном это недопустимо.

Тем лучше. Чем больше Аондо окажется должен Вобеку, тем более послушным орудием будет этот воин в руках шпиона Чабано. Чем больше сведений сможет Вобеку доставить вождю Кваньи, тем выше будет его место, когда другое племя начнет править наконец на землях вокруг Озера смерти.

Вобеку похлопал мешочек у пояса. Он казался обычной воинской сумкой, в которой могут быть ложка и миска из тыквы, костяная игра и жила, чтобы чинить

одежду, или несколько полосок высушенного на солнце мяса и вяленая рыба.

Там были все эти предметы, чтобы сбить с толку того, кто случайно решит посмотреть, что там. Под ними лежало разобранное на две части духовое ружье и мешочек стрел к нему.

Духовое ружье не было оружием воинов племен южных лесов. Дальность его действия более чем в два раза меньше, чем у хорошо брошенного копья, но сегодня не нужна дальность, когда жертва ничего не подозревает.

Да и надо всего лишь оцарапать обнаженную кожу, а остальное сделает яд. Искусство сохранять на воздухе действие яда кобры было известно лишь Посвященным богу, и стрелы были частью их подарка Чабано. Малой частью, если учесть, что у Вобеку было только три стрелы. Или заклинание, чтобы сохранить яд, так трудно произнести, или Посвященные богу просто жадничают как обычно?

Однако когда достаточно одной стрелы, три уже много. Жертва ничего не заподозрит, а кобры на острове — не редкость, чтобы кто-нибудь заподозрил нечто большее, чем простое невезение, до тех пор пока не окажется слишком поздно. Слишком поздно для жертвы Вобеку и для ее товарища, танцующего на барабане.

Прохладный ветер обещал еще более сильный дождь. Конан, несмотря на это, вспотел, так же как и Аондо, и пот обоих тек на уже мокрую поверхность барабана, отчего стоять на нем было еще сложнее.

Не только пот Аондо заставлял Конана бороться, чтобы устоять на ногах. Через непредсказуемые промежутки времени воин Ичирибу кидался на колени или даже на живот, а затем ударял по барабану обеими огромными руками, чтобы подняться. Эти действия сообщали барабанной коже каждый раз новые движения, также непредсказуемые.

Сам Конан оставил такие приемы. Он быстро выучил, что никакое движение кожи барабана не грозит ему опасностью потерять равновесие... пока он, по крайней мере,

готов к ней, что означало: широко расставить ноги, колени полусогнуть и расслабиться или напрячься в зависимости от того, что потребуется.

Танец на барабане не был похож ни на что, что доводилось делать киммерийцу раньше. Но он требовал умения, которое Конан оттачивал годами, пока оно не стало так же остро, как кромки его меча. Из умения он может соткать себе победу или по крайней мере избежать поражения.

Своими тонкими приемами Аондо тратил силы, которые Конан берег. Однако воин этот не казался медлительнее или слабее, чем был в начале поединка. Какое будет решение Ичирибу, думал Конан, если танец закончится тем, что оба останутся на барабане, но не в состоянии пошевелить и пальцем?

Он рассмеялся и засмеялся снова, когда увидел, что Аондо от этого нахмурился. Нет сомнения, что толстяк ломает голову, пытаясь отгадать, какую уловку готовит киммериец. Конан рассмеялся в третий раз над глупостью Аондо. Стоит только отвлечь внимание от следующего движения противника — и проиграешь точно.

Для Конана мир сжался, и были в нем только барабан и человек напротив. В битве за жизнь он всегда сосредоточивался, поскольку ему уже было достаточно много лет, чтобы побеждать умением, а не одной лишь силой молодости и, возможно, благодаря помощи богов. Сегодня так и должно быть.

Конан высоко подпрыгнул и перекатился. Перекатившись, он снова стал на четвереньки. С силой ударил руками и коленями по поверхности барабана и подскочил в воздух. Приземлившись, он снова стоял на ногах.

Он находился близко к краю барабана. Аондо издал дикий крик радости, когда увидел, что победа его уже близка. Он в свою очередь прыгал не переставая, отчего кожа барабана бешено плясала.

Конан умышленно позволил этому движению кожи переместить его на расстояние примерно в длину копья от края. Ему не грозила никакая опасность, если только не сломается рама барабана. По обычаю, это прекращало дуэль, пока плотники не восстановят поломку.

Аондо, однако, грозила опасность истощения, если он и дальше будет скакать, как блоха на горячей сковородке, пытаясь сбросить Конана. Он, похоже, забыл древнее правило боя: не делай ставку на то, что можешь сделать лишь однажды.

Умышленно Конан сместил центр тяжести так, что каждый прыжок кожи барабана медленно отдалял его от края. Грохот барабана заглушал ветер, а скоро этот грохот заглушит и гром неба.

Конан подумал, как же зрители переносят такой шум, и увидел, что они действительно расступились.

Валерия и Эмвайя стояли теперь рядом на расстоянии руки от одного из факелов. Конан ухитрился подмигнуть Валерии и помахать рукой, заметил, как она помахала в ответ, и увидел, что Аондо пытается сократить разделяющее их расстояние.

Было запрещено правилами, обычаем и разными табу касаться одному танцору другого. Однако близко подходить к противнику разрешалось. Не давая ему места, чтобы двигаться, можно было добиться победы.

Можно даже заставить противника ударить, из-за чего ему будет тут же присуждено поражение. Конан мог на многое поспорить, что такая мысль была в голове Аондо. Однако на истекающем потом лице Аондо была маска такой ярости, что можно было подумать — он готов нанести удар первым.

Конан это ясно увидел, но отбросил такую мысль. Такая победа не будет почетной и не даст ни ему, ни Валерии надежного места среди Ичирибу. К тому же Аондо может оказаться слишком хорошим воином, чтобы умереть просто из-за того, что не смог сдержаться.

Если бы судьба Валерии не была связана с его судьбой, киммериец совершенно отбросил бы эту идею. Но при данных обстоятельствах следует приберечь эту уловку на случай, если ему придется спасти и свою жизнь, и жизнь своего товарища.

Аондо еще больше сократил расстояние за время, потребовавшееся Конану для того, чтобы принять решение. Сейчас киммериец мог бы протянуть руку и коснуться Аондо. Аондо был слишком высок, чтобы его

можно было перепрыгнуть, так что Конан ждал, когда прыгнет воин Ичирибу.

Затем он с силой топнул обеими ногами по коже барабана, Аондо приземлился на колеблющуюся поверхность, качнулся и, пытаясь сохранить равновесие, отвернулся от Конана.

В то мгновение, пока противник на него не смотрел, Конан сделал самый длинный прыжок за время поединка. Он приземлился в шести шагах от Аондо. Теперь Аондо стоял спиной к краю барабана. Конан еще больше увеличил расстояние, видя, что Аондо снова готов броситься, без ума от ярости, и тем самым закончить без чести свою жизнь. Вдруг, как раз когда киммерийцу показалось, что ярость начинает оставлять Аондо, раздался женский крик.

Валерия стояла рядом с Эмвайей, устремив взгляд на барабан, когда скорее почувствовала, чем увидела движение молодой женщины. Эмвайя, казалось, почти парила эти три шага, не касаясь ногами земли. Когда она вошла в поле зрения Валерии, пиратка заметила, что лицо Эмвайи искажено.

Затем неожиданно дочь Добанпу покрылась потом, выбросила вперед руку и, будто схватив что-то в воздухе, вскрикнула.

Валерия выхватила меч и кинжал, мало обращая внимания на стоящих вокруг. Зрители вокруг Валерии и Эмвайи расступились, словно дочь колдуна неожиданно вспыхнула пламенем.

Эмвайя шаталась, трясла рукой и открывала и закрывала рот, не произнося ни слова. Валерия видела, как закатились ее глаза, как она упала на колени, как затряслись пальцы, как руки свело судорогами.

— Змея! — крикнул кто-то.

Валерия вертелась, стараясь смотреть сразу во все стороны и нанести удар по тому, что хоть отдаленно напоминало бы змею. Тут она заметила красный, распухший участок на руке Эмвайи, — на руке, вспомнила она, которой Эмвайя схватила что-то в воздухе.

Мгновенно Валерия сменила объект поисков. Она искала не человека или оружие. Скорее она искала определенное выражение лица. Убийцы имеют такое выражение лица, которое ни с чем нельзя спутать. Убийца же, который только что совершил покушение не на того человека, имеет еще более определенный вид, если только он не член специально обученных кланов, какие она не ожидала найти среди Ичирибу.

Валерия отыскиала лицо с таким выражением, лицо, которое она узнала, хотя и не могла вспомнить имени. Этот человек отчаянно пытался спрятать предмет, находящийся у него в руках, за спиной женщины, стоящей впереди.

Валерия знала, какая судьба ожидает ее и Конана, если она убьет невинного из рядов Ичирибу. Так что она перевернула кинжал и метнула его рукоятью вперед. Рукоять была произведением искусства немедийских мастеров, с утяжеленным набалдашником, предназначенным как раз для того, что и делала Валерия.

Человек тот — Вобеку, она вспомнила теперь его имя, — вовремя увидел грозящую опасность и успел увернуться. Он пригнулся, кинжал, ударив его вскользь, отскочил в толпу, и крик предупредил Валерию, что сейчас будут неприятности. Не думая об опасности, она подняла меч и заорала проклятия и угрозы на всех языках, какими владела.

Ичирибу могли и не понимать слов, но могли узнать сумасшедшую женщину, когда видели ее перед собой. Они расступились и образовали проход, чтобы Валерия могла идти туда, куда хочет. Она ринулась вперед, как раз когда Вобеку поднял то, что должно было быть духовым ружьем.

Ни сталь, ни стрела не достигли цели. Неожиданно Валерию окружило золотое пламя, льющееся дождем с неба. Клинок ее, казалось, глубоко врезался в толстую стену из льда, и от стали полетели ослепительные искры.

В то же мгновение золотой огонь окутал и что-то маленькое, что, должно быть, было стрелой, выпущенной в Валерию. В стреле не было металла — не говоря уже о доброй аквилонской стали, — она вспыхнула бледно-зеленым огоньком и сгорела.

Затем золотой огонь выгнулся и образовал высокую арку, соединяющую руку Эмвайи и духовое ружье, которое держал Вобеку. На этот раз настала очередь Вобеку закатить глаза, а также кинуть ружье и броситься наутек.

Золотой огонь становился все ярче, и Валерии пришлось вначале прищуриться, а затем закрыть глаза. Огонь становился все ярче, и Валерии уже хотелось бросить меч и зажать лицо руками. Она слышала вокруг себя крики, и надеялась, что ни один из них не принадлежит Эмвайе.

Когда через вершину холма хлынул золотой огонь, Конан был уверен в двух вещах: Аондо знал о предательстве; Добанпу сейчас пытается это предотвратить.

Воин танцевал вокруг Конана, вынуждая его либо стать лицом к свету либо спиной к противнику. В большинстве поединков это не имело значения: слух киммерийца мог сообщить ему чуть ли не о падении листка.

Сейчас звук шагов противника тонул в шуме, который походил на конец света: гром барабана, рев толпы от страха и гнева и гром, который, казалось, поднимается от земли, так же как и доносится с неба. Конан закрыл глаза, сделал глубокий вдох и попытался определить, где находится Аондо, по запаху его пота.

Определение было неточным, но достаточным. Аондо задел руку киммерийца. В это мгновение он мог бы схватить и выбросить Конана, и никто бы не заметил. Но для такого сложного действия у Аондо не хватило ума. Он ожидал встретить противника беспомощным, но не нашел такого в Конане, да и сам он тоже был наловину ослеплен.

Затем золотой огонь уменьшил силу так, что его сияние мог терпеть человеческий глаз. Конан открыл глаза, прыгнул вверх и в сторону и умышленно упал на колени.

Аондо издал бычий рев, в котором слышались ярость и триумф, и бросился на киммерийца. Возглас ужаса раздался со всех сторон при виде нарушения табу.

Конан не встретил Аондо корпус к корпусу. Вместо этого он упал еще ниже, ударив о барабанную кожу

своей массивной грудью. Аондо потерял равновесие. Он попытался восстановить его, кинувшись сверху на Конана, но киммериец сделал кувырок вперед и ушел от броска воина.

Огромный воин Ичирибу видел, что ничто не спасет его от падения через край. На этот раз рев его выразил чистую ярость. Он в свою очередь сделал кувырок, полетев через край барабана. Аондо приземлился между двух вооруженных воинов, бросившихся схватить его.

Они вполне могли бы попытаться схватить бешеного слона. Гигантский кулак сломал копые одним ударом, от удара другим кулаком воин растянулся на траве без чувств. Аондо пнул упавшего в ребра для ровного счета и пригнул голову, чтобы ринуться сквозь толпу.

Даже воины расступились перед ним, но сомкнули ряды, не пустив Конана, когда он спрыгнул с барабана и хотел броситься в погоню. Конан занес кулак, чтобы увеличить число лежащих без чувств.

Валерия продралась сквозь толпу с другого конца при помощи рукояти меча и умелой работы локтями. Вдруг она вскрикнула от неожиданности, когда Конан обхватил ее руками.

— О боги, Конан! Ты хуже дыбы или Мокоссы со своим маслом!

Он держал Валерию перед собой на расстоянии вытянутой руки и вглядывался в ее глаза, чтобы убедиться, что разум и жизнь там еще теплятся. Затем Конан расхохотался:

— Тот крик был не твой?

— Не первый, во всяком случае. Тогда кричала Эмвайя. Она поймала отравленную стрелу, выпущенную в меня.

Конан чувствовал, как в члены снова возвращаются силы, но соображал он еще так же медленно, как и Аондо.

— Стрелу?

— Это Вобеку, — сказала Валерия, затем приступила к объяснению, которое постепенно начало доходить до Конана. К тому времени как она закончила, он восстановил не только силы, но и дыхание.

— Где мой меч?

— Конан...

Киммериец взял Валерию под мышки и оторвал от земли.

— Женщина, я потребовал свой меч. Я хочу воспользоваться им, чтобы убить Аондо и Вобеку. Это что, так трудно понять, или ты съела что-нибудь, чтобы замутить себе мозги?

Валерия откинула назад голову и хохотала, пока Конан не присоединился к ней и не выпустил захват. Она легко приземлилась и обернулась:

— Конан, вот твой меч.

Конану протягивал его оружие, ножны и пояс Сейганко. За ним стояли полдюжины воинов Ичирибу, у каждого из которых было не меньше двух копий и трезубец, а многие были вооружены дубинками, дротиками или веревкой с привязанным на конце камнем.

Первой мыслью Конана было, что он каким-то образом заслужил смерть и сейчас ему отдают оружие для того, чтобы он мог с честью принять последний бой. Затем заметил, что мрачные взгляды воинов обращены не в его сторону.

Конан благоразумно вооружился, прежде чем начать говорить:

— Сейганко, я надеюсь, мне позволят участвовать в преследовании этих бесчестных...

— Ичирибу будут судить бесчестие еще более строго, чем ты, клянусь, — сказал Сейганко. Действительно, он поклялся несколькими клятвами, которые, как Конану было известно, считались очень страшными в Черных Королевствах, и еще несколькими незнакомыми, но звучащими вполне убедительно.

Его помощь в преследовании явно нежелательна. Что остается делать?

— Как Эмвайя?

Сейганко, казалось, с трудом пытался овладеть собой.

— Она в руках своего отца и богов. Было бы проще исцелить ее, если бы Вобеку не бросил ранившего Эмвайю оружия. Детской игрой было бы уничтожить его.

Брошенное оружие Вобеку — это что-то не совсем понятное, хотя от всего этого несет колдовством; так что он, вероятно, ничего не потерял. Он решил не считать

Вобеку беспомощной жертвой просто из-за того, что тот безоружен, и стал слушать Сейганко дальше.

— Но сейчас Вобеку бежал, — продолжал Сейганко, — и Эмвайя лежит не страдая, но находясь в большой опасности, несмотря на все искусство отца. Если думаешь, что твои боги имеют власть в этой земле, молись им.

Конан кивнул. Сейганко поднял руку, и один из воинов подал ему копье.

— Клянусь этим оружием, несущим смерть предателям, что я не причиню вреда ни тебе, ни твоей женщине-оруженосцу. Что бы сегодня ни случилось, ты и она можете без вреда покинуть эти земли. Но если Эмвайя умрет, не думай найти друга во мне или в любом, кто следует за мной.

Сейганко повернулся кругом так же легко, как смерч в степях. Отряд зашагал в темноту, которая казалась в два раза гуще теперь, когда золотого огня не стало.

Вобеку несли, будто за спиной его завывл Живой ветер. Он знал, что на острове спрятаться нельзя и женщины и дети охотно присоединятся к погоне, если будет необходимо. Действительно, лишь вообразив, что сделают женщины, если Эмвайя умрет, он чуть не споткнулся.

Вобеку молился, насколько хватало дыхания, о том, чтобы добраться до своего спрятанного каноэ или чтобы воины настигли его раньше, чем женщины. Он уже пересек край обрыва над северным берегом, когда понял, что молитвы его услышаны. Теперь под гору к каноэ.

Более легкое продвижение дало возможность подумать о тишине. Трудно было поверить в то, что кто-нибудь из воинов мог пересечь остров, обогнав Вобеку, чтобы оказаться на берегу, но люди часто погибают от того, во что они не верят. Вобеку держался подальше от тропинок, от склонов с непрочными сидящими камнями и от густых кустов, которые могут выдать своим шорохом.

Очень помогло то, что, когда он уже пробежал полсклона, дождь полил всерьез. Вокруг сверкали молнии так же ярко, как золотой огонь духов, брошенный Добанпу.

Бог Мужской силы, спаси его! И победа и смерть прошли так близко, что ему хотелось выть, как гиена,

при этой мысли. Если бы Эмвайя не поймала стрелу, Валерия была бы мертва. Из-за нее Добанпу не стал бы говорить с духами, а смерть ее была бы концом для Конана. Если даже они не связаны кровными узами — ясно, что они товарищи, давшие друг другу клятву, и тогда сердце вырвалось бы у этого великана и победа Аондо была бы обеспечена.

Если бы Вобеку не выбросил духового ружья, Добанпу направил бы смерть, терзающую сейчас тело Эмвайи, назад на него! Он бы лежал и умирал как от укуса кобры, зная — если что-нибудь мог бы соображать, — что при его последнем вздохе все племя возрадуется и будет пить пиво, и больше всех Эмвайя!

Он все-таки споткнулся от страха и ярости и чуть было не растянулся во весь рост на скользкой от дождя земле. Эта незадача, однако, была его спасением.

Из того места, где было спрятано каноэ, выскочили двое мальчиков, держа копья наготове. Они лишь недавно стали достаточно взрослыми, чтобы охранять стада и носить малое копье, мальчики-бедуи, как называли их Ичирибу.

Для воина, такого как Вобеку, было табу убивать их, даже драться с ними. Вобеку сегодня еще не нарушил ни одного табу, поскольку Валерия не принадлежит ни к какому клану, если вообще она не ведьма. Ему также не хотелось начинать нарушать табу сейчас. Еще более страшное, чем быть отданным женщинам, случится с ним, если он убьет этих мальчиков, и большая часть из этого произойдет с ним после смерти.

Вобеку пополз с искусством охотника, используя кусты как прикрытие, а также чтобы немного укрыть себя от все еще льющего дождя. Гром и дождь заглушали все звуки, производимые Вобеку.

Ближе к каноэ он заметил, что судно в порядке, хотя и наполнено дождевой водой. Рядом с ним на берег было вытащено каноэ поменьше. Мальчиков, очевидно, застал ливень, и они подгребли к берегу, а увидев спрятанное каноэ, решили, что оно означает безопасное место для стоянки.

Храбрые мальчики, раз отправились одни на озеро после наступления темноты, особенно в такую ночь,

когда на холме проходит поединок на барабане. Этих напугать нелегко. Есть ли у него что-нибудь с собой?..

За спиной Вобеку затрещали кусты, будто со склона катился огромный камень. Вобеку оглянулся, чуть было не выкатился из-под куста и выругался вслух.

Со склона, спотыкаясь, неся Аондо, у которого из десятков порезов текла кровь. Он, должно быть, влепую залетел в заросли терновников в какой-то момент бегства, ибо не только был весь окровавлен, но и почти голый. В одной окровавленной руке он держал копье, а за пояс, который был почти единственным его одеянием, была заткнута дубинка.

Бедуи повскакали на ноги, когда Аондо выбежал на открытое место. Мальчики подняли копья, а один из них смотал с пояса веревку с камнем.

— Дайте сюда каное, — сказал Аондо. По крайней мере, так подумал Вобеку, на слух это казалось больше похожим на звериный рык, чем на человеческий голос. Мальчики глядели на огромного мужчину, будто он в действительности не совсем человек и, следовательно, что-то, с чем им придется сразиться.

Это произошло очень быстро. Бедуи с веревкой и камнем начал раскручивать их над головой, в то время как его товарищ сделал шаг вперед. Он приставил свое легкое копье к груди Аондо, надеясь дать своему другу возможность хорошо размахнуться. Возможно, он надеялся также пробиться сквозь безумие Аондо и напомнить ему о табу.

Вначале Аондо ударил мальчика в лицо. Мальчик отлетел, будто его боднул бык. Хруст черепа, ударившегося о камень на берегу, был громче удара грома, или так показалось Вобеку.

Второй мальчик бросил веревку, но она лишь зацепилась за руку Аондо, а камень, не причинив вреда, отскочил от гигантской груди воина. Аондо перебросил копье в не стесненную веревкой руку и метнул его. Мальчик погиб, приколотый к дереву, пронзенный так же, как зубы змеи пронзают мышь.

Вобеку не дал Аондо времени наслаждаться победой или сокрушаться по поводу судьбы, какую он себе

заслужил. Вобеку выскочил из укрытия, покрывая расстояние до берега гигантскими прыжками.

Хотя Аондо и был наполовину безумен, он все же почувствовал присутствие другого. Однако и сила и скорость оставили его. Он смог лишь вынуть дубинку и замахнуться, когда Вобеку метнул свое копье.

Оно пронзило Аондо живот, и огромный воин грузно засопел. Затем он схватился за древко и, казалось, понял, что это и где оно.

Вобеку тем временем достиг своего каное и перерубил лиану. Лиана распалась, он взял весло и ударил по воде, а Аондо издал крик, какой не предназначен для людских ушей, да и для ушей богов вряд ли. Затем воин прыгнул с берега прямо на корму каное Вобеку.

Каное разлетелось, будто ветка, по которой ударили топором. Аондо погрузился под воду, и вокруг него расплылась кровь и щепки. Вобеку пролетел по воздуху и упал головой вниз в воду в таком мелком месте, что чуть не вышиб мозги о камни на дне.

Аондо орал теперь от раны в животе. Затем он снова заорал, когда что-то большое, темное и длинное выскользнуло из ночи и схватило его за пояс. Он поднялся наполовину из воды, бешено колотя руками то, что его держало; он даже вытащил из раны копье и ударил им.

Ничто не помогло. Брызги смешались с дождем, когда крокодил ударил хвостом, удаляясь от берега. Аондо удалялся вместе с ним. Какое-то мгновение его грудь и голова еще были над водой, потом только голова; затем Вобеку услышал захлебывающийся хрип и больше ничего не видел, кроме бурлящей пены.

Вобеку вышел, шатаясь, из воды, опустился на колени, и его стало рвать. Когда он смог держаться на ногах, то увидел лишь дождь и каное, принадлежавшее бедуи. Оно было мало даже для него и не выдержало бы Аондо. Но Аондо больше никогда не будет нужно каное.

Вобеку же нужно. Никто на острове, после того как тела мальчиков будут обнаружены и не найдут никаких следов Аондо, не будет сомневаться, что это Вобеку навлек на себя проклятие тремя смертями. На озере Вобеку не надо будет представлять себя на чей-либо суд, кроме как на суд богов. Они знают, что он невиновен, по крайней

мере в крови мальчиков. Если только боги вообще что-нибудь знают, что было вопросом, ответ на который Вобеку не ожидал сегодня. Он осторожно сел в каноэ, взвесил в руке детское весло, отцепил лиану и с силой оттолкнулся от берега. Когда Вобеку смог включиться в постоянный ритм, берега уже не было видно из-за дождя. Вобеку был наедине с озером, богами и страхом перед тем, что Чабано скажет о его сегодняшней работе.

В глиняном кувшине в углу хижины было хорошее пиво — почти столько же, сколько и утром, когда кувшин принесли. Горло Конана было сухо, как плоскогорье Иранистана, и он не сомневался, что горло Валерии в том же состоянии, но ни один из них, казалось, не был готов к любому напитку крепче воды.

Свежая голова хороша для боя, но стоит ли им бояться боя сегодня? Конан верил Сейганко, поклявшемуся клятвами, от которых нарушивший их тут же иссохнет, что ни киммерийцу, ни Валерии не причинят вреда, даже если Эмвайя умрет.

Конан не был сторонником молитв, но те немногие, что он помнил, он бормотал про себя, пытаясь напомнить богам, что кто-то нуждается в помощи. Валерия помолилась вслух всем признанным в ее родной Аквилонии богам и теперь принялась молиться богам Шема и Зингары.

Верила ли она или нет, она молилась так жаростно, что даже боги не смогли бы разобрать. К тому же, заключил Конан, даже боги дважды подумают, прежде чем отказать в просьбе, произнесенной человеком с таким выражением на лице.

За стеной раздался звук шагов, достаточно громкий, чтобы поспорить с шумом дождя. Военный отряд, все-таки пришедший за ними? Конан положил меч на колени, увидел, что Валерия сделала то же самое, и только тогда понял, что это лишь две пары ног. Просто дождь стал слабее.

— Войдите! — крикнул он. Голос звучал как у старика. Конан указал на кувшин с пивом и чашки, и Валерия наполняла чашки, когда тростниковый занавес на двери раздвинулся и вошли Сейганко и Мокосса.

Один взгляд, брошенный на их лица, сказал Конану об известии, которое они принесли. Киммериец вскочил, чувствуя себя так, что мог бы снова танцевать с Аондо, а затем гнаться за Вобеку до самого моря. Он схватил руки гостей с такой силой, что девушка взвизгнула и даже Сейганко с трудом сдержался, чтобы не поморщиться.

— Да, это правда. Эмвайя будет жить, поправится и будет моей невестой.

— Что с ее отцом? — спросила Валерия. — Ему я тоже обязана жизнью.

— Было бы неплохо, если бы Ичирибу несколько дней не понадобился Разговор с духами, — сухо проговорил Сейганко. — Эта ночь закончилась не так, как мы думали сначала.

— Имеется в виду, что и я и Конан живы? — бросила Валерия. Конан положил руку ей на плечо, она сбросила руку.

Сейганко неподдельно смутился:

— Язык меня подводит, когда он больше всего нужен. Нет. Мы желали Конану победы. Но мы не желали такого беспорядка среди нашего народа.

На мгновение он оперся на копые как на посох.

— Аондо и Вобеку бежали. Во время побега они убили двух мальчиков-бедуи и взяли их каноэ. Мы должны найти нарушителей табу, иначе духи проклянут Ичирибу. Наши поля на острове и на большой земле будут бесплодны. Наши коровы не дадут молока. Рыба уйдет вниз по реке, где мы ее не достанем.

Он продолжал литанию, перечисляя напасти, пока Мокосса не схватила его грубо за руку.

— А, — произнес Сейганко, будто очнувшись. — Пока нарушившие табу не пойманы, не может быть праздника. Но боги простят нас, если мы предложим тебе и твоей женщине-оруженосцу друзей на эту ночь, а также и на любую другую по вашему желанию.

Конан сдержал смех: Сейганко был явно не в веселом настроении. Теперь Конан понял, почему Мокосса прервала жалобы Сейганко... и кто, по ее мнению, должен был стать партнером Конана сегодняшней ночью.

Затем Конан уже не мог подавлять смех, потому что Сейганко глядел на Валерию так, будто то, что ему

предстояло с ней делать, представляло собой неприятную обязанность, которую он должен исполнить на благо племени. К счастью, Сейганко был достаточно умен и присоединился к веселью, а не считал это обидой.

— Благодарю Ичирибу и не хочу оскорбить их прекрасных женщин, ни одну из них, — сказал Конан. — Но я и моя женщина-оруженосец связали друг друга клятвой, как я уже говорил. К тому же мы знаем привычки друг друга.

— Можем ли мы, по крайней мере, прислать еще пива? — Сейганко, казалось, почти умолял, глядя на Валерию.

— Как хотите, — ответил Конан. Он взглянул на занавес на двери, и через мгновение они с Валерией были одни. С Валерией, которая, пока он стоял к ней спиной, сняла набедренную повязку, бывшую ее единственной одеждой. Он не увидел ничего, чего бы не видел десятки раз до этого... но сейчас в первый раз это заставило его кровь петь.

Он сделал шаг вперед, Валерия подняла руку. Он схватил ее кисть, и Валерия положила другую руку ему на грудь.

— Ты должен это доказать, — сказала она, в то время как он притягивал ее все ближе.

— Что доказать?

— Что знаешь мои привычки.

Он рассмеялся и поцеловал ее, и на этот раз губы Валерии раскрылись.

— У нас вся ночь. Если я не разгадаю их сразу, во имя медного орудия Эрлика, я буду знать их к утру!

Он поднял ее, и она прижалась к его груди, а потом подставила лицо для поцелуев.

Глава 11

— Что-то клюнуло, — сказал Конан.

Валерия, сидевшая в корме, приподнялась и потянулась за трезубцем. На ней были набедренная повязка Ичирибу, бусы из зубов рыбы-льва и широкая шляпа, сделанная из листьев, пришитых лианой на тростниковую основу.

Конан сидел на корточках посередине лодки, медленно опуская леску через борт. На нем были кожаные повязки, чтобы защитить руки от жильной лески, набедренная повязка и кинжал. Мечи его и Валерии, а также ее лук лежали на дне каноэ, завернутые в рыбью кожу, обернутые промасленной шкурой, замотанные провощенной тканью.

Ни один из них не хотел оставлять свое оружие на берегу во время такой экспедиции, как сегодняшняя. Не хотели они также, чтобы оружие ржавело или подвергалось воздействию влаги. Вобеку мог быть не единственным предателем среди Ичирибу, и оставались еще воины, которые испытывали сомнения относительно двух пришельцев. Ближайший кузнец, который мог заменить или даже просто починить их клинки, был по крайней мере в месяце пути от Озера смерти.

Наконец рыба перестала рваться. Конан собрался с силами и начал подтягивать леску. Валерия ждала, приготовив трезубец, к которому была привязана веревка, свободно смотанная на корме и прикрепленная ко дну каноэ.

Рыба была сильной, но Конан не тратил времени на игру с ней. Он решил, что леска выдержит любое усилие, которое может приложить рыба, и живо тащил.

Вокруг каноэ разошлись волны, когда бьющаяся рыба достигла поверхности. Валерия ждала, когда появится достаточно большой участок чешуи, чтобы можно было попасть трезубцем. Движения ее рук заставляли колышаться груди так соблазнительно, что Конан нашел бы такое зрелище приятным, будь у него на это время.

Неожиданно рыба прыгнула. Трезубец был столь же быстр, и вода вспенилась и покраснела, когда рыба перестала колотиться и затихла на расстоянии руки от борта. Валерия схватилась за хвост, Конан за голову, и они втащили рыбу в лодку, гриску, как называло эту рыбу племя, — в треть длины каноэ и весом с новорожденного теленка.

Валерия поморщилась, когда гриску дернулась в последний раз:

— Столько труда из-за этой? На вкус она как клей.

— Ичирибу она нравится, так что нам не обязательно ее есть. Кроме того, ты прекрасно знаешь, что чем больше рыбы мы принесем, тем меньше нас заподозрят.

— Я доверяю Ичирибу. Ты разве нет?

— Большинству из них — да: настолько, насколько я доверяю любым иноземцам, когда нахожусь один среди них. Чтобы были неприятности, не надо много врагов.

— В таком случае сделаем так, чтобы врагов стало еще меньше, Конан. Ты день и ночь вбиваешь мне в голову мысль о том, что мы должны воевать с Кваньи.

— Не каждую ночь, Валерия. Некоторые ночи мы проводим иначе.

Она фыркнула:

— Если я и снисхожу до того, что принимаю огромного невоспитанного киммерийца к себе в постель ночью, то ему, по крайней мере, не следует бросать мне это в лицо днем.

— А куда ты хочешь, чтобы я это бросил?

Валерия сделала вульгарный жест и дала еще более вульгарный ответ. Затем рассмеялась:

— Я не в ссоре с Ичирибу, и мы доберемся до моря быстрее, если подождем сезона дождей. Война с Кваньи — такой же приятный способ провести время, как и любой другой.

— Лучше многих. Если и половина того, что они говорят о Чабано, правда, то он намеревается создать империю. Это может столкнуть его с моими друзьями ближе к берегу, если его не остановить.

— Но они не мои друзья, — возразила Валерия, однако Конану протест показался слабым. Как и он, она всегда хорошенько думала, прежде чем отказываться от битвы, тем более когда есть долг, такой, какой был у Конана и у нее перед Ичирибу.

Более того...

— Я все думаю, — сказал он. — Если Добанпу согласится, мы можем обследовать туннели за пределами острова Ичирибу. Если они подходят к берегу Кваньи, мы сможем однажды ночью залезть в спальню к Чабано.

— А как с Золотыми Змеями?

— А что с ними? — спросил Конан, пожимая плечами. — С достаточным количеством воинов на нашей

стороне Змеи не пройдут. Кроме того, чем больше Золотых Змей, тем больше Огненных камней.

— Действительно. — На мгновение голубые глаза Валерии приняли зеленоватый оттенок, оттого что ее пиратская душа согревалась мыслью о такой добыче.

Гейрус, Первый Говорящий, принял позу размышления. Из уважения Райку сделал то же самое. Он сомневался, что его действия обманут Первого Говорящего, но они могут оттянуть открытый разрыв.

Если Первый Говорящий действительно намеревается спуститься с Горы Грома, чтобы встретиться с Чабано, это ему, Райку, на руку. Присутствие воинов Кваньи, прибавленное к его новым знаниям, защитит Райку от всего, что Гейрус может предпринять против него.

Оба оставались в позе размышления так долго, что Райку уже начал страдать от нетерпения и оттого, что затекли конечности. Первый Говорящий сдержал свое обещание, передав Райку большую часть знаний Говорящего. Остальное Райку сумел разузнать самостоятельно, в том числе выведав несколько определенных приемов, в которые не посвящались даже Говорящие.

Это сказалось, однако, на его теле. Он часто обходился без сна, терпел жажду, голод, большую и малую боль и испытывал свое тело до крайних, по его мнению, пределов, до того как начал делать последние шаги в восхождении к искусству Говорящих. Теперь он понимал, что был лишь мальчишкой, считавшим себя мужчиной.

Казалось, луна успела исчезнуть, сделаться полной и снова стать месяцем, когда Первый Говорящий вышел наконец из транса. Когда Райку увидел глаза Гейруса, он решил, что это даже хорошо, что размышление длилось так долго, и было бы лучше, продлилось оно еще.

— Райку, я не удовлетворен тем, что ты так мало собрал у Чабано сведений об Ичирибу.

— Я так же усердно узнавал, что знают Кваньи, как и изучал искусство Говорящих. Ты хвалил мое усердие во втором. Я не прошу похвалы в первом, если мои старания не оправдали твоих ожиданий, но я клянусь...

— Не бросай пустых клятв в Пещере Живого ветра, — резко прервал его Гейрус.

Это значило требовать от Райку того, что другие Говорящие едва ли требовали от себя. Не хочет ли Гейрус нагнать на него страху, запугав таким детским приемом? Или Первый Говорящий знает о Живом ветре что-то, о чем не рассказал Райку?

От этой второй мысли воздух в пещере показался еще более холодным, чем обычно. Это также заставило Райку рыться в своей памяти и своих знаниях, чтобы попытаться отыскать ответ на этот вопрос. Он понимал — так же точно, как понимал, что жив, — что Гейрус не расскажет ему по своей воле ничего.

— Если я не могу воспользоваться клятвами, могу ли я воспользоваться умом?

— Язык твой стал острым, Райку.

— Думаю, ум мой не стал тупее. Я прошу права пойти с тобой, когда ты отправишься на встречу с Чабано. Полагаю, со мной он может говорить более свободно, чем с тобой, если ему дать такую возможность, при условии, что его воины ничего об этом не узнают.

— Они все еще боятся Посвященных богу?

— Да.

— И правильно делают, — сказал Гейрус, поднимаясь на ноги. Как всегда, он оказывался выше, чем можно было ожидать, принимая во внимание его годы. — Очень хорошо. Если Чабано вздумает вместо свежей рыбы всучить тухлую, его надо будет научить шевелить мозгами.

Гейрус удалился, не повелев Райку следовать за ним. Безмолвный брат вернулся в позу размышления, но мысли его были в другом месте.

Неужели оказалось, что Чабано знает о делах Ичирибу меньше, чем ожидал разузнать? Это казалось маловероятным. Без сомнения, у него есть шпионы и на пастбищах, и на полях, даже на самом острове. Возможно, эти шпионы стали жертвами Ичирибу или просто не смогли переправить донесения своему хозяину.

Неплохо будет узнать об этом. Гейрус не будет вечно сдерживать свой гнев, когда поймет, что заключил дурацкую сделку. Если Райку узнает правду раньше него,

он может, по крайней мере, бежать к Кваньи, предложив молчание в обмен на защиту.

Райку сомневался, что Гейрус бросит вызов самому Чабано из-за одного беглеца. Гейрус стар, и рассудок его поврежден потерей той жалкой девки, но он далеко не дурак.

Это означает, что Райку следует пойти на встречу, будучи готовым воспользоваться искусством Говорящего так, чтобы, какой бы стороне он ни оказал помощь, у той была бы причина быть ему благодарной.

В светильнике горела смесь сала и рыбьего жира, в которую были накрошены травы. Валерии казалось, что она нюхала выгребные ямы и послаще, но Сейганко и Эмвайя явно вдыхали аромат с жадностью. Конан был к нему безразличен, так же как и к любому другому неудобству, большому или малому.

Валерия удивлялась, что человек может воспитать в себе такое терпение. Хотя ведь Конан прошел жестокую школу жизни, где выживают либо гибнут. Еще когда он был свободным юношей в своей родной Киммерии, ее каменистые поля и снежные зимы, должно быть, начали эти уроки.

— Валерия и я передадим воинам Ичирибу любое знание о нашем воинском искусстве, которое они пожелают получить, чтобы подготовить себя к встрече с Кваньи на суше, — сказал Конан. — Вы видели также, насколько Валерия владеет искусством боя с лодок.

— Видели, — произнес Сейганко. — Ты сказал «пожелают получить», а не «надо получить»?

— У меня довольно большой военный опыт, приобретенный мною в том числе и в Черных Королевствах, — ответил Конан. — Я завоевал имя Амра не сидя на золотом троне и лаская наложниц.

— Без сомнения, это не понравилось твоим наложницам, — сказала Эмвайя. Валерия уже достаточно понимала язык Ичирибу, чтобы улыбнуться молодой женщине. Эмвайя иногда казалась такой молодой, что могла быть Валерии дочерью, а иногда проявляла такую мудрость, что вполне могла быть Валерии бабушкой.

— Кваньи там, а я тут, — сказал Конан. — И, находясь здесь, я не стану оскорблять гостеприимных хозяев, утверждая, что они дети в военных вопросах. Чабано не сделал Кваньи непобедимыми. Но есть множество военных приемов, которым я могу обучить и которые сохранят Ичирибу много воинов, когда мы встретим Кваньи в бою.

Сейганко кивнул:

— Я уверен в этом. Конан, я объявлю, что ты говоришь моим голосом, обучая военным приемам. Я прошу взамен лишь об одной услуге.

— О какой?

— Оставь мысль идти по туннелям вдали от данного богами света — в окружении неизвестно какого злого колдовства, — чтобы напасть на Кваньи.

Эмвайя повернулась и внимательно посмотрела на своего жениха.

Затем она заговорила, резко произнося слова, которые Валерия не поняла, но смысл которых она, как женщина, почувствовала. Речь Сейганко была для Эмвайи неожиданной, и она была недовольна этим даже больше, чем самим предложением.

Эмвайя некоторое время изливала поток слов. Валерии показалось, что Конан еле сдерживает смех из-за того, что Сейганко готов провалиться на месте, и из-за того, что Эмвайя за шемитскую медяшку вполне может ударом снести голову с плеч своего жениха.

Но ни Конан, ни Валерия не предложили Эмвайе никаких монет, так что Сейганко, оставаясь невредимым, дождался, пока женщина не выдохлась. Валерия чувствовала неловкость до тех пор, пока Эмвайя наконец не повалилась со слезами, текущими по щекам, на руки Сейганко. Без сомнения, ее гнев подействовал на саму Эмвайю больше, чем на Сейганко: яд уже вышел из тела, но силы она еще не восстановила.

— Конан, — сказал Сейганко. Казалось, ему требовалось полночи, чтобы найти следующее слово. — Кажется, Эмвайя в отношении туннелей согласна с тобой.

Киммериец продолжал изображать из себя храмового идола. Решив, что для этого у него есть веские причины, Валерия попыталась сделать то же самое.

— Эмвайя и я передадим разговор ее отцу, — продолжал военный вождь. — Согласитесь ли вы с его решением?

Конан кивнул:

— Я не имею желания оскорбить тебя, Эмвайя, но, вероятно, твой отец обладает большим знанием, чем успел передать тебе.

Он посмотрел на Эмвайю, и Валерия заметила, что женщина Ичирибу пытается выдержать взгляд этих голубых, как лед, глаз и что это ей совсем не удается.

— Полагаю, нам не нужно ждать, чтобы я приступил к обучению воинов? — заключил киммериец.

Сейганко понял, что имеет в виду Конан, — ему придется взять всю ответственность за воинов Ичирибу на себя, если он еще хоть раз возразит Конану. Валерия пересела так, чтобы быть поближе к Конану и оставаться лицом к Сейганко.

Воин Ичирибу, не будучи дураком, мог узнать битву, которую он проиграл, еще не вступив в нее.

— Любые клятвы, какие нужны тебе, я дам, Конан, подтверждая, что ты можешь даже учить воинов Ичирибу ходить на головах и метать копья ногами!

— Это будет не так уж плохо, если от этого воины Кваньи так расхохочутся, что воины Ичирибу смогут распороть им животы, пока те смеются, — сказал Конан. — Приходи завтра на рассвете и расскажи все, что знаешь о том, как дерутся Кваньи. Тогда я более точно буду знать, чему в первую очередь следует научить Ичирибу.

— Мы можем начать сегодня... — начал с готовностью Сейганко, но Эмвайя прикрыла ему рот двумя пальцами — ритуальным жестом, требующим молчания. Она улыбнулась и положила другую руку ему на колено.

— Начнем завтра, когда все мы отдохнем, — сказал Конан, и предложение его прозвучало для пришедших как команда.

Когда занавески сомкнулись за ними, он так расхохотался, что штора заколыхалась будто от порыва ветра.

— Вот женщина, с которой долго не спали и которая не позволит это отложить из-за разговоров о войне.

— А здесь еще одна, — сказала Валерия, беря Конана под руку. — Что значит «давно не спали»? Ты меня обижаешь, или это какая-то другая женщина прошлой ночью обвивалась вокруг тебя, как лиана?

— Тебе, как и всем, хорошо известно, что одна ночь как один обед. Неважно, женщина или мужчина, надолго этого не хватает.

Конан повернулся к ней, и Валерия встала, чтобы он мог развязать ее набедренную повязку, и обняла его.

Это не продлится долго, она понимала. Ни один из них не мог долго терпеть связь, в которой не было ясно, кто ведет, а кто идет следом. Но пока она могла идти следом за ним с удовольствием — и не только до спальной циновки.

Вобеку удивился, что факелы не привлекают тучи кусачих насекомых, ползающих или летающих. Это не из-за самих факелов. Судя по виду и запаху, они такие же, как и любые другие.

Посвященные богу — Говорящие с Живым ветром, как они себя называли, — должно быть, применили колдовство. И довольно сильное колдовство, если подумать, сколько насекомых из джунглей притягивает один факел. Это одно из отличий между большой землей и островом, и Вобеку придется это терпеть, пока победа Чабано не вернет его снова домой.

«Лучше пусть жрут насекомые, чем быть убитым», — сказал он себе, затем придал лицу выражение, подобающее для встречи с Говорящими с духами или кем бы ни были эти Посвященные богу. Как беглец, скрывающийся среди Кваньи, он едва ли имел право задавать такие вопросы: ему придется долго ждать ответов.

По крайней мере, гнев Чабано явился и исчез быстро, и когда гнев прошел, Вобеку не лежал мертвым на полу хижины Верховного Вождя. То, что Аондо оказался дураком и что Вобеку не нарушил табу, несомненно повлияло. Еще больше повлияло то, что в последнее время Чабано убивает меньше людей с ходу, даже во время своих знаменитых приступов ярости.

Сейчас Вобеку стоял среди двенадцати воинов, окружавших Чабано, и все тринадцать пар глаз были устремлены на освещенную факелами тропу, по которой приближались шестеро. На подошедших было церемониальное одеяние Посвященных богу, состоящее из длинных балахонов и головных украшений из пунцовых и сапфировых перьев, набедренных повязок из тисненой кожи, украшенной позолотой, серебряных браслетов и жезлов, каждый из которых стоил хорошего стада скота.

Один из Посвященных богу имел менее роскошное одеяние Безмолвного брата, но он нес щит Первого Говорящего — из бычьей кожи с узором из Золотых Змей, восемь из которых образовывали рисунок, на который не следует долго смотреть. А тот, кто смотрел, начинал думать, что змеи живые или что, по крайней мере, их глаза светятся зеленым.

Пятеро сопровождающих Первого Говорящего разделились, трое из них стали по одну его сторону, двое по другую. Первый Говорящий же направился к Чабано. Он, казалось, не боялся находиться вблизи стольких копий, хотя, вероятно, уверенность ему давало колдовство.

Что представляет собой Живой ветер, даже Кваньи не хотели спрашивать, чтобы не получить ответа, могущего вселить страх. Что Живой ветер делал Посвященных богу могущественными, знали все так хорошо, что спрашивать об этом не было необходимости.

Вобеку последовал примеру Чабано и его воинов, ударив копьем о щит, отдавая честь. Первый Говорящий ответил на приветствие, вогнав конец своего посоха глубоко в землю, во время чего Вобеку почувствовал, будто почва под ним сделалась раскаленной докрасна.

Снова Вобеку последовал примеру стоящих вокруг него: ни один из них даже не поморщился. Однако он заметил, что Чабано стал более осторожен и Первый Говорящий не улыбается, — казалось, он недоволен и, более того, готов дать почувствовать свое колдовство.

— Приветствую, Гейрус, Первый Говорящий с Живым ветром! — произнес Чабано, кладя копьё и щит на землю. Какое-то мгновение Вобеку казалось, что

вождь собирается упасть, распростершись, но тот даже не опустился на колени. Он выпрямился в полный рост и скрестил руки на груди.

— Приветствую, Чабано, — ответил Гейрус ледяным тоном, едва ли громче шепота.

— Первый Говорящий, — сказал резко Чабано, — ты вызвал меня. Я пришел. Ты, кажется, разгневан. Что стало причиной твоего гнева?

— Ты солгал мне, — ответил Гейрус.

Вобеку был не единственным, кто затаил дыхание. Любой обычный человек, назвавший Чабано лжецом, немедленно распрощался бы с жизнью и был бы счастлив умереть на месте, а не мучиться, сидя на колу.

— Если и так, то сделал это с достаточным основанием, — бросил в ответ Чабано.

Это показалось Гейрусу столь же серьезным оскорблением. Жезлы поднялись, а лица под головными украшениями сделались слишком похожими на маски драконов, чтобы это могло понравиться Вобеку. Раньше ему было интересно, что победит в соревновании между быстро брошенным копьем и быстро брошенным заклином. Он не ожидал получить ответ, сам участвуя в этой битве.

Гейрус явно боролся с желанием уничтожить Чабано на месте — и победил.

— Да? Достоин ли я узнать, какую причину ты считаешь достаточной, чтобы лгать Говорящим с Живым ветром?

— Да. В твоих пещерах на Горе Грома есть те, чьи глаза и уши служат нашим врагам. Было бы лучше найти способ говорить друг другу правду, не будучи ими услышанными.

Вобеку это казалось совершенно разумным. Гейрусу, однако, сказанное показалось оскорблением, какое почти невозможно перенести. Вобеку сжал копье так, что побелели пальцы, от страха перед тем, что он прочел на лице Первого Говорящего.

Однако губы старика не произнесли ни слова. По крайней мере до того, как гнев перестал искажать его лицо. Плечи его опустились тогда, и он будто постарел на десяток лет.

— А своему народу ты доверяешь? — спросил Гейрус тоном, каким спрашивают о цене козла.

— Да, — ответил Чабано. Можно было видеть, как он выпятил грудь, гордый верностью Кваньи.

— В таком случае пойдем в ближайшую деревню и там поговорим. И если была сказана ложь...

— Молчать! — взревел Чабано. Гейрус не оскорбился: он понял, как и Вобеку, что этот приказ был адресован не ему — он был направлен воинам вокруг Чабано. Некоторые из них были из «ближайшей деревни», и их лица ясно говорили, что жителям не хочется принимать у себя Посвященных богу.

Власть Чабано, кажется, была не без пределов.

— Великий Вождь... — начал один из воинов.

Чабано повернулся и ударил его открытой ладонью по лицу. Затем, выхватив копье из рук воина, сломал его о колено и указал рукой на землю. Воин бросил свой щит на траву и распростерся на нем.

Чабано не поднял оружия. Вместо этого он несколько раз с силой ударил воина по спине. С каждым разом из горла несчастного с хрипом выходил воздух, и Вобеку видел, как воин прикусил губу так, что пошла кровь.

— Будь благодарен моей милости, — сказал Чабано. — На войне ты снова будешь нести копье, но до тех пор не попадайся мне на глаза.

Воин поднялся без помощи, поскольку товарищи отшатнулись от него, будто он заражен оспой. Согнувшись и спотыкаясь, словно больной или старик, он поплелся по тропе и скрылся из виду.

Вобеку смотрел ему вслед. Инстинкт говорил ему, что столкновение еще не кончилось и что все дело по-прежнему в желании Гейруса. Вобеку не осмеливался слишком внимательно глядеть на Первого Говорящего, но он пытался следить за его взглядом, когда тот переходил от одного воина к другому. Если Гейрус поднимет посох или взгляд его задержится на одном воине дольше, чем на остальных...

Ни посох, ни глаза ничего не сказали Вобеку. Но тем не менее ему повезло. Он стоял далеко слева от Чабано, так что видел воинов за спиной вождя, не проявляя того, что смотрит на них. Воинов было трое, и

сейчас один из них дышал неестественно медленно. Глаза воина, казалось, сделались пунцово-сапфировыми; копье его поднималось в положении для броска, будто увлекая руку следом.

Вдруг неожиданно копье прыгнуло. Воин прыгнул вместе с ним, или, скорее, его мертвая хватка, с какой он держал оружие, увлекла его так, что ноги воина не касались земли.

Те, кто видел это представление, онемели от удивления или, вероятно, от колдовства. Все, кроме Вобеку.

— Вождь! Сзади! — крикнул он. Предупреждение сработало. Чабано развернулся, одновременно поднимая щит и нанося удар копьем.

Копье вождя проткнуло лишь воздух. Вобеку, у которого было больше времени прицелиться, попал. Его копье вонзилось в бок воина. Воин качнулся, повернулся к Вобеку и, казалось, готов был рассмеяться, видя, как пятится воин Ичирибу.

Вобеку не мог не пятиться. Глаза у того воина казались теперь озерцами пунцово-сапфирового огня, и тонкий туман тех же оттенков вился вокруг его рук и оружия. Затем пунцовый цвет колдовства Посвященных богу уступил место алому цвету крови, льющейся из бока и рта воина. Он захлебнулся, качнулся опять и упал с копьем, все еще торчащим из бока.

Вобеку понимал, что у этого воина скоро появится компания: Чабано и сопровождающие его. И что Чабано не будет пытаться спастись от судьбы бегством. Это бесполезно: Гейрус возьмет его жизнь, неважно, куда он бежит.

Вобеку тоже пришлось однажды бежать, и у него не было желания делать это снова.

Ему так хотелось умереть смертью воина, что он даже не заметил, как Чабано сделал шаг вперед, вероятно с той же мыслью. Копье вождя было поднято, и мышцы правой руки напряглись, когда он собирался метнуть копье в горло Гейруса.

Вобеку видел, как Первый Говорящий поднял двумя руками посох и выставил его перед собой. Он видел, как копье Чабано остановилось, будто встретилось со скалой. Он видел также, как железный наконечник начал

дымиться, и холод охватил сердце и внутренности Вобеку, когда он увидел, что дым пунцово-синий.

Затем он увидел, как Безмолвный брат вышел вперед, размахнулся своим посохом, как женщины размахивают пестом, и ударил по посоху Первого Говорящего.

Вобеку в следующее мгновение понял, что за Гейрусом пришла смерть. Пламя вырвалось из посоха Первого Говорящего и охватило его, словно тело его было снопом соломы. Пламя было разноцветным, без дыма, но не без жара.

Листья вокруг Первого Говорящего сделались коричневыми и загорелись бы, не будь они мокрыми от дождя. Обычный дым поднялся от земли джунглей, там, где жар опалил подстилку из мертвых листьев и лиан. Почему-то цвет дыма примирил Вобеку с надвигающейся смертью. Он не погибнет в месте, покинутом богами.

Затем наступило мгновение, когда Вобеку начал думать, что он может и не погибнуть. Чабано отшатнулся назад, выронив копье с оплавленным наконечником, но невредимый. Он споткнулся о жертву Вобеку и чуть не упал, но двое воинов поддерживали его.

Трое других, Вобеку среди них, увидели, что пламя окутывает два посоха и Первого Говорящего, но не Безмолвного брата. Они также видели, что это не нравится другим Говорящим. Действительно, те глядели своими бледными глазами на разыгрывающееся представление, будто все это происходит вопреки всему, по их понятиям, возможному.

Так, скорее всего, и было. Вобеку выхватил копье у воина, замершего от ужаса, размахнулся и метнул его.

На этот раз он попал своей жертве, Говорящему справа от Гейруса, в горло. Говорящий выронил посох, упал на колени, схватился за горло и торчащее в нем копье и затем согнулся вперед так, что головное украшение свалилось. Вслед за ним упал и Говорящий, перекатился на бок и судорожно задержал ногами.

Быстрота Вобеку, казалось, вернула к жизни остальных воинов — это и несколько резких слов, сказанных Чабано тоном, дающим понять, что непослушание означает смерть. За считанные мгновения оставшиеся Говорящие были окружены воинами, которые приставили им

копья к горлу или к животу. Воины не позволили им сдвинуться с места, пока Первый Говорящий не сделался кучкой пепла среди травы джунглей.

Безмолвный брат взял жезлы у оставшихся Говорящих, которые не оказали сопротивления, и заговорил с ними на языке, не знакомом Вобеку. Он лишь чувствовал в его звучании такую древность, что трудно было вообразить. В языке этом были отзвуки времен до Атлантиды, времен еще до того, как боги решили, что не звери, а человек должен править миром.

Сделав это, Безмолвный брат развернулся и стал перед Чабано на колени. Вобеку показалось, что он распростерся бы, не означай это, что нужно положить охапку жезлов и отвести взгляд от Говорящих. Перебежчик Ичирибу в первый раз обратил внимание на то, что глаза Безмолвного брата имеют бледный оттенок, как у Говорящего.

Чабано перевел взгляд с Вобеку на Безмолвного брата и кивнул. Проявить почтение перед вождем, конечно, нужно, однако держать Говорящих в страхе, неважно перед чем, сейчас еще важнее.

— Я Райку, — сказал Безмолвный брат.

Вобеку начал понимать. Имя это он уже слышал, но не знал, что оно означает. Он слышал слухи и о том, что у Чабано есть шпион на Горе Грома, хотя об этом говорили лишь шепотом. Райку и шпион, очевидно, одно и то же лицо.

— Приветствую Райку, друга Кваньи, — сказал Вобеку. Это казалось наименее глупым из всего, что он мог сказать.

— Ты не Кваньи, — ответил Райку. — Не ты ли глаза и уши Чабано среди Ичирибу?

— Прежде чем я отвечу на этот вопрос, — произнес Чабано с опасной мягкостью, — ты должен сам дать мне ответ.

— Спрашивай, мой вождь.

Чабано, казалось, воспринял слова буквально и не обратил внимания на тон Райку.

— Что ты сказал своим товарищам?

— Я сказал, что, если они не поклянутся повиноваться мне во всех вопросах, касающихся помощи Кваньи, я позволю твоим воинам убить их на месте.

— И они поклялись? — Чабано дал знак рукой, и воины крепче сжали копья.

В чем бы Говорящие ни клялись, делали они это страстно и долго. Еще не прозвучала и половина клятвы, как Райку попросил воинов Кваньи опустить копья. Когда клятва была произнесена, Райку сказал резко какое-то слово, и Говорящие засемили по тропе так быстро, как только могли их нести старые ноги.

Чабано многозначительно посмотрел на своих воинов, и те удалились с такой же скоростью, но в противоположном направлении.

— Благодарю вас обоих, — сказал Чабано. — Благодарность вождя стоит многого, и она будет стоять тем больше, чем дольше я буду править. — Он бросил резкий взгляд на Вобеку: — Однако, если бы ты некоторое время назад был так же быстр, как сегодня, ты не был бы здесь.

Райку попросил, чтобы ему все объяснили, и Чабано согласился с просьбой, проявив мягкость, удивившую беглого воина, хотя ведь Верховный Вождь ниже рангом, чем Посвященный богу, который, кажется, произвел себя в Говорящие по своей воле.

Или стать Посвященным богу проще, чем внушали племенам? Это было бы радостной мыслью, захоти Вобеку следовать по стопам Райку.

Поскольку его стремлением было занять высокое положение среди Кваньи, когда те будут править всей этой землей, он не обрадовался. Неумелые Посвященные богу будут мало полезны Кваньи против Добанпу. Искусство Добанпу — не сказки, и месть, какую он обрушит на Вобеку, будет страшной!

Глава 12

Ичирибу и Кваньи не спешили искать битвы. Причиной этому были не только вновь приобретенные обоими племенами союзники, хотя и это играло роль.

Вобеку заметил, что, хотя воины и сторонились его, мало кто в нем сомневался. Он ведь все-таки спас Чабано, Верховного Вождя, за которым следуют уже двенадцать

лет. Даже те, кто следовал за Чабано больше из страха, чем из любви, понимали, что без него Кваньи обречены. Перед человеком, спасшим вожда, племя находится в большом долгу.

К Райку тоже относились с некоторой благодарностью, но в то же время и с немалым страхом. Он тоже спас Чабано и, более того, сверг самого великого из Посвященных богу. Сделав так, он стал еще более великим Посвященным богу.

Райку радовался, что ему не нужно было появляться среди воинов чаще, чем Чабано вызывал его. Девять дней из десяти он оставался в уединении на Горе Грома, наводя порядок среди Говорящих, Безмолвных братьев, слуг и рабов настолько, насколько позволяли ему власть и время. Если бы он приходил в деревню слишком часто, кто-нибудь мог угостить его так же, как Вобеку угостил одного из Говорящих, что избавило бы Кваньи от будущих неприятностей, но они были лишь племенем храбрых воинов, а не ясновидцами или предсказателями.

Конану было трудно с Ичирибу, несмотря на то что большинство из них считало его любимцем богов, хоть и не прямо посланным ими.

Кваньи сделались непобедимыми на суше с тех пор, как Чабано обучил их драться фалангой, с высоким щитом и большим копьем, которым можно колоть и которое можно метать. Нельзя было ожидать, что Ичирибу быстро овладеют этим искусством, даже если их будет обучать сам киммериец.

Так что Конан занялся тем, что начал учить воинов Ичирибу использовать их старое оружие по-новому. У них было достаточное число лучников и пращников, которые могли беспокоить и изматывать фаланги Кваньи. Их рыболовные трезубцы тоже могли бы противостоять копьям Кваньи, если каждого воина Кваньи будут встречать двое Ичирибу.

Валерия учила, как вести бой на каноэ, с большим искусством, чем прежде. То, что она не знала о лодках, вероятно, вообще не дано знать людям. Даже наиболее бывалые рыбаки Ичирибу скоро вслух заговорили о том,

что женщина Конана стоит почти столько же, сколько и сам киммериец.

— Мы должны стать муравьями, а Кваньи — боровом, — говорил Конан столько раз, что Сейганко надоело это слышать, хотя он понимал, что это правда. — Из них получится больший боров, чем из нас. Сражайтесь с ними клык к клыку, и мы обречены. Укусите их сотню раз, и обречены окажутся они.

Способности, какие проявляли Ичирибу в учении, радовали сердце Конана. Он был бы еще более уверен, если бы вопрос о том, идти ли туннелями, не висел в воздухе.

Добанпу согласился, что, если духи позволят, это окажется хитрым и смертоносным приемом, когда воины выскочат из-под земли. Он не сказал больше ничего, кроме того, что ждет знака от духов.

Он все тянул, и Конан терял терпение.

— Что, духи разучились говорить? — спросил он однажды утром Эмвайю. — Или твой отец?

— Если бы я и знала ответ, это бы нам не помогло, — ответила девушка. — Никто из людей не может принуждать духов, и моего отца тоже трудно заставить говорить против его воли.

— Если он будет молчать слишком долго, то получится, что он решит покончить со своим народом, — сказала резко Валерия. Оба гостя видели, что Эмвайя сама беспокоится из-за нежелания отца говорить. Никто не сомневался, что она говорит правду.

— Он тоже это знает, — сказала Эмвайя и удалилась с таким достоинством, какое только могла избразить.

— Колдуны! — произнес Конан. Он проговорил это слово как особенно мерзкое ругательство. Затем киммериец посмотрел на небо: солнце сияло, хотя и через дымку, которая сулила дождь.

Сезон дождей приближался с каждым восходом, и Конан склонялся к мысли оставить племена Озера смерти самих решать свои проблемы, если Добанпу не заговорит до того, как ливни начнутся всерьез. Уровень воды в реке повысится, и дождь затруднит погоню.

— Если до полудня у тебя нет работы, давай возьмем каноэ и пойдем ловить рыбу, — предложила Валерия. — Лучше большое каноэ.

Конан рассмеялся. Большие каноэ, как обнаружили Конан и Валерия, несколько тяжеловаты для двух гребцов, но зато они широки. Если на дно положить одну или две циновки, они становятся отличным местом для жарких занятий любовью.

Они подгребли к берегу Кваньи ближе, чем во время обычных рыбалок. Это не было идеей Конана и тем более Валерии. Мысль подала Эмвайя, которая появилась на берегу, когда они грузили в каноэ рыболовные снасти и циновки.

— Можно мне с вами?

Конан и Валерия нахмурились. Они бы с большей радостью побыли одни, но ни один из них не хотел обидеть дочь Добанпу и невесту Сейганко. Конан, однако, услышал в ее голосе не только желание развлечься в скучный день.

— Добро пожаловать, — сказала Валерия и послала мальчика-бедуи за циновкой и тыквой с водой.

Эмвайя оказалась сильным, хотя и не очень искусным гребцом, и каноэ быстро добралось до обычного места рыбной ловли. Когда Конан и Валерия стали грести медленнее, Эмвайя указала рукой на берег Кваньи:

— Не могли бы мы подойти ближе?

На этот раз Конан более чем нахмурился:

— Кваньи не такие уж сухопутные улитки. Если они заметят подозрительную лодку, болтающуюся у берега, они найдут несколько каноэ, чтобы наполнить их воинами.

— Я лягу, чтобы меня никто не узнал.

— А мы? — спросила Валерия. — Или мы стали от солнца твоего цвета, так что никто нас не отличит?

Пусть Эмвайя знает могущественные заклинания, и оскорбить ее — значит оскорбить того, кто владеет еще более могущественными заклинаниями. Но ни она, ни ее отец не разбирались, к сожалению Конана, в вопросах войны.

Они торговались, как потом говорила Валерия, как капитан и торговец из-за цены галерной оснастки. В конце концов они, выпив половину запаса воды, чтобы промочить охрипшие от крика глотки, согласились относительно того, куда следует идти каноэ. Это было ближе к берегу, чем того хотел Конан, дальше, чем желала Эмвайя, но это удовлетворяло желаниям обоих.

Кроме того, их не могли легко прижать к берегу каноэ, идущие с озера. А каноэ, идущие с берега, они могли вовремя заметить и оторваться, чему поможет наличие третьего гребца.

— Помни также, что я могу вызвать подмогу с суши, если преследователи подойдут слишком близко, — сказала Эмвайя. Она больше ничего не стала говорить, а Конан — спрашивать. Ему думалось, что иметь такого друга, как Добанпу, опасно. Колдуны, он должен был признать, могут быть дружелюбными или по крайней мере безобидными, но таких Конан мог пересчитать по пальцам одной руки. Тех же, кто рано или поздно сделался смертельным врагом, напротив, так много, что у всех сидящих в каноэ не хватило бы пальцев ни рук, ни ног, чтобы пересчитать их.

Они добрались до желаемого места. Конан, самый зоркий из троих, оглядел берег. Там не было признаков ни человеческого присутствия, ни другой животной жизни. Лишь песчаный мыс с бороздами там, где крокодилы нежились на солнце, говорил о том, что эти тихие воды могут скрывать опасность.

Конан и Валерия закинули лески и приготовили трезубцы. Эмвайя легла на свою циновку в носу лодки и будто уснула. Конану показалось, что дышит она не так размеренно, как обычно дышит спящий. То, как руки ее ладонями вниз и с растопыренными пальцами прижались к бортам каноэ, тоже указывало на беспокойное настроение.

Киммерийцу казалось, что она прислушивается, но к чему, он не знал. Помня, что туннели могут испещрять дно озера, тая лишь боги знают какое древнее колдовство, он предпочел не пытаться угадывать.

Солнце подобралось к зениту, затем начало садиться. Ни одна рыба не клонула. Действительно, Конан не

видел никаких признаков жизни в этой части озера. Это не было приятной мыслью, и он оставил ее при себе. Валерия, бывшая в более спокойном расположении духа, на самом деле уснула.

Неожиданно Эмвайя села, смахнув с лица кудрявые волосы и схватившись за борт каноэ. Она стала дико озираясь вокруг, затем, казалось, обнаружила что-то слева по борту. Конан посмотрел туда же, но ничего не увидел, кроме поверхности озера, не потревоженной ни дуновением ветерка, ни всплеском рыбы. Он все еще глядел туда, когда Эмвайя вскочила, сбросила набедренную повязку и кинулась через борт каноэ.

Рев Конана оглушил бы всю рыбу вокруг. Голос разбудил Валерию. Тут же придя в себя, она мгновенно схватилась за кинжал, затем взяла каменный якорь, выпутала из веревки и бросила его за борт.

— Вдвоем ее найти будет проще, Конан. Каноэ может и само о себе позаботиться.

Якорный трос быстро разматывался, но, когда вытравился весь, каноэ по-прежнему спокойно дрейфовало. Конан поглядел на воду, чувствуя там глубину, какую никогда не встречал. Глубину, в которую бросилась дочь Добанпу и куда они должны последовать за ней, если...

Голова Эмвайи показалась на поверхности. Девушка легко подплыла к лодке и наполовину приподнялась из воды — мокрые волосы облепили шею и груди. Выражение лица, однако, заставляло забыть о ее красоте.

— Идите и посмотрите сами, — сказала она. — Но знайте, вам не понравится то, что найдете.

— Моя жизнь была всегда полна неприятных зрелищ, и она еще не кончилась, — ответил Конан. Он перекинул ноги через борт и придержал судно, когда Валерия ныряла.

— Не отплывайте далеко от меня, — приказала Эмвайя, когда Валерия вынырнула. — Я намереваюсь охранять вас от того, что лежит там внизу.

Конан не мог избавиться от чувства, что он предпочел бы быть уверенным не только в ее намерении. Но у Эмвайи было достоинство, редкое у колдунов: она не обещала чудес.

Конан набрал в легкие воздуха и нырнул, Эмвайя вслед за ним, и последней нырнула Валерия. Они погрузились на длину каноэ, когда Конан увидел то, что имела в виду Эмвайя.

Они будто плыли внутри огромного шара из хрусталя. Вода была совершенно прозрачной, совершенно бесцветной до самого дна озера.

Дно находилось, решил Конан, на глубине, равной двойной высоте грот-мачты. Не удивительно, что якорь не достал до грунта. Действительно, киммериец видел, как якорь бесполезно болтается на тросе далеко от дна.

В прозрачной пустоте ничто не двигалось. Ничто не жило — ни мельчайшей рыбки, ни пятнышка водорослей, которые душили некоторые участки озера. Конан взглянул на дно.

Оно тоже было безжизненным, но не однообразным. Там, куда смотрел Конан, проходило то, что казалось глубокой траншеей. В эту траншею завалились каменные блоки, на которых были явно заметны следы обработки их человеком. Конан видел это даже с такой высоты. Ему показалось, что он заметил на камнях вырезанные извивающиеся изображения, какие он в большом количестве встречал в туннелях.

Столько успел он разглядеть, пока жжение в легких не заставило его подняться на воздух. Он поплыл наверх, и Эмвайя с Валерией последовали за ним.

Не успел Конан сделать и первого глубокого вдоха, как вынырнула и Валерия. Эмвайи нигде не было видно, и, наполнив свои легкие, Конан собрался уже снова нырнуть, чтобы найти ее.

— Валерия, если с Эмвайей что-нибудь случилось...

— Сейчас мы ей оба понадобится еще больше. И помни, я ей обязана жизнью.

— Довольно разумно. Думаю, еще больше необходимо, чтобы хоть один из нас добрался до берега и рассказал о случившемся.

У Валерии настроение, казалось, было не таким уж плохим, и она собиралась влезть в каноэ, когда Эмвайя вынырнула на поверхность. Она бешено размахивала руками, и дыхание вырывалось с судорожным хрипом

из открытого рта. Конан и Валерия схватили ее за руки и поддерживали так, чтобы голова была видна над водой.

Паника оставляла Эмвайю по мере того, как легкие снова наполнялись воздухом. Она легла в воде на спину, доверившись друзьям, и дыхание постепенно восстановилось. Наконец она выскользнула из рук Валерии и Конана и забралась в каню.

— Что это, Эмвайя? — спросил Конан.

— Мой отец рассказал бы об этом лучше. Но... под дном озера один из этих туннелей.

— Он обрушился, и получилась та траншея?

— Да. Не... в туннеле... там дальше, где он обрушился, что-то есть.

— Затопленный туннель, могу поспорить.

Шутка эта, казалось, напугала Эмвайю.

— Не говори легкомысленно о таких делах, Конан. Я... мне кажется, что то, что там находится, — живое.

— Как это может быть? — спросила Валерия. Она наконец уловила смысл разговора. — Все остальное в воде, кажется, вымерло на тысячу шагов. Хуже того, выгнано.

— Да. То, что находится в туннеле... оно живет, поедая... это слово табу, но понятно будет, если я скажу «жизненную силу»?

— Жизненную силу всего того, что приближается? — Валерия, говоря это, держала руку на рукояти кинжала.

— Такие... существа... жили раньше. Мы, мой отец и я, думали, что они все вымерли.

— Кажется, одно не вымерло, — быстро проговорил Конан. Он взял весло. — Нам следует вернуться на остров и рассказать твоему отцу, если он уже и сам не почувствовал.

— Я должна еще раз нырнуть, чтобы узнать получше, что это может быть.

Валерия обхватила женщину Ичирибу:

— Ты едва выбралась на поверхность и после второго погружения. Нырни в третий раз, и не понадобится никакого древнего колдовского чудовища, чтобы съесть

твою жизненную силу. Ты утонешь, а нам придется давать объяснения твоему отцу и Сейганко. Я предпочту сама сразиться с монстром.

Слова Валерии были неуклюжими, и акцент сильным, но Эмвайя поняла смысл речи.

— Пусть так и будет, — сказала молодая женщина. — Уйдем отсюда, пока оно нас не почувствовало.

Это была не самая большая из Золотых Змей, но она была самая последняя и самая старая. Она и еще одна пережили всех остальных сородичей, ибо колдовство в норах, которые нашли они под озером, изменило их.

Когда-то они питались плотью. Теперь же ели жизненную силу, которая одушевляет все живое и даже водные растения. Они могли вытягивать ее из существ, даже недостижимых для взора их зеленых глаз-камней, и ею питать свою силу.

Затем случилось так, что другая старая змея сделалась усталой, и ее собственная жизненная сила начала затухать. Последняя Золотая Змея не имела представления о милости или каких-нибудь других человеческих понятиях. Она понимала, что, если одной змее позволить умереть, ее жизненная сила не сможет напитать ту, что осталась жить.

Так что Золотые Змеи подрались, последняя змея убила свою подругу, и жизненная сила перешла к ней. Но битва привела в большой беспорядок колдовские заклятия, которые поддерживали туннели, подпирали и освещали их. Значительный участок туннеля обвалился. Однако колдовство было еще достаточно сильно, так что вода не хлынула внутрь и не утопила последнюю из Золотых Змей.

Но туннель завалило, и выбраться оттуда означало прокапывать путь через завалы камней. Золотая Змея не была сообразительным существом, но понимала, что для такой задачи ей не хватит ни сил, ни крепости зубов. Так что она осталась там, вытягивала жизненную силу из существ в воде наверху и время от времени отыскивала проходы между упавших камней.

Она нашла одно место, где вполне можно было проделать проход. Но там не было следов ничего живого, что могло бы восполнить затраты сил.

Во всяком случае вначале. Затем настало время, когда Золотая Змея снова почувствовала жизненную силу в туннеле — мощную силу, как у тех двуногих существ, что наложили древние заклятия на эти туннели. Сила эта еле чувствовалась, так что существа, должно быть, были далеко.

Но если жизнь снова пришла в подземелья, она не уйдет. Золотая Змея проковыряла завал так, чтобы легче было пробить преграду, когда по другую сторону появится стоящая добыча. Они подойдут к преграде, и тогда деваться им будет некуда. Но будет, однако, еще немного силы для Золотой Змеи. Силы, которой, возможно, хватит, чтобы вырваться из своего укрытия и быть снова на свободе, в большом мире, а там жизненную силу можно брать всюду.

Могут даже вернуться дни, когда двуногие приносили живых существ Золотой Змее, чтобы она питалась их плотью. Иметь и живую плоть, и жизненную силу жертв, — если уместно применить слово «амбиция» в отношении существа без человеческого разума, то можно сказать, что этот хитрый замысел был величайшей амбицией Золотой Змеи.

Вытаскивая каноэ на берег, Конан обратил внимание, что вокруг ходят меньше людей, чем обычно. Он не нашел в этом ничего особенного, пока не заметил, что так обстоит дело на всем пути до деревни.

Когда он увидел, что почти полплемени собралось вокруг дыры, где раньше была плита очага, он понял: что-то случилось. Эмвайя потела и молчала всю дорогу от берега, но Конан объяснил это утомлением после ныряний. Сейчас он подозревал нечто худшее.

Он понял, что произошло, когда увидел, что женщины и дети грузят камни и землю в корзины, а воины фанды носят нагруженные корзины к краю деревни. Просить воина фанды, находящегося на посту, выполнять женскую работу означало бы смертельный поединок или, по

крайней мере, строгое порицание совета племени. Однако здесь присутствовали все, кто уже был достаточно взрослым или не совсем еще старым, чтобы стоять на ногах без помощи и раскапывать шахту, ведущую в туннель.

— Кажется, Добанпу заговорил, — сказала Валерия почти шепотом.

— Весьма вероятно, — согласился Конан. — Ты готова немного прогуляться по подземельям?

— Поохотиться за этим последним поедателем жизненной силы, о котором говорила Эмвайя? — Она была явно усталой и недовольной собой. — А, ладно. Я слышала, в Кхитае есть пословица: «Будь осторожен в своих желаниях. Боги их могут удовлетворить». Кажется, мы слишком сильно желали, чтобы туннели открылись.

— Сделанного не переделать, — сказал Конан. Он расстегнул свой пояс и передал оружие Валерии. — Отнеси их в хижину. У меня есть некоторый опыт в таких работах, который может Ичирибу оказаться полезным.

Глава 13

Последние пятьдесят воинов исчезли в джунглях, как раз когда рассвет коснулся восточных склонов. Вобеку глядел им вслед, и лицо его было напряжено. Он сомневался, что ему удастся обмануть Чабано, и он действительно его не обманул.

— Так ты беспокоишься за жизнь людей не твоего племени? — спросил вождь. Нотки насмешки слышались явственно. Но этого вождь и не скрывал.

— Кваньи теперь мое новое племя, — ответил Вобеку. — Или вождь племени сомневается в клятвах, данных ему в присутствии Райку, Первого Говорящего?

— Нет.

Чабано сказать было нечего. Он мог сомневаться в Райку, что, конечно же, испытывал Вобеку. Выразить же это словами так, чтобы слышали другие, не было мудрым для вождя.

— Я доверяю воинам, которых ты посылаешь на пастбища и поля Ичирибу, — сказал Вобеку. — Они выполняют задание и смутят противника. Ичирибу не могут ни

потерять эти земли и не умереть с голоду, ни защитить их так, чтобы остались люди для защиты остального. Нет, меня огорчает то, что я не могу пойти с ними.

— Ты нужен здесь, Вобеку. — Невысказанным осталось то, что воины Кваньи еще не настолько доверяют Вобеку, чтобы он мог быть в безопасности вдали от вождя.

— Я несколько лет был мальчиком-бедуи на этих пастбищах, — настаивал Вобеку. — Затем я был в фанде, которая охраняла поля. Я знаю каждую хижину, каждую долину, каждый родник в этих землях. Если бы я пошел, даже как простой проводник, воины, посланные тобой, выполнили бы свою работу еще лучше. К тому же большинство из их числа выжило бы, чтобы хвалиться потом этим подвигом перед своими женщинами.

— Вобеку, когда мы победим, не хватит женщин, чтобы слушать, как мы хвалимся. И пива не хватит, чтобы нам промочить для этого горло.

Вобеку преклонил колена, поднялся, когда получил позволение удалиться, и ушел. Лишь убравшись с глаз вождя, он осмелился сделать охранительный жест.

Чабано может искушать богов. Это право вождя. Вобеку не вождь и очень сомневался, что когда-либо им будет, даже если Чабано покорит все земли вплоть до Соленой воды. Он мечтал об этом, когда соглашался служить Чабано, но это были мечты более молодого человека.

Сейчас он прожил достаточно и узнал больше правды о мире. Вобеку будет вполне доволен окончить свою жизнь так, чтобы сыновья спели по нем погребальную песню, женщины омыли его тело и был бы скот и поля, чтобы устроить пир для друзей, когда дым погребального костра поднимется к богам.

Он решил, что в качестве первой награды после победы он попросит себе женщину Мокоссу. Она не только приятна для глаз, но умна и здорова, сможет родить достойных сыновей.

Конан осматривал отряд, отправляющийся в туннель, когда прибежал мальчик-бедуи и сказал, что его вызывает к себе Сейганко. По лицу мальчика можно было прочесть, что киммерийцу нельзя терять ни мгновения.

Конан дал Валерии знак рукой, и она, положив сумки с припасами на щит, подбежала. Даже после почти бессонной ночи Конану было приятно любоваться грациозными и уверенными движениями ее гибкого тела. Ему еще более приятно было сознавать, что Валерия будет у него за спиной, когда они вновь погрузятся в наполненные колдовством коридоры под озером.

— Валерия, не можешь за меня закончить здесь работу? Посмотри, чтобы воины имели при себе все, что им приказано взять, были трезвыми, не поврежденными в рассудке и тому подобное.

— Я думаю, что только пьяница или сумасшедший вызвался бы пойти в такой поход, — сказала она, криво улыбнувшись.

— Или люди, которые верят, что Добанпу говорит правду, — ответил Конан.

— Я удивлена, находя в их числе тебя, — прошептала Валерия.

Конан пожал плечами:

— Считаю меня лучше тем, кто пока не уличил Добанпу и его дочь во лжи. Но это ставит их далеко впереди почти перед всеми колдунами, каких мне довелось встречать. — Он похлопал ее по плечу: — Просто притворись, что разбираешься в этих делах.

— Так же, как ты на циновке?

— Женщина, не от моего ли притворства ты выла всю прошлую ночь, как волчица? Полдеревни слышало тебя, или, по крайней мере, мне так сказали.

Валерия издала звук, не то выругавшись, не то усмехнувшись, и отвернулась. Конан видел, как начали подергиваться ее голые плечи, когда ею овладел тихий смех. Затем он поспешил к Сейганко.

Он нашел военного вождя стоящим на четвереньках рядом с перевернутым каноэ и изучающим дно, будто там можно было прочесть тайны богов или победы над Кваньи.

Сейганко, казалось, мучали сомнения, когда он отвел Конана в сторону. Часть сомнений можно было объяснить тем бременем ответственности, которое ложится на вождя, ведущего столько воинов на войну, исходом

которой может быть гибель их и всего племени. Конан был не намного старше Сейганко, но он нес такое бремя довольно часто и знал, что оно не становится легче с годами.

Другая часть того, что вселяло в Сейганко неуверенность, проявилась быстрее.

— Мы видели воинов Кваньи в лесу на краю пастбищ. Нашли убитых коз, и по крайней мере один пастух исчез.

Конан кивнул. Это было более высокое искусство ведения войны, о котором ему было известно больше, чем он признавал, но меньше, чем ему хотелось бы.

— Никогда не ведите войны, веря, что враг будет ждать, пока вы не свалитесь ему на голову, как ночной горшок из окна. Чабано старается отвлечь воинов от нападения на него.

— Ему это удастся, если только нам не придется оставить стада и посевы без защиты.

— Стада ведь могут ходить, правда?

— Да, но...

— Пошли достаточное количество воинов, чтобы охранять пастухов, пока они перегоняют стада на юг, в горы у реки. Тогда Кваньи придется сделать двухнедельный переход по открытой местности, чтобы добраться до них. У вас есть лучники, а у них нет. Сколько, по твоему мнению, Кваньи доберутся до гор живыми?

— А... — Улыбка Сейганко была недолгой. — Но поля еще не убраны. Если их сожгут...

— И поджигателям позволят проделать свою работу и не пережгут им глотки? — спросил Конан, изображая больше терпения, чем чувствовал на самом деле. Он надеялся, что бремя руководства не помutilо рассудок Сейганко.

— Это тоже можно сделать, — сказал Сейганко. На этот раз улыбка его не исчезла. — Часть зерна мы действительно можем собрать и скормить скоту. Мы все равно съедим его в том или ином виде, а возможно, съедим еще и скот Кваньи.

Конан положил Сейганко руки на плечи, и оба поклялись, что каждый будет охранять женщин другого,

если кто-нибудь из них не вернется с войны. Затем Конан вернулся к шахте еще быстрее, чем шел к Сейганко, и застал среди воинов, выстроившихся перед ямой, Эмвайю.

Конан закатил глаза к небу и пробормотал что-то, что вполне могло быть: «Женщины!» — и, нахмурившись, посмотрел на Валерию. Она пожала плечами и сделала красноречивый жест, давая понять, что и с ней и с Эмвайей спорить бесполезно.

— Очень хорошо, — проворчал Конан. Он повернулся лицом к строю, в котором стояли сорок крепких воинов и Эмвайя.

— Я спущусь первым. Всюду, где я не провалюсь и где смогу пролезть, будет достаточно места и вам. Аондо был единственным из вас крупнее меня, но сейчас он кормит собой крокодилов.

— Никогда не думал, что мне будет жаль крокодилов, — сказал один из воинов, — но животное наверняка уже сдохло.

Смех воинов было приятно слышать.

— Никому не спускаться, пока я не крикну, а лестницы и веревки не будут закреплены, — добавил Конан. — Если я замечу, что кто-нибудь вместо лестницы пользуется скрепляющей опалубкой, я сам помогу ему упасть. Тогда для каждого, кто поскользнется, будет внизу мягкая подушка!

Воины все еще смеялись, когда Конан обвязал вокруг пояса веревку и начал спускаться в темноту.

Вот оно появилось снова, то присутствие, обещающее Золотой Змее и плоть, и жизненную силу. Оно было, насколько могла судить змея, в том же месте, что и раньше. Но оно оказалось сильнее, будто существо было больше.

Или, может быть, двуногих больше? Неужели они спускаются, чтобы предложить себя Золотой Змее и удовлетворить ее голод? Или, может быть, они охотятся на Золотую Змею?

У Змеи не было сознания, которое бы могло представить мысли такими словами. Но Змея знала, как отличить добычу от врага.

Она знала также, что, когда придет время нанести удар, даже те, кто пришел на охоту, обнаружат, что сами стали жертвой. Так было всегда, насколько она помнила, а воспоминания эти возвращались ко временам до того, как Змея жила в этих подземных норах.

Один из воинов, движимый инстинктами, отточенными в джунглях на охоте и на войне, начал собирать упавшие комья земли. Конан поднял руку, чтобы остановить его:

— Оставь так. Здесь нет Кваньи, которые могли бы выследить. Если что и живет здесь, то у него есть другие способы найти нас. Прибереги силы, чтобы вначале найти это нечто.

Колдовской свет по-прежнему освещал туннель. Однако он казался более тусклым. Возможно, просто из-за того, что свет внизу лестницы погас, когда разрушилось охранительное заклятие? Дальше в туннеле свет был таким же ярким и неестественным, как и всегда.

Конан и Валерия были единственными из отряда, кто сохранял внешнее спокойствие. Киммериец видел, как руки сжимают копья, тербят амулеты либо постоянно находятся за спиной, чтобы делать охранительные жесты в надежде, что Голубоглазый вождь, как называли его, не заметит.

Конан прочистил горло от грязи и пыли и стал перед воинами:

— Не скажу, что бояться здесь нечего. Это значило бы назвать вас глупцами, что было бы неправдой. Вы — храбрые воины Ичирибу, одного из храбрейших народов, какие я видел.

Читающий мысли легко уличил бы Конана во лжи, но единственным человеком среди них, читающим мысли, была Эмвайя, однако она промолчала.

— Смотрите под ноги. Держите язык за зубами и общайтесь жестами. Воду берегите и пищу расходуйте экономнее. Не отходите в стороны, даже если увидите в боковом туннеле целое королевство. Помните прежде всего о том, что неожиданное нападение удваивает силы. Мы застанем Кваньи врасплох тем, что появимся из

такого места, о существовании которого они и не подозревают. Только представьте себе, во сколько раз это увеличит наши силы!

Воины вообразили себе, и это показалось им приятным. Они все еще оглядывались назад и наверх, когда строились в колонну для марша, но они уже улыбались. Все, кроме Эмвайи.

Золотая Змея вонзила зубы в первый из камней на своем пути и начала оттаскивать его в сторону. Она пыталась сделать это тихо, зная, что почти все могущее служить добычей здесь, под землей, имеет острый слух.

Кроме двуногих, конечно. Их Змея помнила не так хорошо, как зверей, с которыми делила подземные коридоры не так давно. Она помнила, что двуногие почти слепы без света и почти глухи при всех обстоятельствах.

Если плоть и жизненная сила, которые она почувствовала, принадлежат двуногим, то все произойдет быстро. Камни можно передвинуть так, что, когда наступит нужное мгновение, Змея сможет броситься еще быстрее. И снова эти мысли Золотой Змеи не были облечены именно в такие слова, но человек, например такой, как Эмвайя, мог бы перевести их так.

Такой человек мог бы также определить, что работа Золотой Змеи возбуждает колдовскую силу под озером. Возбуждение расходилось волнами, как от брошенного камня, по туннелям во всех направлениях, дошло даже до берегов Озера смерти.

Чабано возился с рабыней, когда вошел воин с донесением. Он намеревался закончить с женщиной, но затем увидел лицо воина. Это был испытанный воин, обладатель зуба леопарда, и то, что так повлияло на выражение его лица, не могло быть пустяком.

Чабано шлепнул женщину по задку:

— Иди отсюда, быстро.

Женщину парализовал страх: не удовлетворить Чабано означало для рабыни смерть, даже в последнее время.

— Пошла отсюда! — крикнул он и занес руку для менее нежного шлепка. — Не твоя вина, что боги послали плохие известия!

Женщина не знала, как ей поскорее убраться. Остались даже ее бусы и набедренная повязка. Чабано сел и мрачно посмотрел на воина. Тот, как и подобало воину его ранга, не дрогнул.

— В двух местах у берега треснула земля.

— Я не чувствовал землетрясения.

— Никто не чувствовал, мой вождь. Я послал за твоими старшими воинами...

— Вобеку?

— Нет.

— Послать за ним сейчас же! — Воин развернулся, чтобы бежать, одолеваемый наконец страхом. — Подожди! — приказал Чабано. — Какой ширины трещины?

— Одна вполне может быть естественной. Не глубже человеческого роста и не шире длины руки мальчика. Другая такая широкая, что может проглотить быка, и никто не смог увидеть дна. Однако...

Воин облизал губы. Чабано почувствовал непреодолимое желание ударить его, но понял, что от этого воин лишь еще больше перепугается.

— Если не могут видеть дна, что же они видят?

— Обработанный камень, вероятно... вероятно, ступени.

— Ступени, — отозвался Чабано. Он встал, надел набедренную повязку и указал на головное украшение. Воин подал его вождю, затем копье и боевую дубинку.

Снаряжаясь, Чабано думал. Существуют легенды о городах под озером или даже под джунглями... и существует сила Добанпу, которая, увы, не легенда. Однако если в легендах есть зерно правды, то колдовская сила этих древних городов делает силу Добанпу по сравнению с собой детской игрой.

Это скорее всего работа не Говорящего с духами. Но это пахнет колдовством, а в вопросах колдовства...

— Иди и вызови на совет Вобеку. Затем ты сам пойдешь на Гору Грома и доставишь эту новость Райку.

Возьми с собой воинов, которым доверяешь, когда отправишься на гору. Если Райку пожелает прийти с вами, у него должна быть соответствующая охрана.

«Которая, если он замышляет какое-нибудь предательство, поймет это сразу».

Воин пять раз грохнул лбом об пол и побежал так, будто всю его родню посадят на кол, если он замедлит бег.

Оставшись один, Чабано снял со стены свой самый лучший щит, тот, что украшен полосками золота и слоновой кости, вплетенными в бычью шкуру. Почувствовав это богатство в руках, он успокоился, и мысли теперь текли быстро и ясно.

Не важно, боги или люди сделали эти трещины. За обоими разломами будет установлено наблюдение, и он немедленно отдаст соответствующие приказы. А в это время основная часть его воинов, а также Райку отойдут к склону горы. Затем, когда враг покажется, настанет время для удара — либо с Живым ветром, управляемым Райку, либо с копьями в руках воинов, в зависимости от обстоятельств.

Битва была неизбежна, к тому же на землях Кваньи. Но одно ему давало успокоение: льву проще укусить того, кто сам кладет голову ему в пасть.

Глава 14

Там, где становилось светлее, туннель расширялся настолько, что отряд мог идти колонной по четыре или по пять. Поднятое копье едва ли касалось потолка, а пол был из знакомого мрачного сероватого камня, не красивого, но гладкого, как мрамор.

Конану все не нравилось. Такое пространство говорило о том, что они приближаются к центру сооружения, лежащего под Озером смерти. Это должно было быть также и центром колдовской силы, веками державшей землю и не позволявшей ей засыпать этот лабиринт.

Киммериец задержался, чтобы поговорить с Эмвайей, которая не отставала от воинов, хотя иногда казалось, что она идет во сне. Это как раз происходило с

ней, когда Конан подошел. Он пошел рядом с Эмвайей, но не стал ее беспокоить: нельзя мешать даже самому доброму колдуну за работой.

Когда прошло столько времени, что можно было бы съесть хороший кусок баранины, Эмвайя встряхнулась, как мокрая собака, и посмотрела на Конана вполне трезвыми глазами. Затем кивнула:

— Оно живое, и оно впереди нас. Я думаю, оно стало сильнее, чем раньше.

Не было нужды спрашивать, что такое это «оно» или опасно ли это. Пожиратель жизненной силы был почти единственным существом, какое сейчас чувствовала Эмвайя, и скорее всего самым опасным сейчас. Но для сорока воинов Золотая Змея — или один из тех зверей, похожих одновременно и на дракона, и на носорога, — будет лишь здоровой разминкой.

Конан поспешил в голову колонны. Увидев, что он торопится, воины ускорили шаг. Конан вынул меч и выставил его поперек перед первой шеренгой отряда.

— Зайдете дальше и получите по затылку своей тупой башки! — сказал он, повысив голос, но не переходя на крик. Но даже так он вызвал эхо, отчего многие воины стали беспокойно оглядываться по сторонам. Однако это также заставило их сбавить шаг.

— Очень хорошо, — сказал Конан. — Этот туннель может проходить прямо под озером и привести нас к хижинам женщин Чабано. Но он может и петлять, как след пьяного крокодила. Подумайте, сколько нам еще идти, и поберегите дыхание!

После этого у Конана не было проблем из-за излишнего рвения воинов, и он мог спокойно пойти рядом. Ничто не предвещало опасности, но глаза киммерийца были постоянно в движении, а рука не покидала рукоять меча. Время от времени он оглядывался, чтобы посмотреть, не почувствовала ли Эмвайя чего-нибудь неблагоприятного.

Темп продвижения был таким, каким обычно ходили воины Ичирибу по ровной земле и когда требовалось прежде всего сберечь силы. Конан решил, что до первого привала они покрывали больше двух лиг.

Киммериец установил посты и дал задание воинам, несшим снаряжение — веревки, крюки, факелы и тяжелые

охотничьи копья, проверить свой груз. Остальным он позволил отдыхать. Несколько сурово брошенных взглядов отбили желание притронуться к тыквам с водой, и никто еще не был голоден.

— Мы, должно быть, проделали полпути до берега Кваньи, — шепнула Валерия. — Если только мы идем туда, куда я думаю.

— Я тоже думаю, что мы идем правильно, — ответил Конан. — Конечно, оба мы можем...

Он прервался, когда донесся звук, похожий не то на крик, не то на плач. Конан обернулся и увидел, что двое воинов бросили оружие и щиты, чтобы поддержать Эмвайю. Ноги ее тряслись, стоять она не могла, глаза были закрыты, уши она зажала руками.

То, что она слышала, должно быть, было слышно благодаря ее колдовству. В следующее мгновение это услышали все своими ушами.

Камни начали трещать и крошиться, затем обрушивались, наполнив туннель громовым эхом. Теперь не одна Эмвайя зажимала уши.

Рев Конана заглушил шум камней и поднял собственное эхо.

— Следующему, кто бросит оружие, я подам его так, что он не сможет взять!

Воины подхватили щиты и подняли копья. Затем, не дожидаясь приказа, они начали становиться в боевой строй. Несшие снаряжение побросали свой груз и образовали вокруг него кольцо. Эмвайю втащили в это кольцо и положили без особых церемоний на свернутую веревочную лестницу.

— Позаботьтесь об Эмвайе, — сказал Конан. Это был его последний приказ на некоторое время: ни одно его слово нельзя было бы расслышать, и действительно, слова и не были нужны. Что-то очень большое и совсем рядом шипя ползло по камням.

Этот гонец бежал к Сейганко так, будто на нем горит набедренная повязка или по озеру приплыл леопард и гонится за ним. Прибежавший еще не успел сказать ни слова, а Сейганко уже понял, что стал свидетелем

зрелища, не виданного Ичирибу уже многие годы, — он видел, как бежал Добанпу Говорящий с духами.

Он бежал к Сейганко в хорошем для своего возраста темпе и остановился, лишь чтобы перевести дыхание, прежде чем начать говорить:

— Надо сейчас же спустить каноэ. Опасность больше, чем я думал.

— Ты не подумал, отец Эмвайи, если посчитал, что мы можем спустить каноэ сейчас. Едва ли половина из них загружена, и больше трети воинов еще не подошли к берегу.

— Тогда мы отправимся с теми, что у нас есть.

Сейганко осознал всю глубину гнева только тогда, когда почувствовал, как в руке треснуло древко трезубца. Он заставил себя говорить спокойно:

— Кто в опасности?

— Те, кто спустились. Я должен быть ближе к ним, чтобы помочь Эмвайе против угрозы.

— Какой угрозы? — Сейганко не собирался называть отца своей невесты лжецом, так как Добанпу никогда не лгал. Но будь он проклят, если бросит племя в бой готовым лишь наполовину, не зная, на что он его бросил!

— То, что живет под озером — в том месте, где Эмвайя не обнаружила жизни, — надвигается на тех, кто спустился вниз. Эмвайе понадобится моя помощь, если хочешь одолеть это оружием воинов.

Сейганко понял, что, если дальше будет слушать эти загадки, он лишь потратит время, которого, вероятно, и у него и у воинов не так много. Однако...

— Добанпу, возьми каноэ и шестерых самых сильных гребцов, каких найдешь. Веди их куда хочешь. Я дам приказ остальным ускорить сборы, затем идти следом с двумя каноэ. — Добанпу тоже, кажется, понял, что большего он ожидать не может. Он удалился быстрой трусцой.

Сейганко крикнул, подзывая к себе гонцов и барабанщиков фанды. Когда он бежал к берегу, каноэ Добанпу уже сталкивали в озеро и барабанщики вовсю были заняты своей работой. Дробь и гул барабанов разносились над берегом и водой, когда Сейганко запрыгнул в каноэ и схватил ближайшее весло.

Двадцати или тридцати отборных воинов хватит, чтобы защитить Добанпу от любого обычного врага. Ближился закат, а ночью Кваньи боялись озера еще больше, чем днем.

Что касается других врагов — если Добанпу с ними не справится, то чем меньше воинов потеряют Ичирибу, тем лучше. Племя не намного переживет своего Говорящего с духами, но воины все же смогут нанести немалый урон людям Чабано. Это завоеует им честь перед богами и благодарность тех племен ниже по реке, которые Кваньи уже не в состоянии будут подчинить.

Сейганко погрузил весло и запел самую старую и обладающую наибольшей силой военную песню.

Райку слышал сигнальные барабаны с наблюдательного поста, находящегося на холме, который Кваньи называли Большая Тыква. На нем не росли большие тыквы, и формой он на тыкву не походил, так что Райку всегда было интересно, почему этот холм получил свое имя.

Холм этот был, однако, идеальным местом для зоркого наблюдателя, откуда был виден вдаль остров Ичирибу. С небольшой помощью Райку наблюдатели получили возможность видеть даже больше, чем обычно: они видели даже каноэ, отходящие от острова.

Это, как сообщили Райку барабаны, как раз и происходило сейчас. Он поместил деревянную табличку, которую изучал, в пропитанную травами оленью шкуру, которая защищала и от сырости, и от колдовства. Затем положил ее в резной ларец, стоящий в углу комнаты. Этот ларец был той вещью, что он принес с собой, когда пришел на Гору Грома. Это был подарок от человека, которого он называл отцом, и ларец этот не давал Райку так остро переживать, что у него нет ни клана, ни родства.

Теперь даже сами боги не смогли бы ничего сделать. Он стал Первым Говорящим с Живым ветром, несмотря на то что редко использовал этот титул. Его клан и родство теперь неземные, и так должно быть. Если бы он поднялся до ранга Говорящего другим образом, он мог бы чувствовать некоторое родство с другими Говорящими, но теперь они тоже были чужими и ненадежными.

Райку вышел из комнаты, коснулся на счастье мешочка, привешенного к поясу, и отвязал тростниковую занавеску над дверью. Занавеска упала, закрыв дверь, Райку повернулся и направился к Пещере Живого ветра.

Шум чего-то ползущего вдруг прервался грохотом, будто в каменную стену ударили тараном. В следующее мгновение Конан понял, что уши его не обманули.

Из бокового туннеля сзади них с грохотом и пылью покатились камни огромного размера. Мелкие камни летели, словно были брошены осадной машиной. Некоторые ударялись о противоположную стену, разбрасывая во все стороны осколки, и попадали в людей. Камни и осколки убили трех воинов, а двух других ранили.

Эти двое стали первой жертвой Золотой Змеи, когда она бросилась из своего логова в туннель.

Зубы ее погрузились в плоть, и человек взвыл в агонии и вскоре обмяк. Зубы были длиной с пальцы Конана и росли из челюсти размером с лошадиную голову, и едва ли было важно, ядовиты они или нет.

Еще один воин погиб, когда хвост чудовища, толще его собственного тела, прибил его к стене. Воин не вскрикнул, но хруст костей ясно сказал о его судьбе.

Остальные воины вскрикнули в ужасе от того, что они увидели дальше. Вокруг обоих тел замерцали жуткие зеленоватые огоньки. Такие, какие можно видеть над зловонным болотом, о каком говорят, что там живет нечисть, и какое умный человек обходит стороной. Они были цвета грязи. Конан не помнил, приходилось ли ему когда-либо в жизни видеть более тошнотворный цвет.

Он помнил, однако, что сзади оставалась Эмвайя и что ее судьба и судьбы их всех переплетены. Конан повернул назад, чтобы добраться до Эмвайи, как раз в тот момент, когда она вырвалась из рук воинов, державших ее. Она побежала к Золотой Змее, подняв над головой одну руку, а другой сжимая амулет на груди.

Существо зашипело достаточно громко, чтобы вызвать эхо, и зубастая пасть открылась, так что Конан смог хорошо ее рассмотреть. Пасть была ребристой и

зеленой, кроме тех мест, где она была измазана кровью первой жертвы. В глубине пасти мерцали болотные огни.

Более яркое сияние исходило из глаз Золотой Змеи. В другое время и в другом месте сияние этих драгоценных камней могло бы быть приятным. Сейчас же оно лишь увеличивало общий ужас.

Увидев жест Эмвайи, змея подняла над полом половину своего длинного тела. Ее рогатая морда ударилась о потолок, осыпав гравий и пыль. Хвост замолотил из стороны в сторону, чуть было не сбив носильщика, оказавшегося более дерзким, чем остальные, и пытавшегося забрать свой груз.

От носа до хвоста тварь была, казалось, длиннее небольшой галеры и толще, чем хорошего размера дерево. Золотые чешуи были величиной с оловянный поднос и перекрывали друг друга так искусно, как на лучших аквилонских доспехах. Некоторые чешуи выцвели до бледно-желтого, даже почти белого цвета. Конан видел, что многие чешуи имели трещины и когда-то были переломлены пополам, затем срослись.

Самый храбрый воин из всех пробежал мимо Эмвайи, закинув щит на ремне за спину и держа копьё в обеих руках. Он подпрыгнул и нанес удар копьём одним четким движением, и наконечник исчез между двух бледных чешуй.

Золотая Змея закачалась, как дерево во время урагана. По-прежнему сжимая копьё, воин взлетел в воздух, болтая ногами. Змея пригнула голову, и челюсти ее сомкнулись на ступне воина. Воин не вскрикнул. Вместо этого он собрал все свои силы, чтобы вогнать копьё глубже.

Ему это удалось, но в то же мгновение зубы змеи отрезали ему половину голени. Тогда он вскрикнул, но не упал. Он остался висеть в воздухе, не поддерживаемый ничем, в то время как слишком знакомые зеленоватые огоньки плясали вокруг бьющей из ноги крови.

Наконец воин упал, все еще сжимая копьё. Падение его вырвало копьё из шеи змеи, и оттуда забила зеленоватая кровь. В том месте, где она попала на пол, стал подниматься дым, а там, где она пролилась на труп воина, раздавленного хвостом, плоть обуглилась и отвалилась от костей.

Если Конан и питал раньше сомнения относительно жуткой колдовской силы, притаившейся в этих глубинах, сейчас он больше в этом не сомневался. Он не сомневался теперь, что никогда снова не подвергнет себя опасности ради Огненных камней.

Эмвайя отшатнулась и упала ему в объятия, руки ее были выставлены вперед.

— Скорее, — шепнула она, — пусть еще один воин бросит копье.

— Ты! — крикнул Конан. Железное самообладание, звучащее в его голосе, успокоило воинов. Воин, к которому киммериец обратился, отступил назад и вложил все силы в бросок. Копье вонзилось недалеко от раны, нанесенной первым воином.

Пластина чешуи треснула пополам, но кровь лишь сочилась. На глазах Конана рана от первого копья затянулась. Лишь пятно крови на шее змеи говорило о том, что ей вообще нанесли какой-то вред. Другое пятно уже высыхало на полу, недалеко от трупа воина, потерявшего ногу. Уже сейчас были видны кости сквозь плоть воина и сквозь зеленую мерзость, покрывавшую его.

Эмвайя сделала глубокий тяжелый вздох.

— Мы должны сделать так, чтобы она наступала на нас, и каждый раз ранить ее. Нам также следует сохранять расстояние. Она каждый раз залечивает раны, но не полностью. Змея будет терять силы, я об этом позабочусь.

— Сколько времени ей понадобится, чтобы умереть?

Золотая Змея зашипела, бросая вызов и чувствуя боль. Шипение опять отозвалось таким эхом, что Эмвайю нельзя было расслышать, если бы даже она заорала в ухо Конану.

Когда змея отступила шагов на десять, Эмвайя страстно заговорила:

— Она умрет скоро, если придет мой отец и присоединит свой Разговор с духами к моему. Мы можем отнять у нее возможность забирать жизненную силу, которой она лечит себя.

Конан произнес мысленно длинный ряд нелестных выражений в адрес колдунов. Их порода, кажется, всегда тут, когда они не нужны, и оказывается в другом

месте каждый раз, когда в их присутствии есть необходимость.

— Эй! — крикнул он, поднимая меч. — Надо драться с этим зверем, отступая. Носильщики! Занять ряды сзади! В первый ряд самые сильные воины с копьями! Защищайте Эмвайю любой ценой и, во имя всех богов, не приближайтесь к чудовищу!

По лицам было видно, что даже самым храбрым воинам не нужно было последнее напоминание. Конан схватил копье, лежавшее с грузом, и встал в задний ряд, в то время как Валерия подбежала к Эмвайе.

Как один, весь отряд отступил на десять шагов. Побуждаемая этим, Змея опустила голову и двинулась вперед, но не бросилась так дерзко на этот раз. Полетели копье и трезубец. Копье вонзилось глубоко, трезубец отскочил от рога к носу. Метнувшийся трезубец уже готов был броситься, чтобы подобрать свое оружие, но рев Конана остановил его на полпути.

Это, вероятно, была одна из самых необычных битв, в каких когда-либо участвовал Конан. Подобные змеи не были редкостью, напротив, они встречались довольно часто, если судить по ранам, полученным от них Конаном. Но он никогда раньше не дрался со змеей, обладающей собственной колдовской силой, и не дрался в качестве вождя отряда воинов.

И хорошего отряда, подумал он, видя, как один из воинов раскрутил пращу и метнул камень. Он метко попал в сверкающий зеленый глаз. Конан ожидал, что глаз скорее рассыплется, чем лопнет, но не произошло ни того ни другого. Вместо этого глаз лишь задрожал, как желе, помутнел на мгновение и снова вспыхнул зеленым.

Существо зашипело, и на этот раз все видели, что оно испытывает боль. Эмвайя до боли прикусила губу, затем закричала, предупреждая:

— Будьте готовы! Сейчас она снова бросится!

Предупреждение спасло жизни по крайней мере трем людям. Огромная голова ударила в то место, где они стояли бы, если бы не присоединились к отступающим. Отойдя на двадцать шагов, отряд остановился, а два воина отстали, чтобы бросить копья. Снова рев Конана спас одного воина от глупости, когда он вздумал ударить тварь

дубинкой по носу. Воин присоединился к отступившим товарищам без дубинки и копья, но живой.

Затем отряд отошел еще на тридцать шагов от Золотой Змеи, в то время как Эмвайя размахивала руками и пела так громко, что заглушала шипение твари. Два копья продержались в ранах дольше, чем предыдущие, и поток крови, вытолкнувший их, тоже бил дольше.

Победа может достаться им, понял Конан, несмотря на то, что это битва, какую мог вообразить себе лишь сумасшедший. Победителем может оказаться последний воин, стоящий около мертвой змеи, но эта победа будет все-таки принадлежать им!

Шипение снова отдалось эхом, Эмвайя выкрикнула предупреждение, и смертельный танец начался опять.

Глава 15

Эти каноэ не были самыми легкими или самыми быстрыми среди судов Ичирибу, хотя мастера, делающие лодки, славятся своим искусством среди всех племен вокруг Озера смерти. Гребцы также не были самыми сильными и самыми умелыми.

Сейганко просто приказал первым попавшимся двадцати гребцам занять места в первых попавшихся трех каноэ и отправиться вместе с Добанпу. Вскоре Сейганко начал думать, что ему стоило бы подождать, выбрать лучших гребцов и каноэ, и тогда они двигались бы быстрее. Если они опоздают к месту назначения, Эмвайя может погибнуть — Добанпу выразил это ясно.

Немного позже, однако, Сейганко заметил, что каноэ летят по воде, будто гребут неутомимые боги, никогда не сбивающиеся с ритма. Он оглянулся и посмотрел на Говорящего с духами, сидящего на корме каноэ, и заметил, как тот едва заметно улыбнулся.

Сейганко стало стыдно, оттого что ошибка его была замечена, но также он почувствовал гордость, оттого что Добанпу счел его достойным принять помощь. Или отцом движет лишь мысль о безопасности дочери?

Весла летали вперед-назад так быстро, что за ними, как за хорошо брошенным копьем, глаз не мог уследить,

и воины, казалось, не потели и не задыхались. Сейганко вспомнил с беспокойством, что те заклинания, что удваивают силу человека, могут потом сделать его на некоторое время слабым. Этим воинам придется ведь не только грести, но и сражаться еще до того, как наступит закат завтрашнего дня.

А тем временем они пересекли Озеро смерти со скоростью, известной разве что птицам. Добанпу дал знак, Сейганко поднял весло, и гребцы в каноэ перестали грести. Подошли остальные два каноэ и стали рядом.

Вдруг, прежде чем Сейганко успел что-либо сказать или даже шевельнуться, Добанпу встал на корме каноэ, крепко схватил висевший на шее амулет и бросился за борт. Он беззвучно вошел в воду, не вызвав даже тихого всплеска, какой делает ныряющая птица. Несколько мгновений воины видели его ноги, которыми он толкал себя в глубину; затем глубина поглотила его.

Воины подняли шум:

- Старый дурак!
- Куда он?
- Он же утонет!
- Нет, его раньше съест рыба-лев!
- Он же не умеет плавать!

Сейганко криком призвал к тишине.

— Отец моей женщины умеет плавать, это точно. В этой части озера нет голодных рыб именно из-за того существа, с которым он ушел сражаться. А что касается остального — лично я не стал бы называть ни одного Говорящего с духами дураком. Тем более если бы подумал, что он может вернуться. А если вы все-таки думаете иначе, держите язык за зубами. Или вы забыли, кто вас может здесь слышать? — Сейганко указал на берег Кваньи. Все тотчас замолчали.

Золотая Змея взяла жизнь еще у двоих воинов, пока отряд Конана не приспособился бороться с ней. Всего было десять убитых или раненных так, что они уже не могли сражаться, и остальные воины все более беспокоились. Встреча с врагом, которого нельзя серьезно ранить и, как казалось, невозможно убить, несмотря на все обещания Эмвайи, никак не могла воодушевить их.

Однако воины не утратили ни силы, ни хитрости. Они метались вокруг змеи, будто мухи вокруг головы лошади, жали с тем же неумолимым упорством. Некоторые даже пели боевые песни между бросками на змею, пока Конан не приказал им беречь дыхание.

Такая дисциплина и храбрость радовали Конана, хотя и не были для него полной неожиданностью. Он уже многие годы знал, что Черные Королевства воспитывают хороших воинов, способных биться в любой части света. Он не ожидал встретить столько хороших воинов так далеко от моря, но был счастлив, что встретил. Возможно, останутся всего один-два воина, когда Золотая Змея испустит последний вздох.

Раздался крик, когда Эмвайя споткнулась на глянцевом полу и упала. Но Валерия уже стояла над ней, держа в одной руке меч, а в другой копьё, готовая к броску. Еще пять воинов встали впереди Эмвайи, прежде чем Конан успел даже сосчитать их. Сама же молодая женщина ударилась головой и стиснула зубы, но волосы спасли ее череп, в то время как руки продолжали делать свои движения, борясь с неприродной жизнью Золотой Змеи.

В следующее мгновение Эмвайя была на ногах, и Конан понял, что змея не бросилась ни на нее, ни на ее защитников. Либо она узнала опасность оружия в умелой руке, либо ее силы иссякают?

Конан знал, что значит посчитать противника слабым или глупым. Однако ему трудно было поверить, что что-либо, разве только сама Гора Грома, может выдержать град ударов, какими осыпал его отряд Золотую Змею.

Вдруг в туннеле снова раздался гром. Конан клялся, что видел, как Змею подбросило на ширину ладони от пола. Он видел, как из рук воинов вырывало щиты, а на потолке появились трещины. Затем всюду вокруг посыпались обломки камня, и воины увидели мокрого Добанпу, стоящего по другую сторону от Золотой Змеи.

Змея вполне могла ощутить потрясение. И уж конечно, его ощутили воины. Однако существо быстро отвернулось и бросилось на Добанпу. Говорящий с духами спокойно стоял, ожидая нападения, вертя в руке амулет.

Валерия и воины вскрикнули от ужаса, да и сам Конан не смог сдержать крика.

Бросок не достиг Добанпу. На расстоянии руки от старика голова с клыками резко остановилась, словно на нее накинута аркан и потянули или будто воздух сделался твердым. Добанпу поднял руку, и яркий золотой свет образовал арку между ним и Эмвайей. Свет вошел в Добанпу и исчез, не оставив и следа, кроме, возможно, необычного блеска в глазах, да и то Конан не был уверен, что это не обман зрения.

Вдруг Добанпу развернулся и с удивительной для его возраста скоростью побежал по боковому туннелю, которого никто до этого не заметил. Снова воины вскрикнули в ужасе, но Эмвайя лишь нахмурилась.

— Твой отец сошел с ума? — выкрикнула Валерия. Конан покачал головой. Если Эмвайя не боится, значит, Добанпу что-то задумал. Но удастся ли это — уже другой вопрос.

— Что мы должны делать? — спросил он у девушки.

— Он заманит существо в место, о котором ему сообщили чувства, я думаю. Он израсходовал много силы, чтобы прийти сюда, так что он не сможет убить Змею без помощи. Но в том месте, какое он ищет, он найдет способ лишить ее жизни.

Конан выругал себя за то, что ожидал прямого ответа от человека, занимающегося колдовством. Валерия мрачно поглядела на Эмвайю:

— Ты хочешь, чтобы мы увязались за этой тварью в нору, где она может развернуться и сожрать нас? Доверившись лишь колдовским фокусам твоего отца?

— Да.

— Киммерийский...

— Обзывать будешь потом. А сейчас можешь ли ты поспорить хотя бы на два волоса с твоей головой, что мы останемся в живых, если Добанпу погибнет?

Как всегда, Валерия подчинилась разуму. Она убежала вперед и, взмахнув мечом, обратилась к воинам:

— Вперед, вы, сучий корм! Змея повернула к нам спину, и это значит, что она бежит!

Воины могли и не понять всех слов Валерии. Те, кто понял, могли и не поверить, что она говорит правду. Все

поняли и поверили, что им не следует позволять женщине-оруженосцу Голубоглазого вождя позорить их, бросаясь первой в атаку. Боевые крики отдались эхом, почти таким же сильным, как и громовой удар при появлении Добанпу, и воины Ичирибу бросились вслед за врагом.

Райку взглянул на водоворот света, что и было Живым ветром — или, по крайней мере, его внешней формой. Райку стоял на самом краю уступа, вместо того чтобы сидеть в кресле Первого Говорящего.

Он никогда не чувствовал себя спокойным в этом кресле, а сейчас еще важнее, чем прежде, не делать ничего, что нарушает собственное спокойствие. Вполне возможно, что это лишь легенда, что Живой ветер чувствует тех, кто боится его присутствия или не уверен в себе, но в этих легендах часто бывает доля правды.

А также Райку не совсем нравилось то, что он видел сейчас, глядя на Живой ветер. То, что Живой ветер не был сейчас прикрыт дымом — скрывать его давно уже стало частью ритуала, — значило мало. На самом деле Райку специально не стал вызывать дым, посчитав это отжившей традицией.

Оттенки Живого ветра были по-прежнему пунцовыми и сапфировыми, и завихрения образовывали узоры, которые одновременно и притягивали, и отталкивали взор. Но пунцовый казался сейчас цветом крови, в то время как сапфировый постепенно бледнел.

Был слышен отдаленный шум, который, казалось, был всюду и в то же самое время нигде. Чтобы описать этот звук, трудно было подобрать слова. Райку казалось, что если бы пчелы могли петь боевую песню, получился бы звук, похожий на тот, что он сейчас слышал.

Даже запах в пещере Живого ветра изменился. Здесь всегда пахло свежестью и прохладой, несмотря на то что это место находится глубоко под Горой Грома и здесь мало естественных путей для воздуха. Теперь казалось, что пещеру одолевает запах джунглей или, по крайней мере, запах какой-то жизни.

Почему бы и нет? Райку решил, что Живой ветер по праву получил свое имя, так почему бы ему не

принять некоторые из качеств жизни, когда он начал меняться?

Райку придется воспользоваться всеми дисциплинами, какие он изучил, чтобы не чувствовать беспокойства. Опять же, почему это должно быть неожиданностью? В этой земле действует древняя и могучая колдовская сила, оставшаяся нетронутой веками, и сейчас вполне может быть, что просыпаются сами боги Горы Грома.

Райку решил, что достаточно себя успокоил, чтобы сесть в кресло Первого Говорящего. «Пусть боги просыпаются, — сказал он себе. — Пусть проснутся, и они увидят, что я их друг и мои враги — их враги. Тогда мне не нужен будет даже Чабано, когда моими друзьями будут боги».

Эмвайя разговаривала без слов со своим отцом и жестами указывала дорогу отряду, преследующему Золотую Змею. Воины могли бы обойтись и без указаний, поскольку существо теперь почти непрерывно шипело и оставляло все более обширные лужи крови.

Конан держал язык за зубами. Он не позволял своей надежде расти, тем более надежде отряда. Ложные надежды делают воинов небрежными, а небрежные воины гибнут в битве и не с таким страшным противником, как Золотая Змея.

Отряд бежал, определенно благодаря Эмвайе, быстрее. Действительно, Конан не знал, сколько они уже пробежали и сколько времени воины смогут выдержать такой темп. Носильщики уже дышали тяжело, и легко раненным тоже вскоре потребуется отдых.

Конан не хотел разделять отряд, оставив груз и легко раненных позади. Разделившись в этом подземелье, сможет ли отряд соединиться снова? А Золотая Змея сумеет развернуться и напасть на такую легкую добычу?

Ноздри киммерийца начал щекотать знакомый запах. Не такой, чтобы он вспомнил о нем с особым удовольствием, хотя эти гигантские грибы определенно спасли его и Валерию во время первого подземного путешествия. Если слишком долго питаться чем-то, запах всегда остается в памяти.

Они подходили к еще одной пещере, полной гигантских грибов. Конан подумал, какой цели это может служить, если Золотая Змея явно плотоядное животное. Эмвайя была слишком занята разговором с отцом, чтобы отреагировать, если только не крикнуть ей в самое ухо, но Конан не хотел нарушать ее связи с Добанпу.

Сейчас пол еще круче пошел вниз, лужи зеленой крови стали еще больше. Воинам пришлось сбавить скорость, чтобы не ступать в еще дымящиеся лужи агонии и смерти. Один из воинов, к несчастью, упал и тут же вскочил, подняв покрывшуюся волдырями ладонь над головой будто трофеем.

— Она истекает кровью! Кровь не останавливается! Вперед, братья, прикончим ее!

Вдруг туннель резко свернул, и теперь кровь была не только на полу, но и на стенах. Конан снова пошел вперед, Валерия сразу за ним: может оказаться, что за поворотом притаилась Змея. Даже если Добанпу жив и с ним все в порядке, как и было, если судить по лицу Эмвайи.

Вдруг неожиданно, будто тараном, Змея нанесла головой удар и задела ни о чем не подозревающего воина слева от Конана. Зубы не пронзили его, но рог поддел за плечо и швырнул воина о стену. Конан слышал, как треснул череп.

Киммериец сделал выпад, ударил. Меч глубоко рассек чешую и вошел в горло Змеи. Чешуя разошлась, и кровь хлынула из раны, по длине равной клинку и более глубокой, чем все предыдущие.

На этот раз шипение сделалось почти ревом, и послышалось отвратительное бульканье. Капли крови оросили Конана, Валерию, Эмвайю и нескольких воинов. Теперь кровь просто щипала. Конан поморгал, вытер рот тыльной стороной ладони и оглядел клинок меча. Насколько он видел, мечу не было причинено никакого вреда.

Затем они услышали, как из-за змеи кричит Добанпу:

— Приготовьте огонь! Когда я заведу зверя в заросли земляных плодов, бросьте на них огонь!

Конан и Валерия не стали тратить времени на разгадывание смысла слов Добанпу. Змея сейчас извивалась там, где туннель расширился и наполовину зарос грибами. Взгляд Эмвайи тоже не допускал вопросов.

— Кремень и огниво вперед! И факел! Быстро! — крикнула Валерия.

Подбежал один из носильщиков. Валерия выбила искру и подожгла сухую траву, из которой был сделан факел. Он вспыхнул, и пламя было не естественным — желтым и оранжевым, а имело фиолетовый оттенок, столь же мерзкий, как и кровь Змеи, мерзкий, как колдовская сила, которой пользовалась эта тварь, чтобы иметь жизненную силу.

Валерия выставила факел в вытянутой руке, когда Змея начала медленно пятиться, забираясь глубже в грибы. Конан стал рядом с Валерией, приготовив меч и копье. Он увидел, как Добанпу поднял руку и бросил Змее в морду то, что казалось сгустком ее собственной крови. Киммериец увидел, как Змея бросилась вперед, затем остановилась, погрузив голову в массу грибов высотой в два человеческих роста.

Не успели Добанпу и Эмвайя что-либо сказать, как Валерия кинула факел. Он пролетел над спиной Змеи и упал в гущу грибов.

Взметнулись языки пламени такого же ядовитого оттенка, что и пламя факела. Змея задрожала от головы до хвоста и вдруг бросилась вверх, будто пытаясь пронзить потолок и выбраться на волю.

Это ей не удалось. Когда чудовище поднялось, Конан увидел, что из еще открытых ран бьют дым и пламя. Зеленая кровь почернела, затем почернели золотые чешуи вокруг ран. Дым поднимался от тела, шел из пасти и наконец начал бить из глаз. Конан обнял Валерию за плечи и притянул к себе. Он чувствовал, как она дрожит. Киммериец вложил меч в ножны, бросил копье и другой рукой притянул к себе Эмвайю.

Так они и стояли, пока пламя, зажженное ими при помощи колдовства Добанпу, пожирало грибы и Золотую Змею. Тварь до последнего цеплялась за жизнь: она прекратила извиваться лишь тогда, когда чешуя почти вся уже осыпалась. Даже тогда Конану показалось, что он слышит тихий скрежет, словно среди бушующего огня Змея все еще подергивается.

Это были последние признаки жизни Золотой Змеи. Дым начал подниматься такой густой, что Конан и

остальные стали повязывать полоски ткани, закрывая рты и носы. Некоторые еще и смочили полоски. Эмвайя глядела на дым, и было ясно, что она беспокоится за отца.

Вдруг из клубов дыма шатаясь вышел Добанпу. Он кашлял, будто больной легочной лихорадкой, и почти ничего не видел, так что чуть не наткнулся на меч Валерии. Валерия и Эмвайя поддерживали Говорящего с духами, пока он прокашливался, затем дали ему напиток. Когда Добанпу снова мог говорить, он кивнул в знак благодарности и сказал:

— Мы должны поспешить отсюда! Я не знаю ни как долго будет гореть это пламя, ни сколько дыма оно произведет. Все подземелье может сделаться непригодным для живых существ.

— Я просто рада! — воскликнула Валерия. — Мы спаслись от Золотой Змеи не для того, чтобы задохнуться, как кролики в норе!

— Прибереги дыхание для бега, — посоветовала Эмвайя, — тогда, может быть, не задохнешься!

Она впервые после долгого промежутка времени заговорила с прежней резкостью. Конан решил, что это добрая примета, Валерия же посчитала наоборот.

Она тем не менее все-таки последовала совету Эмвайи. Как и остальные, она молчала, когда все спешили по туннелю назад, в то время как дым за спиной становился все гуще.

— Вобеку, — сказал воин Кваньи, — прибыл гонец от наблюдателя у большой трещины.

Вобеку сел на циновке и потряс головой, прогоняя остатки сна. Скоро к нему, возможно, будут обращаться по титулу. По крайней мере, его перестали называть «перебежчик Ичирибу».

— Что он сообщает?

— Он чувствует дым.

— Дым как от костра?

— Он так говорит.

Вобеку встал и начал надевать боевое снаряжение. Когда он закончил, то совершенно проснулся. И как раз

тогда он заметил, что в джунглях тише, чем обычно. Многие из птиц и насекомых не жили вблизи берега Кваньи, но джунгли при луне не были ни безжизненными, ни тихими.

Раньше не были. Вобеку ощутил холод внизу спины. Он почувствовал, что его вот-вот призовут драться с врагом не совсем земным.

— Проследи, чтобы барабаны оповестили Чабано и Райку, — приказал он. — Пусть охрана у меньшего разлома вобьет туда приготовленные колья...

Это будет бесполезно против неземных врагов, но если человек попытается пробраться через эту трещину, ему прежде придется всю ночь проработать топором.

— Собери охрану вокруг большого разлома, — заключил Вобеку. — Близо не подходить, но чтобы каждый воин имел полное вооружение. Мальчиков-носильщиков и женщин отправить в деревню. Немедленно!

Воин чуть было не исполнил жест почтения, адресуемый вождю, но вовремя вспомнил, кому он собирается сделать его. Вместо этого он кивнул и убежал.

Вобеку не побежал, но направился быстрым шагом вниз по тропе, направляясь туда, где, как он знал, может произойти его последняя битва. Не успел он пройти и половины дороги до своего поста, а барабаны уже говорили.

Глава 16

Отряд Конана с удовольствием побежал бы от дыма еще быстрее, чем они бежали от Золотой Змеи. Здесь не надо было останавливаться и бить копьём в пурпурную стену, наступающую на пятки.

Если бы они только могли дышать! Жар следовал за дымом, и длинные щупальца дыма и жара, казалось, цепляли бегущих, словно лианы. Конан попытался оглянуться, получил удар такого щупальца прямо в лицо и чуть было не зашелся кашлем.

Ноги его бежали сами собой, однако пока он не пришел в себя. Он не запнулся и не упал, как сумели не упасть и большинство воинов отряда. Тех же, кто падал, товарищи поднимали и тащили с собой.

Никто не хотел, чтобы его товарища настигла эта новая опасность. Невозможно представить, что можно остаться живым в этом пурпурном мраке, даже если бы там не мелькали странные силуэты. Конан видел их, Валерия видела их, и даже Эмвайя и Добанпу согласились, что они там есть.

Двое Говорящих с духами не сказали, однако, чем могут быть эти силуэты. Конан и не ожидал услышать от колдунов большего, но не собирался быть грубым с теми, кто спас ему жизнь. Так что он последовал совету Эмвайи и поберег дыхание для бега.

— Свернем здесь, — крикнул Добанпу. Он указал на узкую щель в стене направо. Рядом с ней на полу лежала засохшая грязь, и запах гнили джунглей соперничал с вонью дыма.

Как спасительный выход трещина воодушевляла мало. Но Добанпу был настроен решительно, и пока ему можно было верить. А Конан не собирался ждать, пока огонь погаснет сам собой. Тут уже было больше дыма и жара, чем могли бы дать все грибы во всех этих пещерах. Колдовство было в этом пламени, колдовство такого рода, от которого все разумные люди бежали как можно скорее, даже если с ними в компании и был пока что дружелюбно настроенный колдун.

— Наверх! — крикнул Конан, указывая на трещину. Было ли это следствием его авторитета или степени их отчаяния, но четыре воина тут же, не колеблясь, нырнули в пролом. За ними еще четверо, неся веревочные лестницы и другие приспособления для подъема. Следом, опередив других, нырнула туда Эмвайя.

Вой Добанпу заставил ее снова высунуть голову.

— Отец, я могу лазить быстрее тебя. Кто знает, что лежит наверху и какие средства нам понадобятся против этого? Будь готов помочь мне, если я крикну.

Затем она исчезла. Добанпу бешено озирался, уже не колдун, а лишь отец, видящий, как дочь подвергает себя опасности.

— Валерия! — позвал Конан. — Я пойду последним. Ты присоединяйся к авангарду и проследи за Эмвайей.

Валерия отправилась со следующей горсткой воинов. Люди теперь действительно исчезали в щели так быстро,

что Конан подумал: неужели путь наверх легче, чем он надеялся. Если они обнаружили ступени...

— Конан! — крикнула Валерия. — Там ступени до самой поверхности и небо наверху. Торопись!

Конана не надо было подгонять. Щупальца дыма начали обвиваться вокруг его щиколоток, затем вокруг коленей, затем вокруг пояса. Он вынул меч и ударил по ним, будто они были живым врагом, и увидел, как они отступили. Но меч его начал нагреваться, и киммериец понял, что, если основная масса дыма окутает его, он погиб.

Добанпу прокричал три резких слога и вдруг покачнулся, будто кровь отлила от головы, но удержался на ногах. Конан видел, как стена дыма отступила, и почувствовал, что жар уменьшился. Затем Конан почти швырнул Говорящего с духами в щель и сам последовал за ним.

Там действительно были ступени, и — трудно поверить — киммериец видел, как наверху сияют звезды. Он потянул Добанпу к выходу, но Говорящий с духами задержался.

— Я должен восстановить охранительные закликания на этих ступенях, — проговорил он, — иначе Несущий дым пойдет за нами, настигнет нас на ступенях, сожжет нас, пока мы...

— Как хочешь, — сказал Конан. Спорить с колдуном было еще более бессмысленно, чем сражаться. Киммериец вышел победителем из многих битв с колдунами, но мало кого из них переспорил.

Это заклятие потребовало больше чем трижды три слога. Когда Добанпу закончил, щель за ними была все еще черной от дыма, но щупальца уже не могли прорваться сквозь дым. Воздух на лестнице во время всего пути, пока Конан и Говорящий с духами поднимались, оставался затхлым. Они только что поровнялись с последними воинами, как вдруг сверху раздался крик Эмвайи.

Крик донесся через темную гладь озера до каноэ Сейганко. Все находившиеся в первых трех каноэ слышали его, но лишь Сейганко слышал его в своем сознании. Он отчаянно искал смысл в этом крике.

«Эмвайя! Что случилось? Где ты?»

Ответа не было. Сейганко понимал, что, если ее крик достиг его, она должна быть недалеко от берега. Она должна быть близко к поверхности или на самой поверхности земли.

Это не дало ни полезных знаний, ни успокоения. Он опустил весло и оглянулся. Затем Сейганко издал боевой клич и снова погрузил весло.

Без колдовской силы, без всякой помощи, кроме собственных мускулов и пота, его догоняли остальные воины. Сотня лучших бойцов Ичирибу отправилась на берег защищать стада и посевы. Из оставшихся четыре сотни сели в каноэ, чтобы бросить вызов Кваньи на их собственном берегу. Лишь горстка осталась защищать остров.

Будто боевой клич Сейганко был сигналом, на приближающихся каноэ вспыхнули факелы. Казалось, будто по озеру за Сейганко движется линия огня.

Он вынул весло и держал его как копье, пока первое из приближающихся каноэ не поравнялось с его судном. Тогда он подбросил весло, поймал его и снова издал боевой клич. На этот раз воины ответили ему так, что звук заполнил ночь и озеро от берега до берега. Если Кваньи не знали до этого, кто к ним приближается, то теперь они вряд ли могли оставаться в неведении.

Сейганко снова принялся грести. Недолгое ощущение торжества покинуло его, когда он понял, что больше ничего не слышит от Эмвайи ни слухом, ни сознанием.

Конан бежал через ступеньки, хотя лестница осыпалась и поросла мхом. Однажды он чуть было не оступился и не полетел назад. Он схватился рукой за корень и вовремя удержался, иначе мог бы раздавить собой Добанпу, как виноградину.

Ступени заканчивались на расстоянии роста человека от поверхности, но для лучших воинов Ичирибу это не было преградой — они уже стояли на твердой поверхности, когда к ним подошел Конан.

Первое, что он увидел, был падающий воин с копьем Кваньи в бедре. Конан выхватил у него щит, обнажил меч и стал отыскивать глазами Эмвайю и Валерию.

Он обнаружил их у дерева, где они стояли на толстых узловатых корнях, и каждый корень был толще Золотой Змеи. Валерия отбивалась от копий полудюжины Кваньи, в то время как двое других воинов уже схватили Эмвайю. Если бы их товарищи, так озабоченные тем, чтобы добраться до Валерии, не преграждали им путь, они бы уже убралась с девушкой.

Эти воины резко развернулись, чтобы встретить Конана, и в спешке запутались в своих щитах. Это оказалось роковым для одного из воинов, оставшегося неприкрытым. Конан коротким движением снес голову с плеч незащищенного воина и отошел, чтобы дать телу место упасть.

Остальные Кваньи выстроили свою излюбленную линию из щитов. В следующее мгновение они узнали, что этим искусством могут владеть не только они и не только благодаря обучению Чабано Великим. Конан одно копье выбил мечом, другое — зацепил краем щита и ударил ногой. Он был босиком, но кожа на ногах давно уже стала словно дубленая, так что удар получился очень сильным.

Воин вскрикнул и повалился на товарища, и тот сошел со своего места в строю. Конан сделал обманное движение и заставил этого воина поднять щит. Затем ударил мечом под щитом, ранив в ногу пониже колена.

Мимо ребер Конана прошло копье, чуть не пропоров ему бок, но киммериец развернулся и перерубил древко пополам. Затем он, как бык, бросился на воина, придавив собственный щит противника к груди так, что воину пришлось опустить его, чтобы не заслонять себе глаза. Последнее, что он увидел, был меч Конана, опускающийся сверху, чтобы рассечь головное украшение, волосы и череп.

Валерия зарубила еще одного противника, и оставшийся воин Кваньи, быстро прикинув соотношение сил после гибели товарищей, бежал в ночь. Конан с силой ударил щитом по спине воина, державшего Эмвайю, и услышал, как хрустнул позвоночник. Валерия набросилась на второго, запрокинула ему голову, вцепившись в волосы, и перерезала ему горло.

Эмвайя была свободна. Она стояла сжав руки у груди, некоторое время глядя на землю. Затем она будто сбросила тяжесть с плеч.

— Отец?

Добанпу подошел и вытянул руку, чтобы коснуться дочери, словно не веря, что она жива. Она схватила руку и улыбнулась:

— Со мной, я думаю, все в порядке.

— Время удостовериться будет позже, — сказал Добанпу. Он сжал одной рукой амулет, а другой — мешочек у пояса. — Посвященные богу могут быть не теми, что раньше. Я чувствовал ссоры, которые, возможно, ослабили их. Но если у них по-прежнему есть власть над Живым ветром...

Его прервали боевые крики Кваньи. Конан бросил щит, вытер об него меч и выхватил кинжал.

— Живой ветер может подождать. Кто-то совсем рядом имеет власть над воинами!

Конан толкнул Эмвайю в руки отца и крикнул Валерии:

— Найди тропу к берегу и посмотри, сможем ли мы к нему отойти. Здесь оставаться бесполезно. Надо, чтобы за нашими спинами была вода!

Быстроногая, как всегда, Валерия исчезла в ночи. Из зарослей кустарника выбегали воины Кваньи.

Вобеку вел воинов в атаку на врага, выпрыгнувшего из-под земли. Не только честь побуждала идти его к тому месту: он знал, что, если Кваньи добьются победы под его командованием, он заслужит имя воина.

Если бы он бежал быстрее, он мог бы вклиниться в ряды Ичирибу до того, как те успели построиться. Он бы погиб тогда, но ценой жизни выиграл бы время, достаточное для того, чтобы подоспели товарищи и ударили по находящимся в беспорядке Ичирибу. Тогда их не спасли бы ни быстрота, ни искусство, ни сталь киммерийца.

Вместо этого Вобеку вел своих воинов в бой так, как учил Чабано. Он, прежде чем дать команду к наступлению, построил воинов фалангой и сам вышел вперед лишь в последнее мгновение.

За его спиной строй фаланги Кваньи, выходившей из джунглей, несколько нарушился из-за того, что воинам пришлось продираться сквозь кусты. Копья, брошенные первый раз, в основном не попали в цель. Одно копье даже вонзилось в ногу Вобеку. Он в гневе на придурка, попавшего ему в ногу, проорал боевой клич и подождал, пока Кваньи не поравняются с ним.

Камень ударил в его щит. Вобеку сделал шаг вперед и пригнул голову. На этот раз воин перебросил камень на веревке через верхний край щита Вобеку и дернул. Вобеку не выпустил щита, вместо этого он поддался усилию и затем сделал резкий выпад. Воин с камнем погиб, пронзенный в живот копьем Вобеку.

— Йайго! — выкрикнул Вобеку ритуальное слово, означающее, что убит первый воин врага.

В следующее мгновение кто-то чуть было не завоевал право крикнуть так же и над Вобеку. Воин справа от него вдруг исчез, упав в щель в земле. В промежутке, образовавшийся в строю, бросился воин Ичирибу и, сцепившись щитами с Вобеку, стал отчаянно наносить удары во все стороны.

Вобеку получил две легкие раны, прежде чем сам смог ответить копьем. Оно ранило Ичирибу в живот, но не смертельно. Воин даже не поморщился от боли. Он продолжал наносить удары менее искусно с каждым мгновением, но все так же храбро.

Эта битва доказала Вобеку, что Чабано действительно мудрый вождь. В битве, где каждый воин дерется отдельно, Вобеку часто не удавалось развить все силы и убить врага. Он опасался, и не без причин, атак с флангов и тыла. В строю же Кваньи его фланги были защищены, даже в такой мелкой битве. А если бы была и обычная вторая линия за спиной, то безопасность была бы обеспечена и сзади.

Вобеку снова нанес удар — и чуть было не упал, когда его удар встретил лишь воздух. Он поглядел в пространство, где только что был противник, и заметил, что остальные Кваньи делают то же самое. Будто при помощи колдовской силы Ичирибу исчезли. Перед Кваньи лежали лишь несколько тел и упавшее оружие, и едва ли половина из этого принадлежала Ичирибу.

Воины Чабано были живы, но драться было не с кем. Вобеку взмахнул большим копьём, приказав нескольким воинам подойти к трещине в земле и посмотреть, что может там быть. Они не обнаружили ничего, кроме отпечатков ног, которые ясно указывали на то, как Ичирибу пришли.

Пришли при помощи колдовства? И если пришли при помощи колдовства, не могли ли они так же и исчезнуть? Вобеку опустился на колени и стал обследовать землю с искусством охотника. В темноте это было нелегко, но он понимал, что факелы лишь выдадут их притаившимся Ичирибу.

Его ночное зрение наконец пробилось сквозь темноту, и он разглядел следы, ведущие к берегу. Следов было много, и на некоторых из них были видны отпечатки ритуальных шрамов кланов Ичирибу.

Вобеку подзвал лучших следопытов, дал им новые копы и послал вперед. Им было приказано выведать, куда ушли Ичирибу, и сообщить об этом, но воздержаться от схватки. К барабанщикам был послан гонец, и вскоре барабаны снова заговорили.

Что бы ни делали Ичирибу под землей, дело сделано. Теперь они, скорее всего, намереваются удержать берег для высадки товарищей с каное. Вобеку собирался показать врагу, что для безопасности им нужно не только то, чтобы за их спинами была вода.

Ночное отступление по незнакомой местности — это самый сложный маневр на войне, или, по крайней мере, так слышал Конан от тех, кто заслужил право говорить. Киммериец принимал участие и как воин, и как капитан в достаточном количестве таких предприятий, чтобы верить в правоту этих слов.

С плохо организованными людьми, говорят, это невозможно, но Ичирибу не были плохо организованы. Все воины, которые могли стоять на ногах, когда они прервали битву, дошли до берега. Некоторые еле шли, двоих несли товарищи, но все были на месте.

Однако воинов, способных драться, осталось, как видел Конан, меньше двадцати. Кваньи, конечно, тоже

погибло много, тем не менее Конан не сомневался, что соотношение сил не в пользу его отряда.

Замысел этой битвы требовал, чтобы Ичирибу взяли под наблюдение тропы, ведущие к берегу, чтобы сделать засаду и напасть тогда, когда воины Чабано бросятся в бой. Придя к берегу в беспорядке, воины Чабано не успеют выстроиться в свою знаменитую фалангу.

Замыслы, думал иногда Конан, хороши для богов, священников и чиновников. Воины же должны обходиться удачей и острым клинком.

Взгляд, брошенный на озеро, приободрил киммерийца. Каное Ичирибу с пылающими факелами неслись к берегу. Их будет видно сейчас со всего берега Кваньи, даже с Горы Грома. Кваньи узнают, что им грозит, но знание это заставит их спешить.

Спешка на войне — это палка о двух концах. Приди первым, и победа будет твоя. Приди первым, но в беспорядке и слабым, и твой авангард погибнет зря.

Шорох заставил Конана резко обернуться и поднять меч, готовый тут же разрубить темноту. Из темноты возникла фигура, и Конан опустил клинок.

— Сейганко! Рад встрече.

— Я тоже, киммериец. Что с Эмвайей?

Конан улыбнулся. Военный вождь Ичирибу в первую очередь спрашивает о женщине. Киммериец подумал, будет ли у него самого снова такая женщина. У него не было такой после Белит... и уж конечно, не может такой женщиной быть Валерия!

— Устала, но с ней все в порядке. Валерия охраняет ее. Как ты пришел сюда так, что мы тебя не видели?

— Несколько каное затушили факелы и тихо подгребли. Я привел тридцать воинов. Неожиданность стоит многого.

Это действительно так, но сотни других воинов, которые сейчас, несомненно, болтаются кругами, ожидая сигнала Сейганко, тоже кое-чего стоят. Нужна ли Сейганко неожиданность или слава — слава, купленная ценой крови киммерийца?

Никогда ничего хорошего не происходило из ссоры вождей перед самой битвой. Конан сдержал свой язык,

зная, что если Сейганко оказался слишком дерзким, то он тоже не увидит следующего рассвета.

— Хорошо. Иди спроси Добанпу, насколько им можно подойти.

— Как Добанпу?

— Также устал, но с ним все хорошо. Он опасается, что в сегодняшних делах могут принимать участие боги Горы Грома. Лучше не посылать твоих воинов без его защиты.

Сейганко явно хотел узнать больше, но Конан отослал его к Говорящему с духами, который мог более понятно, чем киммериец, рассказать о битве под землей. Сам же Конан нашел пень, не совсем сгнивший и способный выдержать его вес, сел и принялся чистить оружие.

Такие затишья обычно долго не длятся.

Глава 17

Барабаны, гонцы и собственные глаза давали Чабано неопределенные сообщения.

Барабаны и гонцы говорили Чабано, что Ичирибу переправляются сейчас через озеро. Гонцы сообщили, что, благодаря измене или, возможно, колдовству, отряд врага вынырнул из-под земли и удерживал часть берега для высадки основной силы.

Чабано надеялся, что это не измена. Это создаст ему врагов из тех родов, чьи воины погибли, если из-за доверия Вобеку пролилась кровь Кваньи. По крайней мере, число погибших ничтожно, даже если Вобеку сумел погубить воинов.

За спиной Чабано бежали более пятисот воинов Кваньи. Каждый нес щит и три копья, какие придумал вождь и с какими научил воинов обращаться. Когда они доберутся до берега, это будет даже не битва.

Его очень удивляло, что он ничего не услышал от Райку. Первый Говорящий, безусловно, должен знать обо всем, что происходит, в том числе и об используемом колдовстве — и не только выжившим из ума Говорящим.

Это не очень важно. Пусть у Добанпу хватило сил против духового ружья Вобеку, у него вряд ли хватит сил против пятисот лучших воинов Кваньи. У него будут торчать копья из горла и живота еще до того, как он успеет пролепетать достаточно заклятий, чтобы убить и козла!

Конан пошел во главе отряда, предназначенного для засады. Сейчас киммериец сидел на корточках под выступающим аркой из-под земли огромным корнем и пытался найти людей, которых привел. Чем меньше он их найдет, значит, тем лучше изучили они науку маскировки.

Одного он нашел и тихо свистнул, затем указал на куст, который спрячет воина лучше. Воин три раза треснул лбом о землю. Конан чуть было не обругал его за то, что он ставит этикет выше послушания, но воин тут же перекатился в новое укрытие.

Как только воин исчез, до ушей киммерийца донесся топот множества бегущих ног. Конан вынул кинжал и положил свободную руку на кучку камешков, которые он насобиравал в ручье.

Работа будет тонкая, слишком тонкая для меча, и чем тише получится, тем лучше. Если несколько десятков Кваньи умрут, даже не успев сообразить, что им грозит смерть, Чабано очень трудно будет собрать оставшихся в живых до того, как Сейганко высадит всех своих людей на берег. Не поможет и дисциплина, насажденная Чабано, хотя для этого отряду Конана придется почти жонглировать живыми змеями. Но ведь этим и заканчивается большинство сражений, и неважно, как они были начаты.

Топот ног Кваньи нарастал, затем начал стихать. Через несколько мгновений наступила тишина. Мало кто, кроме Конана, мог слышать тихий звук дыхания множества людей, команды, отдаваемые шепотом.

— Они все еще приближаются, — сказал он тихо сидящему рядом с ним воину. — Передай это следующему, и пусть каждый смотрит и назад.

Если Чабано что-нибудь заподозрил, он вполне мог остановить основную колонну и послать разведчиков осмотреть кусты по обеим сторонам. Кваньи потеряют

время, но сохраняют воинов. И конечно, они могут очень сильно навредить Конану и его людям.

Конан отдал шепотом другую команду:

— Когда нападаете, забудьте о тишине! Кричите и вопите, надрывайте глотки...

— Чтобы поверили, что десяток — это сотня? — прошептал в ответ воин. Киммериец кивнул.

Снова послышался шум шагов, но сейчас воины Кваньи шли, а не бежали. Конан взял камешек и приготовился бросить его.

Показался первый Кваньи. Конан дал пройти ему и еще десятерым, идущим следом за ним. Десятому брошенный камень попал в рот. Воин попятился, выплевывая кровь и зубы, и натолкнулся на воина Ичирибу. У этого воина было короткое копьё, которое он всадил в спину Кваньи.

— Й-а-а-а-а-а! — заорал Конан и выпрыгнул на тропу. Он нанес удар кинжалом, отстранив копьё, в грудь Кваньи, так что жертва не успела даже поднять щит. Киммериец схватил еще один камешек и швырнул его вдоль тропы, туда, где толпились воины, готовясь к атаке.

Однако чем больше они напирали, толпясь, вперед, тем меньше оставляли себе места, чтобы двигаться и драться. Конан приложил все старания, чтобы найти такое место, где тропа была узкой, а местность по сторонам ее непроходимой. Чабано лишь помогал, поскольку необходимость спешки подавила рассудок.

Конан и дюжина его воинов достаточно долго создавали неразбериху в голове колонны. Настал момент, когда Конан, бросив свой последний камень и услышав, что он попал в щит, выхватил меч. Меч и кинжал мелькали в руках Конана, словно обрели собственную жизнь, когда киммериец врезался в первый ряд Кваньи.

Через пространство, которое расчистил Конан, ринулись его товарищи, коля копьями и размахивая дубинками. В то же время камни, трезубцы, упавшие ветви и все остальное оружие, попавшее под руку, оставляли свой след на флангах Кваньи.

Теперь Конан больше всего надеялся на то, что вперед выйдет сам Чабано. Обычай племени и характер самого

Чабано заставят его вступить в поединок с Конаном. Исход этого поединка может быть только одним.

Засада может закончить битву и даже войну победой Ичирибу. Конан немного отступил, сохраняя защиту — двигаясь так, чтобы сделать себя более трудной мишенью для копий, — и отыскивая Чабано.

Наконец он заметил человека, который, без сомнения, был вождем... в то самое мгновение, когда под ногами дрогнула земля.

Райку совершил все ритуалы для вызова Живого ветра так, будто всосал их с молоком матери. Он был исполнен гордости и отваги. Он знал, что не подвергает себя опасности, совершая ритуалы в одиночку, такова наконец была его сила.

Однако цвета Живого ветра не сделались прежними, разве что на короткое время. Снова в пунцовом был мрачный оттенок, а сапфировый был бледен. Станный звук и еще более странный запах исчезли, но память о них осталась в мыслях Райку. Он должен был оттолкнуть эти мысли — так, как отталкивают кабана, проткнутого копьем, — чтобы они не нарушили его уверенности.

Теперь настала очередь для самого ответственного ритуала. Вывод силы Живого ветра полностью за пределы Горы Грома уже проделывали. Это можно сделать снова. Если это осуществить, то Живой ветер кинется на Ичирибу, и они будут уничтожены, так что Кваньи не придется пачкать кровью ни единого копья.

Нет, сказал себе Райку, он не допустит никакого «если» у себя в мыслях. Он точно вызовет Живой ветер и пошлет его вперед.

Райку сел прямо и поднял в одной руке посох, а в другой — тыкву с хитро смешанными травами. Он повесил тыкву на конец посоха и взял из нее щепоть трав.

Правила ритуала и здравый смысл подсказали Говорящему начать лишь с малой порции трав. Райку склонился вперед, разжал пальцы и высыпал смесь в пространство. Травы исчезли почти тотчас, растворившись на фоне клубящихся разводов цветов Живого ветра, и даже сами не узнали, когда достигли поверхности вихрей.

Райку, однако, узнал, когда пещеру трянуло, как сосуд из сушеной тыквы, брошенный о каменную стену. Райку сжал посох и потянулся другой рукой к тыкве, чтобы убрать ее в безопасное место.

Извивающаяся колонна пунцового и сапфирового, ярких как всегда, взметнулась от основного тела Живого ветра. Она приблизилась к тыкве, коснулась ее и схватила с конца посоха Райку.

Райку вскрикнул, поднялся на ноги и поспешил к краю уступа, чтобы посмотреть. В нем вспыхнуло удивление, граничащее со страхом, ослабив дисциплину его ума. Он попытался схватить тыкву, когда колонна начала опускаться, унося ее с собой.

Он даже коснулся тыквы... но колонна поднялась снова и сделалась пунцово-сапфировым пламенем, которое обвилось вокруг его кисти. Он закричал, издал животный вопль агонии, когда пламя стало пожирать руку.

Боль и всепоглощающий страх заставили Райку забыть, что он стоит на краю уступа. Он качнулся, одна нога зависла над пустотой. Он взмахнул рукой, пытаясь ухватиться за камень, почувствовал, как гнутся и ломаются ногти, и сорвался.

То, что Райку чувствовал раньше, было ничто по сравнению с тем, что он почувствовал, когда Живой ветер поглотил его. И рев вихря был слишком громким, чтобы кто-нибудь мог слышать крики.

— Ко мне! Назад, отходим по тропе, козлы незаконнорожденные!

Крики Конана собрали отряд Ичирибу, находившийся в засаде. Некоторые воины бросились в лес, так как путь назад преграждал враг. Оставшиеся в живых присоединились к Конану.

Больше беспокоясь о скорости, чем о собственном достоинстве, они понеслись по тропе, и она дрожала у них под ногами. Сзади повалилось дерево, к счастью никого не задев. Тогда Конан остановился, пропустив всех вперед, и стал разглядывать Кваньи.

Он боялся, что в панике, стараясь убраться со склона, враг раздавит его воинов, сметет их благодаря простому

численному перевесу. Теперь этого не произойдет, несмотря на то что впереди шел Чабано. Они приближались в хорошем темпе, оставив пожилых воинов и мальчиков подбирать убитых и раненых и, вероятно, охранять линию отступления.

Очень возможно, что смерть Чабано отнимет у Кваньи не только сердце, но и голову... что очень хорошо, если только у Конана появится малейшее представление о том, как это осуществить. Личный вызов приведет лишь к тому, что Конан будет валяться проткнутый десятками копий еще до того, как Чабано его услышит!

Киммериец побежал в хвосте отряда, который несся по тропе, чтобы соединиться со своими товарищами. Он не любил бегать, но бывают времена, когда хорошая пара ног становится лучшим оружием воина.

Когда Ичирибу бежали, они заметили, что землетрясение, по-видимому, прошло, но в небе над Горой Грома возникло странное сияние.

Чабано пропустил дюжину воинов вперед, чтобы те первыми перепрыгнули через упавшее дерево. Сейчас не время рисковать и напороться на копье какого-нибудь отчаянного Ичирибу, притаившегося за деревом.

Копья не полетели. Чабано высоко подпрыгнул, как прыгал, когда был мальчиком. Приземление сказалось острой болью в колене и напомнило вождю, что он все-таки не мальчик, но он не упал. Копье лежало на плече, щит был в руке, и Чабано снова находился впереди воинов, когда вдруг заметил, что небо меняет цвет.

Оно сделалось пунцовым и сапфировым — и Чабано вспомнил, что это цвета Живого ветра. Кажется, Райку все-таки вывел на свободу силу Живого ветра, и как раз вовремя! Если Кваньи придется драться вдоль всей тропы, а затем встретиться со свежей основной силой противника, после сегодняшнего сражения ни в одном из племен не останется достаточно людей, чтобы заселить и деревню!

— У-а-а-а-й-а! — крикнул он. Кваньи подхватили клич и повиновались приказу. Ноги забарабанили по твердой земле, воины закричали от чисто животного удовольствия, и копья забили о щиты.

Тем временем сияние наверху больше не покрывало половины неба. Оно сжималось, в то время как цвета становились гуще и ярче. Также казалось, что цвета завихрялись и плясали, как водовороты в потоке. Затем они сжались, приняв форму шара такого яркого, что на него было больно смотреть.

Чабано поднял копьё и щит, чтобы Живой ветер видел его знаки отличия и знал, кому подчиняться. Райку действительно все сделал хорошо. Он передавал власть над Живым ветром самому Чабано! Бедный дурачок Райку — он представить себе не мог, как мало надежды получить ее обратно.

Чабано переполняла радость. Он подбросил свое копьё к небу, когда клубящийся шар пунцового и сапфирового направился прямо к нему. Свет и копьё встретились — и там, где было копьё, остались лишь обгорелые обломки и капли расплавленного металла. Они посыпались на Чабано, и удивление и боль в равной мере заставили его вскрикнуть, когда капля металла прожгла кожу на плече.

Воины за его спиной тоже вскрикнули, и он понял, что некоторые из них повернули, чтобы бежать. Вождь развернулся, хватая свое метательное копьё, поклявшись себе пронзить им первого, кто выйдет из колонны. Но вместо одного он увидел, что бежит десяток, и это было последнее, что он вообще видел. Прежде чем он успел бросить копьё, Живой ветер был вокруг вождя.

Как и Райку до этого, Чабано вопил, пока Живой ветер поглощал его, но никто не слышал этих воплей — одни из-за того, что сами умирали, а другие из-за того, что в ушах их пульсировала кровь от быстрого бега.

Почти все воины Конана добрались до берега, когда увидели на холме огонь. Сам киммериец был еще на тропе с одним товарищем. Он послал этого воина вперед, а сам отыскивал хорошее укрытие, чтобы посмотреть, что будет дальше.

Земля затряслась снова, сильнее, чем прежде. Конан услышал треск падающего дерева и крики придавленных воинов Кваньи. Он также слышал, как кричат остальные Кваньи, и отнюдь не боевой клич.

Как ни мало ему нравилось приближаться к колдовским силам, еще меньше он любил оставаться в неведении относительно того, с каким врагом ему предстоит столкнуться. Держа меч в руке, он вышел из укрытия — и обнаружил, что ему не надо делать и шага, чтобы ответить на вопрос, что же происходит выше на тропе.

Некое существо из бурлящего пунцово-сапфирового света, формой напоминающее человека, но высотой с храм, шагало по тропе. Там, где его — назовем их так — ноги касались земли, поднимался дым, который Конан так хорошо запомнил в подземелье.

Те же самые силы, что и под землей, были сейчас на свободе на Горе Грома. Почему — Конан не знал и не интересовался этим. Он надеялся лишь, что Кваньи, хотя они и враги, сумели бежать. Смерти в таком обличье он не пожелал бы и стигийцу!

Конан ринулся вниз по склону, минуя тропу, зная, что существо может легко последовать за ним, если захочет, но надеясь, что оно предпочтет более легкий путь по тропе. Призрак, казалось, был достаточно осязаем, чтобы не пожелать продираться до берега через лес, где деревья толще его ног.

Если бы Конан бежал, спасая собственную жизнь, киммерийское нежелание подставлять врагу спину могло бы замедлить его бег. Но поскольку он бежал, спасая жизни Валерии и всех друзей Ичирибу, то он неся по склону словно днем по ровной местности.

Колдовской свет, падающий от чудовища, несколько облегчал задачу, но все же оставалось много теней и слишком много деревьев, притаившихся в этих тенях. Дважды Конан чуть не оглушил себя, оставил клочья кожи и части одежды на коре и ветках, но, когда вывалился шатаясь, весь в крови и непрерывно ругаясь, на открытый берег, все же сохранил при себе оружие.

Он вышел на берег немного севернее того места, где собрались теперь Ичирибу. Свет факелов ясно давал понять, что они выстроились, чтобы встретить врага в образе человека.

Конан выругался еще громче, чем раньше. Копья поднялись, и головы повернулись.

— В каноэ! — заорал он. — Копьями не справиться с тем, что идет сюда. Скорее на воду, и будем надеяться, что оно не умеет плавать!

Стройная женщина с потемневшими от дыма волосами выбежала из круга:

— Конан, мы думали, оно сожрало тебя!

У киммерийца и его женщины-оруженосца было лишь несколько мгновений, чтобы обняться, после чего каждый из них повел отряд воинов для охраны отступления.

Сейганко выкрикивал приказы другим воинам, чтобы они бежали к каноэ, когда вперед вышел Добанпу. Поэтому, как Эмвайя сжимала руку отца, было ясно видно, что он собирается сделать что-то, чего она не одобряет. Заметив Конана, Добанпу позвал его рукой:

— Конан! Прикажи своей женщине-оруженосцу охранять мою неразумную дочь, пока я не сделаю свою работу.

— Свою работу? — Конан понимал, что говорит как полудурок, но в этом деле он действительно понимал не больше полудурка.

— Я не могу велеть духам прогнать Живой ветер и тем более уничтожить его. Возможно, у меня могла быть такая власть когда-то или даже сейчас, если бы я не участвовал в битве под землей. Но я могу вызвать битву духов так, что они за меня сделают работу, как слоны, топчущие вражескую деревню.

— Он должен... — визжала Эмвайя.

— Сейчас ты должна молчать, а потом стать для Ичирибу хорошим Говорящим с духами, — сказал Добанпу. — А также хорошей женой Сейганко, который этого заслуживает.

Затем Добанпу сбросил с себя головное украшение и одежду. На нем остались лишь амулет, набедренная повязка и мешочек, когда он отправился, с достоинством царей, к началу тропы.

Он достиг подножия склона несколькими мгновениями раньше чудовища. Какое-то время человек и создание магических сил, казалось, глядели друг на друга. Затем Добанпу прыгнул — легко, как мальчик-бедуи, — и высоко взмыл.

Он взмыл выше, чем это может сделать человек при помощи одних лишь мускулов, растрачивая остатки

колдовства на то, чтобы ударить привидение в грудь. Конан ожидал увидеть, что Добанпу отскочит от существа и упадет на землю, как порванная кукла, и будет раздавлен и превращен в месиво. Вместо этого, казалось, он прилип к существу, как муха, севшая на мед.

Вокруг него обвился дым... и Добанпу исчез. Какое-то мгновение Конану казалось, что он полуслепленными глазами видит темную фигуру человека внутри чудовища. Затем даже это исчезло.

А мгновение спустя то же самое произошло с самим существом. Оно исчезло с громовым ревом, который, Конан не сомневался, был слышен и в Боссонии. Волна воздуха, выброшенная чудовищем, срубила деревья под корень, перевернула каноэ и сбила с ног почти всех людей, стоявших на берегу.

Конан и Валерия врылись руками и ногами в песок так, как они вцепились бы в рею во время шквала. Зажмурив глаза, чтобы в них не попал летящий песок и гравий, они могли судить о том, что происходит, лишь по звуку, а слышен был в основном лишь вой ветра.

Наконец ветер стих. С криками, однако, того же не произошло. Конан встал на четвереньки и увидел, что Ичирибу спешно бегут от участка на берегу, покрытого расплавленным камнем. Лава текла из разлома в земле в том месте, где, как решил Конан, стояло существо в момент своего уничтожения.

Когда поток лавы достиг озера, взметнулся пар. Пар поднимался также и из джунглей, несомненно из того места, где Конан с отрядом вышел по ступеням из туннелей. Вдруг Валерия схватила Конана за руку и указала на воду.

Само озеро бурлило, водовороты возникали и мгновенно исчезали, летели брызги, билась живая рыба, и множество мертвой рыбы качалось на поверхности. Часть каноэ Ичирибу пылала, захваченная лавой, в то время как другую часть отнесло бурлящей водой от берега.

Конан мог на многое поспорить, что туннели в глубине наконец потеряли колдовскую силу и сейчас проигрывали битву против веса земли. Это покончит в подземельях с огнем и любыми дышащими воздухом существами, но как насчет водяных жителей? Погибнут ли они тоже с

исчезновением колдовской силы или останутся жить и наполнят собой Озеро смерти?

Конан закричал на одного воина, собиравшегося нырнуть в озеро и доплыть до унесенного потоком каноэ. Затем киммериец увидел, что вдоль берега шагает Сейганко и отгоняет людей от воды.

Конан отряхнул Валерию от песка, потом то же сделала и она с ним.

— Ты в крови, — сказала она. — Я думаю, там должны быть какие-нибудь мази.

— Лучше пусть идет кровь. Я предпочитаю держаться подальше от воды, пока не спросим у Эмвайи о том, что произошло.

— Если она знает.

— Ты видела ее лицо. Отец, могу поспорить, сказал ей, что он собирается сделать с... Живым ветром.

Валерия содрогнулась. Вдруг у нее в руке снова оказался меч, когда воин в головном украшении Кваньи и с татуировкой Ичирибу медленно поднялся из кустов!

— Вобеку! — сказали вместе Конан и Валерия.

Предатель держал руки на виду.

— Великие вожди, поступайте со мной как вам будет угодно, когда выслушаете меня. Я хочу передать подчиненных мне людей на милость Ичирибу и их вождей. Я могу также назвать имена тех младших вождей Кваньи, с которыми можно будет говорить о мире между двумя племенами.

Конан и Валерия переглянулись. Они знали о вражде между кланами Кваньи. Если Чабано мертв, что более всего вероятно, то Ичирибу могут использовать эту вражду и заключить мир на выгодных условиях.

— Мальчиков-бедуи убил ты или Аондо? — спросила Валерия.

— Аондо.

Конану почему-то показалось, что это правда.

— Это решат Сейганко и Эмвайя, — сказал киммериец. — Ложись на свой щит, чтобы никто не проткнул тебя копьем, пока мы не вернулись. Прикажи своим людям не попадаться на глаза. И моли богов, чтобы ты сказал правду!

Вобеку поклялся несколькими страшными клятвами, но с определенным достоинством, которое, как решил Конан, делает ему честь, затем принял позу покорности.

— Теперь нам лучше поспешить к Сейганко, а то кто-нибудь проткнет нашего будущего миротворца, — проворчал киммериец, ускоряя шаг. — А я думал, что наша работа закончена!

— Мы не можем отыскивать реку, пока озеро снова не успокоится, — напомнила Валерия. — Да и я не из тех, кто сидит без дела, когда другие работают.

— Но потом...

Она обняла его.

— Вниз по реке к Торговому берегу. У меня еще остались эти Огненные камни, а поскольку к ним не прилагается Золотая Змея, на них мы можем купить корабль.

— Себе купи корабль, — ответил Конан. Прикосновение Валерии все так же волновало его кровь, но он слишком хорошо знал и другие стороны характера пиратки. — Если мы вдвоем окажемся на одном корабле, мы перессорим весь экипаж. Да я и так хотел побыть на суше и подождать, пока бараханцы забудут имя Конана-киммерийца.

— Они, может быть, и забудут, — сказала Валерия с довольной улыбкой. — Но только не я.

СОДЕРЖАНИЕ

Леонард Карпентер
КОНАН ВЕЛИКИЙ

Перевод В. Правосудова

Глава 1. Победа	7
Глава 2. На поле брани	13
Глава 3. Возвращение домой	24
Глава 4. Прощание	37
Глава 5. Кровавый пир	45
Глава 6. Осада	63
Глава 7. Поединок королей	77
Глава 8. Тарнхолд-замок на озере	87
Глава 9. Царство иллюзий	96
Глава 10. Ночное нападение	109
Глава 11. Призрак из бездны	116
Глава 12. Дорогами завоеваний	121
Глава 13. Колыбель империи	139
Глава 14. Да здравствует могущество!	149
Глава 15. Черное причастие	159
Глава 16. Герой империи	167
Глава 17. Древний храм	178
Глава 18. Зловещий перевал	190
Глава 19. Суд богов	197
Глава 20. Тупик	217

Роланд Грин
КОНАН И ЖИВОЙ ВЕТЕР

Перевод А. Митрофанова

Пролог	223
Глава 1	227
Глава 2	241
Глава 3	258
Глава 4	273
Глава 5	290

Глава 6	309
Глава 7	326
Глава 8	335
Глава 9	345
Глава 10	357
Глава 11	374
Глава 12	389
Глава 13	399
Глава 14	407
Глава 15	416
Глава 16	425
Глава 17	434

Литературно-художественное издание

Леонард Карпентер

Роланд Грин

БЕГСТВО ОТ СМЕРТИ

Перевод с английского

Ответственный редактор

Геннадий Белов

Художественный редактор

Павел Борозинец

Технический редактор

Татьяна Тихомирова

Корректоры

Елена Омеляненко

Галина Мартыанова

Александра Еращенко

Верстка

Андрея Грибанова

ЛР № 071177 от 25.06.95.

Подписано в печать с оригинал-макета 12.02.97.

Формат 84×108¹/₃₂. Печать высокая. Гарнитура «Петербург».

Тираж 25 000 экз. Усл. печ. л. 23,52.

Изд. № 291. Заказ № 370.

Издательство «Азбука».

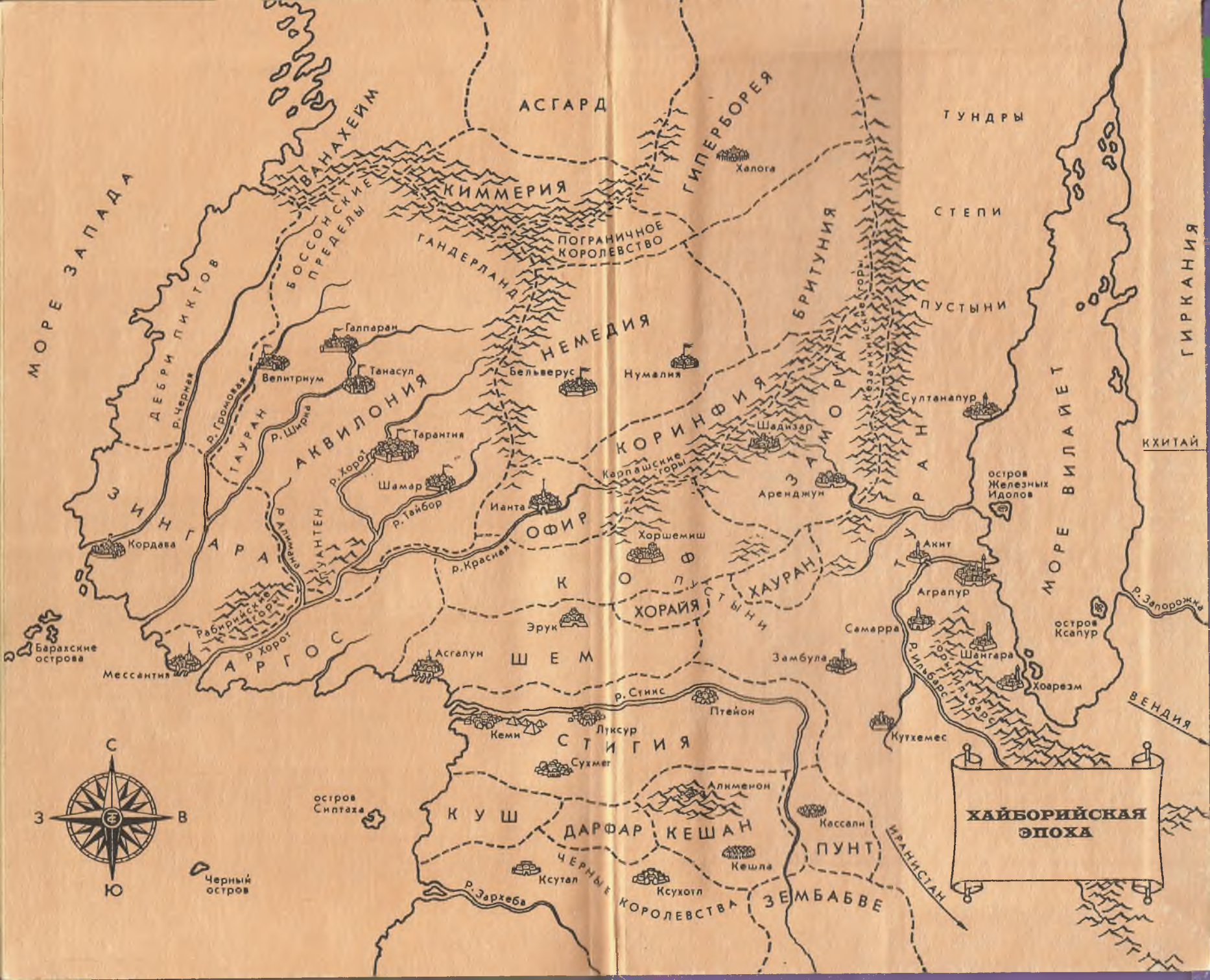
196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Отпечатано с оригинал-макета

в ГПП «Печатный Двор»

Комитета РФ по печати.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Волшебные истории поведают отважным путешественникам иероглифы, высеченные на скалах неприступных гор далекого Востока. Мудрые старцы Хайборийской эры начертали эти письмена, чтобы поведать грядущим поколениям о подвигах

ВАРВАРА ИЗ КИММЕРИИ,

о его возлюбленной — прекрасной Валерии и о Неведомых — ужасных тварях, старше самих звезд...

РОБЕРТ ГОВАРД

продолжил сагу об отважном киммерийце. Но всего двадцать одна история была создана гениальным писателем. После преждевременной смерти великого летописца его дело продолжили ученики

РОЛАНД ГРИН

И

ЛЕОНАРД КАРПЕНТЕР

